ИСТОРИЯ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

ИСТОРИЯ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Главная редакционная комиссия:

М. П. Мчедлов
(председатель),
А. Л. Андреев
(зам. председателя),
И. И. Антонович,
С. С. Волк,
Н. Ю. Колпинский,
И. М. Кривогуз,
Л. М. Минаев,
Т. И. Ойзерман,
В. Ф. Цага

Москва
Издательство политической литературы
1990

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

МАРКСИЗМ В ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ МАССОВЫХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА

(70-90-е годы XIX века)

ЧАСТЬ I

Редакционная коллегия:

С. С. Волк
(руководитель),
А. Л. Андреев,
Б. В. Богданов,
Н. Ю. Колпинский,
С. Л. Леонов,
И. С. Нарский,
В. С. Овчинников,
Е. Л. Петренко,
Р. В. Петропавловский,
Б. Г. Тартаковский

Москва
Издательство политической литературы
1990

ББК 1г
И90

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

С. С. ВОЛК, докт. ист. наук (руководитель)
А. Л. АНДРЕЕВ, докт. филос. наук
И. Л. АНДРЕЕВ, докт. филос. наук
В. С. ГОТТ, докт. филос. наук
К. Х. ДЕЛОКАРОВ, докт. филос. наук
Н. Ю. КОЛПИНСКИЙ, докт. ист. наук
В. В. КУЛИКОВ, докт. экон. наук
В. Э. КУНИНА, докт. ист. наук
С. Л. ЛЕОНОВ, канд. экон. наук
В. С. ЛИПИЦКИЙ, докт. филос. наук
А. И. МАЛЫШ, докт. экон. наук
А. Ю. МЕЛЕНТЬЕВ, канд. экон. наук
А. Г. МУРЬЯНОВ, канд. ист. наук
И. С. НАРСКИЙ, докт. филос. наук
В. С. ОВЧИННИКОВ, докт. филос. наук
А. М. ОРЕХОВ, докт. ист. наук
Е. Л. ПЕТРЕНКО, канд. филос. наук
Р. В. ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ, канд. филос. наук
А. С. ПОПОВ, канд. филос. наук
Г. И. РУЗАВИН, докт. филос. наук
А. А. СОРОКИН, канд. филос. наук
Б. Г. ТАРТАКОВСКИЙ, докт. ист. наук
Н. Е. ТИХОНОВА, канд. филос. наук
Н. Г. ФЕДОРОВСКИЙ, канд. ист. наук

НАД ОТДЕЛЬНЫМИ ГЛАВАМИ РАБОТАЛИ:

В. Н. АРШИНОВ, канд. филос. наук
А. В. КОНОВАЛОВ
В. Н. КРЮЧКОВ, канд. филос. наук
А. И. КОЗЫРЬ
З. М. ПАВЛОВА, канд. филос. наук
М. Ю. ПРОЗУМЕНЩИКОВ
В. У. РАДЖАПОВ
А. В. ТРОФИМОВ

ДЛЯ ОТДЕЛЬНЫХ ГЛАВ ПРЕДСТАВИЛИ МАТЕРИАЛЫ:

И. К. АНТОНОВА, канд. филос. наук
А. В. ИВАНОВ, канд. филос. наук
Х. Н. МОМДЖЯН, докт. филос. наук
И. З. НАЛЕТОВ, докт. филос. наук
Г. В. ПЛАТОНОВ, докт. филос. наук
Б. А. ЧАГИН, чл.-корр. АН СССР
В. Н. ШКРЕДОВ, докт. экон. наук

И $\frac{0104000000-042}{079(02)-90}$ 63—89

ISBN 5—250—01076—8 (ч. I)
ISBN 5—250—00313—3

© ПОЛИТИЗДАТ, 1990

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый читателю труд является вторым в серии книг по истории марксизма-ленинизма, подготавливаемых ИМЛ при ЦК КПСС с участием ученых из других научных учреждений страны.

В вышедшем в 1986 году первом томе серии рассматривается процесс формирования марксизма и его развитие вплоть до исторически первой попытки рабочего класса взять власть в свои руки, то есть до Парижской коммуны 1871 года. Данная книга освещает следующий период истории марксизма. Хронологически она охватывает три последних десятилетия XIX века. Изложение в ней доведено до начала революционной и научно-теоретической деятельности Ленина. Становлению и развитию ленинизма будут посвящены последующие тома данного издания.

Рассматриваемый в данном томе отрезок времени насыщен множеством чрезвычайно важных событий — социальных, политических, интеллектуальных. На эти годы приходится заключительный этап в творчестве Маркса и Энгельса. Они выступают не как теоретики-одиночки: в последней четверти XIX века выдвинулся ряд их талантливых учеников и последователей, воспринявших от основоположников эстафету развития марксистской мысли, пропаганды и защиты ее идей, применения ее к социальной практике. Среди них А. Бебель, П. Лафарг, Ф. Меринг, К. Каутский, А. Лабриола, Г. В. Плеханов, Д. Благоев и др.

Историческая эпоха, охватываемая в настоящем томе, отличается, по словам Ленина, сравнительно «мирным» характером, отсутствием революций. «Запад с буржуазными революциями покончил. Восток до них еще не дорос» [1].

Для многих стран Европы и для США это было время бурного капиталистического развития. Стремительно росли производитель-

[1] *Ленин В. И.* Исторические судьбы учения Карла Маркса // Полн. собр. соч. Т. 23. С. 2.

ные силы, укреплялись и распространялись вширь буржуазные общественные отношения, совершенствовались соответствующие им политические институты, шел процесс упрочения господства капиталистического класса. В последней трети XIX века сложился классический тип буржуазного государства (парламентская система, система буржуазных партий, разветвленный бюрократический аппарат), осуществлявшего политическое господство буржуазии. Одновременно происходили и рост рядов рабочего класса, серьезные изменения в его структуре [1]. Пролетариат становился все более многонациональным (этому способствовала и миграция рабочей силы между странами). Хотя основную его массу по-прежнему составляли неквалифицированные рабочие, удельный вес квалифицированных работников среди промышленного пролетариата неуклонно возрастал.

Первая пролетарская революция — Парижская коммуна — открыла новый этап развития рабочего движения. Количественный рост его участников, расширение географии классовой борьбы, сдвиги в сознании рабочих (стремление к политической активности, тяга к знаниям) — все это требовало новых форм организации пролетариата, усиливало потребность в самостоятельной мировоззренческой и политической ориентации. Превращение пролетариата в серьезную общественную силу выдвинуло перед ним задачу образования массовых политических партий в национальном масштабе. Создание и укрепление почти во всех капиталистических странах самостоятельных массовых рабочих партий и их международное объединение во II Интернационале — огромное достижение рабочего движения последней четверти XIX века. К началу 70-х годов рабочие партии, ставящие своей целью осуществление социалистического идеала, имелись только в одной стране — Германии. Ко второй половине 90-х годов они существовали уже в 21 стране и к началу следующего столетия насчитывали в своих рядах около 300 тысяч членов. Их влияние во многих странах стало серьезным политическим фактором.

Данный процесс направлял рабочее движение к марксизму, как к учению, способному дать пролетариату действительное политическое самосознание. Так возникала проблема соединения марксиз-

[1] Количество рабочих в 1870 году (они были сосредоточены тогда, главным образом, в 3—4 ведущих странах) составляло около 20 миллионов. К концу XIX века число рабочих превысило уже 40 миллионов; пролетариат составлял к этому времени в среднем около 30% населения Европы.

ма с **массовым** рабочим движением. При этом речь шла уже не только об усвоении и пропаганде отдельных идей Маркса и Энгельса, но и об их применении в практической деятельности пролетарских партий.

Превращаясь в идеологию массового движения, марксистское учение обретало бóльшую систематичность. При этом все возрастающую роль играла целостность марксизма как **политической теории.** Происходило, по существу, изменение форм исторического бытия марксизма, которое существенно сказалось на приоритетах его теоретических поисков: 70—90-е годы отмечены, в частности, особым вниманием марксистской мысли к проблемам власти и государства, к соотношению различных форм классовой организации пролетариата, значительной конкретизацией представлений о социализме. Это, однако, отнюдь не вело к какому-то сужению горизонтов марксистской мысли. Наоборот, круг проблем и явлений, которые она исследует в этот период, значительно расширяется, стимулируя дальнейшую разработку мировоззренческих аспектов марксизма, его методологии.

Марксистское учение в период после Парижской коммуны рассматривается в книге в его творческом развитии. Его необходимость диктовалась формированием новой исторической ситуации, не только модифицировавшей целый ряд уже изученных марксистской мыслью тенденций и закономерностей, но и поставившей перед ней новые кардинальные проблемы, с которыми она ранее не сталкивалась.

Определяющее значение для дальнейших судеб марксизма как революционной теории имело в данном случае прежде всего то обстоятельство, что развитие капитализма в последние десятилетия XIX века не было простой эволюцией. Апогей свободной конкуренции, достигнутый в 70-х годах, стал исходным пунктом усиленной концентрации производства и капитала, возникновения монополий. Все более усиливавшийся монополистический капитал превратился на рубеже XIX—XX веков в основу экономической жизни. Капитализм превращается в мировую систему, а на историческую арену выдвигается новый персонаж — финансовый капитал, «главный герой» эпохи империализма.

Вместе со старой эпохой должна была уйти со сцены и прежняя концепция революционного процесса. После Парижской коммуны марксистская мысль начинает новый виток в своем восхождении к решению кардинальных проблем всемирно-исторического

процесса освобождения человечества от эксплуатации и угнетения. К концу века этот «виток» еще не завершился, но сам процесс поиска обогащал марксистскую теорию, способствовал углублению материалистического понимания истории. Вместе с тем этот процесс шел противоречиво. Среди учеников и последователей Маркса и Энгельса возникли различные подходы к решению новых проблем, вставших перед марксистской мыслью и политическими партиями рабочего класса. Большинство из них оставались верными революционному духу марксизма, но были и такие, кто объективно связывал пути дальнейшего общественного развития с интеграцией пролетариата в существующую социальную систему и с отказом от перспективы ее революционного преобразования.

Анализ сложного процесса, закономерностей развития марксизма в последние три десятилетия XIX века и составляет главное содержание настоящего тома. Его структура подчинена в первую очередь раскрытию тех ведущих проблем и их решений, которые в рассматриваемый нами период определяли выход марксизма на новые теоретические рубежи. Освещая эти проблемы, авторы книги исходили из того, что марксизм представляет собой единое целое и развивается именно как целое. Историю марксизма, как такового, нельзя поэтому написать, просто поставив рядом историю отдельных его составных частей, историю рабочего движения, социалистических и социал-демократических партий и т. д. Вместе с тем при создании книги учитывалась и относительная самостоятельность каждой из составных частей марксизма, а также хронологическая последовательность главных трудов Маркса и Энгельса, созданных в рассматриваемый нами период. Поскольку развитие марксистской теории и практики не анонимный процесс, в книге освещаются вопросы теоретической деятельности социалистических партий, действовавших на идейной основе марксизма в различных национальных условиях, а также характеризуется историческая роль и теоретические взгляды наиболее видных мыслителей-марксистов и деятелей рабочего движения. Все это и обусловило отбор и группировку материала, представленного в данном исследовании.

Теоретическое развитие марксизма в период после 1871 года и работа над новой концепцией революционного процесса, как стремились показать авторы данного труда, стимулировались действием чрезвычайно многих социально-экономических, политических и духовных факторов, причем они по-разному сочетались

в конкретно-исторических условиях отдельных стран и регионов. Но при всем многообразии вопросов, которые стояли в ту пору перед марксистской мыслью, среди них можно выделить три основные группы ведущих, или «сквозных», проблем, с решением которых в данный период в первую очередь было связано ее развитие.

Первая группа проблем связана с объективными переменами в мире капитала. Эти изменения чрезвычайно многообразны и охватывают экономику, социально-политическую сферу и духовную жизнь.

Теоретическое осмысление империализма станет делом последующих десятилетий. Но поскольку начало перехода к империализму восходит своими корнями к рассматриваемому периоду, объективные перемены в мире капитала уже тогда попадали в поле зрения марксизма. В произведениях Энгельса последних лет жизни, в работах П. Лафарга, К. Каутского 90-х годов отмечены многие из этих новых явлений, но недостаточное развитие последних затрудняло всесторонний их анализ, интеграцию отдельных выводов о сдвигах в экономике и других областях жизни капиталистического общества того времени в целостную концепцию. Господствующими в марксистском мышлении конца XIX века оставались старые представления о путях гибели капитализма и перспективах социалистической революции, о стратегии и тактике социал-демократии. Дискуссии, прошедшие в социал-демократическом движении в 90-е годы, показали абстрактность многих положений, закрепившихся в марксистском обществоведении тех лет. Проблемы, вставшие перед марксистской теорией и практикой на рубеже XIX и XX веков, требовали качественно нового уровня освоения диалектического метода и теории марксизма, его творческого развития и применения. Решение этой сложнейшей задачи станет впоследствии одним из важных направлений в марксистской мысли.

Вторая группа проблем, существенно менявших поиск путей к социализму, связана с постепенным втягиванием в революционный процесс России. Здесь, в самой крупной европейской стране, вставшей на путь капиталистического развития, завязывался сложнейший узел противоречий — социально-экономических, политических, национальных, что выражалось в борьбе между демократическими силами и царизмом. К концу века и в России на историческую авансцену выдвигается пролетариат, чьи классо-

вые интересы были связаны уже с борьбой за социализм. Такого наслоения и переплетения разнотипных антагонизмов, связанных при обычном порядке развития с разными историческими эпохами, в ту пору не знала ни одна из мировых держав. Причинно-следственные связи в развитии мирового революционного процесса надо было теперь рассматривать в свете этого нового, «неклассического» явления. Маркс и Энгельс неизменно подчеркивали, что предстоящий революционный взрыв в России способен вызвать социалистический переворот в Европе, который в свою очередь окажет обратное воздействие на Россию, стимулируя возникновение будущей «российской Коммуны».

Все эти идеи Маркса и Энгельса с неизбежностью носили, как показывается в книге, характер прогнозов и предположений, поскольку сами объективные процессы находились еще в стадии развертывания, многое оставалось неясным, поскольку исход событий зависел от стечения множества пока не определившихся обстоятельств. Поэтому дальнейшее решение данных проблем станет делом последующих поколений. В книге раскрывается тот новый уровень подхода к решению этой проблематики, который связан с деятельностью первых марксистов в России — Плеханова и созданной им группы «Освобождение труда».

Третью группу новых проблем, решение которых стимулировало обновление марксистской теории и поиски новых путей к социализму, составляли перемены в мире труда, в самом европейском социалистическом движении. При всей огромной значимости предстоящего революционного взрыва в России Маркс и Энгельс связывали судьбы социализма в ту эпоху не с Россией, а с западноевропейским рабочим движением. Энгельс предполагал, что немецкий пролетариат сможет прийти к власти в конце XIX века. Царизм издавна выступал жандармом Европы, и его уничтожение, по мысли основоположников марксизма, создало бы благоприятные условия для развязывания борьбы за социализм в Западной Европе. Социализм, считали они, должен явиться первоначально результатом достигшего своей зрелости капитализма в западноевропейских странах.

Значительное внимание в данной книге уделено рассмотрению тех новых теоретических и политических проблем, которые встали перед марксизмом в связи с новым этапом социалистического движения в Европе; вопросам разработки марксистской теории во II Интернационале и входивших в его состав партиях.

Деятельность партий II Интернационала занимает заметное место в истории марксизма и социалистического движения. Кроме того, позиции его теоретиков не оставались неизменными. Одни и те же их идеи могли играть неодинаковую роль в различные периоды,— например, в начальный период, когда стояла задача пропаганды основ марксистской теории или когда выдвинулись задачи практической революционной борьбы с началом первой мировой войны.

II Интернационал не представлял собою организации единой и однородной в теоретическом и политическом отношении. У этой организации, отмечал Ленин, есть «историческая заслуга, есть завоевание... от которого сознательный рабочий никогда не отречется, именно: создание массовых рабочих организаций, кооперативных, профессиональных и политических, использование буржуазного парламентаризма, как и всех вообще учреждений буржуазной демократии и т. п.» [1].

Поэтому авторы руководствовались требованиями дифференцированного, конкретно-исторического подхода к роли данной организации и отдельных ее теоретиков в социалистическом движении. Первым свидетельством серьезных трудностей, возникших в европейском социалистическом движении, явилась дискуссия с Бернштейном. По сути своей она явилась первой дискуссией о новых явлениях в экономическом развитии буржуазного общества и о необходимости внесения в этой связи изменений в теорию и практику социализма. Эти изменения, по мысли Бернштейна и его сторонников, должны идти по линии отказа от революционного насилия, переориентации на парламентарный реформизм, постепенную эволюцию, на мирные средства перехода к социализму. Бернштейнианство было решительным образом отвергнуто большинством ведущих теоретиков II Интернационала, но позитивного решения возникших фундаментальных проблем достижения социализма применительно к условиям новой эпохи в то время не было найдено. Поэтому к этой дискуссии восходят истоки последующего раскола мирового социалистического и рабочего движения на революционное и реформистское направления.

Отмечая, что в рассматриваемый в настоящем томе отрезок времени разработка марксистской теории становится коллектив-

[1] См.: *Ленин В. И.* О задачах III Интернационала // Полн. собр. соч. Т. 39. С. 101.

ным процессом, в котором принимает участие целый ряд мыслителей марксистов и видных деятелей рабочего движения, необходимо подчеркнуть, что решающую роль в творческом развитии марксизма, происходившем в 70—90-е годы прошлого столетия, сыграли сами его основоположники. Именно поэтому анализ их трудов находится в центре предлагаемой читателю книги.

Теоретическая деятельность Маркса и Энгельса в эти годы особенно многогранна и плодотворна. Объектом их исследования в этот период стал весь ход всемирной истории, начиная с первобытного строя, происхождения частной собственности и государства до судеб социализма и коммунизма; Маркс и Энгельс анализируют социально-экономическое развитие, а также внешнюю и внутреннюю политику ведущих мировых держав; их анализ раскрывает социальные последствия резкого усиления милитаризма, и они пытаются предвидеть развитие революционных процессов в связи с грядущими войнами небывалого ранее мирового масштаба. Трудно назвать такое направление в естественных и общественных науках 70—90-х годов XIX века, которое не было бы затронуто в трудах Маркса и Энгельса. Проблемы космогонии и происхождения жизни на Земле, антропосоциогенез, исследование раннего христианства, закономерности становления докапиталистических формаций, возникновение новых явлений в экономике капитализма — вот далеко не полный перечень конкретных научных вопросов, в решение которых внесли свой вклад основоположники марксизма.

В результате этого все составные части марксизма — его философия, экономическое учение, социально-политическая теория — в рассматриваемый период существенно обогатились. В 70—90-е годы написаны такие классические произведения, как «Критика Готской программы» Маркса, «Анти-Дюринг», «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» Энгельса и др.

Учитывая творческий потенциал материалистической диалектики как основы научного мышления, понимания духовной жизни, Энгельс в 70—90-е годы активно работает над ее обоснованием. В своих трудах он показывал чрезвычайную важность овладения диалектическим методом, подчеркивал, что без материалистической диалектики не было бы ни материалистического понимания истории, ни политэкономии Маркса, ни научного социализма.

Особо необходимо сказать еще об одной важной стороне теоретической деятельности Энгельса — о его работе как историка марксизма. Во многих своих трудах, в предисловиях к переизданиям работ, в переписке он вновь и вновь обращается к анализу развития своих и Маркса воззрений, высказывается об отношении к предшественникам и современникам.

В связи с возрастающим интересом к теории и истории марксизма Энгельс делает специальной областью своих занятий публикацию оставшихся еще не изданными трудов Маркса — таких, например, как «Тезисы о Фейербахе», «Критика Готской программы» и др. Вершиной этой его деятельности и подлинным научным подвигом явилась подготовка к изданию II и III томов «Капитала» (1885, 1894). С предисловиями, а в ряде случаев с коррективами Энгельса, издаются в этот период такие известные Марксовы произведения, как «Наемный труд и капитал», «Нищета философии», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Гражданская война во Франции» и др.

Большое значение для осмысления революционной сути марксизма имело Введение Энгельса к работе Маркса «Классовая борьба во Франции» (1895), где он излагал свое понимание путей победы социализма в Европе в связи с изменениями в общественном развитии. Эта работа получила позднее название политического завещания Энгельса. В связи с непрекращавшимися в России дискуссиями вокруг идей Маркса по проблемам социально-экономического развития страны исключительно большое значение для марксистов в России имело послесловие Ф. Энгельса (1894) к работе «О социальном вопросе в России», где он комментировал взгляды Маркса на общину, на возможности некапиталистического ее развития и др. В этом же ряду обобщающих итоговых работ стоит знаменитая статья Ф. Энгельса «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» (1894), где он высказывает свои взгляды по аграрному вопросу, в котором для марксистов оставалось в то время много неясного.

В связи со стремлением марксизма критически проанализировать собственную историю и через нее осмыслить свои основополагающие теоретические принципы, необходимо особо сказать о письмах Ф. Энгельса 90-х годов, в которых рассматриваются коренные вопросы материалистического понимания истории (так называемые письма об историческом материализме). В них даны принципиально важные положения, касающиеся истории развития

социальной философии марксизма, что имело большое значение в связи с распространением вульгарно-социологических трактовок учения Маркса в духе экономического материализма. Энгельс с особой силой подчеркивал в своих письмах возросшую роль субъективного фактора, роль сознательной и целенаправленной человеческой деятельности в историческом процессе. Акценты на данной стороне марксистской теории и истории марксизма становились особенно актуальными, поскольку некоторыми учениками и последователями Маркса недооценивалось его учение о человеке как творце и созидателе своей собственной истории.

Работы Маркса и Энгельса рассматриваемого в томе периода обладают богатым идейным содержанием для уяснения смысла социалистических преобразований. Построение социализма как общества свободы состоит, согласно мысли Маркса и Энгельса, в том, чтобы общественное развитие, результаты материальной и духовной деятельности человечества ставились бы на службу развитию самого человека.

Идеи Маркса и Энгельса о социализме как обществе, где преодолеваются угнетение и отчуждение, приобретают свою особую актуальность и особое значение в условиях современной перестройки, обновления социализма, демократизации общественной жизни. Поэтому обращение к истории марксистской мысли — не простой рассказ о прошлом, а одно из важнейших средств постановки и решения актуальных проблем современности.

Таким образом, как стремились показать авторы предлагаемого читателю труда, в рассматриваемый период чрезвычайно плодотворно разрабатывались все стороны марксизма в их органической связи между собой. Эта органическая связь в методологическом плане обеспечивалась материалистической диалектикой, а в социально-политическом плане — решением главной проблемы эпохи — борьбой за освобождение рабочего класса, за социализм.

В ходе работы над данным томом его авторам приходилось решать достаточно сложные задачи, поскольку многие проблемы в истории марксистской мысли остаются дискуссионными, а другие малоисследованными. Это касается, в частности, взглядов основоположников марксизма на диалектику общечеловеческого и классового, альтернативность путей истории, основные черты будущего общества, соотношение реформы и революции в общественном прогрессе и ряд других. Еще недостаточно разработана

тема взаимодействия марксизма с различными направлениями теоретической мысли, прямого и косвенного (несознаваемого) влияния идей научного социализма на мир науки, литературы, искусства.

Говоря об истории марксизма в этот период, нельзя обойти малоизученные проблемы возникновения в рабочих партиях марксистской ортодоксии, догматизма и сектантской нетерпимости, с одной стороны, и различного вида сползания то на полуанархические, то на оппортунистические позиции — с другой.

Не претендуя на окончательное решение этих многообразных проблем, авторский коллектив стремился показать реальную диалектику теории и практики марксизма, их взаимовлияние и взаимообогащение в контексте конкретно-исторической ситуации, сложившейся в социалистическом движении и в общественном развитии в 70—90-е годы XIX века. Идеи Маркса и Энгельса, высказанные в эти годы, взгляды их учеников, соратников и последователей рассматриваются в томе прежде всего как ответы (несомненно, различающиеся по теоретическому уровню) на вопросы, выдвинутые объективным историческим процессом.

Объективная оценка теоретических достижений марксистской мысли в 70—90-е годы XIX века невозможна без изменения способа изложения истории марксизма, без понимания его как органического элемента истории мировой общественной мысли, истории социализма. Большую часть пути в этом направлении во многом еще предстоит пройти.

Обращаясь к истории марксизма, необходимо ясно понимать, что тот исторический опыт, на котором основывались Маркс и Энгельс, существенно отличается от исторического опыта нашего времени. Было бы поэтому непростительным догматизмом механически переносить в современность те идеи социального развития, которые разрабатывались марксизмом в XIX веке, хотя ведущие тенденции тогдашнего социального развития они определили во многом верно.

Значение идейно-теоретического наследия Маркса и Энгельса не в его доктринальной непогрешимости, а в непреходящей ценности открытого ими метода познания и революционного преобразования действительности, творческое применение которого позволяет дать научные ответы на кардинальные проблемы нашей современности.

Авторы и редакционная коллегия выражают благодарность

за помощь и ценные советы чл.-корр. АН СССР Н. И. Лапину, доктору филос. наук Г. А. Багатурия, доктору экон. наук В. С. Выгодскому, а также профессорам Б. Н. Бессонову, М. Н. Грецкому, А. Г. Здравомыслову, Б. С. Итенбергу, В. А. Малинину, С. Ф. Одуеву, Н. Е. Овчаренко, А. Ф. Смирнову, Р. В. Филиппову, А. А. Чернобаеву.

Авторский коллектив благодарит за ценные замечания, высказанные при обсуждении рукописи, немецких коллег — профессоров К. Киннера, Э. Кунделя и Р. Меркель, доктора филос. наук Д. Краузе, доцента Ф. Финка.

Глава первая

МАРКСИЗМ И ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РАБОЧИХ ПАРТИЙ В 70—80-х ГОДАХ XIX ВЕКА

1. ОРГАНИЗУЮЩАЯ РОЛЬ МАРКСИЗМА В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ

Анализ революционных событий в Париже в марте — апреле 1871 года, обобщение накопленного к этому времени опыта классовой борьбы международного пролетариата привели Маркса к выводу о том, что в поступательном ходе рабочего движения обозначился коренной поворот. «Борьба рабочего класса с классом капиталистов и его государством,— писал он,— вступила благодаря Парижской Коммуне в новую фазу» [1].

На основе осмысления опыта Коммуны Маркс сделал принципиально важный в теоретическом и практически политическом отношении вывод о необходимости создания самостоятельной партии пролетариата — организатора и руководителя его борьбы в каждой отдельной стране. Марксова постановка вопроса о значении пролетарской партии для нового этапа рабочего движения получила отражение в программном решении Лондонской конференции Интернационала (сентябрь 1871 г.) и Гаагского конгресса 1872 года.

«В своей борьбе против объединенной власти имущих классов,— записано в этом постановлении,— рабочий класс может действовать как класс, только организовавшись в особую политическую партию, противостоящую всем старым партиям, созданным имущими классами.

Эта организация рабочего класса в политическую партию необходима для того, чтобы обеспечить победу социальной революции и достижение ее конечной цели — уничтожение классов.

...Так как магнаты земли и капитала всегда пользуются своими политическими привилегиями для защиты и увековечения своих

[1] Маркс — Людвигу Кугельману, 17 апреля 1871 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 33. С. 175.

экономических монополий и для порабощения труда, завоевание политической власти стало великой обязанностью пролетариата» [1].

Решение Гаагского конгресса о задачах рабочей партии, ее месте в освободительной борьбе пролетариата отражало глубокие сдвиги в сознании передовой части рабочего класса. Оно определяло задачи не только текущего, но и будущего времени, указывало генеральное направление пролетарского движения в целом. Принятие Интернационалом марксистского положения о партии оказало значительное влияние на дальнейшее развитие рабочего движения XIX века.

В новый период своей борьбы рабочий класс вступал, располагая разработанной в Интернационале теоретической программой, идейной основой которой являлось учение Маркса и Энгельса [2].

Маркс и Энгельс выдвинули задачу создания пролетарской партии именно на том этапе, когда в самом рабочем движении уже наметились явные предпосылки для ее решения. В 1869 году в Германии возникла Социал-демократическая рабочая партия (эйзенахцев), еще ранее, в 1863 году,— Всеобщий германский рабочий союз. В конце 60-х годов рабочие Австрии, Франции, Венгрии, Швейцарии делали первые попытки организации своих политических партий [3]. Революционный инстинкт двигал массы к высшим формам классовой организации, несмотря на все препятствия объективного и субъективного характера.

Вместе с тем основоположники марксизма отчетливо осознавали, что требование создания революционной партии рабочего класса, опирающейся на идеи научного социализма, для большинства стран еще опережает практические возможности реального осуществления этой задачи. Предстояла огромная повседневная работа по вовлечению рабочих в самостоятельное политическое движение, приобщению их к различным формам борьбы, систематическая пропаганда идей научного социализма. Было очевидно и то, что характер молодых социалистических партий неизбежно отразит реальный уровень сознания передовой части пролетариата данной страны, те специфические условия, в которых он живет и борется. И свою важнейшую задачу Маркс и Энгельс видели в оказании повседневной помощи борющимся рабочим, содействии им в осмыслении того, что уже созревало в их сознании.

Первые же годы после Парижской коммуны подтвердили жизненность марксистской стратегической линии, хотя в зависимости

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Резолюции общего конгресса, состоявшегося в Гааге 2—7 сентября 1872 года // Соч. Т. 18. С. 143.

[2] См. также: Account of an Interview with Karl Marx, 18.XII 1878 // Marx — Engels. Gesamtausgabe. 1 Abt. Bd. 25. S. 429—437 (далее: MEGA).

[3] См.: Парижская Коммуна и марксизм. М., 1973. Гл. 4, 5.

от уровня экономического и политического развития, состояния рабочего движения она практически осуществлялась различными темпами и в различные сроки. В тех странах, где капитализм находился уже на относительно высокой ступени развития, ее реализация в той или иной степени началась уже в 70-е годы. В других, более отсталых странах этот процесс растянулся на два последующих десятилетия. В конце 70-х годов Маркс, с удовлетворением отмечая возникновение в отдельных странах пролетарских партий, подчеркнул особую важность того, что они создавались самими рабочими [1]. Их организаторами и руководителями, как правило, были соратники Маркса и Энгельса по Интернационалу, их ученики и единомышленники.

Вместе с ростом рабочего и социалистического движения расширялись масштабы теоретической и практической деятельности Маркса и Энгельса, которые выступали как представители не какой-то одной национальной партии, а всего *«международного* социализма» [2]. После прекращения деятельности Интернационала, писал Энгельс, участие Маркса в рабочем движении «не стало менее деятельным. Он вел переписку почти со всеми его руководителями в различных странах, которые в важных случаях обращались к нему лично, когда только было возможно, за советом; он все больше и больше становился общепризнанным... советчиком борющегося пролетариата» [3]. Эти слова в равной степени относились и к самому Энгельсу.

Маркс и Энгельс помогали партийным руководителям пропагандировать свое учение, регулярно публикуя в социалистической и демократической печати свои произведения и статьи. Создание каждой новой рабочей газеты Маркс и Энгельс рассматривали как завоевание важной позиции для распространения идей научного социализма, для сплочения ядра передовой части рабочего движения, как своего рода организующий центр будущей партии. Из года в год росло число социалистических органов печати, в сферу идейного влияния марксизма попадали новые города и регионы. Публикуемые в этих газетах работы Маркса и Энгельса, их последователей, как правило, содержали острую полемику с буржуазными социалистами, реформистами и анархистами, с представителями различных течений мелкобуржуазного социализма. Общее содержание их было направлено на то, чтобы помочь активным участникам движения осмыслить коренное отличие научного социализма от других социалистических течений, раскрыть его революционное содержание, в наибольшей степени отвечающее

---

[1] См.: *Маркс К.* История Международного Товарищества Рабочих, сочиненная господином Джорджем Хауэллом // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 156.

[2] См.: Энгельс — Эдуарду Бернштейну, 27, 28 февраля, 1 марта 1883 г. // Там же. Т. 35. С. 372.

[3] *Энгельс Ф.* Маркс, Генрих Карл // Там же. Т. 22. С. 356.

коренным интересам рабочего класса. В процессе этой полемики разрабатывались важнейшие положения марксистского учения [1].

Особое внимание Маркс и Энгельс уделяли практическому осуществлению идей пролетарского интернационализма. В своих статьях и письмах они рассказывали о позитивном и негативном опыте борьбы различных национальных отрядов пролетариата, помогали партиям устанавливать международные связи, налаживать обмен газетами. Это способствовало осознанию общих интересов пролетариев всех стран, укреплению единства международного рабочего движения.

Изучая процесс становления пролетарских партий, Маркс и Энгельс видели, что немало вступавших в них представителей непролетарских слоев населения, да и рабочие тоже во многих вопросах находятся под идейным влиянием других социалистических течений, в частности мелкобуржуазного социализма. Это отражалось и на характере программных документов. Преодоление влияний буржуазной и мелкобуржуазной идеологии, реформизма и анархизма они считали неотложной задачей своих последователей. А для этого было необходимо знание основных положений теории научного социализма. На этом пути перед социалистами стояли объективные трудности. Многие произведения основоположников научного социализма были малодоступны, часто отсутствовали их переводы; во многих странах их приходилось распространять и изучать нелегально, ряд важных теоретических вопросов еще не был в достаточной степени разработан Марксом и Энгельсом. Ведь даже активная часть социалистов еще не представляла себе в полной мере теоретическое богатство их учения. Нужна была повседневная пропаганда идей марксизма, их популяризация, с тем чтобы они стали достоянием широких масс.

Не было и четкой организации самих рабочих партий. Ближе всех к структуре, основывающейся на сочетании демократизма и централизма, подошли германские социалисты. Некоторые партии, объединявшие политические, профессиональные и просветительные общества рабочих, являлись фактически аморфным соединением этих составных частей, каждая из которых располагала, по существу, полной организационной автономией.

Тем не менее с начала 70-х годов уже шел и набирал силу процесс политического и организационного сплочения рабочего класса. В программных документах социалистических партий, несмотря на имевшиеся в них ошибочные и путаные формулировки, неясные толкования, отражавшие еще не преодоленное влияние домарксового социализма и разных форм реформизма, содержалось признание исторической необходимости освобождения рабочего класса. В программах отмечалось, что освобождение рабочего класса есть дело самих рабочих. В некоторые из них

---

[1] Конкретный анализ работ Маркса и Энгельса, относящихся к этому времени, дан в соответствующих главах настоящего тома.

тогда включалось также требование завоевания пролетариатом политической власти. Признавалась необходимость политической борьбы рабочих, в том числе борьбы за их демократические права, за введение всеобщего избирательного права, свободы печати, слова, собраний, коалиций и др.; указывалось на общность классовых интересов пролетариев всех стран, на интернациональные обязанности самих партий. Провозглашалась необходимость уничтожения господства буржуазии и установления социалистического строя, основанного на общественной собственности на средства производства.

Маркс и Энгельс не раз советовали своим последователям добиваться того, чтобы программы носили ясно выраженный классовый характер, открыто противопоставляющий пролетарскую партию политическим партиям правящего класса. Но к программным документам рабочих партий разных стран они предъявляли разные требования. В Германии, где идейный уровень социалистического движения был уже достаточно высок, или во Франции, с ее богатыми революционными традициями, по мнению основоположников марксизма, партийные программы должны содержать кратко и точно сформулированные важнейшие теоретические положения научного социализма. Для таких же государств, как, например, Англия и США, где одним из основных препятствий образования массовых политических рабочих партий являлся отрыв социалистов от масс, а также влияние на рабочий класс буржуазной идеологии и реформизма, они считали правомерным создание сначала партии «с временной программой, хотя бы и несовершенной, лишь бы только действительно программой рабочего класса...» [1].

Программы социалистических партий разных государств имеют свою специфику, отмечал Маркс в 1879 году, они отражают особые трудности в каждой стране; в то же время имеется сходство этих программ, которое заключается в общности их конечной цели — освобождении труда [2].

2. РОЛЬ МАРКСИЗМА В СТАНОВЛЕНИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В ГЕРМАНИИ И ФРАНЦИИ

Маркс, Энгельс и германская социал-демократия в первой половине 70-х годов

Особое внимание Маркс и Энгельс уделяли социалистическому движению в Германии. Действовавшая под руководством А. Бебеля и В. Либкнехта Социал-демократическая рабочая партия (эйзенахцы) уже представляла определенную политическую силу, ее опыт и достигнутые результаты послужили важным стимулом для разви-

[1] См.: *Энгельс Ф.* Рабочее движение в Америке // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 352.

[2] См.: Запись беседы К. Маркса с корреспондентом газеты «Chicago Tribune» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 45. С. 471.

тия социалистического движения в Европе в целом. Подлинно интернационалистская позиция партии во время франко-прусской войны и Парижской коммуны, а также ее успехи, достигнутые на выборах в рейхстаг в 1870 и 1874 годах, позволили Марксу и Энгельсу сделать вывод о перенесении центра тяжести европейского рабочего движения из Франции в Германию, о том, что немецкий пролетариат стоит теперь во главе европейского рабочего движения [1].

В начале 70-х годов перед социалистической партией стояла основная задача превращения в подлинно массовую партию, обеспечивающую единство рабочего движения страны. Наличие еще одной организации — лассальянского Всеобщего германского рабочего союза [2] ослабляло и распыляло силы борющегося пролетариата. И хотя основное расхождение между эйзенахцами и лассальянцами — вопрос о путях объединения Германии — отпало с возникновением в 1871 году Германской империи, оба эти направления в рабочем движении по-прежнему отличались различным пониманием задач и средств классовой борьбы пролетариата, ее тактики, целей пролетарской партии.

В то же время совместные выступления рабочих, идущих за этими организациями, против аннексионистской политики Бисмарка, их участие в движении солидарности с Парижской коммуной свидетельствовали о том, что в массах существует реальная тяга к единству, что объединение СДРП и ВГРС стало настоятельной задачей, выдвинутой самим ходом пролетарского движения. Вопрос заключался в том, какими средствами добиться единства движения и на основе какой программы.

Маркс и Энгельс полагали, что часть эйзенахского руководства, опасаясь отдать инициативу объединения лидерам лассальянцев, готова ради достижения единства пойти на программные уступки. На это Энгельс указал Бебелю летом 1873 года. В подробном письме он изложил свои и Маркса взгляды по вопросу о тактике революционной партии, борющейся за преодоление раскола в рабочем движении. «По нашему же мнению, подтвержденному многолетним опытом,— писал он,— правильная тактика в пропаганде состоит не в том, чтобы то тут, то там сманивать у противника отдельных лиц и отдельные группы членов организации, а в том, чтобы воздействовать на широкие, еще не вовлеченные в организацию массы» [3]. Энгельс опасался, что, поскольку и в самой Эйзенахской партии еще не преодолены чуждые научному социализму влияния, объединение с лассальянцами может

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Письмо комитету Социал-демократической рабочей партии // Там же. Т. 17. С. 273; Энгельс — Вильгельму Либкнехту, 27 января 1874 г. // Там же. Т. 33. С. 516.

[2] См.: История марксизма-ленинизма. М., 1986. Т. 1. С. 580—582.

[3] Энгельс — Августу Бебелю, 20 июня 1873 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 33. С. 494.

отрицательно сказаться на идейной атмосфере в будущей единой партии и помешать привлечению в ее ряды новых отрядов рабочего класса. Он советовал не торопиться с объединением, ибо «бывают обстоятельства, когда надо иметь мужество пожертвовать *немедленным* успехом ради более важных вещей» [1].

Ссылаясь на борьбу в Интернационале против бакунистов, которая привела к выходу из Международного товарищества рабочих тех бакунистских секций, которые отказались признать программные решения Гаагского конгресса, Энгельс обратил внимание на возможность, а в ряде случаев и необходимость раскола, сформулировав при этом очень важную мысль: «Движение пролетариата неизбежно проходит через различные ступени развития; на каждой ступени застревает часть людей, которая дальше не идет» [2].

Преодоление влияния мелкобуржуазного социализма было возможно только на основе повседневной систематической пропаганды идей пролетарского социализма и разъяснения его сущности. Сохранение этого влияния в германском рабочем движении во многом объяснялось тем, что значительная часть членов партии не была знакома в должной мере с марксистской литературой, не понимала кардинального отличия учения Маркса и Энгельса от лассальянства и прудонизма [3]. Это вызвало необходимость выступления Энгельса в 1872—1873 годах в центральном органе партии газете «Der Volksstaat» с серией статей, объединенных общим названием «К жилищному вопросу» [4].

Энгельс констатировал, что проповедуемые некоторыми авторами в социалистической печати мелкобуржуазные взгляды означают «огромный шаг назад по отношению ко всему ходу развития немецкого социализма» [5]. И через всю работу красной нитью проходит противопоставление научного социализма мелкобуржуазному, обоснование важнейших положений марксизма о революционном преобразовании общества, о завоевании политической власти рабочим классом как важнейшей задаче социал-демократической партии [6].

Регулярная публикация произведений и статей Маркса и Энгельса в центральном органе эйзенахцев «Der Volksstaat» стала важным фактором борьбы с влиянием реформизма и мелко-

---

[1] Энгельс — Августу Бебелю, 20 июня 1873 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 33. С. 494—495.

[2] Там же. С. 496.

[3] Характеристику этих социалистических течений см.: История марксизма-ленинизма. М., 1986. С. 577—583.

[4] Статьи Энгельса «К жилищному вопросу» печатались в «Der Volksstaat» с июня 1872 по февраль 1873 года. Одновременно они издавались в Лейпциге в виде трех отдельных выпусков. Теоретический анализ этого произведения в целом см. в главе 2.

[5] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 18. С. 207.

[6] См. там же. С. 263.

буржуазного социализма, способствовала распространению их учения не только в самой Германии, но и в тех странах — Австрии, немецкой части Швейцарии, Венгрии, куда поступала газета.

Маркс и Энгельс регулярно знакомили немецких социалистов как с положительным опытом, так и с ошибками рабочего движения других стран. Так, в статьях «Бакунисты за работой» [1], анализируя причины неудачи летом 1873 года кантональных восстаний в Испании, в которые анархисты втянули рабочих, Энгельс излагал свое понимание тактики пролетариата в буржуазно-демократической революции.

В другой статье «Английские выборы» Энгельс, выясняя причины поражения рабочих кандидатов на парламентских выборах 1874 года, обратил внимание на главное обстоятельство — отсутствие самостоятельной пролетарской партии, обладающей собственной программой, и еще раз подчеркнул ее значение для политической борьбы рабочего класса.

Большое место в деятельности руководителей Эйзенахской партии занимала пропаганда I тома «Капитала». На страницах «Der Volksstaat» систематически публиковались статьи, разъяснявшие основные положения этого труда. Интерес к главному произведению Маркса среди участников движения был велик: к концу 1871 года первое издание было почти целиком распродано. В следующем году вышло второе издание, причем значительно большим тиражом. В послесловии к нему Маркс с удовлетворением писал: «Понимание, которое быстро встретил «Капитал» в широких кругах немецкого рабочего класса, есть лучшая награда за мой труд» [2]. Это не исключало, а, напротив, даже вызывало необходимость в популярных изложениях, доступных пониманию менее подготовленных участников движения.

Первой попыткой такого рода была брошюра Иоганна Моста «Капитал и труд. Популярное изложение «Капитала»», опубликованная в 1873 году. И хотя брошюра содержала много неточностей и ошибочных суждений, она пользовалась большим спросом. Поэтому Маркс согласился отредактировать ее второе издание, в котором устранил наиболее существенные погрешности, а некоторые разделы целиком написал заново [3]. Важнейшие идеи «Капитала» пропагандировались также в брошюрах, посвященных отдельным проблемам пролетарской политической экономии [4].

---

[1] Историю создания этих статей и подробный анализ их содержания см. в главе 2.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 13.

[3] *Most J.* Kapital und Arbeit. Ein populärer Auszug aus «Das Kapital» von Karl Marx. Zweite verbesserte Auflage. Chemnitz, 1876. См. также: Изменения и дополнения К. Маркса во втором издании брошюры И. Моста «Капитал и труд» // Вопросы истории КПСС. 1968. № 2. С. 67—80; Маркс — Фридриху Адольфу Зорге, 14 июня 1876 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34. С. 145.

[4] См., например: *Bracke W.* Der Lassalische Vorschlag. Braunschweig, 1873; *Liebknecht W.* Die Grund-und Bodenfrage. Leipzig, 1874; и др. Подробнее см.: *Dlubek R., Skambraks H.* «Das Kapital» von Karl Marx in der deutschen Arbeiterbewegung (1867—1878). Berlin, 1967.

В 1877 году Энгельс по просьбе Бракке [1] опубликовал в социал-демократическом ежегоднике «Volks-Kalender» очерк жизни и деятельности Маркса, в котором выдвинул положение о двух великих его открытиях — материалистическом понимании истории и раскрытии сущности эксплуатации рабочего класса капиталом, выражающейся в присвоении капиталистом прибавочной стоимости. «На этих двух важных основаниях,— писал он,— зиждется современный научный социализм» [2].

Теоретический уровень германской социал-демократии Энгельс считал в это время наиболее высоким во всем международном социалистическом движении. В «Добавлении к предисловию 1870 г. к «Крестьянской войне в Германии»» (1874) он ставил ей в заслугу прежде всего то, что она ведет борьбу «планомерно во всех трех ее направлениях, согласованных и связанных между собой: в теоретическом, политическом и практически-экономическом (сопротивление капиталистам)» [3]. В этом обстоятельстве он видел один из важнейших факторов, выдвинувших немецкое рабочее движение на передний край борьбы европейского пролетариата. Именно в силу этой роли германской партии он советовал ее руководителям уделять больше внимания теоретическим вопросам, чтобы окончательно освободиться от влияния домарксовых социалистических учений. «Социализм,— писал он,— с тех пор как он стал наукой, требует, чтобы с ним обращались как с наукой, то есть чтобы его изучали» [4]. Предостерегая социал-демократов от увлечения своими избирательными успехами, он напоминал, что они еще далеки от завоевания большинства рабочего класса, не говоря уже о сельском населении. Он призывал их сохранять истинно интернационалистский дух и приветствовать «всякий новый шаг в пролетарском движении, от какой бы нации он ни исходил» [5].

Эту работу Энгельса Ленин оценил как напутствие практически и политически окрепшему немецкому рабочему движению [6].

Критика Марксом и Энгельсом проекта программы объединенной Социалистической рабочей партии Германии

Процесс сближения Социал-демократической рабочей партии и Всеобщего германского рабочего союза продолжался. Участились совместные выступления эйзенахцев и лассальянцев против реакционных действий правительства Бисмарка, низовые организации принимали решения об ускорении объединения и т. д. В июле 1874 года съезд СДРП

---

[1] *Bracke W.* an Engels. 13.IV 1877 // Marx K., Engels F. Briefwechsel mit Wilhelm Bracke (1869—1880). Berlin, 1963. S. 120.

[2] *Энгельс Ф.* Карл Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 115.

[3] См. там же. Т. 18. С. 499.

[4] Там же.

[5] Там же. С. 500.

[6] См.: *Ленин В. И.* Что делать? // Полн. собр. соч. Т. 6. С. 25.

в Кобурге принял решение о принципиальной готовности к объединению, затем в феврале 1875 года была создана паритетная комиссия для подготовки проекта программы, который был опубликован в печатных органах обеих партий 7 марта.

Ознакомившись с проектом, Маркс и Энгельс сочли его неудовлетворительным. В письме к Бебелю Энгельс отметил следующие его недостатки: утверждение, что по отношению к рабочему классу все остальные классы составляют единую реакционную массу; отсутствие принципа интернациональности рабочего движения; тезис о «железном законе заработной платы»; требование государственной помощи производственным товариществам как главного средства решения социального вопроса и др. [1] Эти же недостатки проекта стали предметом обстоятельной критики Маркса в его «Замечаниях к программе Германской рабочей партии», получивших впоследствии название «Критика Готской программы» [2].

Состоявшийся в мае 1875 года съезд в Готе (на нем присутствовали 127 делегатов от 252 партийных организаций) принял решение об объединении Социал-демократической рабочей партии (эйзенахцев) и лассальянского Всеобщего германского рабочего союза в единую Социалистическую рабочую партию Германии и утвердил в качестве программы опубликованный ранее проект. Замечания Маркса и Энгельса были учтены далеко не полностью: добавлялись пункты об интернациональном характере рабочего движения и о готовности социалистической партии выполнять свои международные обязанности, а также тезис о значении профессиональных союзов.

И все же Маркс и Энгельс отказались от публичного выступления с критикой Готской программы. В этом проявился их диалектический подход к оценке любого явления в рабочем движении, умение определить объективные результаты тех или иных действий. Они увидели, что, несмотря на теоретические ошибки, Готская программа в целом отражает достигнутый тогда рабочим движением уровень, и потому не только германские рабочие-социалисты, но и социалисты других стран рассматривают ее как выражение их интересов и целей.

«...Программе повезло больше, чем она того заслуживает,— писал Энгельс Бракке.— Рабочие, буржуа и мелкие буржуа вычитали из нее то, что в ней должно было быть, но чего в ней нет... Это дало нам возможность промолчать об этой программе» [3]. Эту же мысль он изложил и Бебелю: «Пока наши противники,

---

[1] См.: Энгельс — Августу Бебелю, 18—28 марта 1875 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34. С. 99—106.

[2] Общий анализ «Критики Готской программы» Маркса см. в главе 2 настоящего тома.

[3] Энгельс — Вильгельму Бракке, 11 октября 1875 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34. С. 125.

а равно и рабочие, вкладывают в эту программу наши взгляды, мы имеем право о ней молчать» [1].

В целом сам факт объединения партии Маркс и Энгельс рассматривали как «крупный успех» германского рабочего движения [2].

Действительно, на выборах в рейхстаг в 1877 году за кандидатов социалистов было подано около полумиллиона голосов — на 200 тысяч больше, чем в 1874 году. Росла и сама партия: за истекшие после Готского съезда два года в нее вступило около 6,5 тысячи человек. «Какие бы ошибки ни совершали отдельные вожди,— а ошибки эти и многочисленны и разнообразны,— массы двигались вперед решительно, непоколебимо и в правильном направлении» [3],— констатировал Энгельс.

Поворот французских рабочих к научному социализму

Парижская коммуна открыла марксизму путь в рабочее движение Франции. Она была, по словам Энгельса, «могилой *старого,* специфически французского социализма, но в то же время и колыбелью нового для Франции международного коммунизма» [4]. Но поворот к научному социализму был длительным и очень непростым процессом.

Приобщение активных участников французского рабочего движения к идеям научного социализма затруднялось тем, что на протяжении долгих лет оно находилось под непосредственным влиянием идей прудонизма, а его наиболее революционные элементы разделяли идеи Бланки.

Препятствовало пропаганде революционных идей и реакционное законодательство, запрещающее любую политическую деятельность рабочих. После поражения Коммуны пролетариат был лишен свободы собраний, печати, демонстраций. Передовой отряд французского рабочего класса — пролетарии Парижа — в результате кровавой расправы потерял лучших борцов.

Маркс и Энгельс добивались установления прямых контактов с представителями рабочего класса Франции. В Лондоне они поддерживали связи с наиболее революционными элементами парижских коммунаров-эмигрантов. Некоторые из них, например Э. Вайян, впоследствии сыграли большую роль в рабочем движении страны. Бланкисты под влиянием опыта классовой борьбы, обще-

---

[1] Энгельс — Августу Бебелю, 12 октября 1875 г. // Там же. С. 128.— Можно с полным основанием предположить, что Энгельс сам помогал социалистам других стран увидеть в Готской программе то, «чего в ней нет». В июне 1875 года он перевел ее текст на испанский язык для приехавшего в Лондон испанского социалиста Меса и, по всей вероятности, соответствующим образом прокомментировал текст, поскольку в принятой в 1879 году программе Испанской социалистической рабочей партии отсутствовали лассальянские положения (см.: Меса — Энгельсу, 4 июля 1875 г. // ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 3544).

[2] См.: Энгельс — Августу Бебелю, 12 октября 1875 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34. С. 128.

[3] *Энгельс Ф.* Европейские рабочие в 1877 году // Там же. Т. 19. С. 129.

[4] См.: Энгельс — Августу Бебелю, 29 октября 1884 г. // Там же. Т. 36. С. 196.

ния с Марксом и Энгельсом в эти годы повернули к марксизму [1].

В 1871 и 1873 годах Энгельс опубликовал в двух французских журналах биографию Маркса [2], в которой прежде всего указал на коренное отличие марксизма от других социалистических учений. Теория Маркса, писал он, отличается от других теорий «двумя принципиальными положениями: во-первых, он отбрасывает утопические конструкции будущего и доктринерские формулы. Он ставит задачей доказать путем научного анализа современного общества, что оно чревато элементами нового общества, что это новое общество является продуктом классовой борьбы, которая, пройдя через временную диктатуру рабочего класса, приведет к уничтожению классов и созданию ассоциации свободных производителей, основанной на общей собственности на средства производства...» [3].

Французские передовые рабочие и демократическая интеллигенция получили возможность познакомиться с марксистской политической экономией, с развернутым научным обоснованием необходимости революционного преобразования общества на социалистических началах. В первой половине 70-х годов начало выходить в виде отдельных выпусков французское издание I тома «Капитала» Маркса. Маркс считал, что «в такой форме сочинение станет более доступным для рабочего класса, а это для меня решающее соображение» [4].

После краха в 1877 году попытки монархического переворота и окончательного утверждения во Франции республиканского строя рабочий класс получил некоторые демократические права, позволившие ему приступить к восстановлению своих разгромленных реакцией организаций. Во Франции появилась почва для подготовки к созданию самостоятельной пролетарской партии [5].

Большую роль сыграли появившиеся в ряде городов социалистические кружки, изучавшие социалистическую литературу, в том числе и «Капитал». Особую роль сыграл парижский кружок, одним из руководителей которого был Жюль Гед [6].

---

[1] См.: *Энгельс Ф.* Эмигрантская литература // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 514—515, 517.

[2] L'Illustration. Paris. 11.XI 1871; Le Biographe. Bordeaux. IX 1873.— Эти биографии Маркса не вошли во второе издание их сочинений, так как авторство Энгельса было установлено позднее.

[3] *Энгельс Ф.* Биография К. Маркса // Из истории марксизма-ленинизма и международного рабочего движения. М., 1982. С. 362—363.

[4] *Маркс К.* Капитал. Предисловие к французскому изданию // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 25.

[5] См.: *Энгельс Ф.* Европейские рабочие в 1877 году // Там же. Т. 19. С. 142.

[6] Гед шел к марксизму сложным путем, преодолевая влияние анархизма и левого радикализма. В 1873 году, находясь в эмиграции в Италии, он сблизился с социалистами, объединявшимися вокруг газеты «La Plebe» и связанными с Энгельсом. Их влияние, а также чтение трудов Т. Дезами и Н. Г. Чернышевского способствовало рождению интереса к социалистической теории. Возвратившись в 1876 году в Париж, Гед впервые познакомился с марксистской литературой, что и определило его дальнейшее теоретическое развитие. Большую помощь в

Под его же редакцией в 1877 году начала выходить газета «L'Égalité», постоянным корреспондентом которой стал с конца 70-х годов Поль Лафарг, проживавший в то время в Лондоне.

Газета в первую очередь пропагандировала требование уничтожения частной собственности на средства производства, доказывала необходимость самостоятельной политической партии рабочих [1]; она регулярно печатала статьи о деятельности немецких социалистов. После убедительной победы социалистов Германии на выборах в рейхстаг в январе 1877 года Гед заявил: французские рабочие должны следовать примеру немецких рабочих и организовать самостоятельную партию.

В начале 1879 года Маркс в письме к Геду изложил свои взгляды на необходимость революционного преобразования общества, обобществления средств производства и подчеркнул «величайшее значение... независимой и боевой рабочей партии» [2]. В ответ Гед сообщил о полном согласии с автором «Манифеста Коммунистической партии» и «Капитала» относительно «коммунистического решения вопроса» и необходимости создания пролетарской партии. «Как и Вы,— писал он,— я убежден, что, прежде чем помышлять о действиях, нужно создать партию, *сознательную* армию, с помощью как активной, так и постоянной пропаганды» [3].

Марксистская программа Рабочей партии

Результаты социалистической пропаганды сказались уже на решениях рабочего съезда в Марселе в 1879 году [4]. Здесь были приняты резолюции о необходимости установления коллективной собственности на средства производства и создании самостоятельной рабочей партии [5]. Обсуждение этих вопросов вылилось в острые дискуссии революционной части делегатов с реформистами — противниками классовой борьбы, сторонниками реформ, постепенно улучшающих буржуазное общество, так называемыми поссибилистами [6]. Уже в первой половине 1880 года «L'Égalité» напечатала статью «О «Нищете филосо-

этом отношении оказывал ему близкий друг Энгельса и Лафарга испанский социалист Меса, находившийся в эмиграции в Париже. По словам Геда, он впервые раскрыл перед ним сущность учения Маркса и Энгельса. Убеждали его в правильности марксизма и успехи германских социалистов.

[1] См.: *Гед Ж.* Рабочее движение во Франции со времени Парижской коммуны // Социал-демократ. Женева. Декабрь 1890.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 34. С. 283.— Письмо Маркса Геду не сохранилось, его содержание в общем известно из имеющегося ответного письма Геда, в котором воспроизводится и эта фраза Маркса.

[3] Jules Guesde à Karl Marx. Mars ou avril 1879 // La naissance du Parti ouvrier français. Paris, 1981. P. 44.

[4] Рабочие съезды во Франции начали созываться синдикатами (профессиональными союзами) с 1876 года. На двух съездах, в 1876 и в 1878 годах, преобладали реформисты, считавшие единственным путем освобождения рабочего класса кооперацию.

[5] Это требование выдвинули сторонники Геда — гедисты, получившие название «социалистов-коллективистов» (Les Séances du Congrès socialiste de France. Troisième session tenue à Marseille. Paris, 1879).

[6] Правое крыло делегатов проповедовало «политику возможностей» (politique des possibilités) — проведение тех мероприятий, которые могут быть осуществлены в данных конкретных условиях. Отсюда и название этого направления — поссибилизм. К поссибилистам Энгельс впервые применил термин «оппортунизм» (см.: Энгельс — Августу Бебелю, 28 октября 1882 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 35. С. 319).

фии»», написанную Марксом в качестве введения к предполагавшемуся новому изданию этой работы. «... Чтение *«Нищеты философии»* и опубликованного Марксом и Энгельсом в 1848 г. *«Манифеста Коммунистической партии»* может служить введением к изучению *«Капитала»* и произведений других современных социалистов, которые — подобно Лассалю — черпали свои идеи в вышеназванных произведениях» [1],— говорилось во введении. Маркс подчеркивал необходимость полного разрыва с прудонистскими воззрениями как условия восприятия «социализма критического и материалистического», объясняющего действительное историческое развитие общественного производства. Публикация введения имела особое значение, поскольку к тому времени большинство работ Маркса и Энгельса, в частности «Манифест Коммунистической партии», еще не были доступны французским читателям. Печатались в газете и главы из «Капитала».

Исключительную роль в пропаганде марксизма во Франции сыграла публикация в журнале «La Revue socialiste» в марте — апреле 1880 года трех переработанных Энгельсом по просьбе Лафарга глав из недавно вышедшего «Анти-Дюринга» под названием «Утопический социализм и научный социализм» [2]. Эта работа, напечатанная затем в виде самостоятельной брошюры, значительно содействовала распространению марксизма среди рабочих и демократической интеллигенции.

Почти в каждом номере редакция «L'Égalité» публиковала статьи Лафарга и Геда по программным вопросам. В статьях «Эволюция — революция», «Классовая борьба», «Рабочая партия и государство», «Прудонизм позади нас» и др. Лафарг излагал программные положения Интернационала, ссылаясь на его опыт, а также его решение о создании рабочих партий. Учитывая значение вопроса о возможности вхождения в пролетарскую партию непролетарских элементов, Лафарг подчеркивал, что условием их вступления должно быть признание пролетарского мировоззрения. При этом он фактически повторил аргументацию, содержавшуюся в «Циркулярном письме» Маркса и Энгельса [3]. Большой интерес представляла брошюра Геда «Коллективизм и революция», аргументировавшая необходимость коллективной собственности на средства производства [4].

В начале мая 1880 года Ж. Гед, готовивший программу Французской рабочей партии, обратился за помощью к Марксу. Во время встречи, состоявшейся в Лондоне с участием Энгельса и Лафарга, Маркс продиктовал вводную часть будущей программы. Энгельс характеризовал ее как «мастерский образец убедительной аргументации, немногословной и ясной для масс, равную которой мне редко приходилось встречать...» [5].

---

[1] *Маркс К.* О «Нищете философии» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 231.

[2] В 1883 году эта работа вышла на немецком языке под названием «Развитие социализма от утопии к науке», под которым она с тех пор и печатается.

[3] См.: Маркс и Энгельс — Августу Бебелю, Вильгельму Либкнехту, Вильгельму Бракке и др. (Циркулярное письмо), 17—18 сентября 1879 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34. С. 308—323.— Об этой работе см. в главе 3 настоящего тома.

[4] *Guesde J.* Collectivisme et révolution. Paris, 1879.— Подробнее см. главу 7 настоящего тома.

[5] Энгельс — Эдуарду Бернштейну, 25 октября 1881 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 35. С. 189.

В четких и сжатых формулировках Маркс изложил конечную цель освободительной борьбы рабочего класса. Программа провозглашала, что освобождение пролетариата, которое будет освобождением «всего человеческого рода», возможно только при обобществлении средств производства. А это «может осуществиться лишь в результате революционного действия класса производителей,— или пролетариата,— организованного в самостоятельную политическую партию» [1]. Практическая часть (авторы Гед и Лафарг) содержала «те требования, которые действительно выросли непосредственно из самого рабочего движения» [2],— отмена реакционных законов, ограничивающих свободу печати, собраний и союзов, введение 8-часового рабочего дня для взрослых и 6-часового для подростков, запрещение детского труда, равная оплата мужского и женского труда и т. п.

В 1880 году съезд Рабочей партии в Гавре принял (43 голосами против 10 и при 6 воздержавшихся) предложенный проект программы, что в значительной степени определило дальнейшее развитие социалистического движения во Франции. Своим революционным характером, продуманными положениями о конечной политической цели пролетарского движения программа существенным образом отличалась от Готской программы германских социал-демократов. Фактически она стала первой в истории международной социал-демократии марксистской программой рабочей партии.

Против новой программы выступили поссибилисты. Обострившаяся борьба между революционным и реформистским направлениями вскоре привела к расколу партии.

3. ИДЕИ НАУЧНОГО СОЦИАЛИЗМА В ПРОГРАММНЫХ ДОКУМЕНТАХ РАБОЧИХ ПАРТИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ, СЕВЕРНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В 70-е годы XIX века в революционную борьбу вступили новые отряды передовых рабочих Центральной и Восточной Европы.

Тяжелое социальное и политическое положение пролетарских слоев города и деревни, национальное угнетение народов, находившихся под властью австро-венгерской, германской и российской монархий, многочисленные феодальные пережитки создавали в этом регионе тугой узел противоречий, обостряли классовую и национально-освободительную борьбу, порождали новые классовые конфликты.

Уже в первой половине 70-х годов были предприняты попытки создания социалистических партий в Австрии, Венгрии, в польских землях.

---

[1] См.: *Маркс К.* Введение к программе Французской рабочей партии // Там же. Т. 19. С. 246.

[2] См.: Маркс — Фридриху Адольфу Зорге, 5 ноября 1880 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34. С. 378.

Социалистическое движение в Австрии. Создание социал-демократической партии

Австрийское рабочее движение получило сильный стимул развития под влиянием Парижской коммуны. В ходе движения солидарности с революцией австрийские рабочие выступили против реакции в своей стране. Одним из самых популярных требований на рабочих митингах было создание собственной политической партии.

Трудности, стоявшие на этом пути, были связаны с различным уровнем промышленного развития отдельных частей империи Габсбургов, с многонациональным составом государства и господством реакции. Революционно настроенным социалистам приходилось действовать нелегально, в условиях жестоких преследований. Развитию социалистического движения в Австрии препятствовало и уже сложившееся реформистское крыло, возглавляемое редактором газеты «Volkswille» Г. Обервиндером. В начале 70-х годов почти треть статей, опубликованных в газете, пропагандировали лассальянские идеи. Реформизму был присущ австронационализм, игнорирующий интересы других народов, входивших в Австро-Венгерскую монархию.

Социалисты, группировавшиеся вокруг братьев А. и Г. Шёй, Л. Неймайера и др., поддерживали Маркса и Энгельса в борьбе против бакунизма и реформизма, отстаивали программу Интернационала [1].

В нелегальных условиях в апреле 1874 года в венгерском городе Нейдорфле на встрече 74 представителей 25 тысяч рабочих Австрии, Венгрии и чешских земель, объединенных в местных политических организациях, было решено образовать единую социал-демократическую партию. В принятой программе провозглашалась борьба за освобождение трудящихся от наемного рабства и классового господства путем уничтожения капиталистического общества и создания социалистического общества; провозглашалось право наций на самоопределение. Программа содержала также требования предоставления рабочим политических прав, введения свободы собраний, печати, союзов [2]. В уставе партии было записано положение, заимствованное из Устава Интернационала, «о равных правах и обязанностях» независимо от национальной принадлежности.

Революционному крылу сразу же пришлось вести борьбу с сильным реформистским крылом. На съезде в 1876 году реформисты, располагавшие большинством мандатов, внесли значительные изменения в программу, что привело к расколу партии. С 1878 года она фактически прекратила свое существование.

В последующие годы делалось несколько попыток восстановить единство социалистического движения. Одной из них была конференция австрийских социал-демократов в 1882 году в Брно. Мотивировочный раздел принятой программы, написанной в основном К. Каутским, почти дословно повторил соответствующий раздел программы Французской рабочей партии [3]. Но только на рубеже 1888—1889 годов на съезде в Гайнфельде усилиями социалистов,

---

[1] После Гаагского конгресса Генрих Шёй писал в газете «Volkswille»: «Наша молодая партия Австрии принадлежит к направлению научного социализма, одержавшего победу в Гааге; конгресс указал всем рабочим партиям направление, которому они должны следовать» (Гаагский конгресс Первого Интернационала, 2—7 сентября 1872 г.: Отчеты и письма. М., 1972. С. 125, 126).

[2] См.: Сборник документов по истории рабочего и социалистического движения стран Европы и США. М., 1985. С. 229—230.

[3] *Steiner H.* Die Arbeiterbewegung Österreichs 1867—1889. Wien, 1964. S. 209.— Каутскому было известно, что автором этого раздела является Маркс (*Kautsky K.* Erinnerungen und Erörterungen. Haag, 1960. S. 508).

стоявших на марксистских позициях, прежде всего врача Виктора Адлера — активного корреспондента Энгельса, была создана Социал-демократическая рабочая партия Австрии и принята программная «Декларация принципов», основывавшаяся на положениях научного социализма. В ней содержалась марксистская характеристика сущности капиталистической эксплуатации и буржуазного государства, отмечалась историческая необходимость ликвидации частной собственности на средства производства. Программа гласила, что уничтожить капиталистическую систему способен «только обладающий классовым сознанием и организованный в политическую партию пролетариат». Выдвигалось и требование всеобщего избирательного права, но при этом указывалось, что современная парламентская система является «формой классового господства буржуазии». В специальном пункте, имевшем особое значение ввиду многонационального состава империи Габсбургов, подчеркивался интернациональный характер партии, осуждение ею всех национальных привилегий, ее общность с международным рабочим движением [1].

Борьба с реформизмом продолжалась и после создания партии.

Влияние марксизма на формирование социалистических партий в Венгрии, чешских землях и польских землях

В **Венгрии** на митинге в Будапеште, созванном 23 марта 1873 года в память Парижской коммуны, было провозглашено создание Рабочего союза — первой венгерской пролетарской партии, основанной на принципах Международного товарищества рабочих. Ее организаторами были сторонники Маркса и Энгельса в Интернационале А. Ирлингер и К. Фаркаш. В апреле Союз насчитывал уже 2,5 тысячи человек. И хотя правительство в этом же месяце запретило его, видя в нем «угрозу общественной безопасности», остановить начавшийся процесс становления партийной рабочей организации не удалось. В 1874 году венгерские социалисты приняли участие в образовании австрийской Социал-демократической партии, а после прекращения ее деятельности снова приступили к созданию собственной партии на основе тактики, соответствующей реальной политической обстановке. Подготовительную работу вел соратник Маркса и Энгельса, участник Парижской коммуны Лео Франкель, редактор еженедельника «Arbeiter-Wochen-Chronik». (Венгерское название газеты «Munkás Heti-Krónika».)

В апреле 1878 года сторонники Л. Франкеля объединились в организацию, получившую название «Партия неизбирателей». Другая часть социалистов, группировавшихся вокруг Виктора Кюлфёлди и газеты «Népszava», создали Рабочую партию Венгрии. Они также выступали за всеобщее избирательное право и предоставление политических свобод трудящимся, за улучшение экономического положения пролетариата, но в противовес «Партии неизбирателей» отказывались от всяких союзов с непролетарскими организациями.

[1] См.: Сборник документов по истории рабочего и социалистического движения стран Европы и США. С. 233—235.

Преодолеть раскол удалось в 1880 году. В мае на объединительном съезде было провозглашено создание Всеобщей рабочей партии Венгрии, программный документ которой был разработан по образцу Готской программы германской социал-демократии. В то же время в программу были внесены поправки в духе указаний Маркса (что свидетельствует о знакомстве с ними Франкеля), в частности устранены многие лассальянские формулировки (тезисы о «свободном народном государстве», противостоящей пролетариату «единой реакционной массе» и др.).

Центральный пункт программы — вопрос о собственности — гласил: «Превращение частной собственности на землю, а также на все другие орудия труда в общественную собственность путем ликвидации системы наемного труда и перехода к системе кооперативного труда» [1]. Программа включала политические требования всеобщего избирательного права, свободы союзов, собраний и печати и других демократических свобод. В целом программа Всеобщей рабочей партии Венгрии отвечала насущным задачам пролетарской борьбы на том этапе ее развития.

После ареста Л. Франкеля летом 1881 года руководство партией перешло в руки реформистов [2]. Это привело к значительному снижению ее политической активности. И только в 1889 году созванная по инициативе В. Адлера и Л. Франкеля конференция представителей австрийских и венгерских социал-демократов в Братиславе потребовала от руководства партии проведения самостоятельной классовой политики и соблюдения принципов пролетарского интернационализма. Братиславская конференция стала важной вехой в развитии социалистического движения в Венгрии, в процессе создания подлинно самостоятельной рабочей партии [3].

В начале 70-х годов на путь создания своей партии вступил **и чешский пролетариат.** Чешские социалисты — члены I Интернационала, сторонники Маркса, в первую очередь Й. Б. Пецка и Л. Запотоцкий, на страницах издававшейся с 1872 года в Праге газеты «Delnické Listy» публиковали статьи, разъясняющие принципы и цели политической организации пролетариата в борьбе за социализм. В октябре 1872 года газета опубликовала текст резолюции Гаагского конгресса I Интернационала о необходимости создания во всех странах самостоятельных политических рабочих партий. На ее страницах публиковались переводы произведений Маркса и Энгельса, изложения ряда их программных работ.

В 1873 году редакционная статья «Чего мы хотим?» изложила основные положения Эйзенахской программы германских социа-

---

[1] Сборник документов по истории рабочего и социалистического движения стран Европы и США. С. 231.

[2] В 1883 году Л. Франкель вышел из заключения, но вынужден был эмигрировать.

[3] См.: История венгерского революционного рабочего движения. М., 1970. Т. 1. С. 33; *Желицки Б. И.* Социалистическое рабочее движение в Венгрии, 1873—1890. М., 1975. С. 200—201.

листов [1]. Рекомендуя следовать им, она призывала к объединению в единую интернациональную партию всех рабочих Австро-Венгрии, независимо от языковых и национальных различий [2].

Важной вехой в развитии рабочего движения в чешских землях стал съезд в Бржевнове (близ Праги) в апреле 1878 года, на котором было провозглашено создание Чехославянской социал-демократической партии. В основу принятой съездом так называемой Бржевновской программы была положена Готская программа германской социал-демократии. Однако чешские социал-демократы внесли в эту программу существенные коррективы, исключив ряд лассальянских положений (о противостоящей рабочему классу «единой реакционной массе», о производственных товариществах с государственной помощью как основном средстве решения социального вопроса и др.). Опираясь на Устав Интернационала, программа заявляла, что чешская социал-демократия, хотя и «намеревается действовать в рамках национальных, она хорошо понимает, что освобождение трудящегося народа не является ни местной, ни национальной, но социальной задачей, охватывающей все страны, и что ее разрешение зависит от практического и теоретического сотрудничества всех прогрессивных стран» [3]. В программу был включен также пункт о праве наций на самоопределение, имевший принципиальное значение для многонациональной Австро-Венгрии.

Чехославянская социал-демократическая партия не смогла закрепить свое влияние в массах, тем более что правительственные репрессии ослабляли партию. К тому же в партии не было устойчивого ядра достаточно подготовленных теоретических социалистов. Произошел раскол на умеренных и радикалов, который удалось преодолеть только в 1887 году. В конце 1887 года объединительный съезд Чехославянской социал-демократической партии в Брно принял новую партийную программу [4]. Она стала шагом вперед в идеологическом развитии чешской социал-демократии. Программа ставила задачей создание такого общественного строя, при котором не будет эксплуатации человека человеком. Решающая роль в этой борьбе отводилась политической партии пролетариата, задачей которой являлась пропаганда социал-демократических идей среди рабочих. Программа включала и конкретные требования борьбы за демократические свободы. В резолюции по национальному вопросу съезд подчеркнул право наций на самоопределение и решающую роль рабочего класса в решении национального воп-

---

[1] Dokumenty k počátkum dělnického hnuti v Čechach 1864—1874. Praha, 1961. S. 243—244.

[2] В августе 1873 года собрание чешских рабочих в Вене послало на учредительный съезд австрийской Социал-демократической партии в Нейдорфле 10 делегатов.

[3] Цит. по: *Клима А.* 1848 год в Чехии. Начало чешского рабочего движения. М., 1949. С. 222—223.

[4] См.: *Шолле З.* Рабочее движение в чешских землях в конце XIX в. (1887—1897). М., 1954. С. 107.

роса [1]. Программа Чехославянской социал-демократической партии и резолюция по национальному вопросу были единодушно поддержаны всеми социал-демократическими партиями Австро-Венгрии.

На расчлененных реакционными монархическими режимами **польских землях,** находившихся в разных политических условиях, рабочее социалистическое движение развивалось разными темпами. Этот процесс одновременно шел как в самих польских землях, в среде польской молодежи, обучающейся в Петербурге, так и в кругах польской эмиграции, главным образом в Лондоне [2].

Польская революционная эмиграция, состоявшая в основном из участников Парижской коммуны, группировалась в Лондоне вокруг Генерального совета Интернационала и принимала участие в борьбе марксистов против бакунизма.

Созданное в 1873 году в Лондоне объединение польских революционных эмигрантов, в которое входили В. Врублевский, Т. Домбровский, Ю. Розвадовский, Я. Крынский, Л. Оборский и др., фактически стало секцией Интернационала. Через Врублевского была установлена связь и с возникавшими в первой половине 70-х годов социалистическими кружками в польских землях [3].

Организованное профессиональное движение рабочих, рабочая и профсоюзная печать раньше всего появились в Галиции, входившей в состав Австро-Венгрии. Идеологическим центром рабочего движения в Галиции стала социалистическая газета «Praca», которую редактировали А. Маньковский и Ю. Данилюк. Видную роль в газете играл украинский революционный демократ И. Франко. Им были выполнены переводы на украинский язык части 24-й главы I тома «Капитала» Маркса, отрывков из «Анти-Дюринга» Энгельса, составлен список социалистической литературы для изучения в рабочих кружках.

На польских землях, отошедших к России,— в Королевстве Польском — первые социалистические кружки возникли в Варшаве осенью 1877 года. Затем они были преобразованы в нелегальное «Социально-революционное общество поляков». Идеологическая декларация общества — «Варшавская программа» — содержала такие положения научного социализма, как признание классовой борьбы двигателем общественного прогресса, историче-

---

[1] См.: История Чехословакии. М., 1959. Т. 2. С. 125.

[2] Названным проблемам посвящены следующие работы: *Орехов А. М.* Становление польского социалистического движения. Структура, программные концепции, деятели (1874—1893). М., 1979; Pierwzse pokolenie marksistów polskich. Wybor pism i materialów zrodlowych z lat 1876—1886. T. 1, 2. Warszawa, 1962; *Molska A.* Model ustroju socjalistycznego w polskiej mysli marksistowskiej lat 1878—1886. Warszawa, 1965; *Tych F.* Socjalistyczna irredenta szkice z dziejów polskiego ruchu robotniczego pod zaborami. Kraków, 1982.

[3] Врублевский не раз тайно ездил в Познань и Галицию на встречи с молодыми польскими социалистами, передавал привезенную литературу. Благодаря ему Генеральному совету удалось, как писал Энгельс, «добиться доступа в Польшу» (см.: Энгельс — Фридриху Адольфу Зорге, 21 декабря 1872 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 33. С. 461).

ской роли пролетариата, неизбежности социальной революции, которая уничтожит эксплуатацию и мир капитала.

Отличительной особенностью польского социалистического движения было то, что перед ним стояли задачи как социального, так и национального освобождения, за которое выступали и представители различных слоев польской буржуазии. Но польские социалисты отрицательно относились к требованию борьбы за национальную независимость Польши, и это ослабляло их позиции.

Во второй половине 1881 — первой половине 1882 года польские социалисты перешли к более активной пропаганде теории научного социализма. Широкое распространение получила брошюра Шимона Дикштейна (1858—1884) «Кто чем живет?», представлявшая собой популярное изложение «Капитала» и в последующие годы многократно переиздававшаяся на разных языках. Дикштейн перевел также на польский язык работу Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» (Женева, 1882).

Первой политической партией польского рабочего класса была партия «Пролетариат» (1882—1886). Деятельность партии связана с именем Людвика Варыньского (1856—1889), ставшего к тому времени убежденным сторонником научного социализма. Под его руководством была разработана программа партии — «Воззвание Рабочего комитета социально-революционной партии «Пролетариат»» (сентябрь 1882 г., Варшава), вступительная часть которой была написана под воздействием «Манифеста Коммунистической партии». Программа провозглашала, что «польский пролетариат полностью отделяет себя от привилегированных классов и вступает с ними в борьбу как самостоятельный, совершенно особый в своих экономических, политических и нравственных стремлениях класс» [1]. Главную задачу польского рабочего движения «Пролетариат» видел в защите интересов трудящихся города и деревни, в социалистическом преобразовании общества. Через весь документ проходила идея пролетарского интернационализма. Несмотря на отдельные ошибки и недостатки (отрицание значения польских национально-освободительных традиций, отсутствие требования восстановления польского независимого государства), программа способствовала внесению в политическое сознание рабочего класса фундаментальных положений теории марксизма. Газета «Proletariat» (1883—1884), издававшаяся нелегально в Варшаве, разъясняла организационные и политические проблемы социалистического движения, ориентировала рабочий класс на свержение существовавшей экономической и политической системы, на овладение политической властью [2]. Польские социалисты высказывались за безусловный союз с революционными силами России.

[1] Сборник документов по истории рабочего и социалистического движения стран Европы и США. С. 292.

[2] О деятельности газеты «Proletariat» см.: *Koberdowa I.* Socjalno-Rewolucyjna partia Proletariat, 1882—1886. Warszawa, 1981. S. 197.

Влияние идей Интернационала на первые рабочие организации России

С начала 70-х годов XIX века с международным рабочим движением начинает сближаться российский пролетариат. Маркс отметил на Лондонской конференции Международного товарищества рабочих (1871), что среди российского пролетариата проявляются социалистические настроения. «В России,— говорил он,— есть надежда на успех Международного Товарищества Рабочих, там у рабочих силен дух товарищеской солидарности» [1].

Невыносимые условия труда и жизни вызывали растущее недовольство пролетариата, способствовали революционизированию его сознания. Бесчеловечные формы эксплуатации стали одним из главных условий, порождавших рабочее движение, интерес рабочих к политике, к социалистическим идеям в России [2].

Выступления рабочих привлекали внимание представителей революционной интеллигенции этого периода — народников. Они верили в социалистические инстинкты крестьян и пытались объединить для борьбы против самодержавно-помещичьего строя все оппозиционные силы России. В рабочих, большей частью недавно покинувших деревню, они видели лучших агитаторов для пропаганды среди крестьян.

Передовые петербургские рабочие вместе со студентами явились участниками первой политической демонстрации в России 6 декабря 1876 года на площади перед Казанским собором в Петербурге. После речи Георгия Плеханова, призвавшего следовать делу декабристов и Чернышевского, восемнадцатилетний текстильщик Яков Потапов поднял красное знамя с лозунгом «Земля и воля!». В революционной пропаганде 70-х годов, которую вели среди рабочих народники, большую роль играли сообщения о западноевропейском социалистическом движении, о деятельности Интернационала, о Парижской коммуне.

Работа Маркса «Гражданская война во Франции», журнал Русской секции Интернационала «Народное дело» нелегальными путями доставлялись в Петербург, Москву и другие города [3]. Отдельные номера «Народного дела» вместе с программными документами Интернационала доходили даже до Урала. Однако пропаганда народников охватывала лишь узкий круг рабочих. Пробуждая у них революционные настроения, она не вела к росту их классового сознания. Вместе с тем организаторы возникших в 70-е годы рабочих союзов сделали шаг в сторону социал-демократии. Вожаки пролетарского движения П. Алексеев, С. Халту-

---

[1] Лондонская конференция Первого Интернационала 17—23 сентября 1871 г.: Протоколы. Документы. М., 1988. С. 197, 214.

[2] См.: *Ленин В. И.* Проект программы нашей партии // Полн. собр. соч. Т. 4. С. 219.

[3] См.: Рабочее движение в России в XIX веке. М., 1952. Т. 2, ч. 1. С. 443, 450 и др.

рин, В. Обнорский, П. Моисеенко, которых Ленин назвал «великими деятелями рабочей демократии» [1], первыми среди российских революционеров поставили задачу завоевания политической свободы, идею «будущего торжества рабочего класса в России» [2].

В Уставе возникшего в 1875 году в Одессе Южнороссийского союза рабочих под влиянием программных документов Интернационала провозглашалась «идея освобождения рабочих из-под гнета капитала», содержался призыв к борьбе за политическую свободу посредством «насильственного переворота» [3].

Высшей точкой в истории пролетарского движения России 70-х годов явилось создание в Петербурге в 1878 году Северного союза русских рабочих, основанного столяром С. Н. Халтуриным и слесарем В. П. Обнорским. Северный союз в короткое время объединил около двухсот членов и несколько сот сочувствующих [4].

В нелегально напечатанной в начале 1879 года программе Северного союза заявлялось, что он тесно примыкает к социал-демократическим партиям Запада. Авторы программы, знакомые с некоторыми произведениями Маркса, не смогли еще преодолеть влияния народнических и лассальянских идей. Но программа разъясняла задачи политической борьбы, провозглашала необходимость ниспровержения самодержавного строя, требовала свободы слова, печати, собраний. При этом решающая роль в революционной борьбе отводилась рабочим, поскольку именно в них заключена «вся сила и значение страны» [5].

Зарождение и становление российской социал-демократии как течения политической мысли относится к 1883—1893 годам [6].

Сложность распространения марксизма в Скандинавских странах, в Швейцарии, Бельгии, Нидерландах

Во всех этих странах, несмотря на их различие, попытки создания социалистических пролетарских партий тормозились значительным распространением реформизма и мелкобуржуазного социализма. Возникавшие в 80-х годах рабочие союзы основывались, как правило, на Готской программе германской социал-демократии, возглавлялись часто реформистскими элементами.

Социал-демократическая партия **Дании** (1888) в своей программе провозглашала социалистические цели, но обусловливала их достижение законными средствами. Программы Объединен-

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Прежде и теперь // Полн. собр. соч. Т. 22. С. 72.

[2] См.: Былое. 1922. № 19. С. 95.

[3] См.: *Итенберг Б. С.* Южнороссийский союз рабочих. Возникновение и деятельность. М., 1974. С. 66—68.

[4] См.: *Корольчук Э. А.* «Северный союз русских рабочих» и рабочее движение 70-х годов XIX в. в Петербурге. М., 1971.

[5] См.: Рабочее движение в России в XIX веке. М., 1952. Т. 2, ч. 2. С. 224.

[6] Об этом периоде см. главу 8 настоящего тома.

ной рабочей партии **Норвегии** (1887) и Социал-демократической партии **Швеции** (1889) не выдвигали прямо социалистических целей и содержали в основном общедемократические требования, а также предложения, направленные на защиту непосредственных интересов рабочего класса [1]. Иной характер имела программа Социал-демократической партии **Швейцарии** (1888), которая ставила перед рабочим движением цель — добиваться «постепенного огосударствления торговли, сельского хозяйства, средств связи, промышленности и ремесла». Партия участвовала в организации стачек, выдвигала демократические требования на парламентских выборах.

В **Бельгии** в 1879 году была образована (после неоднократных попыток) Социалистическая партия, и, как писал Ленин, только с этого времени здесь «начинается та агитация за всеобщее избирательное право, которая ознаменовала победу марксизма над прудонизмом (признание политической борьбы пролетариата, организованного в самостоятельную классовую партию)...» [2].

В 1885 году Социалистическая партия объединилась с другими социалистическими и рабочими организациями в Бельгийскую рабочую партию. Ее руководителями были рабочий Луи Бертран, деятель Интернационала Сезар Де Пап, лидер кооперативного движения Эдуард Ансель и др. Принятая съездом программа предусматривала обобществление банков, железных дорог, проведение демократизации общества, а также меры для решительного улучшения условий труда и жизни рабочих [3].

Сам факт создания самостоятельной политической рабочей партии Бельгии Ленин оценил как переход «от непролетарского социализма к пролетарскому» [4], то есть фактическое признание основных идей марксизма.

Рабочее движение в **Нидерландах** долгое время находилось под влиянием анархизма. Лишь в 1878 году в Амстердаме бывшие деятели I Интернационала создали «Социал-демократическое объединение», ставшее зародышем будущей партии. В 1882 году на основе объединения разрозненных социалистических групп был создан Социал-демократический союз Нидерландов. В качестве программного документа Союз принял текст Готской программы. Во главе Союза стоял бывший лютеранский пастор Фердинанд Домела Ньювенгейс, издававший с 1879 года социалистическую газету «Recht voor Allen».

---

[1] *Philip D.* Le mouvement ouvrier en Norvège. Paris, 1958. P. 159; а также: История Норвегии. М., 1980. С. 314—315.

[2] *Ленин В. И.* Аграрный вопрос и «критики Маркса» // Полн. собр. соч. Т. 5. С. 156.

[3] *Bertrand L.* Le partie ouvrier Belge et son programme. Bruxelles, 1886. P. 38—65.

[4] См.: *Ленин В. И.* Кризис меньшевизма // Полн. собр. соч. Т. 14. С. 165.

4. ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В РОМАНСКИХ СТРАНАХ (ИСПАНИЯ, ИТАЛИЯ). РЕШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО КОНГРЕССА В ГЕНТЕ

Испанский и итальянский пролетариат позднее западноевропейских рабочих приобщился к научному социализму. Основным препятствием являлось прочно укоренившееся здесь влияние бакунизма [1].

Многочисленные и быстро разорявшиеся с развитием капитализма мелкобуржуазные слои города и деревни, из которых формировался пролетариат, служили питательной средой для анархистских воззрений. К тому же к началу 70-х годов только бакунисты обладали в Испании и Италии революционной программой. Бакунисты требовали отказа рабочих от любой политической деятельности, не имеющей «***прямой и непосредственной*** целью торжество дела рабочих против капитала» [2]. Активной части рабочих, особенно молодежи, программа бакунистской организации «Альянс социалистической демократии» импонировала своей критикой капиталистической эксплуатации, требованием «постоянного революционного действия», «немедленной социальной революции», которая уничтожит монархию, церковь и т. п.

Энгельс отмечал, что программа бакунистов легко усваивалась революционно настроенными элементами. «Бешеные бакунистские революционные фразы,— писал он,— везде вызывали желанные аплодисменты» [3].

Росту влияния бакунистов — единственных в то время противников реакции в Испании и Италии — способствовало и то, что произведения Маркса, Энгельса и их единомышленников оставались неизвестными в этих странах даже среди наиболее активных рабочих и в кругах радикальной интеллигенции. Стремившаяся к активной революционной деятельности часть пролетариата растрачивала свои силы на заведомо обреченные на неудачу заговорщические выступления.

Бакунизм, с его идеалистической трактовкой законов развития общества и соответствующей тактикой, неизбежно стал препятствием распространению марксизма в рабочем движении. В выступлениях Маркса и Энгельса против бакунизма, в их произведениях, статьях и письмах разрабатывались проблемы государства, революции, партии [4]. Уже в начале 70-х годов их учение стало пробивать себе дорогу к пролетариату романских стран, отвоевывать у бакунизма позицию за позицией.

---

[1] О бакунизме и борьбе с ним см. также: Первый Интернационал. Ч. 2. 1870—1876. М., 1965.

[2] См.: *Маркс К.* Замечания на программу и устав международного Альянса социалистической демократии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 44. С. 390.

[3] *Энгельс Ф.* В Италии // Там же. Т. 19. С. 100.

[4] Подробнее об этом см. главу 2 настоящего тома.

Пропаганда научного социализма в Испании. Программа Социалистической партии

Тактика, которую Маркс и Энгельс рекомендовали своим немногочисленным сторонникам в Испании, заключалась в создании прежде всего печатного органа, пропагандирующего программные идеи Международного товарищества рабочих, вокруг которого должно сплотиться ядро будущей социалистической партии. Таким центром стала с осени 1871 года выходившая до 1873 года газета «La Emancipacion», редакция которой — социалисты Х. Меса, Ф. Мора, П. Иглесиас и др. — была связана непосредственно с эмигрировавшим в Мадрид после разгрома Парижской коммуны П. Лафаргом, а через него и с Энгельсом. В «La Emancipacion» печатались статьи о политике Интернационала, в частности о значении политической партии рабочих, первый перевод на испанский язык «Манифеста Коммунистической партии» [1], публиковались отрывки из книги Маркса «Нищета философии», содержавшие критику прудоновского отрицания стачек как формы классовой борьбы пролетариата, которое получило распространение среди части рабочих и мелкобуржуазных элементов. Газета напечатала предисловие Маркса к первому изданию I тома «Капитала» и его письмо Лашатру о французском издании. Весной 1873 года началась публикация отдельных глав «Капитала», переведенных на испанский язык. Систематически печатались статьи, критикующие бакунистские доктрины.

В 1872—1873 годах произведения Маркса и Энгельса, документы Интернационала и статьи Лафарга составляли более половины всех печатавшихся в «La Emancipacion» материалов. На протяжении полутора лет испанские передовые рабочие могли знакомиться со многими положениями марксизма, осмыслить его коренное, принципиальное отличие от бакунизма и прудонизма.

В статьях «Организация труда», «Предмет первой необходимости», «Прудоновская кооперация» и др. Лафарг показал несостоятельность идеализации мелкого товарного хозяйства, разъяснил прогрессивность по сравнению с ним капиталистического способа производства. Одновременно он критиковал с марксистских позиций буржуазное общество, в котором власть имущие обогащаются за счет эксплуатации трудящихся. Лафарг разъяснял необходимость установления политической власти рабочего класса и перехода к пролетарскому государству собственности на средства производства.

Немногочисленная, но весьма активная группа испанских революционных социалистов сумела создать в Испании в 1872 году зародыш будущей социалистической партии — «Новую Мадридскую федерацию» Интернационала, деятельность которой была прервана в 1874 году введением в Испании после поражения буржуазно-демократической революции реакционного законодательства. И только в 1879 году на нелегальном съезде была создана Испанская социалистическая партия. Ее программа, подготов-

[1] Перевод подготовил Меса с помощью Энгельса.

ленная Иглесиасом и Меса, строилась на принципах научного социализма. Целью провозглашалось завоевание рабочим классом политической власти и уничтожение капиталистической эксплуатации, ликвидация частной собственности на средства производства. Демократические требования включали законодательное установление 8-часового рабочего дня, предоставление рабочим избирательных прав, свободы собраний, слова и др.

Но свой первый легальный съезд Испанская социалистическая партия смогла провести только в 1888 году. Принятая тогда новая программа принципиально мало отличалась от программы 1879 года. Она выдвигала требования овладения пролетариатом политической властью, превращения частной или корпоративной собственности в коллективную общественную собственность, законодательного введения 8-часового рабочего дня, запрещения детского труда, обеспечения больных и престарелых за счет государства, а также всеобщего избирательного права и других демократических свобод [1]. Иглесиас говорил, что эта программа «базируется на научных принципах, выдвинутых нашим незабвенным и оплакиваемым Карлом Марксом» [2]. Энгельс отметил, что программа «во многих отношениях очень хороша» [3]. Но все же значительные слои испанских рабочих все еще оставались под влиянием анархистов [4].

Путь к образованию пролетарской партии в Италии

Ту же тактику в борьбе против анархизма Маркс и Энгельс рекомендовали и для итальянского рабочего движения. Они установили прочный контакт с группой социалистов из редакции газеты «La Plebe», в частности с ее редактором Энрико Биньями [5]. Энгельс регулярно присылал ему документы Интернационала, в своих письмах знакомил с опытом рабочего движения других стран. Эти документы, а также корреспонденции и письма Энгельса печатались в газете.

Систематическая публикация всех этих материалов стала существенным каналом распространения среди итальянских социалистов идей марксизма. Итальянские читатели знакомились с анализом сущности бакунистских и прудонистских доктрин, с теоретическими доказательствами их несовместимости с подлинно революционным движением пролетариата.

Опубликованные в ноябре 1873 года в сборнике «Almanacco

---

[1] *Iglesias P.* Die sozialistische Arbeiterpartei in Spanien // Die Neue Zeit, 1891—1892. Bd. 1. S. 375—376; полный текст программы см. в приложении к книге: *Marx K.* Miseria de la filosofia. Madrid, 1891.

[2] Protokoll des internationalen Arbeiter-Kongresses zu Paris. Abgehalten vom 14 bis 20 Juli 1889. Nürnberg, 1890. S. 66.

[3] См.: *Энгельс Ф.* К критике проекта социал-демократической программы 1891 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 241.

[4] Созданная ими в 1881 году Федерация трудящихся Испании выступала против участия рабочих в политической деятельности.

[5] «La Plebe» издавалась до 1875 года в промышленном центре севера Италии Лоди, а в 1875—1883 годах в Милане.

Repubblicano per l'anno 1874» написанные по просьбе Биньями статьи Маркса «Политический индифферентизм» и Энгельса «Об авторитете» критически анализировали бакунистские догмы. Они доказывали несостоятельность бакунистских догм: отказ рабочих от всякой политической деятельности, отрицание всякого руководящего и организующего начала — авторитета, требование немедленной отмены государства [1].

Передовая часть рабочих и интеллигенции не могла не сопоставить поражение выступлений бакунистов в 1874 и 1877 годах [2] с успехами германских социалистов на выборах в рейхстаг в эти же годы. Об этом говорили и члены социалистических кружков на рабочих собраниях и митингах. «...Подлинно рабочие элементы начали искать более рациональные средства борьбы» [3].

Весьма существенным шагом в этом направлении стало создание Верхнеитальянской федерации. На ее учредительном собрании 17 февраля 1877 года Биньями прочитал полученное им письмо Энгельса, которое затем было напечатано в «La Plebe» [4]. Энгельс, рассказывая об успехе германских социалистов на выборах в рейхстаг в январе этого же года, подчеркивал, что этот успех стоит больше, чем все «революционные» фразы бакунистов,— он имеет огромное значение и для самой партии, и для рабочих, еще не втянутых в движение [5].

Мысли, содержащиеся в этом письме, нашли отражение в резолюции собрания, предлагавшей рабочим создать свою независимую партию; делегаты отметили необходимость участия рабочих в политической борьбе, в частности за всеобщее избирательное право. Решение означало, по существу, открытый разрыв с бакунизмом.

Энгельс, сообщая в «Der Volksstaat» об этом событии, обратил внимание на то, что Федерация, признав необходимость ведения политической борьбы и создания социалистической партии, порвав с анархизмом, встала, таким образом, на «общую почву великого европейского рабочего движения» [6].

---

[1] См.: *Энгельс Ф.* Об авторитете // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 305; *Маркс К.* Политический индифферентизм // Там же. С. 296—301.— Подробный анализ статей Маркса и Энгельса см. в главе 2.

[2] В 1874 году бакунисты подняли в Романье, где у них были наиболее сильные позиции, восстание, которое было жестоко разгромлено полицией. Таким же поражением кончилось и восстание на юге Италии в 1877 году.

[3] *Энгельс Ф.* Европейские рабочие в 1877 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 131.

[4] La Plebe. 28.II 1877.— Идеи, содержавшиеся в этом письме Энгельса, нашли отражение в большой статье «Обращение к рабочим и социалистическим организациям всех стран», опубликованной в «La Plebe» 6.XI 1877.

[5] См.: *Энгельс Ф.* Письмо Э. Биньями о германских выборах 1877 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 98—99.

[6] См.: *Энгельс Ф.* В Италии // Там же. С. 104.— Пропаганда марксизма, практические успехи германских социалистов, крах анархистской тактики привели к отходу от бакунизма ряда активных его участников. В 1879 году бакунист

Но до образования единой для всей Италии рабочей партии было еще далеко. Помимо сохранявшегося в основном на юге государства влияния анархизма, этому препятствовали и остатки политической раздробленности страны, и крайне неравномерное экономическое развитие ее отдельных областей. Поэтому первые попытки создания партии носили локальный характер. В апреле 1881 года съезд представителей рабочих клубов и кружков в Римини сообщил о создании Революционно-социалистической партии Романьи, в основании которой важную роль играл Андреа Коста. Спустя два года была принята программа, которая признавала необходимость «хорошо организованной партии» рабочего класса и ее участие в политической борьбе, подчеркивала важность реформ, направленных на улучшение положения рабочих. В качестве конечной цели социалистов выдвигалось введение коллективной (или общественной) собственности на землю и ее недра, на орудия труда, средства связи и транспорт. Это может быть осуществлено, говорилось в программе, лишь при условии «завоевания трудящимися города и деревни всей политической, военной и общественной власти» путем революции, результатом которой будет «временная диктатура трудящихся классов» [1].

В этой революционной программе прозвучали марксистские положения и признавалась необходимость политической деятельности партии, включая участие в парламентских выборах. Но в ней отсутствовали характеристика капиталистического строя, объяснение сущности капиталистической эксплуатации, положения об исторической миссии рабочего класса и его руководящей роли в борьбе с буржуазией. Не проводилось различия между пролетариями и крестьянами, которые объединялись одним понятием — «трудящиеся классы». И все же это была важная веха на пути итальянских рабочих к научному социализму.

Другое течение итальянского рабочего движения представляла Рабочая партия, созданная в Милане в 1882 году в результате объединения ряда рабочих кружков и окончательно оформленная в 1885 году. Лидерами партии были типограф Константино Ладзари и Освальдо Ньокки-Виани. Программа партии, окончательно принятая третьим съездом партии в 1887 году, провозглашала, что «постоянной и главной целью трудящихся должно быть освобождение от капиталистического рабства». Устав партии предусматривал, что ее членами могут быть «настоящие трудящиеся», городские и сельские, работающие по найму на капиталистов, помещиков и т. д. Главный упор делался на экономическую борьбу с целью достижения «реального и все более значи-

---

К. Кафьеро заявил о своем переходе на позиции марксизма. В этом же году один из лидеров бакунистов, А. Коста, руководивший мятежом в 1874 году, напечатал в «La Plebe» открытое письмо, объясняющее причины его разрыва с анархизмом, в котором он поддержал решения Гентского конгресса социалистов.

«Революция неизбежна,— писал он,— но опыт, полагаю я, показал, что это дело не одного дня и одного года». Коста призывал к политической борьбе и к созданию социалистической партии (см.: *Манакорда Г.* Итальянское рабочее движение по материалам съездов. От его зарождения до образования Социалистической партии (1853—1892). М., 1955. С. 413).

[1] *Манакорда Г.* Указ. соч. С. 415—425.

тельного улучшения своего положения». Четкого представления о формах и средствах участия партии в «борьбе, которая развертывается в сфере общественной жизни», программа и устав не давали [1].

Решения международного социалистического конгресса в Генте

К середине десятилетия позиции бакунизма в рабочем движении значительно ослабли. Это было результатом объективного развития самого рабочего движения, поворачивавшего в силу своих потребностей на путь самостоятельных политических действий. Накапливавшийся опыт классовой борьбы, в котором немалую роль играла деятельность германской социал-демократии, и расширявшаяся социалистическая пропаганда подводили передовых рабочих к восприятию принципиальных положений научного социализма.

Очередную попытку повести за собой международное рабочее движение бакунисты предприняли в 1877 году на международном социалистическом конгрессе в Генте [2]. Они рассчитывали добиться отмены решений Гаагского конгресса Интернационала 1872 года, провозгласившего марксистскую политическую программу, и получить одобрение своей доктрины.

На конгрессе были представлены 12 стран (61 мандат). В центре его внимания находился тот же вопрос, что и пять лет назад на конгрессе Интернационала в Гааге: о политической деятельности рабочего класса и необходимости создания его партии.

Маркса и Энгельса в Генте не было. Против бакунистов активно выступали В. Либкнехт, И. Ф. Беккер и Л. Франкель, которых поддержало большинство делегатов, в том числе и некоторые бывшие прудонисты. Заявления бакунистов о том, что «авторитарный социализм» несовместим со свободой, что «любое государство» должно быть немедленно разрушено, поскольку оно является «основным орудием» угнетения трудящихся, что политическая партия препятствует борьбе пролетариата против буржуазии и т. п., встретили решительный протест.

Бакунисты обвинили германских социал-демократов в том, что они вместо «разрушения германской монархии» укрепляют ее, сотрудничая с правительством. В ответ на это Либкнехт заявил: «Того, кто нам наносит удар в спину, обвиняя в сотрудничестве с правительством, в то время как мы ведем борьбу с буржуазией и государственной властью, того мы рассматриваем как нашего врага, хотя бы он тысячу раз называл себя социалистом».

Большинством голосов (21 против 10) была принята предложенная Лео Франкелем резолюция, повторившая в общем решение Гаагского конгресса: «Принимая во внимание, что социальное освобождение неотделимо от политического, конгресс заявляет, что пролетариат, организованный как самостоятельная партия, противостоящая всем прочим партиям, образованным господствующими классами, должен использовать все политические средства, ведущие к социальному освобождению всех пролетариев» [3].

[1] См.: *Манакорда Г.* Указ. соч. С. 426—427.

[2] Инициаторами созыва конгресса были бельгийские социалисты-прудонисты, их поддержали бакунисты.

[3] La première Internationale. Recueil de documents publié sous la direction de J. Freymond. Geneve, 1971. T. 5. P. 536, 737.

Это означало, что представители организованного социалистического движения отвергли бакунистские догмы [1].

Итоги работы конгресса охарактеризовал Энгельс: бакунисты, отметил он, «оказались на нем в незначительном меньшинстве лицом к лицу с делегатами... европейского рабочего класса». Так после четырехлетней внутренней борьбы «политика, которую провозгласило большинство последнего конгресса Интернационала, была полностью оправдана событиями» [2].

5. ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В АНГЛИИ И США. ПЕРВЫЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Маркс и Энгельс о причинах господства реформизма в английском рабочем движении

Распространение в Англии в 70—80-х годах идей научного социализма ограничивалось весьма узким кругом рабочих и интеллигенции, что обусловливалось спецификой развития самого рабочего движения, основной организационной формой которого по-прежнему являлись тред-юнионы (в середине 70-х годов они насчитывали около полумиллиона человек). Среди членов тред-юнионов, объединявших в первую очередь высококвалифицированных рабочих, прочно укоренилось реформистское мировоззрение. Причины этого тщательно анализировались Марксом и Энгельсом на протяжении многих лет.

Исследования специфики социально-экономического развития Англии, завершившей к середине XIX века свою промышленную революцию и обладавшей самой мощной промышленностью и огромными колониальными владениями, позволило Марксу и Энгельсу уже в 50-е годы установить зависимость между монопольным господством британской буржуазии на мировом рынке и изменениями внутренней структуры самого английского рабочего класса [3]. Постоянный рост и совершенствование производства требовало значительного числа квалифицированных рабочих, и буржуазия выделяла часть своих баснословных прибылей для создания им лучших условий жизни и труда. Появился особый слой в рабочем классе — рабочая аристократия [4], которая, получая определенные выгоды от эксплуатации мирового рынка и обширных колониальных владений, фактически была заинтересована в сохранении стабильности Бри-

---

[1] В ответ на сообщение Маркса о событиях в Генте Зорге заметил: «Гентский конгресс начал с того, чем кончил конгресс в Гааге» (Маркс — Фридриху Адольфу Зорге, 27 сентября 1877 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34. С. 229; Ф. Зорге — К. Марксу, 16 октября 1877 г. // ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 3844).

[2] *Энгельс Ф.* Европейские рабочие в 1877 году // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 132.

[3] См.: Энгельс — Марксу, 7 октября 1858 г. // Там же. Т. 29. С. 293.

Также см.: *Ленин В. И.* Карл Маркс // Полн. собр. соч. Т. 26. С. 78—79; *Ленин В. И.* Империализм и раскол социализма // Там же. Т. 30. С. 169, 170, 172; *Ленин В. И.* О задачах III Интернационала // Там же. Т. 39. С. 98; *Ленин В. И.* Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Там же. Т. 41. С. 25; и др.

[4] В 70-х годах рабочая аристократия составляла примерно 15% рабочего класса (*Hobsbawm E. J.* The Labour Aristocracy in the 19-th Century in Britain // Democracy and the Labour Movement. London, 1954).

танской империи. Рабочая аристократия, идейной основой взглядов которой служили воззрения буржуазных вульгарных экономистов, рассматривала буржуазную форму хозяйства не как исторически преходящую форму, а как естественную и вечную, парламентскую же монархию — как совершенный образец демократического государства. Немалую роль играли и давние традиции политической жизни в Англии.

Исследование сложного комплекса вопросов, связанных с возникновением и социальными истоками, идеологией, общественно-политической ролью рабочей аристократии, привело Маркса и Энгельса к выводу о том, что этот слой рабочего класса в силу своей природы, уклада жизни, психологии является носителем реформизма в рабочем движении, проводником влияния либеральной буржуазии. Особые условия жизни и труда привели его к сближению по образу жизни и мировоззрению с мелкой буржуазией.

В то же время Маркс и Энгельс неоднократно отмечали огромные потенциальные возможности самих тред-юнионов, добившихся в XIX веке от правящих классов Англии значительных уступок [1].

Распространению реформистских воззрений активно содействовала и сама либеральная буржуазия. По замечанию Энгельса, она шла навстречу политическим устремлениям трудящихся, подчиняя эти устремления своему влиянию, «дабы придать им нужное ей направление» [2].

В целом британским рабочим 70-х годов было присуще отсутствие интереса к теории, преобладание узкого прагматизма, связанного с их текущими нуждами. Масса рабочих, являвшихся активными сторонниками двухпартийной системы, не понимала необходимости создания своей самостоятельной партии. «Да это и понятно в такой стране,— констатировал Энгельс,— где рабочий класс больше, чем где бы то ни было, получал свою долю выгоды от огромного роста крупной промышленности...» [3]

Маркс и Энгельс полагали, что сам ход капиталистического развития неизбежно приведет к ослаблению промышленной и колониальной монополии Англии. Следствием этого станут изменение в положении рабочего класса и обострение классовых противоречий и, как результат, появление социалистического движения. Прогнозы Маркса и Энгельса частично начали подтверждаться уже в конце 70-х годов. В обстановке экономической депрессии, отразившейся на условиях жизни и труда широких масс рабочих, их наиболее активная часть, хотя и немногочислен-

[1] Участие десятков тысяч членов тред-юнионов в движении за избирательную реформу в 1865—1867 годах заставило правящие круги Англии предоставить избирательные права почти миллиону человек. В 70-х годах тред-юнионы добились полной легализации своего положения.

[2] См.: *Энгельс Ф.* Английские крестьяне хотят участвовать в политической борьбе, происходящей в их стране // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 45. С. 128.

[3] *Энгельс Ф.* Английские выборы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 477.

ная, искала ответ на вставшие вопросы в социалистической теории. Появились социалистические общества и рабочие политические клубы. Рос интерес к произведениям основоположников научного социализма, в частности к «Капиталу» Маркса. Отдельные рабочие обращались к Марксу и Энгельсу с просьбой познакомить с их учением [1].

Первые социалистические организации 80-х годов. Идеи марксизма в программе Социал-демократической федерации

Используя каждую возможность для пропаганды социалистических идей, Энгельс в мае 1881 года принял предложение о сотрудничестве в лондонской тред-юнионистской газете «The Labour Standard». До августа того же года он опубликовал в ней 11 статей. Через эту газету, писал позднее Энгельс, «я пытался... распространять,— беря за исходную точку старое чартистское движение — наши идеи, дабы посмотреть, не найдет ли это отклика» [2]. Популярно и доходчиво он излагал в своих статьях основы марксистской политической экономии, раскрывал значение экономической борьбы рабочего класса, роль профессиональных союзов в этой борьбе и в организации пролетариата. Особенно подчеркивал Энгельс необходимость самостоятельной политической пролетарской организации. Для борьбы за коренные интересы рабочих, за полное освобождение их от капиталистической эксплуатации, писал он, «наряду с союзами отдельных профессий или над ними должно возникнуть общее объединение, политическая организация рабочего класса как целого» [3], то есть пролетарская партия. Специальная статья была посвящена вопросу о значении самостоятельной политической рабочей партии, выражающей действительные интересы рабочего класса.

Энгельс подводил читателя к пониманию исторической миссии пролетариата и возможности его прихода к власти мирным путем. Эту мысль Маркс и он высказывали еще в 50-х годах. «...В Англии, где промышленный и земледельческий рабочий класс образует огромное большинство населения,— писал Энгельс,— демократия означает власть рабочего класса... Пусть же этот рабочий класс готовится к выполнению предстоящей ему задачи... Лучший способ для этого — воспользоваться... тем фак-

---

[1] Так, шотландский рабочий-социалист Р. Баннер и его друзья убедительно просили перевести на английский язык труды Маркса и Энгельса. «Их надо положить перед английским читателем,— писал Баннер,— социалистическая литература — это необходимый рычаг для демократии» (ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 4176, 4222).

Другой рабочий — Том Манн, впоследствии один из первых членов Коммунистической партии Великобритании, вспоминал: «Практически я стал коммунистом с того времени, когда прочитал «Коммунистический манифест»» (T. Mann's Memoirs. Ld., 1923. P. 324—325).

[2] Энгельс — Иоганну Филиппу Беккеру, 10 февраля 1882 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 35. С. 226.

[3] *Энгельс Ф.* Тред-юнионы // Там же. Т. 19. С. 268.

тическим большинством, которым он обладает в каждом большом городе королевства, для посылки в парламент людей из своих собственных рядов» [1].

Показателем растущего интереса передовых рабочих и прогрессивно настроенной демократической интеллигенции к научному социализму явилось появление социалистической литературы, а затем и возникновение социалистических организаций. Созданная в 1881 году Демократическая федерация выпустила летом 1883 года манифест «Социализм в общедоступном изложении» [2], что привело к уходу из Федерации ряда буржуазных элементов и привлекло к ней рабочих. В 1884 году Демократическая федерация преобразовалась в Социал-демократическую федерацию во главе с Г. Гайндманом [3], в которую вошли и некоторые социалистические группы, существовавшие самостоятельно. Название Федерации подчеркивало, что ее организаторы считали возможным установление полной демократии в Великобритании лишь в условиях социалистического общества.

Программа, принятая СДФ, провозглашала труд источником всего богатства и подчеркивала, что все богатство принадлежит труду. Своей целью СДФ ставила «создание общества... с полным освобождением труда». Основным требованием программы являлось уничтожение частной собственности на средства производства, обмена и распределения; подчеркивалась необходимость перехода в коллективную собственность земли, шахт, железных дорог [4].

СДФ стала первой в Англии социалистической организацией, которая провозгласила основой программы отдельные марксистские положения и пропагандировала их. Но массовой рабочей партией она не стала. Сразу же выявилось расхождение между ее программой и ее политикой. По словам Энгельса, СДФ превратила марксизм в ортодоксию, «не поняла, как нужно возглавить рабочее движение в целом и направить его к социализму» [5]. Отказ руководства СДФ работать с «несоциалистическими тред-юнионами» и повседневно бороться с нуждой масс неизбежно привел Федерацию к сектантству, к отрыву от масс.

Наряду с СДФ стали возникать и другие социалистические общества. Во второй половине 80-х годов делались попытки создания на севере Англии самостоятельных рабочих партий, но все эти начинания кончались неудачей: партии не смогли пробиться к массовому рабочему движению.

---

[1] *Энгельс Ф.* Партия рабочих // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 287.

[2] В Демократическую федерацию, созданную в 1881 году буржуазными радикалами, входили и рабочие; ее руководителем был Генри Гайндман. Программа содержала исключительно общедемократические требования (всеобщее избирательное право, упразднение палаты лордов, национализация земли, самостоятельные парламенты в колониях и др.) (см.: Сборник документов по истории рабочего и социалистического движения стран Европы и США. С. 123).

[3] Гайндман объяснял свой переход к научному социализму двумя факторами: влиянием Парижской коммуны и изучением «Капитала» Маркса; он прочитал его по-немецки (How I Became a Socialist. A Series of Biographical Sketches. London, 1896. P. 5).

[4] Justice. 25.X 1884. P. 7.

[5] Интервью Ф. Энгельса корреспонденту английской газеты «Daily Chronicle» в конце июня 1893 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 567.

Маркс и Энгельс об особенностях развития социалистического движения в США

Маркс и Энгельс неоднократно обращали внимание на то, что специфика формирования пролетариата США фактически обусловила особенности развития в стране социалистического движения. Рабочий класс США и в 70-х годах XIX века продолжал пополняться в основном за счет иммигрантов из разных стран Европы. Многонациональный, разноязычный состав, наличие различных традиций, обычаев и взглядов затрудняли его политическое сплочение, создание общей теоретической основы движения. Иммигранты привозили с собой груз лассальянских, прудонистских, анархистских воззрений, создавали обособленные организации по языковому и национальному признакам.

Организации пролетариата мешала и текучесть его состава: шел отлив на запад страны, где не хватало рабочей силы и заработная плата была выше, чем в восточных индустриальных штатах; привлекала возможность получить участок земли, чтобы стать самостоятельным фермером. Возникшие еще в 60-х годах тред-юнионы объединяли в основном коренных американцев. Руководство в них принадлежало формировавшейся рабочей аристократии.

Сторонники Маркса и Энгельса состояли в основном из немецких эмигрантов, к которым примыкала небольшая группа эмигрантов из числа английских и ирландских рабочих — организаторов соответствующих секций Интернационала. В письмах к ним Маркс систематически подчеркивал необходимость преодоления присущей эмигрантам сектантской замкнутости и, прежде всего, активной работы социалистов в профсоюзах. «Тред-юнионы вы должны постараться завоевать во что бы то ни стало» [1],— доказывал он в письме к члену Интернационала Шпейеру.

Социалистическую пропаганду в Нью-Йорке вела газета «Arbeiter-Zeitung», выходившая в 1873—1874 годах под редакцией Ф. Зорге, Ф. Больте, К. Шпейера. В ней публиковались решения Гаагского конгресса Интернационала, а также главы из I тома «Капитала» Маркса, «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Гражданская война во Франции». Однако до основной массы рабочих — коренных американцев — газета не доходила.

Экономический кризис 1873 года и последовавшая за ним глубокая депрессия вызвали оживление рабочего движения, стимулировали стремление к политическому объединению. В июле 1876 года съезд представителей местных социалистических и рабочих объединений создал единую Социалистическую рабочую партию США, основную часть которой составляли немецкие рабочие. В программе наряду с марксистским положением об освобождении рабочих силами самих рабочих и необходимости уничтожения всей системы наемного труда фигурировали лассальянские тезисы о создании с помощью государства производительных товариществ «для эксплуатации промышленных предприятий на благо народа» и др.

[1] Маркс — Карлу Шпейеру, 10 ноября 1871 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 33. С. 271.

Признавая марксистское положение о том, что экономическое освобождение рабочего класса является той великой целью, которой должно быть подчинено всякое политическое движение, программа утверждала, что Рабочая партия должна вести борьбу прежде всего на экономической основе. Секциям партии и рабочим усиленно рекомендовалось «воздерживаться пока от какой бы то ни было политической деятельности» [1].

Марксистская пропаганда на страницах рабочей печати была сведена к минимуму. Только орган Социалистической рабочей партии нью-йоркская газета «The Labor Standard», в редакции которой ведущую роль играл бывший член Генерального совета Интернационала ирландец Дж. Мак-Доннел, предоставила Энгельсу возможность выступать с изложением идей научного социализма. В 1878 году газета опубликовала серию статей Энгельса под названием «Европейские рабочие в 1877 году». На конкретных примерах рабочего движения разных стран он показал общность интересов пролетариев всех наций, необходимость борьбы против сектантства и повседневной работы в профессиональных союзах. При этом Энгельс ссылался на опыт германского рабочего движения, в котором профессиональные союзы работали «рука об руку» с политической организацией [2]. Для американского социалистического движения этот опыт имел особое значение, ибо партия оставалась изолированной от массовых рабочих союзов. Вскоре она распалась на ряд фракций.

* * *

Создание пролетарских партий отражало растущую насущную потребность рабочего движения. В осознании этой потребности стимулирующую роль сыграла Парижская коммуна, которая отчетливо показала, что освобождение рабочего класса может быть завоевано только самими рабочими и что условием успешной борьбы пролетариата является организация его самостоятельной политической партии.

Социалистические идеи, порождаемые классовыми противоречиями, отражали стремление рабочих к освобождению от эксплуатации, от капиталистического гнета. Понимание передовыми рабочими своего положения в обществе, своих классовых интересов и целей способствовало их переходу от стихийного социалистического сознания к усвоению теории, намечающей пути освобождения рабочего класса. Складывались более благоприятные условия для распространения марксизма. Его неоднозначное восприятие разными слоями пролетариата обусловливалось их жизненным опытом, их образовательным уровнем. Учение Маркса и Энгельса, как правило, усваивалось не как цельная теория; воспринимались лишь его отдельные стороны, которые в первую очередь отве-

[1] См.: Сборник документов по истории рабочего и социалистического движения стран Европы и США. С. 156—157.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 128.

чали интересам рабочего класса данной страны. Это отражалось и в программах молодых пролетарских партий. Сохранялось и влияние других социалистических течений, мелкобуржуазной идеологии.

Отсюда вытекала и главная задача, которую ставили Маркс и Энгельс и их ближайшие сторонники: сделать социалистические партии действительно передовым, мыслящим отрядом борющегося пролетариата, дать им знания, помочь овладеть революционной теорией, научить их на подлинно научной основе анализировать состояние рабочего движения, его задачи и вырабатывать тактику применительно к данным конкретным условиям.

На основе опыта Парижской коммуны и I Интернационала передовые рабочие убеждались в правильности основных идей марксизма; поддерживали выдвинутые социалистами требования: установление власти рабочего класса, обобществление основных средств производства, разделяли общие принципы революционной политики рабочего класса.

В то же время Маркс и Энгельс, по словам Ленина, учили руководство партий не забегать вперед, не принимать «изжитое для себя» за «изжитое для масс».

Начиная с 70-х годов учение Маркса и Энгельса о пролетарской партии из области теории переходило в область непосредственной практики. С появлением партий возникали качественно иные условия для распространения их учения, а это означало существенный шаг в его соединении с рабочим движением. Марксизм становился ведущим течением пролетарского движения.

По мере того как росли ряды социалистов и энергичнее велась классовая борьба, возрастало объективное стремление к совершенствованию не только политической и организационной, но и теоретической деятельности социалистических партий.

Глава вторая

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ СОЦИАЛИЗМА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 70-х ГОДОВ XIX ВЕКА

1. РАЗРАБОТКА МАРКСОМ И ЭНГЕЛЬСОМ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В ПОЛЕМИКЕ С МЕЛКОБУРЖУАЗНЫМИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМИ УЧЕНИЯМИ

После поражения Парижской коммуны в рабочем движении наступила полоса относительного затишья. Физическое уничтожение «цвета французского пролетариата» (по выражению Маркса) сопровождалось ударами реакции по пролетариату во всей Европе. Но, несмотря на все препятствия, происходил процесс сплочения сил рабочего класса. В западноевропейских странах складывались пролетарские партии. Для успешного преодоления трудностей на этом пути первостепенное значение приобрели распространение идей научного социализма среди рабочих, отпор сектантским, анархистским учениям. Теоретическое обобщение революционного опыта международного рабочего класса, особенно исторического опыта Парижской коммуны, дальнейшее развитие марксизма выдвинулось на первый план.

В развитии теоретических основ международного рабочего движения Маркс и Энгельс видели одну из важнейших своих задач. Необходимо было осмыслить накопленный опыт, дать ответы на новые проблемы движения. В письме И. Ф. Беккеру от 20 ноября 1876 года Энгельс отмечал: «Мы оба, Маркс и я, должны выполнить совершенно определенные научные работы, которые, как мы до сих пор видим, никто другой не может и даже не хочет делать. Мы должны использовать нынешний спокойный период мировой истории для того, чтобы закончить их. Кто знает, как скоро какое-нибудь событие снова бросит нас в гущу практического движения; тем более мы должны использовать краткий досуг, чтобы хоть немного развить не менее важную теоретическую сторону» [1].

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 34. С. 176.

Развитие коренных положений научного социализма Марксом и Энгельсом тесно переплеталось с полемикой против мелкобуржуазной идеологии прудонизма, бакунизма и бланкизма. Хотя опыт Парижской коммуны выявил несостоятельность этих течений, они и после Парижской коммуны имели еще немало приверженцев. Сами эти направления трансформировались, по-своему учитывая уроки классовой борьбы.

Для большинства представителей рабочих, принявших на Лондонской конференции (1871) и Гаагском конгрессе (1872) знаменитую резолюцию «О политическом действии рабочего класса», было очевидно, что будущие партии должны основываться на принципах Интернационала (т. е. в общем на марксистских положениях). Однако марксистская идеология еще не стала в то время достоянием передовых слоев пролетариата. Хотя среди деятелей общественного движения имя Маркса было уже широко известно, а его соратники и противники отдавали должное его вкладу в науку, в теорию социализма, но даже в Германии еще очень узок был круг людей, знающих наиболее важные работы Маркса и Энгельса, а имеющих более или менее цельное представление о марксизме были единицы. Вышедший в 1867 году первый том «Капитала» по своему содержанию и стилю изложения с трудом мог быть понят рабочими. Более доступные Учредительный манифест Международного товарищества рабочих, «Гражданская война во Франции» и другие документы Интернационала не давали возможности целостного восприятия марксизма.

Уроки Коммуны, развитие идейной борьбы в Интернационале необычайно усилили интерес рабочих к теории научного социализма. Уже широкое распространение «Гражданской войны во Франции» свидетельствовало об этом. Именно поэтому с начала 70-х годов переиздания и переводы основных работ становятся одной из важных сторон деятельности Маркса и Энгельса и их соратников. С другой стороны, восприятие марксистской теории нередко происходило противоречиво. Отдельные ее положения причудливо сочетались даже у передовых, наиболее образованных рабочих с идеями, заимствованными из чуждых марксистскому социализму учений. В период I Интернационала этот эклектизм в общем соответствовал тогдашнему уровню развития рабочего движения, но в новую эпоху, когда рабочее движение прошло через опыт первой пролетарской революции — Парижской коммуны, проблема ознакомления передовой части пролетариата с марксизмом как целостным учением, раскрытие его качественного отличия от других социалистических течений встала со всей остротой. Усиление воздействия научной теории, ее распространение становилось одной из наиболее сложных долговременных задач на пути формирования и укрепления пролетарских партий. Весьма сложной еще и потому, что необходимость идейного единства пролетарского движения даже ближайшими соратниками Маркса и Эн-

гельса осознавалась не сразу, а в начале 70-х годов практически не понималась ими.

Спад политической активности рабочего движения после поражения Коммуны способствовал оживлению сектантских течений, различных направлений мелкобуржуазного социализма, росту влияния реформистских настроений. Все эти непростые проблемы нашли свое отражение в написанных Марксом и Энгельсом работах, статьях, письмах. Среди них особенно видное место занимают такие произведения, как написанная Марксом, Энгельсом и П. Лафаргом брошюра «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих», серии статей Энгельса «К жилищному вопросу» и «Бакунисты за работой», а также тесно связанные между собой статьи Маркса «Политический индифферентизм» и Энгельса «Об авторитете» [1].

Критика Марксом и Энгельсом немарксистских социалистических течений

Изменения в сознании пролетарских масс, вызванные Парижской коммуной, их поворот к социализму в большинстве стран Европы, стремление к собственной политической организации создавали благоприятные условия для более широкого распространения идей научного социализма. Исходные позиции для нового этапа его соединения с массовым рабочим движением были завоеваны в годы I Интернационала. Влияние марксистов в пролетарском движении укреплялось в острой идейной полемике в Международном товариществе рабочих, в ходе которой все яснее становились принципиальные расхождения между различными существовавшими в нем течениями — в определении целей, методов и форм борьбы пролетариата, а также в мировоззрении. В целом раскол в Интернационале с реформистами (в первую очередь английскими тредюнионистами) и анархистами (бакунистами) имел позитивное значение.

Процесс превращения марксизма в доминирующее идейное направление в рабочем движении требовал ясного понимания того, что он собой представляет, в чем его отличие от других социалистических течений. Этого требовала и реальная обстановка, сложившаяся тогда в рабочем движении. Если Бакунин совершенно открыто и прямо выступал против Маркса, а свою теорию выдвигал как альтернативу марксизму, то многие анархисты далеко не были так последовательны. Даже в сознании передовых рабочих, в целом выступавших против Бакунина, причудливо сочетались отдельные положения марксизма и шедших от Бакунина анархистских взглядов. Это относится и к испанским социалистам Хосе Меса, Франсиско Мора и Пабло Иглесиасу, и к бельгийцу Сезару Де Папу, итальянцу Карло Кафьеро (последний в 1871—1872 годах

[1] История создания и публикации всех этих работ наиболее полно изложена в 24-м томе Полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на языках оригинала (MEGA. Abt. 1. Bd. 24. S. 603—649, 673—677, 776—944, 1013—1027).

окончательно переходит в лагерь бакунистов) и многим другим. Весьма сильным было воздействие и бланкистских взглядов, хотя, как отметил Энгельс, в области собственно социалистической программы бланкисты (прежде всего Эдуард Вайян) восприняли идеи «Коммунистического манифеста» [1].

В Германии у многих представителей Эйзенахской партии все еще не было четкого представления о принципиальном различии между научной теорией Маркса и положениями Лассаля. Сближение этих двух направлений в немецком рабочем движении происходило как в связи с определенной эволюцией лассальянцев, особенно ярко проявившейся в годы франко-прусской войны и Парижской коммуны, так и пренебрежительного отношения к теории вообще, что было характерно для части лидеров Эйзенахской партии.

Естественный приток новых членов в Социал-демократическую рабочую партию, так же как и рост других рабочих организаций, имел противоречивые последствия. Выходцы из других классов, да и просто впервые вовлекаемые в движение рабочие несли с собой груз старых воззрений, явственно проявлявшихся, даже если они искренне считали себя последователями или приверженцами Маркса. Явление это было типичным.

В условиях усиления идейной борьбы в рабочем движении начала 70-х годов XIX века Маркс и Энгельс стремились показать классовую природу, сектантский характер немарксистских направлений социалистической мысли. Критикуя бакунизм, они основное внимание обращают на раскольническую деятельность бакунистов в Интернационале, идеализм и абстрактность анархистских конструкций, проповедь ими «казарменного коммунизма», их заговорщическую тактику, волюнтаризм и т. д. [2] По-прежнему Маркс и Энгельс считают бакунинский Альянс немногочисленной сектой, не имеющей опоры в рабочем движении, а его социальный состав сводят к деклассированным элементам, «выбитой из колеи молодежи» и т. д. [3] Однако в действительности дело обстояло несколько иначе. Оставаясь по существу мелкобуржуазной идеологией, анархизм, в основном благодаря деятельности Бакунина, в 1871—1873 годах получил широкое распространение среди рабочих, преимущественно романских стран, отнюдь не только среди чернорабочих или рабочих в первом поколении. В Испании он распространяется в наиболее промышленно развитой Каталонии, захватывает бельгийских рабочих, высококвалифицированных

---

[1] См.: *Энгельс Ф.* Эмигрантская литература // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 514—515.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих // Соч. Т. 18. С. 327—330, 338, 341—342, 425—426 и др.

[3] См. там же. С. 376.— Эти положения неоднократно повторяются и в письмах.

рабочих Швейцарии, да и в Италии распространяется не только на отсталом юге страны. Позже, в 1878 году, Энгельс признал, что бакунизм действительно господствовал в рабочем движении Испании и Италии, оказал влияние на бельгийских рабочих [1]. Но в начале 70-х годов, подчеркивая сектантский характер бакунизма, Маркс и Энгельс еще не видели, что анархизм в этих странах стал массовым движением и сыграл хотя и относительную, но позитивную роль в процессе преодоления рабочими влияния буржуазного реформаторства и мелкобуржуазного реформизма. И надо сказать, что переход Маркса и Энгельса с середины 1872 года к публичной полемике с бакунистами и в особенности резкость ее тона не нашли понимания даже у некоторых их соратников.

Выяснение принципиального различия и несовместимости позиций научного социализма и анархизма как в теоретической, так и в тактической, а также организационной сферах тем не менее было в то время важнейшей задачей, от решения которой во многом зависело поступательное развитие рабочего движения. Был и другой аспект — на примере структуры и деятельности тайного бакунистского Альянса [2], а также нечаевского дела [3] Маркс и Энгельс вновь обращаются к проблеме этики революционера: недопустимости обмана масс, закулисных действий, диктаторских замашек, наличия двух программ — для избранных и для «непосвященных», требования слепого повиновения рядовых членов организации и т. д. Конкретное раскрытие этих проблем имело важное значение для формирования партий пролетариата.

В ходе идейной борьбы с бакунистами и бланкистами Маркс и Энгельс сформулировали важные тактические принципы пролетарской партии: о возможности и необходимости при определенных обстоятельствах вхождения представителей пролетарской организации (партии) — при условии сохранения ее самостоятель-

---

[1] См.: *Энгельс Ф.* Европейские рабочие в 1877 году // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 130.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих // Там же. Т. 18. С. 327—452.

[3] С. Г. Нечаев (1847—1882), учитель приходского училища и вольнослушатель Петербургского университета, начал свою деятельность с участия в студенческом движении 1868 года. Заручившись (во время поездки за границу) содействием Бакунина, Нечаев стал выдавать себя за представителя якобы существующей широкой революционной организации, связанной с Интернационалом. Ему удалось ввести в заблуждение группу демократической молодежи, вступившей в организацию, которой он дал характерное название «Народная расправа». Подлинное лицо Нечаева и характер его связей с Бакуниным разоблачили Маркс и Энгельс в работе «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих» (см.: Соч. Т. 18. С. 383—424; Т. 44. С. 458). Бакунин, как свидетельствуют опубликованные недавно документы, в конце концов отмежевался от Нечаева (*Confino M.* Violence dans la violence. Le débat Bakounine — Nečaev. Paris, 1973. P. 47—48). Известный «Катехизис революционера» Нечаева приобрел всемирно скандальную известность как апология допустимости любых средств борьбы во имя высоких целей.

ности — в революционные демократические правительства [1], о возможности и необходимости компромиссов в ходе развития революционного процесса. Указывая на необходимость гибкой политики, сообразующейся с изменениями политической ситуации, они вместе с тем подчеркивали: коммунисты являются коммунистами именно потому, что «они через все промежуточные станции и компромиссы, созданные не ими, а ходом исторического развития, ясно видят и постоянно преследуют конечную цель: уничтожение классов...» [2].

Критика Марксом и Энгельсом мелкобуржуазного социализма и мелкобуржуазной революционности в 70-е годы ведется на основе анализа и обобщения их типичных черт. Вместе с тем в ней появляется и такой принципиально новый момент, как анализ их воздействия на социал-демократию.

Первое, что отмечает Энгельс как характерную черту мелкобуржуазного социализма, является то, что он занимается в основном теми вопросами, теми язвами капитализма, которые затрагивают не только, а иногда не столько рабочий класс, сколько широкие слои трудящихся вообще, в том числе и мелкую буржуазию [3]. Дело не в том, что пролетариат должен отмахнуться от этих вопросов, а в том, что эти вопросы объявляются основными в борьбе пролетариата [4]. Энгельс показывает, как мелкобуржуазный социализм уводит рабочий класс от наиболее важного, коренного вопроса, стоящего перед ним,— ликвидации капиталистического способа производства путем пролетарской революции. Он подчеркивает, что только подлинные революционеры, пролетарские революционеры, борясь за коренное переустройство общества, тем самым борются и за реальное разрешение тех проблем, ликвидацию тех форм эксплуатации и гнета, которые затрагивают широкие слои трудящихся, тех проблем, которые мелкобуржуазный социализм на деле решить не может. С точки зрения Энгельса, утверждать, будто интересы рабочего класса и средних слоев абсолютно тождественны, что рабочий класс совершит «революцию» прежде всего «в интересах мелких буржуа»,— это и есть самая суть точки зрения мелкобуржуазного социализма. Впоследствии Энгельс вновь обратится к этим проблемам, вырабатывая взвешенное и, самое главное, осмысленное с классовых позиций сочетание общедемократических и пролетарских требований.

В полемике с мелкобуржуазными социалистами Энгельс указывал на непонимание, затушевывание ими природы и сущно-

---

[1] См.: *Энгельс Ф.* Бакунисты за работой // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 459—460, 473.

[2] *Энгельс Ф.* Эмигрантская литература // Там же. С. 515.— К этому положению неоднократно обращался Ленин.

[3] См.: *Энгельс Ф.* К жилищному вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 207, 209.

[4] См. там же. С. 210.

сти капиталистической эксплуатации, на их стремление уйти от анализа социальных реалий в юридически-правовую сферу, где они апеллировали к вечным истинам, «справедливости» и т. п. Он показал, что все эти черты их социального мышления, ярче всего проявившиеся в произведениях Прудона, обусловлены непониманием законов общественного развития. Опираясь на Марксовы «Нищету философии» и «Капитал», Энгельс подверг блестящей критике индивидуализм, свойственный мелкобуржуазному социализму в силу его классовой природы. Показывая, что мелкобуржуазный социализм — идеология мелкого крестьянина и ремесленника, стремящегося спасти себя от наступления крупного производства, Энгельс подчеркивал, что подобные социалисты, мнящие себя революционерами, на самом деле «с тоской оглядываются назад» [1], что, по сути дела, их воззрения не только утопичны, но в известном смысле и реакционны.

Анализируя сущность мелкобуржуазного социализма, Энгельс указывает как на характернейшую его черту на стремление «затушевать факт существования пролетариата». Именно в стремлении как бы растворить пролетариат в общем понятии «трудящиеся классы» Энгельс видит тот пункт, в котором «буржуазный социализм подает руку мелкобуржуазному» [2] и в котором выявляется одно из самых коренных различий между научным социализмом, с одной стороны, и всеми остальными социалистическими теориями — с другой.

Особенность мелкобуржуазного социализма, принимавшего после Коммуны новые формы, состоит, как отмечал Энгельс, в том, чтобы заставить рабочий класс забыть о необходимости вести классовую политику. Энгельс резко выступает против проникновения данных идей в социал-демократию. В связи с заявлениями австрийского социал-демократа Мюльбергера он пишет, что «Мюльбергер ставит себя вне пролетарского движения и оказывается в рядах мелкобуржуазного социализма» [3]. По существу, Энгельс сформулировал здесь мысль о том, что нельзя считать социал-демократом, пролетарским революционером того, кто не признает пролетарскую революцию и не борется за нее.

Анализируя условия и закономерности идейного развития рабочего движения, Энгельс доказывал, что одной из причин воскрешения мелкобуржуазного социализма является вынесение на первый план решения ограниченных «конкретных вопросов», выпячивание отдельных повседневных нужд трудящихся при игнорировании их долговременных, социальных интересов. Энгельс подчеркивал, что упрекать марксизм в уходе от реальных проблем несправедливо, что отказ от всестороннего научного анализа

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 18. С. 214.
[2] Там же. С. 231.
[3] Там же. С. 263—264.

реальной жизни характерен именно для мелкобуржуазного социализма. В связи с этим он формулирует важнейшее требование марксизма: «...первый шаг при подходе к определенным конкретным общественным отношениям состоит в том, что их изучают, что исследуют их действительную экономическую связь» [1].

В уходе от анализа общественных противоречий в целом, подмене такого анализа детализированными планами решения тех или иных проблем, поисками ответов на конкретные вопросы, которые могут быть даны лишь в процессе революционного преобразования всего общества, Энгельс видит истоки утопизма. Он писал: «...утопия возникает лишь тогда, когда пытаются, «исходя из существующих отношений», предуказать *форму*, в которой должна быть разрешена та или иная противоположность, присущая существующему обществу» [2]. Подлинная наука тем и отличается, с его точки зрения, от утопизма, что ее прогнозы, касающиеся путей исторического развития, определяют будущее лишь в самых общих чертах.

В 70-е годы появляется новый аспект в оценке немарксистских социалистических течений. Маркс и Энгельс констатируют, что социалистическое сектантство соответствует ранней стадии развития рабочего движения; выступая против его воскрешения, они тем не менее видят и его историческую закономерность. В то же время они нащупывают общие для всех социалистических систем положения. Эти мысли позже будут развернуты в «Развитии социализма от утопии к науке». Вместе с тем необходимо отметить, что, поскольку в начале 70-х годов наиболее важной идеологической задачей было размежевание марксизма и немарксистского социализма, работы основоположников марксизма, написанные в этот период, не содержали целостного анализа всех сторон мелкобуржуазного социализма, его достаточно устойчивого влияния, тех точек соприкосновения с марксизмом, которые дают возможность союза этих сил.

Критика прудонистской программы решения жилищного вопроса

В связи с быстрым развитием промышленности в европейских странах массы рабочих стягивались в крупные промышленные центры. Жилищная нужда в таких городах приобрела острые формы, продолжая и в дальнейшем носить хронический характер.

В этих условиях жилищный вопрос вызвал многочисленные публикации в рабочей и социалистической печати, выступления буржуазных реформаторов типа немецкого ученого Э. Закса. Внимание немецких социалистов и рабочих привлекли статьи «Жилищный вопрос», публиковавшиеся в 1872 году в течение целого месяца в лейпцигской газете «Volksstaat». Их автором был

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 18. С. 282.
[2] Там же. С. 277.

австрийский социал-демократ врач и публицист Мюльбергер.

Энгельс испытывал серьезные опасения в связи с тем, что партийный орган выступил с пропагандой по сути прудонистских воззрений.

Еще со времен написания «Положения рабочего класса в Англии» Энгельс прекрасно понимал, что жилищная нужда стала одной из язв капиталистического общества. И вновь, опираясь уже на экономическую теорию марксизма, он показывает утопизм всяких филантропических попыток разрешить эту проблему в рамках существующего строя.

Центральной мыслью его работы «К жилищному вопросу» является то, что жилищный голод является побочным по отношению к основному противоречию капиталистического общества, проявлением его античеловеческой эксплуататорской сущности, которое может быть в полной мере устранено только с ликвидацией капитализма.

Полемизируя с Мюльбергером, Энгельс противопоставил прудонистской доктрине принципы революционной теории, в ряде случаев дополнил и обогатил их новыми формулировками, научной аргументацией, доказывал преимущество революционного учения как теоретической основы для решения и этих, по его мнению побочных, но острых социальных вопросов. В полемической форме Энгельс осветил проблемы научного социализма: о государстве как классовой организации, об исторической необходимости социалистической революции, условиях ее осуществления, диктатуре пролетариата, пролетарской партии, проведении ею классовой политики.

Отмечая, что рабочий класс живет в скверных, перенаселенных нездоровых жилищах, Энгельс раскрывает социальные причины жилищной нужды и пути радикального решения жилищного вопроса.

Энгельс показал, что проекты Мюльбергера и Закса, при внешнем их различии, исходят из общих установок, опираясь на принципы права, морали, справедливости. Если Мюльбергер обещал, что с приобретением жилья в собственность сам собой ликвидируется капитализм, то Закс убеждал рабочих, что с получением домика каждый из них сам становится капиталистом, а капитализм превращается в идеальное общество. Неудивительно, что оба эти проекта решения жилищного вопроса в тех исторических условиях Энгельс расценивал как утопические и к тому же уводящие от решения коренных социальных проблем.

Проблема единства рабочего движения

Фактическое прекращение деятельности Международного товарищества рабочих, в чем не последнюю роль сыграл разрыв с анархистами и британскими реформистами, с одной стороны, и усиление тяги к единству рабочего класса, в том числе сближение эйзенахцев и лассальянцев,— с другой, осознавались многими деятелями рабочего движения, в том числе и сторонниками Маркса,

как противоречие, причем как противоречие в действиях Маркса и Энгельса, в их позиции. Необходимость перехода к новой форме организации в виде массовых политических партий понималась многими, но то, что преодоление старых форм означает достижение не только организационного единства, но в определенной мере и идейного единства движения, понять было труднее. Действительно, менее 10 лет назад Маркс выработал платформу, объединявшую самые разные течения в рабочем движении, обеспечивавшую единство действий на основе признания наиболее общих устремлений рабочих. Созданный на ее основе I Интернационал сыграл свою роль. Происшедшие в рабочем движении сдвиги привели к необходимости перехода к новым формам организации в виде массовых политических рабочих партий в масштабах страны. В ряде работ и письмах этого периода Маркс и Энгельс раскрывают диалектику этих процессов. Прежде всего речь шла об изменении организационных форм международного единства рабочего движения.

Подчеркивая объективный характер пролетарского интернационализма, Маркс и Энгельс вовсе не считали, что проявляться он должен обязательно в существовании международной организации, да и сами формы этой организации, полагали они, должны меняться. Маркс высказал в этой связи важное положение: «Международная деятельность рабочего класса разных стран не находится никоим образом в зависимости от существования *«Международного Товарищества Рабочих»*. Последнее было лишь первой попыткой создать для этой деятельности центральный орган...» [1] Энгельс в свою очередь констатировал, что Интернационал «в старой форме... себя пережил... Я думаю, что следующий Интернационал — после того как произведения Маркса в течение ряда лет будут оказывать свое влияние — будет чисто коммунистическим и провозгласит именно наши принципы» [2]. Таким образом, единая интернациональная организация пролетариата в виде Международного товарищества рабочих рассматривалась основоположниками марксизма как исторически обусловленная форма проявления (и оформления) единства рабочего движения. Это единство, считали они, может осуществляться разными путями, при этом создание новых международных форм объединения будет происходить на новом уровне и они не могут быть копией прежних.

Маркс и Энгельс отнюдь не считали, что единство рабочего движения означает полное преодоление различных точек зрения, идейных столкновений и борьбы мнений. Напротив, развитие рабочего движения неизбежно будет их порождать. Как писал

---

[1] *Маркс К.* Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 23.

[2] Энгельс — Фридриху Адольфу Зорге, 12—17 сентября 1874 г. // Там же. Т. 33. С. 538.

Энгельс, ««солидарность пролетариата» в действительности повсюду осуществляется в виде различных партийных группировок...» [1]. Это глубокое понимание проблемы единства и его осуществления дополняется важной мыслью, сформулированной в ходе полемики с бакунистами. Для обеспечения успеха революции, указывали Маркс и Энгельс в своей работе «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих», необходимо *единство мысли и действия*. Однако принципиально важна также природа этого единства. «Единство», построенное по типу иезуитского ордена, Маркс и Энгельс принципиально отвергали. Критикуя Бакунина за то, что для него «требуется только тайная организация сотни людей, привилегированных представителей *революционной идеи*» [2], основоположники марксизма указывали, что в этом случае единство мысли и действия означает не что иное, как догматизм и слепое повиновение. Такому способу организации революционных сил они противопоставляли опыт Интернационала, который стремился создать единство рабочего движения путем пропаганды, дискуссий и открытой организации пролетариата.

Объективные условия социальной революции

Проблема революции и в 70-е годы по-прежнему остается одной из центральных проблем, которую в полемике со своими оппонентами развивали и конкретизировали Маркс и Энгельс. Становилось достаточно очевидно, что волна революционных потрясений в Европе на время утихла. Их уроки, а также перспективы рабочего движения в новых условиях настоятельно требовали научного осмысления. Большое внимание Маркс и Энгельс уделяют анализу революции в Испании. Незадолго до этого они дали яркую оценку героизму «штурмующих небо» коммунаров. Гимном их борьбе была «Гражданская война во Франции». Теперь же требовалось оценить выступление значительно больших масс рабочих в Испании. Уже не в одном только городе, а в нескольких местах, хотя и на более короткий срок, чем в Париже, власть перешла к рабочим или к блоку мелкобуржуазных и пролетарских сил.

Однако если в Париже выступление рабочих было спровоцировано контрреволюцией, то в Испании восстание было вызвано мелкобуржуазными экстремистами, действия которых увлекли и рабочие организации. Направлено оно было против действительно демократического правительства, еще не успевшего ни укрепиться, ни справиться с силами контрреволюции. В Париже рабочие действовали стихийно, их величайшей заслугой было то, что в ходе практической деятельности они сумели отбросить

---

[1] Энгельс — Августу Бебелю, 20 июня 1873 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 33. С. 496.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих // Там же. Т. 18. С. 342.

старые догмы, абстрактные схемы. В Испании же выступление рабочих возглавили анархисты. Энгельс, однако, писал, что анархисты не столько возглавили, сколько «обезглавили» рабочее движение, ибо они либо стремились осуществить свои схемы и догмы вне связи с конкретной исторической ситуацией, либо, не сумев разобраться в обстановке, просто отказались от каких-либо целенаправленных действий.

Осмысление уроков Коммуны, а также борьбы испанских рабочих выдвинуло на первый план проблему диалектики объективного и субъективного в пролетарской революции. К этой теме почти сразу же вслед за упомянутыми событиями обращаются Маркс (в конспекте книги Бакунина «Государственность и анархия») и Энгельс (в «Бакунистах за работой»). При этом особое внимание уделяется широкому кругу социально-политических вопросов, выяснение которых способствовало более глубокому и конкретному пониманию предпосылок социалистической революции. Не случайно Маркс в период работы над «Гражданской войной во Франции» так детально анализировал эволюцию буржуазного государства, в ходе чего он пришел к выводу о необходимости и возможности слома военно-бюрократической государственной машины буржуазии.

Анализируя обстановку в Испании, Энгельс делает вывод: «Испания страна настолько отсталая в промышленном отношении, что там и речи быть не может о *немедленном* полном освобождении рабочего класса. Прежде чем дело дойдет до этого, Испания необходимо должна пережить еще различные предварительные ступени развития и устранить с пути целый ряд препятствий. Пройти эти предварительные ступени в возможно более короткий промежуток времени, быстро устранить эти препятствия,— таковы были шансы, которые открывала республика» [1]. Испания, доказывал, исходя из этого, Энгельс, объективно стояла перед решением буржуазно-демократических задач, и дело состоит не только в том, что их решение значительно ускорило бы развитие капиталистических отношений, но и в том, что установление демократических свобод создавало необходимые условия для развития рабочего движения. Маркс и Энгельс на примере Испании показали, что буржуазно-демократическую революцию и собственно социалистическую может разделять значительный отрезок времени [2]. Такая постановка вопроса, означая известную корректировку прежних представлений основоположников марксизма о непрерывной революции, будет развиваться ими в последующие годы.

---

[1] *Энгельс Ф.* Бакунисты за работой // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 457—458.

[2] Эти мысли приводятся и в статье «Республика в Испании» (MEGA. 1/24. S. 130—133), и в письмах.

Констатация преждевременности самостоятельных выступлений пролетариата, осуждение авантюристических действий анархистов, с точки зрения Маркса и Энгельса, отнюдь не равнозначны отказу от революционных действий и революционного воспитания пролетариата [1]. Энгельс упрекает бакунистов не за их приверженность революционным методам борьбы, а за растерянность, за неумение возглавить массы, коль скоро восстание началось, за непродуманность и нерешительность их тактики. В статье «Бакунисты за работой» в гораздо более четкой и ясной форме, чем раньше, развиваются важнейшие положения марксизма о вооруженном восстании как искусстве, о необходимости смелых и решительных действий, концентрации сил на решающих направлениях с тем, чтобы достичь перевеса над силами контрреволюции, о необходимости захвата инициативы в свои руки, ясного понимания цели и ближайших задач восстания, о возможности и необходимости блокироваться с другими революционными силами, вести их за собой, а не идти у них на поводу.

Определенный шаг вперед был сделан в это время и в проблеме мирного пути развития революции. В работе «К жилищному вопросу» Энгельс формулирует очень важное положение о возможности различных способов решения задач социалистической революции. Он пишет: «Вообще вопрос вовсе не в том, захватит ли пролетариат, достигнув власти, орудия производства, сырые материалы и жизненные средства путем простого насилия, заплатит ли он тотчас же вознаграждение за это, или выкупит постепенно эту собственность небольшими частичными платежами. Пытаться ответить на этот вопрос заранее и относительно всех возможных случаев — значило бы фабриковать утопии...» [2] Здесь вопрос о возможности мирного завоевания пролетариатом политической власти дополняется указанием на возможность различных путей преобразования собственности. Мысль Энгельса чрезвычайно важна в методологическом отношении: невозможно дать раз и навсегда ответ на все случаи жизни, пролетарская революция должна будет всякий раз исходить из реальных, конкретных обстоятельств.

Проблемы государства и революции

Уже в начале 70-х годов достаточно четко проявляется характерное для всего открытого Коммуной периода усиление внимания Маркса и Энгельса к проблемам государства, его сущности и перспективам развития. И вновь в анализе этой темы явственно видно как продолжение прежних линий исследова-

[1] В анархистской и реформистской литературе работы «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих» и «Бакунисты за работой» рассматриваются как осуждение Марксом и Энгельсом революционных действий вообще.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 18. С. 278—279.

ния, так и появление новых идей, во многом подготовленных «Капиталом», а также «Гражданской войной во Франции».

Отдавая должное той особой роли, которую играла в то время германская социал-демократия, Энгельс обратился в этой связи к изучению истории Германии [1]. Размышляя над путями развития Германии, Энгельс подчеркивает, что роль политической надстройки в зависимости от обстоятельств может быть различна. Он пишет, что отсталая страна «в промышленном отношении неизбежно подвергалась влиянию меняющихся политических обстоятельств в гораздо большей степени, чем активные и передовые в промышленном отношении страны» [2].

По-прежнему значительное место в работах этого времени занимает раскрытие классового характера буржуазного государства, его антинародной сущности. «Государство,— пишет Энгельс,— есть не что иное, как организованная совокупная власть имущих классов, землевладельцев и капиталистов, направленная против эксплуатируемых классов, крестьян и рабочих. Чего не желают отдельные капиталисты... того не желает и их государство» [3]. Иначе говоря, подчеркивает Энгельс, буржуазное государство это — «*совокупный* капиталист» [4].

Характеризуя государство в Германии, Энгельс продолжает анализ прусской формы бонапартизма, начатый еще в статье «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия». Он показывает, что классовую основу прусского государства наряду с крупнопоместным дворянством составляет и буржуазия. «Но,— заметил Энгельс,— как и в старой абсолютной монархии, в современной бонапартистской действительная правительственная власть находится в руках особой офицерской и чиновничьей касты, которая в Пруссии пополняется частью из собственной среды, частью из мелкого майоратного дворянства, реже — из высшего дворянства и в самой незначительной части — из буржуазии. Самостоятельность этой касты, которая кажется стоящей вне и, так сказать, над обществом, придает государству видимость самостоятельности по отношению к обществу» [5]. Процесс эволюции этого государства ведет, однако, к тому, что его «небуржуазные элементы» с каждым днем все более обуржуазиваются, и во всех экономических вопросах прусское государство реально все более подпадает под влияние буржуазии, которая из боязни перед пролетариатом готова мириться со всем средневековым хламом.

---

[1] Работа эта не была завершена. Написанные им «Заметки о Германии» были опубликованы в 18-м и 45-м томах Сочинений.

[2] См.: *Энгельс Ф.* Заметки о Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 573.

[3] *Энгельс Ф.* К жилищному вопросу // Там же. С. 253.

[4] См. там же. С. 254.

[5] Там же.

В произведении «К жилищному вопросу» и в «Добавлении к предисловию 1870 г. к «Крестьянской войне в Германии»» (1875) Энгельс продолжил анализ своеобразных черт прусско-бисмарковской разновидности бонапартизма. Вслед за Марксом он рассматривал бонапартизм как особую государственную форму, появляющуюся в определенных исторических условиях для охраны господства эксплуатататоров от натиска рабочего класса. Энгельс писал, что «с того момента, когда речь пошла уже не о защите дворянства от натиска буржуазии, а об охране всех имущих классов от натиска рабочего класса, старая абсолютная монархия должна была полностью превратиться в специально для этой цели выработанную государственную форму: *в бонапартистскую монархию*» [1]. Поэтому нет никаких оснований говорить о каком-то особом, надклассовом характере прусско-бисмарковского государственного строя. Характеризуя «германскую империю прусской нации», Энгельс подчеркивал, что она представляет «истинную представительницу милитаризма» [2]. Наличие особой, кажущейся самостоятельной чиновничьей касты, засилие военщины — таковы черты Германской империи.

С другой стороны, продолжая критику различных форм буржуазного государства, Маркс и Энгельс все больше внимания уделяют проблеме судеб государства и необходимости пролетарской государственности.

Распространенные в то время представления анархистов о том, что государство, как таковое, есть сила, стоящая над обществом, всегда враждебная ему, что государство — источник всех бед, и, следовательно, ликвидация государства есть альфа и омега полного социального переворота, требовали ответа, конкретизации теории. Маркс и Энгельс подчеркивают абстрактно-идеалистический характер анархистских построений, при котором действительное положение вещей фактически переворачивается с ног на голову. «...Бакунин утверждает,— пишет Энгельс,— что *государство* создало капитал, что капиталист обладает своим капиталом *только по милости государства*. Так как, следовательно, государство является главным злом, то необходимо прежде всего упразднить государство, и тогда капитал сам собой полетит к черту. Мы же говорим обратное: упраздните капитал — присвоение немногими всех средств производства,— и тогда государство падет само собой. Разница существенная: упразднение государства без осуществления прежде социального переворота — бессмыслица; упразднение же капитала — это *и есть* социальный переворот и заключает в себе преобразование всего способа производства» [3].

---

[1] *Энгельс Ф.* К жилищному вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 495.
[2] См.: *Энгельс Ф.* Официозный вой о войне // Там же. С. 565.
[3] Энгельс — Теодору Куно, 24 января 1872 г. // Там же. Т. 33. С. 328.

Идея социально-экономической обусловленности государства определила марксистское понимание его судеб. Маркс и Энгельс доказывали необходимость государства и после пролетарской революции. Однако, считали они, государство будет совсем иным, чем при капитализме.

Анализируя рассуждения Бакунина в книге «Государственность и анархия» [1] о том, что может означать положение о превращении пролетариата в господствующий класс («над кем он будет господствовать?»), Маркс пишет: «Это значит, покуда существуют другие классы, в особенности класс капиталистический, покуда пролетариат с ним борется (ибо с приходом пролетариата к власти еще не исчезают его враги, не исчезает старая организация общества), он должен применять меры *насилия,* стало быть, правительственные меры; если сам он еще остается классом и не исчезли еще экономические условия, на которых основывается классовая борьба и существование классов, они должны быть насильственно устранены или преобразованы, и процесс их преобразования должен быть насильственно ускорен» [2].

Развивая эти мысли, Маркс высказал ряд важных соображений относительно задач и протяженности периода существования пролетарской государственности. Он писал: «*Классовое господство* рабочих над сопротивляющимися им прослойками старого мира должно длиться до тех пор, пока не будут уничтожены экономические основы существования классов» [3]. Здесь содержится как бы эскизный набросок будущих формулировок «Критики Готской программы». Государство будет необходимо победившему пролетариату на довольно длительный период времени, требующийся для коренных социально-экономических преобразований, для подавления сопротивления свергнутых классов.

Маркс подверг критике и одну из центральных идей анархизма — отрицание всякого авторитета. В понятие «авторитет» Бакунин включал все, что противостоит абсолютной свободе личности, все, что ограничивает волю и действия индивида (будь то воля большинства, любая система управления, но прежде всего — государство). Раскрывая нелепость этих конструкций, Маркс писал: «Неужели, например, в профессиональном союзе весь союз образует свой исполнительный комитет? Неужели на фабрике исчезнет всякое разделение труда и различные функции, из него вытекающие? А при бакунинском построении «снизу

---

[1] Конспект Маркса этого программного произведения Бакунина впервые был опубликован в 1926 году в «Летописях марксизма» (№ 11). Подробный, иногда включающий целые страницы бакунинского текста конспект свидетельствует, что Маркс серьезно размышлял над аргументацией теоретика анархизма по вопросам будущей судьбы государства.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 18. С. 611.

[3] Там же. С. 617—618.

вверх» разве все будут «вверху»? Тогда ведь не будет никакого «внизу». Неужели все члены общины будут в равной мере ведать общими интересами «области»? Тогда не будет никакого различия между общиной и «областью»»[1].

Другую сторону вопроса о необходимости пролетарского государства с точки зрения его хозяйственных функций развил в ряде писем и статье «Об авторитете» Энгельс.

Прежде всего Энгельс ставит вопрос в конкретно-исторической плоскости, показывает бессмыслицу попыток решать его вне времени и пространства. «Авторитет и автономия вещи относительные, и область их применения меняется вместе с различными фазами общественного развития,— пишет он.— Если бы автономисты хотели сказать только, что социальная организация будущего будет допускать авторитет лишь в тех границах, которые с неизбежностью предписываются условиями производства, тогда с ними можно было бы столковаться. Но они слепы по отношению ко всем фактам, которые делают необходимым авторитет, и они борются страстно против слова»[2]. А факты таковы, что развитие крупного машинного производства, крупной промышленности неизбежно требует централизации, усиления «авторитета» для координации действий людей в процессе производства, строгой дисциплины. «...Комбинированная деятельность, усложнение процессов, зависящих друг от друга, становятся на место независимой деятельности отдельных лиц. Но комбинированная деятельность означает организацию, а возможна ли организация без авторитета?»[3] И Энгельс заключал, что «желать уничтожения авторитета в крупной промышленности значит желать уничтожения самой промышленности...»[4]. Таким образом, становится очевидной необходимость пролетарского государства с точки зрения его экономических функций. Именно поэтому, заключая статью, Энгельс пишет, что «политическое государство, а вместе с ним и политический авторитет исчезнут вследствие будущей социальной революции, то есть что общественные функции потеряют свой политический характер и превратятся в простые административные функции, наблюдающие за социальными интересами»[5]. Таким образом, общественно необходимые функции государства, затененные его классовой природой в антагонистических формациях, выйдут в будущем обществе на первый план. С другой стороны, здесь так же, как в работе «К жилищному вопросу», вновь подчеркивается временный характер пролетарского государства, то, что оно постепенно отомрет.

Анализируя проблему авторитета, Маркс и Энгельс доказы-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 18. С. 615.
[2] Там же. С. 304—305.
[3] Там же. С. 303.
[4] Там же. С. 304.
[5] Там же. С. 305.

вают, что в будущем обществе он будет носить относительный характер. Освобождение индивида, процесс отмирания политического государства связывается ими с демократизацией всего общества. Отвечая на заявление Бакунина о неизбежности порабощения человека пролетарским государством (как и всяким государством вообще), ибо невозможно, чтобы весь народ из объекта управления стал субъектом суверенной власти, Маркс пишет, что пролетарское государство сможет стать действительной и подлинной демократией, начинающейся с общинного самоуправления [1]. Эту же мысль он высказал в статье «Национализация земли». После завоевания пролетариатом политической власти и установления социализма «не будет больше правительства или государства, отделенных от самого общества! Сельское хозяйство, горное дело, фабричная промышленность — одним словом, все отрасли производства — постепенно будут организованы наиболее целесообразным образом» [2].

Эти мысли о самоуправлении народа, о завоевании последовательной демократии являлись альтернативой той трактовке этой весьма серьезной проблемы, которая была предложена теоретиками анархизма, главным образом М. Бакуниным. Считая, что власть всегда и при любых условиях развращает людей и порождает насилие, Бакунин распространял это утверждение и на пролетарское государство. Он считал, что оно будет неизбежно противостоять народу и порождать обособленную и своекорыстную касту чиновников-бюрократов, которые «будут представлять какие не народ, а себя и свои притязания на управление народом» [3]. В дальнейшем жизнь показала обоснованность таких опасений. Острая постановка данного вопроса анархистами, в особенности Бакуниным, таким образом, правомерна. Однако их попытки решения этих проблем путем деклараций, сочетаемых с умозрительной, иногда мелочной регламентацией будущего общественного устройства, были несостоятельны, что и вызвало их резкую оценку со стороны марксистов.

Маркс и Энгельс искали ответы на эти вопросы не только в теоретическом плане, они пытались найти хотя бы основы их решения в реальной жизни. Именно поэтому Маркс и Энгельс с таким вниманием изучают опыт Коммуны по организации управления, выборность и ответственность ее уполномоченных, систему оплаты их труда (не выше, чем оплата труда квалифицированного рабочего), формы самоорганизации населения и другие необходимые меры по предотвращению возможности обособления государственной власти от общества. Конечно, эти меры были лишь

---

[1] См.: *Маркс К.* Конспект книги Бакунина «Государственность и анархия» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 616.

[2] *Маркс К.* Национализация земли // Там же. С. 57.

[3] *Бакунин М. А.* Государственность и анархия // Избранные сочинения. Пб., 1919. Т. 1. С. 294—295.

попыткой нащупать конкретные пути решения проблемы демократизации власти. Но в начале 70-х годов XIX века иного опыта не было. Решая проблему в общем виде, Маркс и Энгельс оставляли грядущим поколениям ее конкретизацию и практическое осуществление, отмечая как центральные пункты слом старой военно-бюрократической государственной машины, прямое волеизлияние народа, право отзыва выборных представителей в любое время, уничтожение материально привилегированного положения чиновников.

Контуры будущего общества

Кроме судеб государства и власти после революции, Маркс и Энгельс в рассматриваемый период обращают внимание и на ряд других аспектов будущего общества. В противовес буржуазным реформаторам, считавшим возможным кардинальное решение вопиющих социальных проблем без изменения общественного строя, в противовес мелкобуржуазным иллюзиям возможности вне классовой политики решить жизненно важные «реальные» проблемы трудящихся масс они доказывают, что решить все эти проблемы коренным образом возможно лишь путем пролетарской революции, в ходе преобразования общества на социалистических началах.

То, что рабочему классу в ходе революции придется решать общедемократические задачи, то, что он является выразителем интересов широких слоев трудящихся, было ясно и раньше. Парижская коммуна наглядно подтвердила это. В новых условиях, в период образования самостоятельных политических партий общедемократические требования рабочего движения приобретали особое значение — они должны были занять свое место в программах партий, в их деятельности. А для этого требовалось четкое соотнесение конечной цели пролетариата и его ближайших задач, решение вопроса о его политических союзниках, углубленный анализ общегуманистической сущности социализма.

Проблема отношения к крестьянству была одной из важнейших и теоретических и практических проблем, которые решал марксизм. Причем подходы, аспекты этих решений были многоплановы. В особенности уроки революции 1848—1849 годов и затем установления бонапартистского режима во Франции показали необходимость политического союза пролетариата и крестьянства для борьбы с остатками феодализма и крупным капиталом. Без такого союза, как показал опыт, пролетарская революция обречена на поражение. Не менее существенна была, с точки зрения основоположников марксизма, и проблема социалистического преобразования сельского хозяйства. В полемике с мелкобуржуазным социализмом (в первую очередь Прудоном) Маркс и Энгельс высказывали мысль об исторической обреченности мелкой крестьянской собственности и преимуществах крупного производства в сельском хозяйстве. В ходе полемики с анархистами и, в особен-

ности, в связи с анализом уроков Коммуны, Маркс и Энгельс обращают значительное внимание на анализ возможных путей социалистического преобразования сельского хозяйства, методов привлечения к нему крестьянства. Ими были выдвинуты важные положения о необходимости дифференцированного подхода к крестьянству, о передаче крупных поместий для коллективной обработки, вообще создания взамен парцеллы крупных коллективных хозяйств.

В принципиальном плане эти идеи выдвигались и раньше. В конспекте книги Бакунина Маркс подчеркнул необходимость гибкого подхода к социалистическим преобразованиям в деревне, которые не могут быть проведены декретированием, волевыми действиями. В тех странах, где крестьянство образует более или менее значительное большинство, речь, по Марксу, может идти лишь о постепенном социалистическом преобразовании крестьянского хозяйства. Для победы рабочей революции, писал Маркс, пролетариат должен в качестве правительства принимать меры в двух направлениях. Во-первых, те, что непосредственно улучшат положение крестьянина и которые, следовательно, привлекут его на сторону революции; и, во-вторых, те, которые «в зародыше облегчают переход от частной собственности на землю к собственности коллективной, так чтобы крестьянин сам пришел к этому хозяйственным путем» [1]. Маркс предупреждал против насильственного преобразования частнокрестьянских хозяйств в коллективные; он писал, что «нельзя огорошивать крестьянина, провозглашая, например, отмену права наследования или отмену его собственности...» [2]. Беспочвенными казались ему поэтому опасения Бакунина по поводу возможного принуждения крестьянства пролетарской диктатурой: «Хороша идея, что господство рабочих включает в себя порабощение сельскохозяйственного труда!» [3]

В ходе полемики с Мюльбергером преобразование сельского хозяйства выступило отчасти в новом аспекте, как проблема ликвидации веками сложившегося разделения труда, одним из первых проявлений которого было отделение города от деревни. То, что в будущем коммунистическом обществе будет покончено с разделением труда, приковывающего индивида к определенному, не зависящему от его желания, роду деятельности, предполагали классики утопического социализма. Об этом писали Маркс и Энгельс в общем виде в своих первых трудах. В работе «К жилищному вопросу» Энгельс резко выступил против утверждений о естественном и извечном характере противоположности между

---

[1] См.: *Маркс К.* Конспект книги Бакунина «Государственность и анархия» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 612.

[2] Там же.

[3] Там же.

городом и деревней. Энгельс здесь как бы защищает идеи великих утопистов от мелкобуржуазных эпигонов социализма. Прежде всего он показывает порочность самого метода Мюльбергера, для которого «естественное» равно «исторически возникшему» (на этом основании, пишет Энгельс, можно сделать вывод о «естественности», т. е. непреодолимости противоположности между рабочим и капиталистом). Именно исторический характер этой противоположности логически и определяет, что она не будет существовать вечно.

Энгельс аргументирует необходимость уничтожения противоречия между городом и деревней «практическим требованием как промышленного, так и сельскохозяйственного производства» [1]. При этом он опирается на работы современных ему агрохимиков (Либиха), а также на анализ последствий уродливого роста при капитализме крупных городов [2].

Центральной мыслью Энгельса является то, что решение этой проблемы возможно лишь при ликвидации капиталистического способа производства, при социалистическом преобразовании деревни. «Только возможно более равномерное распределение населения по всей стране, только тесная внутренняя связь промышленного и земледельческого производства наряду с необходимым для этого расширением средств сообщения,— конечно, при условии уничтожения капиталистического способа производства,— в состоянии вырвать сельское население из изолированности и отупения, в которых оно почти неизменно прозябает в течение тысячелетий» [3].

Таким образом, в произведениях начала 70-х годов Маркс и Энгельс, исходя из своих представлений о тенденциях исторического развития, наметили широкий круг социально-политических и хозяйственно-производственных вопросов, связанных, по их мнению, с проблемой создания социалистического общества.

2. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

Развитие международного рабочего движения в 70—80-х годах XIX века обусловливало необходимость теоретической разработки Марксом и Энгельсом вопросов, которые возникали в нем при определении программных задач и целей. К числу важнейших теоретических работ марксизма, в которых содержатся принципиальные положения, раскрывающие цели пролетарских партий, относится и «Критика Готской программы» Маркса.

В конце апреля — начале мая 1875 года Маркс пишет произ-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 18. С. 276.
[2] См. там же.
[3] Там же. С. 276—277.— Мысли эти затем будут развиты в «Анти-Дюринге».

ведение, которому суждено было оказать большое влияние на последующее развитие революционной теории. Речь идет о «Заметках на полях программы немецкой рабочей партии», более известных под названием «Критика Готской программы». Как это нередко бывало, работа Маркса была вызвана совершенно конкретным поводом и преследовала четко определенные цели.

Присланный Марксу проект партийной программы призван был увенчать процесс преодоления раскола немецкого рабочего движения, наметившийся с конца 1874 года. На предстоящем в Готе объединительном съезде две крупнейшие рабочие организации Германии: социал-демократическая партия (эйзенахцы) и лассальянский Всеобщий германский рабочий союз должны были слиться в единую общегерманскую пролетарскую партию. Приветствуя объединение усилий немецких рабочих в борьбе за свои права, Маркс и Энгельс, однако, не считали, что эта задача может быть достигнута любым путем, ценой, например, серьезных уступок в принципиальных вопросах. Они видели, что соотношение сил в рабочем движении Германии меняется в пользу эйзенахцев, и полагали поэтому, что с объединением надо подождать до тех пор, пока запутавшаяся в собственных противоречиях лассальянская организация не будет вынуждена в конце концов капитулировать, а до поры до времени можно ограничиться соглашением о действиях против общего врага [1]. Весной 1875 года наиболее реальным был второй вариант. Находившийся в состоянии глубокого внутреннего кризиса (явившегося одной из причин, побудивших часть руководства лассальянцев предпринять первые шаги, направленные в сторону соглашения с эйзенахцами) Всеобщий германский рабочий союз продолжал тем не менее почти вдвое превосходить эйзенахцев по численности и располагал более прочной финансовой базой [2]. Это, казалось, понимали и лидеры социал-демократической партии, в частности В. Либкнехт. Тем более неприятной неожиданностью оказался для Маркса и Энгельса полученный ими проект программы, означавший, что вопрос об объединении фактически решен и что этот результат стоил социал-демократической партии серьезных идейных потерь. Отношение основоположников марксизма к случившемуся и к документу, в котором оно отразилось, оказалось зафиксировано не только в «Критике Готской программы», но и в сопроводительном письме Маркса Бракке 5 мая, а также в письмах Энгельса Бебелю 18—28 марта и 12 октября и Бракке 11 октября 1875 года. Их содержание во многом (но не во всем) перекликается с содержанием работы Маркса и серьезно поясняет его. Сравнение этих документов позволяет предположить, что меж-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 12.

[2] См.: *Федоровский Н. Г.* «Критика Готской программы» К. Маркса и некоторые аспекты развития германской социал-демократии // Марксизм и рабочее движение XIX века. Некоторые актуальные проблемы теории и истории. М., 1988.

ду Марксом и Энгельсом и в данном случае было соблюдено определенное разделение труда. Помимо некоторых общих моментов, затронутых и в письмах, и в «Критике», в каждом из этих источников есть круг тем, присущий только ему, составляющий его специфику. Так, например, Энгельс совершенно не касается многих теоретических проблем, поднятых Марксом в своей работе, а тот в свою очередь ни словом не обмолвился (в самих замечаниях) о своем отношении к предстоящему объединению.

Какие цели преследовал Маркс, подвергая каждый параграф присланного ему проекта тщательному разбору? В его письме к В. Бракке и в письме Энгельса к Бебелю названы эти причины. Прежде всего, это теоретическая незрелость программы, даже в независимости от преобладания в ней лассальянских идей [1]. Придерживаясь мнения, что «каждый шаг действительного движения важнее дюжины программ», Маркс в то же время придавал большое значение научному уровню важнейших партийных документов. Он считал их вехами, «по которым люди судят об уровне партийного движения» [2]. В представленном же проекте, как писал Энгельс, все социалистические мероприятия принадлежали лассальянцам, в то время как эйзенахская партия «внесла туда только требования мелкобуржуазной демократии» [3]. Маркс также рассматривал свои замечания как предупреждение руководству эйзенахцев о возможном его и Энгельса публичном отмежевании от Готской программы, которая, по словам Энгельса, была шагом назад даже по сравнению с Эйзенахской [4].

В предисловии к первой публикации работы Маркса в 1891 году Энгельс подчеркнул значение «Критики» в развернувшейся в партии дискуссии о характере новой программы, которую предполагалось принять на ближайшем после отмены закона о социалистах съезде. Кроме того, он выдвинул на первый план антилассалевскую направленность Марксовых замечаний, в которых впервые ясно и четко высказано отношение Маркса к линии, взятой Лассалем с начала его агитационной деятельности, «и притом как к экономическим принципам Лассаля, так и к его тактике». Резкий тон произведения Энгельс объяснял особым вниманием своим и Маркса к немецкому рабочему движению [5] и той ответственностью, которую они несли за его судьбу.

В работе «Государство и революция» Ленин высоко оценил положительную часть «Критики Готской программы», видя ее значение в анализе «связи между развитием коммунизма и отмира-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 11—12.
[2] См. там же. С. 12.
[3] См. там же. С. 7.
[4] См.: *Энгельс Ф.* Письмо А. Бебелю, 18—28 марта 1875 г. // Там же. С. 6.
[5] См. там же. Т. 22. С. 95—96.

нием государства» [1]. С его точки зрения, этот позитивный момент оказался затемненным полемической частью работы, состоящей в критике лассальянства [2].

На первый взгляд Маркс, Энгельс и Ленин оценивали задачи, решаемые в «Критике Готской программы», не совсем одинаково. Однако никакого противоречия в этом нет. Все проблемы, на которые они обратили внимание, присутствуют в данной работе. Каждый из классиков научного социализма выделил те из них, значение которых определялось конкретными условиями рабочего движения своего времени, классовой борьбой и потребностями развития революционной теории.

Критикуя проект программы, Маркс стремился показать своим соратникам в руководстве социал-демократической партии опасность пренебрежения теорией, идейно-теоретическими принципами в практической борьбе пролетариата за свои политические и социальные права. Доказать несостоятельность многих программных положений (часть которых восходила к Лассалю) было нужно не потому, что они представляли еще серьезное препятствие на пути распространения в среде рабочих научных взглядов на цели своего движения и на пути к освобождению труда. К середине 70-х годов XIX века критическое отношение к основным агитационным лозунгам Лассаля было широко распространено даже среди его последователей. Сохранение важнейших лассалевских требований в проекте программы означало признание объединенной партией правомерности лассалевской тактики (ориентированной исключительно на законные формы политической борьбы), традиций и ценностей (включая культ создателя Всеобщего германского рабочего союза). Осознание возможности преобладания идей лассальянцев, которой было чревато объединение на их условиях, и побудило Маркса взяться за перо [3]. Тем более что лидеры и рядовые члены эйзенахской партии в своем искреннем стремлении к столь долгожданному единству немецкого рабочего движения были полны радужных надежд и ни о каких возможных последствиях даже не помышляли.

Анализируя каждый пункт проекта, Маркс не просто доказывал его политическую и научную уязвимость, а стремился наметить путь конструктивного решения проблемы. Так рождались теоретические положения «Критики Готской программы», значение

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 33. С. 83.

[2] См. там же.

[3] Некоторые западногерманские историки, признавая в целом Марксову критику вполне справедливой, не считают, однако, что она была вызвана отраженным в проекте программы компромиссом между лассальянцами и эйзенахцами. Они придерживаются мнения, что такого компромисса вообще не было. Идеи, отраженные в программе, утверждают они, в основном соответствовали представлениям одного из главных творцов проекта — В. Либкнехта, которые отличались от взглядов Маркса и Энгельса (*Miller S., Potthoff H.* Kleine Geschichte der SPD. Darstellungen und Dokumentation 1848—1980. Bonn, 1981. S. 40—42).

которых вышло далеко за рамки конкретных задач, обусловивших появление на свет знаменитой работы Маркса. Вряд ли правомерно утверждать, как это нередко делается, что в ней Маркс воспользовался случаем для изложения основополагающих теоретических мыслей. Он мог избрать для этого и более удобную форму, чем заметки на полях, предназначенные для пятерых руководителей социал-демократической партии (ни публикации, ни широкого распространения документа не предполагалось). Гораздо с большим основанием можно предположить, что полемика с путаными, устаревшими, а иногда и изначально неверными программными требованиями потребовала для их опровержения не только использования уже доказанных наукой положений, но и их уточнения, дальнейшего развития, что привело Маркса к ряду новых теоретических выводов.

Публикуя в 1891 году «Критику Готской программы», Энгельс хотел предостеречь немецких социал-демократов от повторения в новой программе старых ошибок. Кроме того, он расценивал работу Маркса как эффективное средство в борьбе, которую Энгельс в течение длительного времени вел против сохранявшегося в партии культа Лассаля (при том, что лассалевские теоретические положения тогда уже потеряли свою притягательную силу). Естественно поэтому, что и для него критический настрой работы Маркса продолжал составлять ее главное содержание.

И столь же понятно, что в новых исторических условиях, когда задачи коренного преобразования общества превращались из теоретических положений в конкретные действия, Ленина в первую очередь привлекло в «Критике Готской программы» то новое, что внес Маркс в разработку проблем перехода от капитализма к коммунизму, форм и функций государственной власти на этом этапе, экономических отношений будущего коммунистического общества.

С тех пор до наших дней «Критика Готской программы» продолжает находиться в сфере повышенного внимания как сторонников марксизма, так и его противников, остается объектом острых дискуссий [1].

---

[1] См.: *Багатурия Г. А.* Становление марксистского учения о фазах развития коммунистического общества (К 100-летию «Критики Готской программы» Карла Маркса) // Вопросы истории КПСС. 1975. № 6; *Воробьева А. К.* К истории создания и публикации работы К. Маркса «Критика Готской программы» // Из истории марксизма и международного рабочего движения. М., 1977; *Выгодский В. С.* Экономическое наследие Маркса и некоторые актуальные проблемы социалистической экономики // Марксизм и рабочее движение XIX века. Некоторые актуальные проблемы теории и истории. М., 1988; *Dlubek R.* Zur Bedeutung der Kritik des Gothaer Programms für die Entwicklung der Theorie von der Kommunistischen Gesellschaft und ihren zwei Phasen // Marx — Engels Jahrbuch. Berlin, 1978. Bd. 1. S. 17—51; *Kundel E.* Marx und Engels an der Seite der Social-demokratischen Arbeiterpartei im Kampf um die revolutionäre Arbeitereinheit // Ibid. S. 81—114; и др.

Анализ проблем перехода от капитализма к социализму

Критикуя проект программы, Маркс особое внимание уделил фундаментальным вопросам политической экономии капитализма (источники потребительной стоимости, роль производства прибавочной стоимости в функционировании и развитии капитализма, положение рабочего класса в буржуазном обществе, природа и законы движения заработной платы и др.). Маркс дал этим вопросам последовательное научное решение.

Он отмечал, что «*природа* в такой же мере источник потребительных стоимостей (а из них-то ведь и состоит вещественное богатство!), как и труд, который сам есть лишь проявление одной из сил природы, человеческой рабочей силы» [1]. Источником богатства и культуры, подчеркивал Маркс, труд становится лишь как общественный труд в единстве с природными его факторами. Он показал, что положение первого параграфа проекта программы, объявляющего труд «источником всякого богатства и всякой культуры» не только не полно, но и фактически повторяет сентенции буржуа, у которых «есть очень серьезные основания приписывать труду *сверхъестественную творческую силу*...» [2]. Значимость этих идей относительно единства природы и человека в процессе общественного производства сегодня очевидна и даже возрастает.

Производство прибавочной стоимости в «Критике Готской программы» определено предельно кратко и образно: оно названо «той осью, вокруг которой вращается вся система капиталистического производства» [3]. Именно с данной стержневой «осью» Маркс последовательно связывал весь комплекс вопросов, касающихся положения рабочего класса и его динамики, именно на основе анализа такой связи он строил доказательства неизменности факта эксплуатации наемных рабочих при капитализме.

Значение пояснений этой внутренней связи определяется, в частности, тем, что среди противников марксизма и даже среди его популяризаторов существовало ошибочное представление, будто бы, согласно Марксову всеобщему закону капиталистического накопления, заработная плата рабочих должна постоянно снижаться. Однако уже в «Капитале» Маркс рассматривал такие варианты накопления, при которых плата рабочему растет. В «Критике Готской программы» его позиция еще более проясняется. Труд рабочего может оплачиваться «лучше или хуже», но это не снимает сам факт его эксплуатации.

Вскрывая несостоятельность так называемого «железного закона заработной платы», являвшегося в свое время одним из основных положений лассалевской агитационной концепции и

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 13.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 24.

ставшего пунктом партийной программы, Маркс обратил внимание на совершенно неверное понимание Лассалем сущности заработной платы. Представление, будто она воплощает стоимость или цену труда, а не рабочей силы, было заметным шагом назад в осознании сущности капиталистической эксплуатации. Разъясняя позицию Маркса, Энгельс в письме А. Бебелю подчеркивал: «Однако Маркс в «Капитале» подробно доказал, что законы, регулирующие заработную плату, весьма сложны, что в зависимости от условий получает перевес то тот, то другой из них, что они, таким образом, отнюдь не железные, а, напротив, очень эластичные и что вообще этот вопрос нельзя решить в двух-трех словах, как воображал Лассаль. Мальтузианское обоснование закона, списанного Лассалем у Мальтуса и Рикардо (с извращением последнего)... подробно опровергнуто Марксом в отделе о «процессе накопления капитала». Приняв лассалевский «железный закон», признали, следовательно, ложное положение и его ложное обоснование» [1].

Согласно представлениям Маркса, вместо общих фраз в программе надо «ясно показать, как в современном капиталистическом обществе были, наконец, созданы те материальные и прочие условия, которые делают рабочих способными сокрушить это общественное проклятие и заставляют их это сделать» [2].

Маркс подверг критике и тот пункт проекта программы, в котором выдвигалось требование учреждения производительных товариществ с государственной помощью, под демократическим контролем трудящегося народа. Осуществление этого требования, по мнению авторов программы, способно было «проложить путь к разрешению социального вопроса», к «социалистической организации совокупного труда» [3]. Категорическое неприятие Марксом предложенного пути преобразования общества объяснялось не тем, что разбираемый им параграф представлял собой несколько отредактированный (причем не в лучшую сторону) тезис агитационной концепции Лассаля. Его позицию обусловил тот факт, что вопрос о создании производительных ассоциаций фактически заменил в программе проблемы существующей классовой борьбы, революционного преобразования общества. Маркс справедливо указал на крайне нечеткую формулировку критикуемого пункта. Из нее фактически нельзя было понять, о каком государстве идет речь, что давало повод (и уже не в первый раз) заподозрить поклонников этого средства решения социального вопроса в расчетах не на будущее, а на существующее, в частности, германское государство. Если же допустить справедливость подобного предположения, оговорка о демократическом контроле трудящегося народа (большинство которого в Германии того времени составляло крестьянство) становилась бессмысленной.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 3—4.
[2] Там же. С. 15.
[3] См. там же. С. 25.

Все это, разумеется, не означает, что Маркс недооценивал значение кооперативного производства в качестве одного из средств освобождения пролетариата. Так, в «Капитале» Маркс исследовал социально-экономическую природу кооперативных фабрик, созданных самими рабочими. Его выводы состояли в следующем. Во-первых, «в пределах этих фабрик уничтожается противоположность между капиталом и трудом» и в этом смысле они являются первой брешью в старой, капиталистической форме. Во-вторых, «они показывают, как на известной ступени развития материальных производительных сил и соответствующих им общественных форм производства с естественной необходимостью из одного способа производства возникает и развивается новый способ производства» [1]. «Кооперативные фабрики дают доказательство того, что капиталист в качестве функционера производства стал... излишен...» [2] В то же время такие фабрики в условиях буржуазного строя в своей действительной организации неизбежно воспроизводят все недостатки существующей системы: «...рабочие как ассоциация являются капиталистом по отношению к самим себе, т. е. применяют средства производства для эксплуатации своего собственного труда» [3]. Таким образом, Маркс на основе анализа реальной практики современных ему кооперативных предприятий высказал идею о несостоятельности попыток преобразования капиталистического общества только с помощью производительных товариществ. Развивая свое понимание этого вопроса в «Критике Готской программы», он писал: «Когда рабочие стремятся создать условия для коллективного производства в масштабе всего общества, и прежде всего у себя в национальном масштабе, это означает лишь то, что они борются за переворот в теперешних условиях производства, и это не имеет ничего общего с учреждением кооперативных товариществ с государственной помощью» [4]. В то же время в анализе кооперативных производительных товариществ Маркс показывает их значение и ценность для рабочего движения.

В дальнейшем Маркс и Энгельс не раз возвращались к проблемам кооперации. Они обосновывали ее место в процессе движения к новому обществу, указывая на возможность и необходимость возникновения при переходе от капитализма к социализму производственных ассоциаций трудящихся, подчеркивали значение кооперирования производителей для социалистического преобразования общества. Важное место в «Критике Готской программы» занимает вопрос об исторической миссии пролетариата как на стадии борьбы за политическую власть, так и в период, переходный от капитализма к коммунизму, об условиях, обя-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25, ч. 1. С. 483—484.
[2] Там же. С. 425.
[3] Там же. С. 483.
[4] Там же. Т. 19. С. 26.

зательных для успешного осуществления этой миссии. Маркс развивает эту тему при анализе нескольких положений проекта программы. Отметив, что формула проекта: «освобождение труда должно быть делом рабочего класса» — представляет собой неудачно «исправленное» положение из устава I Интернационала, Маркс подверг резкой критике вторую часть того же параграфа проекта, где все остальные классы объявлялись единой реакционной массой по отношению к пролетариату. Вероятно, вспомнив свои споры с Лассалем в конце 50-х годов, в ходе которых последний доказывал реакционность крестьянской войны в Германии XVI века, Маркс ошибочно назвал этот тезис «лассалевской цитатой чистейшей воды» [1].

Разъясняя положение «Коммунистического манифеста» о том, что «только пролетариат представляет собой *действительно революционный класс*», Маркс делал акцент на то, что понятия «революционность» или «реакционность» следует понимать конкретно-исторически [2]. Так, буржуазия в определенный исторический период являлась революционным классом по отношению к феодалам. Революционность пролетариата по отношению к буржуазии определяется тем, что он «стремится лишить производство того капиталистического характера, который старается увековечить буржуазия» [3]. Что же касается «средних сословий», то они становятся революционными постольку, поскольку им в ходе развития крупного машинного производства предстоит переход в ряды пролетариата [4].

Таким образом, здесь Маркс еще раз высказался об одном из важнейших условий победы пролетариата в социалистической революции, его союзе с остальными трудящимися (крестьянством, мелкой, а в определенных случаях и средней буржуазией).

Маркс обратил также внимание авторов программы на то, что в их документе абстрактное выражение получил интернациональный характер рабочего движения, который рассматривался им (наряду с проблемой союзников пролетариата) в качестве одной из важнейших предпосылок успеха на пути социалистического преобразования общества. Он справедливо указал, что подлинный интернационализм заключается не в громких фразах о стремлении к «международному братству народов», а в практическом укрепле-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 21.— Следов критикуемого положения пока не удалось обнаружить ни в произведениях Лассаля, ни в официальных документах и прессе его последователей. С наибольшей степенью вероятности можно предположить, что оно впервые появилось в проекте программы 1875 года и обязано своим рождением его создателям. Однако независимо от этого отрицательное отношение Маркса к тезису о единой «реакционной массе» было абсолютно оправданно. Прежде всего оно было ненаучно.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 21.

[3] См. там же.

[4] См. там же.

нии международного единства организованных в национальном масштабе отрядов рабочего класса [1].

Маркс обратился также к проблеме государства, его классовой сущности, судьбам государственности в процессе перехода от капитализма к коммунизму.

Критикуя попавший в проект программы и весьма популярный в то время среди немецких социал-демократов тезис о «свободной основе государства» [2], Маркс показал, что здесь отразилась ведущая свое начало от Лассаля тенденция к идеализации сущности государства, якобы обладающей «своими собственными *«духовными, нравственными, свободными основами»*» [3]. Он еще раз подчеркнул, что основу государства составляет существующее, то есть в то время капиталистическое, общество. Поэтому, как бы ни менялись национальные формы государств, между ними сохраняется то общее, «что они стоят на почве современного буржуазного общества» [4]. Это, разумеется, не означает, что различие государственных форм при капитализме не имеет никакого значения для рабочего класса. Маркс, в частности, указал, что демократические требования проекта программы (всеобщее избирательное право, прямое законодательство, народное право и т. д.), якобы адресованные «государству будущего», вполне осуществимы (и в ряде случаев осуществлены) в настоящее время, но только в демократической республике, а не в Германской империи, которая, по его словам, «представляет собой не что иное, как обшитый парламентскими формами, смешанный с феодальными придатками и в то же время уже находящийся под влиянием буржуазии, бюрократически сколоченный, полицейски охраняемый военный деспотизм» [5]...

В центре «Критики Готской программы» находится теоретическая проблема перехода от капиталистического к коммунистическому обществу. «Маркс,— отмечал Ленин,— ставит вопрос о коммунизме, как естествоиспытатель поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологической разновидности, раз мы знаем, что она так-то возникла и в таком-то определенном направлении видоизменяется» [6].

Вопрос о переходе к «совершенному», «гармоничному» новому обществу ставился ранее в трудах ряда социалистов-утопистов. Маркс серьезно рассматривал его еще в период революции 1848 года. В «Критике Готской программы», раскрывая диалектику становления и развития будущего общества, он более конкретно высказался о содержании и внутренней связи преобразований и изменений, которые, по его прогнозу, осуществятся в данном

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 22—23.
[2] См. там же. С. 26.
[3] См. там же. С. 27.
[4] Там же.
[5] См. там же. С. 28.
[6] *Ленин В. И.* Государство и революция // Полн. собр. соч. Т. 33. С. 85.

процессе. «Между капиталистическим и коммунистическим обществом,— писал Маркс,— лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*» [1].

Идея диктатуры пролетариата проходит через многие труды Маркса и Энгельса, которые отождествляли завоевание пролетариатом политической власти с ее установлением [2].

Как отмечал Ленин в книге «Государство и революция», «...раньше вопрос ставился так: чтобы добиться своего освобождения, пролетариат должен свергнуть буржуазию, завоевать политическую власть, установить свою революционную диктатуру. Теперь вопрос ставится несколько иначе: переход от капиталистического общества, развивающегося к коммунизму, в коммунистическое общество невозможен без «политического переходного периода», и государством этого периода может быть лишь революционная диктатура пролетариата» [3].

«Переходный период» является процессом, который Ленин характеризовал словами Маркса, как «долгие муки родов» [4],— процессом становления коммунистической формации в ее первой фазе.

«Теоретически не подлежит сомнению,— писал Ленин,— что между капитализмом и коммунизмом лежит известный переходный период. Он не может не соединять в себе черты или свойства обоих этих укладов общественного хозяйства. Этот переходный период не может не быть периодом борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом; — или иными словами: между побежденным, но не уничтоженным, капитализмом и родившимся, но совсем еще слабым, коммунизмом.

Не только для марксиста, но для всякого образованного человека, знакомого так или иначе с теорией развития, необходимость целой исторической эпохи, которая отличается этими чертами переходного периода, должна быть ясна сама собою» [5].

В то же время, опираясь на идеи Маркса, Ленин неоднократно подчеркивал, что диктатура пролетариата как сущность переходного периода «не есть только насилие над эксплуататорами и даже не главным образом насилие» [6], что диктатура пролетариата, главной стороной которой являются созидательные задачи, проведение социалистических преобразований во всех сферах жиз-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 27.

[2] См.: История марксизма-ленинизма. М., 1986. С. 350—358, 644—702.

[3] *Ленин В. И.* Государство и революция // Полн. собр. соч. Т. 33. С. 86—87.

[4] См.: *Ленин В. И.* Марксизм о государстве // Там же. С. 185. Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 19.

[5] *Ленин В. И.* Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата // Полн. собр. соч. Т. 39. С. 271—272.

[6] См.: *Ленин В. И.* Великий почин // Там же. С. 13.

ни общества, есть новый тип демократии, «есть особая форма классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся... союза в целях окончательного создания и упрочения социализма» [1].

Хотя у Маркса и Энгельса проблема диктатуры пролетариата неоднократно анализировалась, она всё же не получила целостного и концептуального обоснования. Высказывания Маркса и Энгельса на эту тему допускают возможность их альтернативных интерпретаций — от расширительного понимания диктатуры пролетариата как гегемонии до суженной трактовки этого понятия — отождествления диктатуры пролетариата с тоталитарным единовластием партии рабочего класса. Но при всём многообразии представлений, сложившихся в марксистской традиции на рубеже XIX—XX веков, все ее сторонники исходили из того, что диктатуру пролетариата, как она понималась Марксом и Энгельсом, нельзя представлять лишь в качестве репрессивного режима, забывая ее созидательную суть.

В переходном периоде Маркс и Энгельс видели закономерный этап истории, избежать или «перескочить» который на пути к коммунизму невозможно.

Они не ставили перед собой задачи подробно характеризовать процесс становления новых общественных отношений, а также государственность победившего рабочего класса. Но из их трудов со всей определенностью вытекало, что в переходный период пролетариат осуществляет такие политические и социально-экономические мероприятия, которые создают предпосылки для становления первой фазы коммунистического общества.

В целом революционная диктатура пролетариата рассматривалась и как инструмент вооруженной защиты революции, суверенитета революционного народа, и как главное средство преодоления старого общества в социальном и экономическом отношении.

Важной стороной критики Марксом Готской программы является вопрос о преодолении классовых различий. Авторы программы провозгласили в качестве одной из своих целей «устранение всякого социального и политического неравенства». Маркс отметил, что вместо этой неопределенной фразы следовало сказать, что «с уничтожением классовых различий само собой исчезнет и всякое вытекающее из них социальное и политическое неравенство» [2]. По этому же поводу Энгельс в письме Бебелю от 18—28 марта 1875 года писал: ««Устранение всякого социального и политического неравенства» — ... весьма сомнительная фраза вместо «уничтожения всех классовых различий». Между отдельными странами, областями и даже местностями всегда будет существовать *извест-*

[1] См.: *Ленин В. И.* Предисловие к изданию речи «Об обмане народа лозунгами свободы и равенства» // Там же. Т. 38. С. 377.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 25.

ное неравенство в жизненных условиях, которое можно будет свести до минимума, но никогда не удастся устранить полностью. Обитатели Альп всегда будут иметь другие жизненные условия, чем жители равнин» [1].

Кратко были рассмотрены Марксом вопросы просвещения, вошедшие в Готскую программу. Ее авторы требовали всеобщего, бесплатного и равного для всех народного воспитания [2].

Расплывчатость требований Готской программы по этому вопросу свидетельствовала, по мнению Маркса, о том, что ее авторы плохо представляют себе классовое содержание поставленной ими проблемы. Он указывает, что определенный уровень воспитания в школах зависит от экономического положения классов, что в обществе, основанном на неравенстве, воспитание различных классов не может быть равным. Маркс считает, что программа должна была бы по меньшей мере требовать создания технических школ в соединении с народной школой.

Говоря о содержащемся в программе требовании осуществлять «народное воспитание через посредство государства», Маркс утверждал, что «следует, наоборот, отстранить как правительство, так в равной мере и церковь от всякого влияния на школу». Он считал, что «в прусско-германской империи... государство нуждается в очень суровом воспитании со стороны народа» [3].

Требование запрещения детского труда Маркс предложил ограничить определенным возрастом, поскольку полное запрещение детского труда он считал тогда несовместимым с существованием крупной промышленности. Маркс подкрепил свою мысль важным методологическим соображением, оставшимся, к сожалению, в практике социалистической школы почти нереализованным: «...при строгом регулировании рабочего времени сообразно с различным возрастом и при прочих предупредительных мерах для защиты детей раннее соединение производительного труда с обучением является одним из могущественнейших средств переустройства современного общества» [4].

Пункт проекта программы о «свободе совести» Маркс рекомендовал дать в такой формулировке: «Каждый должен иметь возможность отправлять свои религиозные, так же как и телесные, нужды без того, чтобы полиция совала в это свой нос. Но рабочая партия должна была бы воспользоваться этим случаем и выразить свое убеждение в том, что буржуазная «свобода совести» не представляет собой ничего большего, как терпимость ко всем возможным видам *религиозной свободы совести,* а она, рабочая партия, наоборот, стремится освободить совесть от религиозного дурмана. Однако у нас не желают переступить «буржуазный» уровень» [5].

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 5—6.
[2] См. там же. С. 29.
[3] Там же. С. 30.
[4] Там же. С. 31.
[5] Там же. С. 30.

Первая и высшая фазы коммунистического общества

В «Критике Готской программы» Маркс в порядке научного предвидения сформулировал идею двух фаз развития коммунистического общества, подготовленную почти тридцатилетним развитием его представлений о переходе от капитализма к полному коммунизму. Характеризуя первую фазу коммунистического общества, Маркс пишет: «Мы имеем здесь дело не с таким коммунистическим обществом, которое *развилось* на своей собственной основе, а, напротив, с таким, которое только что *выходит* как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло» [1].

Рассматривая организацию производства, Маркс отмечает, что «в обществе, основанном на началах коллективизма, на общем владении средствами производства, производители не обменивают своих продуктов; столь же мало труд, затраченный на производство продуктов, проявляется здесь *как стоимость* этих продуктов, как некое присущее им вещественное свойство, потому что теперь, в противоположность капиталистическому обществу, индивидуальный труд уже не окольным путем, а непосредственно существует как составная часть совокупного труда» [2]. Из этого следует, что коммунистическое производство Маркс рассматривал как нетоварное производство, как непосредственно общественное производство уже на первой фазе коммунистического общества. Это дало известные основания для ошибочных (волюнтаристских) оценок уровня зрелости общественных отношений при социализме. В то же время анализ всего комплекса экономических трудов Маркса в их логическом и историческом развитии дает основание считать, что он допускал существование принципов товарного производства и в условиях социализма [3]. В пользу этого предположения может свидетельствовать и процитированное выше его суждение о том, что на первой фазе коммунистического общества сохраняются «родимые пятна» во всех, в том числе в экономических, отношениях.

Исходя из примата производства над распределительными отношениями и критикуя лассальянское положение о «неурезанном трудовом доходе», включенное в Готскую программу, Маркс на научной основе реалистически рассматривает вопрос о том, как будет хозяйствовать социалистическое общество. Он устанавливает состав той части совокупного общественного продукта, которая потребляется обществом в целом и предстает как вычет из общего

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 18.

[2] Там же.

[3] См. там же. Т. 19. С. 18—19; Т. 23. С. 89; Т. 25, ч. 2. С. 421; Т. 26, ч. 3. С. 265. Ср.: *Выгодский В. С.* Экономическое наследие Маркса и некоторые актуальные проблемы социалистической экономики // Марксизм и рабочее движение XIX века. Некоторые актуальные проблемы теории и истории. М., 1988. С. 11—31.

дохода производителя, но «все удерживаемое с производителя как частного лица прямо или косвенно идет на пользу ему же как члену общества» [1]. Одна часть вычетов диктуется экономической необходимостью, связана с производственными нуждами (то, что требуется для возмещения потребленных средств производства, добавочная часть для расширения производства, резервный или страховой фонд). Другая связана с общими, не относящимися непосредственно к производству издержками управления, с содержанием государственного аппарата. Особо Маркс выделил часть, предназначаемую для совместного удовлетворения таких потребностей, как образование, здравоохранение, помощь нетрудоспособным и др. Таким образом, он отметил существенную черту распределительных отношений нового строя — использование общественных фондов потребления для удовлетворения социальных нужд граждан [2]. Говоря о способе распределения предметов потребления в первой (т. е. социалистической) фазе нового общества, Маркс отмечает его зависимость от распределения условий производства, которая выражает характер способа производства.

Концепция «неурезанного трудового дохода», указывал Маркс, пренебрегает интересами производства во имя потребления, ведет к политике проедания общественного богатства, руководствуясь сиюминутными интересами. Этому ошибочному подходу Маркс противопоставляет концепцию распределения общественного продукта, основанную на всестороннем анализе общественных потребностей [3].

Распределение по труду Маркс рассматривал в связи с понятиями равенства и справедливости. Он считал неверными представления, согласно которым при социализме будет принят уравнительный принцип распределения совокупного общественного продукта. Выступая против рассуждений о «равенстве» и «справедливости» вообще, взятых неисторически, Маркс отмечал неустранимое неравенство людей как индивидов с разными способностями. Люди «не были бы различными индивидами», замечал он, «если бы не были неравными...» [4]

В этой связи необходимо отметить, что для грубоуравнительного коммунизма было характерно понимание равенства как одинаковости людей, как тождественности их между собой в системе общественных отношений. Именно такое понимание равенства и лежало в основе уравнительных тенденций, во многом отличающих мелкобуржуазную идеологию и еще столь живучих в наши дни. Но марксизм преодолевает такие воззрения, которые были

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 17.

[2] Исходя из того, что социалистические преобразования охватят более или менее одновременно наиболее развитые страны, Маркс и Энгельс естественно игнорировали неизбежные в иных условиях и весьма тяжкие военные расходы.

[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 18—20.

[4] См. там же. С. 19.

правомерны разве во времена старого лозунга «свободы, равенства и братства» [1].

Как было показано выше, проблема социальной справедливости рассматривалась Энгельсом в работе «К жилищному вопросу» в полемике с Прудоном и Мюльбергером. Для них, а также для многих других представителей общественной мысли XIX века было характерным абстрактно-морализаторское представление о справедливости, когда она рассматривалась как элемент «естественного порядка вещей», как универсальный критерий оценки социальных явлений вне зависимости от времени и места. Оставаясь в русле таких представлений, Прудон, а за ним и Мюльбергер в своих сочинениях мерили общественные, политические, правовые, религиозные положения эталоном «вечной справедливости», исходя из него судили о необходимых изменениях в жизни общества. Энгельс убедительно показал бесперспективность такого подхода к социальной действительности, неспособного вскрыть настоящие движущие силы общественных преобразований.

Подчеркивая роль интересов, противопоставляя их справедливости в прудоновской трактовке, Энгельс тем самым показывал необходимость и плодотворность историко-материалистического раскрытия механизмов социальной детерминации: объективные условия существования и деятельности людей определяют производственные отношения, которыми, в свою очередь, определяются их интересы.

Историко-генетический анализ представлений о справедливости позволил Энгельсу сделать вывод, что «вечная справедливость», проповедуемая Прудоном и его последователями, «представляет собой лишь идеологизированное, вознесенное на небеса выражение существующих экономических отношений» [2], а реальное восприятие справедливости людьми исторично, кардинально меняется с изменением социально-экономических условий. Справедливость древнего мира предполагала рабство, справедливость буржуазии в эпоху Великой французской революции требовала устранения феодализма и т. д. Идея вечной или естественной справедливости, единой для всех времен и народов, несостоятельна. Таким образом, марксизм переносит проблему из сферы эмоций в область научного анализа, при этом не умаляя практического значения понятия справедливости, а, наоборот, показывая его конкретно-историческое содержание, различную социальную направленность в различных исторических условиях.

Конкретно-исторический подход к понятию «справедливость» Маркс реализовал в «Критике Готской программы», в частности при анализе трактовки распределительных отношений авторами

---

[1] См.: *Энгельс Ф.* Письмо А. Бебелю, 18—28 марта 1875 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 6.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 18. С. 273.

программы. Что такое «справедливое» распределение? — спрашивал он. «Разве экономические отношения регулируются правовыми понятиями, а не наоборот, не возникают ли правовые отношения из экономических?» [1] И далее подчеркивал: «Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества» [2].

Маркс отметил, что в обществе, которое только что выходит из капиталистического строя, *«равное право* в одном отношении все еще ограничено буржуазными рамками. Право производителей» в сфере распределительных отношений *«пропорционально* доставляемому ими труду; равенство состоит в том, что измерение производится *равной мерой* — трудом». Маркс видит в этом измерении принцип буржуазного права, поскольку оно игнорирует неравную одаренность и работоспособность людей, в результате чего «равное право» превращается в «неравное право» [3]. Однако неравенство в потреблении неизбежно в первой фазе коммунистического общества. Ленин писал, что Маркс показывает дальнейший «ход развития» коммунистического общества, которое *«вынуждено* сначала уничтожить *только* ту «несправедливость», что средства производства захвачены отдельными лицами, и которое *не в состоянии* сразу уничтожить и дальнейшую несправедливость, состоящую в распределении предметов потребления «по работе» (а не по потребностям)» [4].

Критикуя проект программы, Маркс разъяснил свое понимание неравенства и путей его преодоления. «Вместо неопределенной заключительной фразы в конце параграфа: «устранение всякого социального и политического неравенства», следовало сказать, писал он,— что с уничтожением классовых различий само собой исчезнет и всякое вытекающее из них социальное и политическое неравенство» [5]. Решающий шаг в этом направлении — ликвидация эксплуатации наемного труда, превращение средств производства в общественную собственность. Но для полного преодоления социального неравенства этого еще недостаточно, ибо вначале еще сохраняется распределение по труду, когда «каждый отдельный производитель получает обратно от общества за всеми вычетами ровно столько, сколько сам дает ему» [6], а «трудовой пай» каждого не одинаков с другими. Таким образом, Марксово толкование социальной справедливости применительно к социалистическому обществу ориентировано на раскрытие ее связи с распределением по труду и не имеет ничего общего с уравнительностью доходов. Именно в этом направлении разъяснял свои взгляды и Энгельс в письме Бебелю: «Представление о социалистическом обществе, как о царстве *равенства,* есть

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 16.
[2] Там же. С. 19.
[3] См. там же.
[4] См.: *Ленин В. И.* Государство и революция // Полн. собр. соч. Т. 33. С. 93.
[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 25.
[6] Там же. С. 18.

одностороннее французское представление, связанное со старым лозунгом «свободы, равенства и братства»,— представление, которое как определенная *ступень развития* было правомерно в свое время и на своем месте, но которое, подобно всем односторонностям прежних социалистических школ, теперь должно быть преодолено, так как оно вносит только путаницу и так как теперь найдены более точные способы изложения этого вопроса» [1].

Характеризуя в «Критике Готской программы» распределение по труду, Маркс писал, что «здесь господствует тот же принцип, что и при обмене товарными эквивалентами: известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой» [2]. Данное положение имеет принципиальное значение для понимания природы социальной справедливости при социализме. На этом этапе сохраняет решающее значение принцип эквивалентности, содержание и форма реализации которого, однако, как указывал Маркс, в новых условиях меняется [3].

Отчасти в том смысле, что на длительном этапе эволюции первой, социалистической фазы нового способа производства наряду с принципом распределения по труду сохраняется и имеет большое стимулирующее значение принцип распределения по стоимости.

Характеристика полного коммунизма, которая содержится в «Критике Готской программы», на многие десятилетия стала ориентиром в революционной борьбе и в социалистическом строительстве: «На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: Каждый по способностям, каждому по потребностям!» [4] Таким образом, исходя из критического рассмотрения сущностных сторон капиталистического производства и всей общественной жизни при капитализме, Маркс дал в «Критике Готской программы» яркий образ основных черт высшей фазы коммунизма. Разумеется, во времена Маркса невозможно было предвидеть всех обстоятельств и трудностей революционного преобразования общества, учесть сложности в развитии производительных сил, связанные, в частности, с глобальным кризисом ресурсов, экологической обстановкой и т. п., что существенно осложняет достижение того уровня общественного богатства, о котором говорил Маркс.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 6.
[2] Там же. С. 18—19.
[3] См. там же. С. 18.
[4] Там же. С. 20.

Задачи, прежде всего в сфере экономики, производства, с решением которых Маркс связывал переход к высшей фазе коммунизма, чрезвычайно велики. Реальное прояснение их масштабов заставляет освобождаться от облегченных, нереалистических представлений о социалистической стадии коммунистической формации как краткосрочной, о возможности ее форсированного прохождения.

Обобщенная характеристика двух фаз коммунистической формации имеет большое методологическое значение для общественных наук, для практической деятельности коммунистических и рабочих партий. «Политически различие между первой или низшей и высшей фазой коммунизма со временем будет, вероятно, громадно,— писал Ленин...— Но научная разница между социализмом и коммунизмом ясна. То, что́ обычно называют социализмом, Маркс назвал «первой» или низшей фазой коммунистического общества. Поскольку *общей* собственностью становятся средства производства, постольку слово «коммунизм» и тут применимо, если не забывать, что это *не* полный коммунизм. Великое значение разъяснений Маркса состоит в том, что он последовательно применяет и здесь материалистическую диалектику, учение о развитии, рассматривая коммунизм как нечто развивающееся *из* капитализма. Вместо схоластически выдуманных, «сочиненных» определений и бесплодных споров о словах (что социализм, что коммунизм), Маркс дает анализ того, что́ можно бы назвать ступенями экономической зрелости коммунизма» [1].

При этом Маркс подверг критике нашедшую отражение в Готской программе точку зрения последователей Лассаля, которые фактически отчуждали немецкое рабочее движение от революционного движения пролетариата других стран. Маркс отметил, что в проекте Готской программы ничего не сказано о международных функциях германского рабочего класса, что лишает практического содержания понятие пролетарского интернационализма [2]. В упомянутом письме к Бебелю от 18—28 марта 1875 года Энгельс также обратил внимание на важность пролетарского интернационализма для социал-демократического движения, указав на то, что в программе партии данный вопрос надо было изложить примерно в следующей редакции: «...*хотя* германская рабочая партия действует *прежде всего* внутри положенных ей государственных границ... тем не менее она сознает свою солидарность с рабочими всех стран и всегда готова будет выполнять и впредь, как выполняла до сих пор, вытекающие из этой солидарности обязательства» [3].

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 33. С. 98.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 22—23.

[3] Там же. Т. 34. С. 101.— Критика Маркса и Энгельса в этом отношении была учтена, и в программу вошел пункт об интернациональных интересах рабочего класса.

Вслед за «Манифестом Коммунистической партии» и «Капиталом» «Критика Готской программы» — важнейший теоретический труд. В этом сравнительно небольшом произведении в концентрированном виде сформулирован ряд выводов, сделанных на базе многолетнего изучения законов капиталистической общественной формации, из опыта Парижской коммуны. Обращенные непосредственно к германской социал-демократии критические замечания Маркса по поводу Готской программы представляли и общеметодологическое значение, поскольку в этом произведении применяется материалистическая диалектика, учение о развитии, коммунизм рассматривается исторически, как общество, развивающееся из капитализма, дается «анализ того, что можно бы назвать ступенями экономической зрелости коммунизма» [1]. Вот почему «Критика Готской программы» продолжает привлекать внимание широкого круга историков рабочего движения и общественной мысли, философов, экономистов.

[1] См.: *Ленин В. И.* Государство и революция // Полн. собр. соч. Т. 33. С. 98.

Глава третья

РАЗРАБОТКА ОСНОВ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ПРОЛЕТАРСКИХ ПАРТИЙ. ПОЛЕМИКА С НЕПРОЛЕТАРСКИМИ ТЕЧЕНИЯМИ СОЦИАЛИЗМА

(конец 70-х — 80-е годы XIX века)

К концу 80-х годов в большинстве капиталистических стран сложились и организационно оформились рабочие партии, ставившие перед собой, наряду с борьбой за права и насущные нужды рабочего класса, социалистические цели и проводившие самостоятельную классовую политику. Характеризуя этот период в истории международного рабочего движения, Ленин писал: «Партии рабочего класса везде в Европе складывались, высвобождаясь из-под влияния общедемократической идеологии, научаясь отделять борьбу наемных рабочих с капиталом от борьбы с феодализмом...» [1]

Сложность состояла в том, что это отделение не только не исключало, но, напротив, предполагало борьбу и за остававшиеся нерешенными общедемократические задачи. Необходимость диалектического сочетания социалистических и общедемократических задач, наряду с борьбой за повседневные интересы рабочего класса, в значительной степени определяла политику и тактику пролетарских партий. Ни одно из прежних социалистических течений не смогло не только найти правильное решение этой проблемы, но даже поставить ее в полном объеме. Сделать это удалось только марксизму.

Дальнейшее развитие и успехи массовой освободительной борьбы в значительной мере зависели от того, насколько сумеет каждая из этих партий, исходя из основных, принципиальных положений научного социализма, выработать практическую программу действий и тактику, которые соответствовали бы условиям, историческим традициям и национальным особенностям своей страны, учитывали бы интернациональные обязанности перед всем международным социалистическим движением, позволяли бы чут-

[1] *Ленин В. И.* Политические партии в России // Полн. собр. соч. Т. 21. С. 285.

ко реагировать на все изменения в обстановке, в частности в политике правящих классов. Теперь, когда в результате деятельности Интернационала «общие международные интересы пролетариата» [1] были осознаны активными участниками освободительной борьбы, социалистическое рабочее движение в каждой стране могло успешно развиваться и стать действительно массовым, лишь полностью учитывая ее своеобразие и выдвигая вытекающие из него совершенно конкретные задачи.

1. УЧАСТИЕ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ МАРКСИЗМА В ВЫРАБОТКЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ТАКТИКИ И ПОЛИТИКИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ. МАРКС, ЭНГЕЛЬС И ГЕРМАНСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ

Маркс и Энгельс — идейные руководители международного рабочего движения

Хотя после прекращения деятельности Международного товарищества рабочих никакой интернациональной организации пролетариата не существовало, взаимосвязи между его национальными отрядами не только не ослабли, но и продолжали укрепляться, становились — по мере создания социалистических партий и расширения сферы их деятельности — все более многообразными. Важнейшая заслуга в укреплении этих связей принадлежала Марксу и Энгельсу, их роль как «духовных руководителей рабочего движения» [2] росла вместе с ростом масштабов самого движения, с распространением идей научного социализма среди передовых рабочих и революционной интеллигенции. Их огромный авторитет, обширнейшая переписка и личные контакты с участниками освободительной борьбы пролетариата в различных странах, сотрудничество в социалистической печати — все это способствовало установлению обмена опытом и информацией между социалистическими партиями, взаимному сотрудничеству между ними. Именно благодаря Марксу и Энгельсу во многих случаях возникали первые контакты между ведущими деятелями социалистического движения, переходившие иногда в отношения личной дружбы. Основоположники научного коммунизма старались аккумулировать и теоретически обобщать опыт всего международного рабочего движения, всемерно содействовали обмену этим опытом между его национальными отрядами, советами и указаниями помогали своим соратникам и последователям творчески применять опыт социалистов других стран, воспитывали их в духе пролетарского интернационализма, неоднократно выступали инициаторами актов международной пролетарской солидарности. «...Маркс,— писал Энгельс,— благодаря своим теоретическим и практическим заслугам завоевал себе такое поло-

---

[1] См.: Энгельс — Фридриху Адольфу Зорге, 12 [—17] сентября 1874 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 33. С. 537.

[2] См.: *Ленин В. И.* Фридрих Энгельс // Полн. собр. соч. Т. 2. С. 13.

жение, что лучшие люди в рабочем движении различных стран относятся к нему с полным доверием. В *решительные моменты* они обращаются к нему за советом и обычно убеждаются в том, что его совет самый лучший» [1]. Эти слова с полным основанием могут быть отнесены и к самому Энгельсу.

Вопросы тактики германской социал-демократии в условиях «исключительного закона» против социалистов

После объединения эйзенахцев и лассальянцев на Готском съезде 1875 года в единую Социалистическую рабочую партию Германии влияние социал-демократии в рабочих массах и ее вес в общественной жизни страны быстро возрастали. Несмотря на серьезнейшие ошибки и слабости принятой на съезде компромиссной программы, революционное, марксистское крыло становилось все более определяющей силой в партии, о чем недвусмысленно говорили и решения состоявшихся в 1876 и 1877 годах партийных съездов, и рост ее авторитета среди рабочих масс, и международное признание ее заслуг и успехов социалистами других стран. Встревоженное ростом авторитета партии во внутриполитической жизни, правительство решило расправиться с социалистическим рабочим движением: воспользовавшись двумя покушениями на императора Вильгельма I, к которым социал-демократическая партия не имела никакого отношения, Бисмарк провел в рейхстаге в октябре 1878 года закон против социалистов. Этим законом была полностью запрещена деятельность всех организаций, «социал-демократические, социалистические и коммунистические стремления которых имеют своей целью свержение существующего государственного и общественного строя» [2]. Все газеты — начиная с центрального органа «Vorwärts» — и другие издания партии и профсоюзов были закрыты, проведение митингов и собраний запрещено, наиболее активные деятели партии высланы из крупных городов или брошены в тюрьмы, десятки социал-демократов вынуждены были эмигрировать. Социал-демократическая партия подверглась жестокому испытанию.

Еще до принятия закона Маркс, оценивая его проект и выступление представителей правительства с его обоснованием, писал: «...это — *насильственная реакция* со стороны власть имущих против *развития*, которое *проходит* через «мирный этап», и цель этой реакции — предотвратить позднейшие «насильственные» конфликты; это — боевой клич насильственной контрреволюции против «мирного» развития» [3]. Введение закона Маркс рассматривал как попытку правящих кругов Германии полицейскими мерами пода-

[1] См.: Энгельс — Эдуарду Бернштейну, 25 октября 1881 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 35. С. 190.

[2] *Fricke D.* Die deutsche Arbeiterbewegung, 1869—1890. Leipzig, 1964. S. 128.

[3] *Маркс К.* Прения в рейхстаге о законе против социалистов. Набросок статьи // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 45. С. 142—143.— Маркс предполагал написать по поводу обсуждения проекта закона в рейхстаге 16—17 сентября 1878 года статью для английской либеральной газеты «Daily News», но это намерение не было осуществлено.

вить быстро растущее рабочее движение, лишить его возможностей использовать наиболее эффективные в «мирных условиях» легальные средства борьбы.

По замыслу инициаторов закона репрессивные меры должны были сочетаться с некоторыми — весьма ограниченными — социальными мероприятиями, которые убедили бы массы рабочего класса в возможности улучшения своего положения с помощью буржуазно-юнкерского государства как некоей надклассовой силы, в равной степени пекущейся об интересах всех граждан, в том числе трудящихся и обездоленных. Эта политика «кнута и пряника» преследовала цель — не допустить развития рабочего движения по социалистическому, революционному пути, обезглавить его, направить его в русло классового сотрудничества.

Создавшееся положение требовало от руководства партии принятия мер для ее сохранения и обеспечения ее деятельности в условиях нелегальности. Необходимо было разработать и применить тактику, которая отвечала бы изменившейся коренным образом обстановке. При этом серьезного опыта нелегальной борьбы германская социал-демократия не имела, а ее избирательные успехи и рост влияния среди рабочих за последние годы привели к тому, что, говоря словами Энгельса, «кое-кто стал думать, будто для достижения окончательной победы пролетариата уже не нужно ничего другого» [1]. Неудивительно, что в первый момент значительная часть руководителей партии не сумела остаться на высоте положения. Находившееся в Гамбурге центральное руководство партии поспешило объявить о ее роспуске. Его примеру последовали и многие местные организации. Правда, в ряде городов партийные руководители предприняли шаги к созданию нелегальных групп, да и в других местах рабочие — члены партии сумели сохранить боевой дух и были готовы отстаивать свои права и в условиях нелегальности. «...Наши рабочие в Германии,— писал Энгельс в декабре 1878 года,— ведут себя великолепно, и я надеюсь, что о них разобьется вся прусская империя» [2]. Но колебания и растерянность значительной части руководства продолжались. Оппортунистические элементы активизировались. Идейным обоснованием их капитулянтской позиции явилась анонимная, подписанная тремя звездочками статья в первом выпуске журнала «Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik» (первое полугодие 1879 года), издававшегося в Цюрихе на средства примыкавшего к реформистскому крылу социал-демократической партии журналиста К. Хёхберга. В этой статье под названием «Ретроспективный обзор социалистического движения в Германии» была изложена открыто реформистская прог-

[1] *Энгельс Ф.* Исключительный закон против социалистов в Германии.— Положение в России // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 157.

[2] Энгельс — Иоганну Филиппу Беккеру, 12 декабря 1878 г. // Там же. Т. 34. С. 282.

рамма, содержавшая прямой призыв к отказу от революционного, классового характера партии.

Статья, по существу, предлагала превратить ее в некое аморфное объединение всех тех, «кто одушевлен истинным человеколюбием», включая представителей «образованных и имущих классов», которые должны стать во главе партии, то есть, по существу, в придаток либеральной буржуазии. Авторы статьи — Карл Хёхберг и Карл Шрамм, недавние поклонники Е. Дюринга с его идеями «этического социализма», неоднократно выступавшие в реформистском духе, а также тогдашний секретарь Хёхберга Э. Бернштейн [1] — обвиняли революционное крыло партии в том, что оно вызвало ненависть буржуазии и тем самым способствовало введению «исключительного закона».

С переходом партии на нелегальное положение оживились и анархистски настроенные элементы во главе с одним из деятелей берлинской организации партии, недавним поклонником Дюринга, Иоганном Мостом. Эмигрировав в Англию, Мост и небольшая группа его приверженцев из лондонского Коммунистического просветительного общества немецких рабочих повели активную агитацию за немедленные действия против правительства, призывая к вооруженному выступлению. Мост стал издавать в Лондоне газету «Freiheit», полную ультрареволюционных лозунгов и требований, газету, в которой, отмечал тогда Маркс, не было *«никакого революционного содержания,* а только одни *революционные фразы»* [2].

В обстановке правительственных репрессий и преследований участников социалистического движения революционная фразеология Моста пользовалась на первых порах определенным влиянием. Сказывалось отсутствие опыта борьбы в условиях нелегальности. Это влияние не ограничивалось Германией — «Freiheit» довольно широко распространялась и в Австрии, где ее воздействие было даже бóльшим.

Оживление двух направлений среди немецких социалистов не было случайностью и неожиданностью: реформистские тенденции и ранее давали о себе знать как в германской социал-демократии, так и в социалистических организациях других стран; анархистские же воззрения, потерпевшие поражение в Первом Интернационале и на состоявшемся в 1877 году в Генте между-

---

[1] В редакционном примечании к переписке Бебеля с Энгельсом (*Bebel A.* Briefwechsel mit Friedrich Engels. Hague, 1965. S. 55) со ссылкой на воспоминания Э. Бернштейна указывается, что первоначальный вариант статьи принадлежал перу Карла Флеша, впоследствии деятеля партии прогрессистов, а Хёхберг и Шрамм «обработали» ее. В коллективном труде историков ГДР «Das Sozialistengesetz. 1878—1890» (Berlin, 1980. S. 69) — наиболее детальном исследовании по этой проблеме — Флеш также назван в качестве одного из основных авторов статьи.

[2] См.: Маркс — Фридриху Адольфу Зорге, 19 сентября 1879 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34. С. 325.

народном конгрессе социалистов, полностью не были преодолены и время от времени проявлялись то в той, то в другой стране, особенно в трудные, переломные моменты в развитии рабочего движения.

Оба эти направления, явственно определившиеся после введения «исключительного закона», отражали неоднородность германского рабочего движения. В то же время растерянность и колебания некоторых активных деятелей партии свидетельствовали об их неумении диалектически, всесторонне рассмотреть создавшуюся ситуацию, найти наиболее правильное решение, учитывающее как сложившуюся в данный момент обстановку, так и перспективы освободительной борьбы, ее конечные цели. И капитулянтские настроения, и авантюристические призывы к революционным выступлениям вносили сумятицу в ряды социалистов. Действительно революционная, отвечающая подлинным интересам рабочего класса тактика могла быть разработана лишь в борьбе с этими попытками свернуть рабочее движение с верного пути.

Маркс и Энгельс оказали германской социал-демократии серьезную помощь не только в решении практических проблем, вставших перед нею. Они выдвинули ряд принципиальных положений относительно стратегии и тактики освободительной борьбы пролетариата, о роли и характерных чертах его революционной партии, о сочетании легальных и нелегальных методов борьбы, о неизбежности борьбы против оппортунистических элементов и необходимости идейного единства партии, а также, исходя из опыта рабочего движения в Германии, о парламентской тактике социалистов. Все эти проблемы Маркс и Энгельс разрабатывали главным образом в переписке со своими последователями и единомышленниками: А. Бебелем, В. Либкнехтом, В. Бракке, И. Ф. Беккером, Ф. А. Зорге и др., а также касались их в статьях в рабочей печати Англии, Италии и других стран. Энгельс подчеркивал, в частности, что партия, оказавшись на нелегальном положении, обязана возможно быстрее выработать новую тактику, «должна находить свои законы лишь в своих живых, постоянно меняющихся потребностях» [1].

Преодолеть трудности и исправить ошибки марксистскому ядру Социалистической рабочей партии помогло так называемое «Циркулярное письмо», направленное Марксом и Энгельсом в сентябре 1879 года Бебелю, Либкнехту, Бракке и другим лидерам партии [2]. Письмо было написано по конкретному поводу — в связи с разногласиями, возникшими при подготовке издания в Цюрихе нового центрального органа партии газеты «Der Sozialdemokrat», а также в связи с необходимостью дать должную оценку упомянутому выше

---

[1] См.: Энгельс — Августу Бебелю, 14 ноября 1879 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34. С. 331.

[2] См. там же. Т. 19. С. 161—175; Т. 34. С. 308—323.

выступлению оппортунистов — Хёхберга, Бернштейна и Шрамма, которых предполагалось включить в административный совет проектируемой газеты. Оно содержало важнейшие принципиальные определения и установки относительно борьбы с мелкобуржуазными элементами в партии, ее парламентской тактики и т. д. Письмо, подчеркивал Маркс, предназначалось, «конечно, только для *внутреннего обращения* среди вождей германской партии» [1]; в условиях «исключительного закона» публичное обсуждение внутрипартийных разногласий могло бы нанести партии серьезный вред.

Весьма решительно и резко в письме была охарактеризована реформистская платформа, изложенная в статье «цюрихской тройки». Основоположники марксизма вскрыли классовые корни реформизма, показали его мелкобуржуазную сущность, его стремление затушевать, ослабить классовую борьбу за ликвидацию эксплуататорского строя, признание им возможности «улучшения» капитализма, отказавшись от его уничтожения. Маркс и Энгельс подчеркнули, что эти стремления не имеют ничего общего с подлинными целями пролетариата, ибо представители подобных взглядов являются, по сути дела, мелкобуржуазными демократами, которые лишь на определенном этапе, при решении определенных конкретных задач могут быть союзниками рабочего класса, но никак не должны считаться представителями пролетарской партии. Письмо было пронизано идеей о необходимости размежевания с социал-реформистскими элементами. «Если эти господа,— говорилось в письме,— образуют социал-демократическую мелкобуржуазную партию, то это их полное право. Тогда мы могли бы вступать с ними в переговоры, при известных условиях блокироваться и т. д. Но в рабочей партии они чуждый элемент» [2].

Маркс и Энгельс обратили особое внимание руководителей партии на необходимость стремиться к тому, чтобы представители буржуазной интеллигенции, которые примыкают к социалистическому движению, «не приносили с собой остатков буржуазных, мелкобуржуазных и тому подобных предрассудков, а безоговорочно усвоили пролетарское мировоззрение» [3]. Еще в октябре 1877 года, в разгар борьбы с дюрингианством, Маркс писал Зорге: «В Германии в нашей партии не столько среди

---

[1] См.: Маркс — Фридриху Адольфу Зорге, 19 сентября 1879 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34. С. 327.

[2] Маркс и Энгельс — Августу Бебелю, Вильгельму Либкнехту, Вильгельму Бракке и др. (Циркулярное письмо) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34. С. 322.— Полностью разделяя критику Марксом и Энгельсом статьи «цюрихской тройки», Бебель считал, что ее авторы не встретят сколько-нибудь серьезного сочувствия в социал-демократических кругах. «Я думаю,— писал он Энгельсу 23 октября 1879 года,— что не преувеличу, если скажу, что вряд ли в партии найдется две дюжины людей, которые одобрили бы эту работу» (*Bebel A.* Briefwechsel mit Friedrich Engels. S. 64).

[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 34. С. 322.

масс, сколько среди вождей (выходцев из высших классов и «рабочих») пахнет гнилью. Компромисс с лассальянцами привел к компромиссу и с другими половинчатыми элементами, в Берлине (через *Моста*) с Дюрингом и его «почитателями», и, кроме того, с целой бандой незрелых студентов и преумнейших докторов, поставивших себе задачей дать социализму «более высокое, идеальное» направление, то есть заменить его материалистическую базу (требующую, раньше чем ею оперировать, серьезного объективного изучения) — современной мифологией с ее богинями справедливости, свободы, равенства и братства» [1].

Благодаря критике со стороны Энгельса взгляды Дюринга потеряли непосредственное влияние в германской социал-демократии, однако попытки эклектического соединения социалистических идей с различными буржуазными по своей сути теориями не прекращались.

«Циркулярное письмо» было важным звеном в борьбе с разнообразными проявлениями мелкобуржуазного и буржуазного социализма, которую вели Маркс и Энгельс в предшествующие годы. Уже двумя годами ранее они решительно критиковали издававшийся тем же Хёхбергом в Берлине журнал «Die Zukunft», на страницах которого развивались, в частности, идеи «этического» социализма, ярым приверженцем коих был его издатель. Одновременно они осуждали неразборчивость редакции центрального органа партии «Vorwärts», печатавшей «незрелые *упражнения* честолюбивых и невежественных юнцов» [2]. В «Циркулярном письме» последовательно и твердо продолжалась эта линия, подчеркивалась необходимость обязательного соблюдения всеми деятелями партии революционных, классовых программных принципов, сохранения ее классовой однородности, идейного единства, недопустимость растворения ее в массе мелкобуржуазных элементов.

Особая резкость этого документа объяснялась в первую очередь тем, что вследствие недооценки многими руководящими деятелями партии опасности оппортунизма возникла серьезная угроза того, что в руках реформистских элементов может оказаться новый центральный орган партии. В связи с этим Маркс и Энгельс в «Циркулярном письме» сформулировали ряд принципиальных положений о значении и целях пролетарской партийной печати. Нелегальный партийный орган, издающийся за границей и свободный от оков цензуры, должен, писали они, «идти вперед с развернутым знаменем» [3], должен бескомпромиссно и энергично критиковать реакционные порядки в Германии, открыто отстаивать программные цели партии и всемерно способствовать ее практи-

---

[1] Маркс — Фридриху Адольфу Зорге, 19 октября 1877 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34. С. 234.

[2] См.: Маркс — Вильгельму Бракке, 23 октября 1877 г. // Там же. С. 236.

[3] См. там же. С. 315.

ческой деятельности. Маркс и Энгельс решительно выступали за право и обязанность центрального органа подвергать критике любые отступления от принципиальной линии партии, допускаемые тем или иным из ее деятелей.

Касаясь парламентской тактики социал-демократических депутатов, Маркс и Энгельс подчеркнули важность строжайшего соблюдения партийной дисциплины и категорическую недопустимость каких-либо выступлений с парламентской трибуны, идущих вразрез с основными программными положениями и намеченной партийными решениями тактической линией. Они указали при этом на два момента: необходимость теоретического осмысления обсуждаемых в рейхстаге проблем, особенно экономических, для выработки правильной и единой позиции депутатов, во-первых, и умение в каждом случае «подойти к вопросу с чисто политической стороны» [1], во-вторых.

Благодаря решительному выступлению основоположников научного социализма, их четкой, принципиальной позиции, колебания, проявившиеся в рядах германских социал-демократов в первый год действия «исключительного закона», были преодолены. Создание в октябре 1879 года в Лейпциге Центрального комитета по оказанию поддержки жертвам этого закона во главе с А. Бебелем означало фактически воссоздание общегерманского руководства партии. В конце сентября того же года в Цюрихе начал выходить новый центральный орган партии — еженедельная газета «Der Sozialdemokrat». При непосредственной помощи Маркса и Энгельса газета скоро приняла революционное направление и стала одним из главных рычагов в борьбе против «исключительного закона», важнейшим средством распространения и пропаганды научного социализма.

Хотя «Циркулярное письмо» в то время не могло быть опубликовано, высказанные в нем идеи сыграли выдающуюся роль в создании основ политики и тактики социалистических партий, в разработке марксистского учения о революционной партии пролетариата. Многие содержавшиеся в этом документе мысли Маркс и Энгельс тогда же высказали в ряде писем своим соратникам в других странах — Ф. А. Зорге в США, И. Ф. Беккеру в Швейцарии и др., а также в личном общении с немецкими и французскими социалистами. Но основное значение «Циркулярного письма» заключалось в том, что важнейшие его положения воплотились в практической деятельности германской социал-демократии в 80-е годы XIX века. Это обеспечило ее успехи в борьбе против «исключительного закона», за завоевание масс рабочего класса.

Разработка Марксом и Энгельсом политики и тактики социал-демократической партии в период «исключительного закона» наглядно показывает, как в ходе практической борьбы, в тес-

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 34. С. 314.

ной связи с ней и основываясь на ее опыте — и положительном, и отрицательном — развивались такие теоретические проблемы, как происхождение и сущность реформизма, классовый характер пролетарской партии и необходимость ее идейного единства, сочетание легальных и нелегальных средств борьбы и т. д.

Преодоление промахов и ошибок, неизбежных в практической деятельности каждой социалистической партии, особенно в такие моменты, когда происходят крутые изменения обстановки и возникает необходимость быстрого учета этих новых обстоятельств, требует серьезного, вдумчивого анализа причин этих ошибок и способствует более глубокому усвоению марксистского метода анализа общественных явлений.

Энгельс об участии социалистических партий в избирательных кампаниях и парламентской деятельности

С ростом и укреплением своих рядов социалистические партии стали все шире включаться в политическую борьбу, отстаивая интересы рабочих. Одним из основных направлений их политической деятельности в тех странах, где существовали в той или иной форме представительные законодательные учреждения, стало участие в избирательных кампаниях и парламентская деятельность.

Энгельс уделял много внимания парламентской тактике социалистических партий. В одном из писем Бебелю он перечислял те вопросы, при обсуждении которых в парламенте депутаты-социалисты, по его мнению, «могут выйти за пределы чистого отрицания». Это, во-первых, «вопросы, непосредственно затрагивающие взаимоотношения рабочего и капиталиста: фабричное законодательство, нормальный рабочий день, ответственность предпринимателей, выдача заработной платы товарами и т. д.». Во-вторых, продолжал Энгельс, это «чисто буржуазные реформы прогрессивного характера: единство монетной системы и весов, свобода передвижения, расширение личной свободы и т. д.» [1]. Здесь четко и ясно обрисован круг проблем, по которым социалистические депутаты могут — а иногда и должны — выступать в поддержку тех или иных законопроектов, сопровождая это принципиальными оговорками. При этом, подчеркивал Энгельс, следует всегда исходить из основного принципа — «не голосовать ни за какие мероприятия, усиливающие власть правительства над народом» [2].

На основе опыта германской социал-демократии Энгельс определил и условия, на которых социалисты должны выступать в парламентах со своими собственными законопроектами. Энгельс указывал, что такие законопроекты должны быть сформу-

[1] См.: Энгельс — Августу Бебелю, 24 ноября 1879 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34. С. 336.
[2] Там же.

лированы «без уступок мелкобуржуазным предрассудкам» [1] и в то же время не носить утопического характера. Развивая эту мысль, он наметил возможную тематику подобных законопроектов; введение десяти, а затем и 8-часового рабочего дня, обязательное фабричное законодательство, установление ответственности предпринимателей за несчастные случаи на производстве и профессиональные заболевания, обеспечение инвалидов труда и т. д. «...Если мы предлагаем нечто позитивное,— писал он Бебелю,— то нам следует вносить только *осуществимые* предложения. Но они должны быть осуществимы по *сути дела,* независимо от того, сможет ли их провести в жизнь существующее правительство» [2]. Энгельс не исключал возможности выдвижения и таких предложений, которые в известной мере носили бы социалистическую окраску,— например, о передаче крупных государственных имений в аренду кооперативным товариществам сельскохозяйственных рабочих,— но обязательно при условии их практической выполнимости в рамках существующих отношений. Конечно, подчеркивал он, никакое буржуазное правительство на это не пойдет и тем самым лишний раз разоблачит себя как враждебное интересам трудящихся.

Придавая важное значение участию социалистических партий в избирательных кампаниях и парламентской деятельности, Энгельс всегда видел в этом лишь одно из средств борьбы рабочего класса, но отнюдь не ее единственную или главную форму. Участие социалистов в предвыборной борьбе и выступления их в парламентах он рассматривал прежде всего как средство вовлечения все более широких масс трудящихся в активные действия в защиту своих интересов, как средство, открывающее — даже в условиях полицейских преследований — широкие возможности для социалистической агитации, для пропаганды ближайших и конечных целей партии; для разоблачения антинародной сущности и классового характера государства, политики правящих классов и партий. Кроме того, особенно там, где действовало всеобщее избирательное право, результаты выборов позволяли социалистическим партиям установить степень своего влияния как в стране в целом, так и в тех или иных районах и соответственно принимать меры для усиления действенности агитационной работы. «Генеральная проверка наших сил» [3] — так характеризовал Энгельс значение выборов для германской социал-демократии.

Насколько велико было реальное влияние выдвинутых Энгельсом положений относительно парламентской тактики социалистических партий, показывают материалы съезда Социалистической рабочей партии Германии, состоявшегося в Сент-Галлене

[1] См.: Энгельс — Эдуарду Бернштейну, 11 ноября 1884 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 201.

[2] Энгельс — Августу Бебелю, 20—23 января 1886 г. // Там же. С. 360.

[3] См.: Энгельс — Августу Бебелю, 11 октября 1884 г. // Там же. С. 184.

(Швейцария) в октябре 1887 года. Выступая на съезде, Бебель подчеркнул, что опасность для партии представляет не участие в выборах, а переоценка парламентаризма: «Тот, кто думает, что... парламентски-конституционным путем могут быть достигнуты конечные цели социализма, тот либо не знает этих целей, либо является обманщиком» [1]. А в резолюции было провозглашено, что в деятельности социалистических депутатов рейхстага и ландтагов «центром тяжести должна быть критическая и агитационная сторона. Положительная же законодательная работа при нынешнем соотношении сил партий в парламенте... не должна порождать у рабочих никаких сомнений и иллюзий относительно их классового положения как в политической, так и в экономической области» [2].

Неотъемлемым свойством тактики социалистических партий Энгельс считал гибкость, умение всегда учитывать конкретную обстановку, чутко реагировать на ее изменения, а не догматически «руководствоваться только общими принципами» [3]. «Я считаю неразумным,— писал он,— стремление заранее устанавливать... общеобязательные правила, определяющие тактику для тех случаев, которые могут наступить в будущем» [4]. Позднее, в 1889 году, отвечая датскому социалисту Г. Триру, принципиально отвергавшему возможность какого-либо совместного выступления с непролетарскими партиями, Энгельс указывал на прямую целесообразность временных соглашений или совместных действий социалистов с другими оппозиционными партиями, но при совершенно обязательном условии, что «пролетарский, классовый характер партии тем самым не ставится под вопрос». Лишь неуклонно придерживаясь этого принципа, социалистическая партия «может временно поддерживать другие партии в действиях, которые либо непосредственно полезны пролетариату, либо способствуют прогрессу экономического развития или политической свободы» [5]. Эту принципиальную позицию Энгельс отстаивал всегда и при всех обстоятельствах. Сохранение классового характера пролетарской партии, ее политической независимости и самостоятельности он рассматривал как краеугольный камень тактики социалистов во всей их деятельности, и в частности в парламентах.

Образованию самостоятельных, выступающих в защиту классовых интересов пролетариата социалистических парламентских фракций Энгельс придавал большое значение. Каждый шаг в этом направлении он рассматривал как реальный успех социалистов.

---

[1] *Bebel A.* Ausgewählte Reden und Schriften. Berlin, 1978. Bd. 2. Theil 1. S. 393.

[2] Handbuch der sozialdemokratischen Parteitage. München, 1910. S. 389.

[3] См.: Энгельс — Эдуарду Бернштейну, позднее 21 июля 1884 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 155.

[4] Энгельс — Эдуарду Бернштейну, 23 мая 1884 г. // Там же. С. 130.

[5] Энгельс — Герсону Триру, 18 декабря 1889 г. // Там же. Т. 37. С. 275.

Когда в феврале 1886 года во французском парламенте небольшая группа рабочих депутатов, действовавших до этого в рамках фракции радикалов, вопреки мнению подавляющего большинства фракции внесла интерпелляцию правительству по поводу его действий, направленных на подавление стачки горняков в Деказвиле, Энгельс охарактеризовал этот факт как «важное историческое событие», увидев в нем шаг к образованию самостоятельной социалистической фракции [1].

Поскольку социалистическое рабочее движение наиболее быстро и успешно развивалось в Германии, естественно, что многие проблемы политики и тактики Марксу и Энгельсу приходилось решать в первую очередь на основе опыта именно этой страны. Но по мере того как создавались и включались в активную политическую борьбу социалистические партии в других странах, перед ними неизбежно вставали проблемы, схожие с теми, которые вставали перед германской социал-демократией. Поэтому выводы и рекомендации основоположников марксизма имели общее значение, ибо в них выражались закономерности развития рабочего движения.

Дальнейшая разработка Энгельсом теории социалистической революции

Уделяя основное внимание разработке тактики пролетарских партий, Энгельс продолжал одновременно развивать теорию социалистической революции. Без этого невозможно было определение стратегических целей этих партий, с чем непосредственно был связан и выбор тактических средств их борьбы. В 80-е годы, анализируя процессы, происходившие в основных странах капиталистического мира, Энгельс пришел к заключению, что в таких государствах, где еще сильны полуабсолютистские порядки, пережитки феодальных отношений, где значительную часть, а то и большинство населения составляют крестьянство и городская мелкая буржуазия, в политическом отношении идущие за буржуазными партиями, целью рабочих партий не может быть непосредственное осуществление социалистической революции.

К таким государствам он относил прежде всего Германию. «...У нас...— писал он в 1883 году,— непосредственным результатом революции может и *должно* быть, по *форме,* не что иное, как *буржуазная* республика» [2]. Только тогда — эту мысль он высказывал неоднократно и в последующие годы — будет создана почва для «*прямой,* неприкрытой классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией...» [3]. Такую республику он рассматривал как необходимый этап исторического развития во всех капиталистических странах вообще, как обязательную предпосылку со-

---

[1] См.: Энгельс — Эдуарду Бернштейну, 24 февраля 1886 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 383.

[2] Энгельс — Эдуарду Бернштейну, 27 августа 1883 г. // Там же. С. 48.

[3] Там же.

циалистической революции. Он считал, что в буржуазной республике, в максимальной степени свободной от феодальных пережитков, классовая борьба между пролетариатом и буржуазией будет неизбежно обостряться и в конце концов приведет к революционному кризису. Он не исключал того, что в Германии, при благоприятных обстоятельствах и ввиду отсутствия влиятельной чисто республиканской буржуазной партии, этот этап может оказаться «лишь коротким переходным моментом», в течение которого все «промежуточные партии» вероятнее всего обнаружат свою несостоятельность в решении насущных проблем и требований трудящихся масс, и это позволит пролетариату прийти к политической власти относительно быстро [1].

Ускорение хода событий в Германии, по его мнению, могло произойти в том случае, *«если бы нас подхватил европейский ураган»* [2], то есть если бы в той или иной форме разразился общеевропейский революционный кризис, который мог быть вызван различными причинами, в частности крупным общеевропейским военным конфликтом [3], буржуазной революцией в России или какими-либо другими факторами. При этом он предостерегал от иллюзий, «будто революцию можно сделать в один день. На самом же деле она представляет собой многолетний процесс развития масс в условиях, которые способствуют его ускорению» [4].

Свои соображения о характере будущей революции в Германии Энгельс развивал тогда почти исключительно в письмах своим друзьям и последователям. И это не было случайным. Суждения революционных лидеров германской социал-демократии по этой проблеме, вызывавшей у них в то время живой интерес, были ему хорошо известны из писем Бебеля и других немецких социалистов, и он, видимо, считал необходимым разъяснить им свою точку зрения.

В начале 80-х годов у Бебеля и некоторых его соратников складывалось представление о возможности и даже неизбежности революции в относительно близкие исторические сроки. Для такого вывода, казалось им, были достаточно веские и убедительные основания. Начавшийся в 1873 году экономический кризис перешел в затяжную депрессию, которая порождала недовольство и сознание безысходности не только у трудящихся, но и в среде мелких собственников и некоторых слоях буржуазии. С первых месяцев 1881 года Бебель в письмах Энгельсу не раз говорил об этом. «Нечего больше и думать о значительном и сколько-нибудь длительном деловом подъеме,— писал он, например, 11 февраля,— кризис стал хроническим и будет продолжаться до тех пор, пока

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 36. С. 48—49.

[2] Энгельс — Августу Бебелю, 28 октября 1885 г. // Там же. С. 320.

[3] См., например: *Энгельс Ф.* Введение к брошюре Боркхейма «На память уратриотам 1806—1807 годов» // Там же. Т. 21. С. 361.

[4] Энгельс — Эдуарду Бернштейну, 27 августа 1883 г. // Там же. Т. 36. С. 49.

какое-либо событие не вызовет всеобщий крах» [1]. Естественно, что и Бебель, и ближайшие его товарищи задумывались над тем, какую роль будет играть при наступлении ожидаемого «краха» их партия, которую они справедливо считали авангардом рабочего класса.

Исходя из своего тогдашнего понимания марксизма, Бебель считал, что в предстоящей в недалеком будущем революции пролетариат будет вести борьбу за завоевание политической власти. А «политическое господство пролетариата,— писал центральный орган партии,— это социальная революция» [2]. Недооценивая жизнеспособность капитализма и будучи уверенными в неизбежности его относительно близкого краха, руководители германской социал-демократии, с другой стороны, переоценивали и степень готовности пролетариата к социалистической революции. Основания для оптимизма были: партии удалось преодолеть негативные явления, вызванные принятием закона против социалистов, заново организовать свои силы и добиться неуклонного роста своего влияния. В то же время Бебель был убежден в том, что экономический кризис приведет к деморализации господствующих классов, которые, писал он, «окажутся в гипнотическом состоянии и почти без сопротивления покорятся» [3]. Следовательно, рабочий класс окажется единственной силой, способной овладеть положением в условиях «всеобщего краха» и осуществить свои цели. Залог этого он видел в росте классового сознания немецких рабочих, в расширении влияния партии, в быстром возрастании ее роли в общественной жизни. Особенно рельефно была выражена эта мысль центральным органом партии: «Социал-демократия вновь открыто появилась на сцене, число ее сторонников почти во всех слоях населения растет в огромных масштабах, и она становится самой непосредственной угрозой для стабильности общества» [4].

Правда, будучи реальным политиком, далеким от волюнтаристских призывов к немедленной революции, Бебель подчеркивал опасность «преждевременного взрыва» [5] и говорил о том, что, чем дольше будет оттягиваться «всеобщий крах», «тем лучше развивается брожение умов» [6] и тем радикальнее будет переворот.

Однако в целом представления руководителей германской социал-демократии о характере ожидавшейся ими революции сводились к тому, что она должна привести к власти рабочий класс, что, как выражался Бебель, «наше влияние и руководство станут решающими» [7]. Считая такой прогноз ошибочным, но не желая,

---

[1] *Bebel A.* Briefwechsel mit Friedrich Engels. Hague, 1965. S. 103.
[2] Der Sozialdemokrat. N 40. 1.X 1882.
[3] См.: А. Бебель — Энгельсу, 28 марта 1881 г. // Briefwechsel... S. 106.
[4] Der Sozialdemokrat. 12.X 1882. N 42.
[5] См.: А. Бебель — Энгельсу, 28 марта 1881 г. // Briefwechsel... S. 106.
[6] А. Бебель — Энгельсу, 6 января 1883 г. // Ibid. S. 146.
[7] А. Бебель — Энгельсу, 1 октября 1882 г. // Ibid. S. 133.

видимо, вступать в прямую полемику, Энгельс настойчиво доказывал своим немецким корреспондентам, что даже в случае наступления революционного кризиса социал-демократия не должна ставить своей непосредственной целью захват политической власти пролетариатом, что такой стране, как Германия, обязательно предстоит пройти буржуазно-демократический этап развития.

Энгельс — историк германского рабочего движения

Проблемы политики и тактики социалистических партий Энгельс разрабатывал не только в письмах к своим соратникам. В 80-х годах он опубликовал ряд работ по истории рабочего движения, написанных, как правило, в качестве предисловий к публикациям произведений Маркса и своих трудов, работ, в которых эти проблемы занимали, по существу, одно из важнейших мест. Рассказывая о событиях сорокалетней давности, происходивших на заре германского рабочего движения, он не только стремился донести до новых поколений участников освободительной борьбы революционные традиции недавнего прошлого, но и показывал опасность и даже гибельность перехода на путь принципиальных уступок правящим классам.

В статье «Маркс и «Neue Rheinische Zeitung» (1848—1849)», напечатанной в газете «Der Sozialdemokrat» в марте 1884 года, характеризуя тактику, которой он и Маркс следовали в революции 1848—1849 годов, Энгельс прямо указывал, что пролетариат должен активно участвовать в борьбе за общедемократические требования, добиваясь их полного осуществления, но сохраняя свою самостоятельность и не упуская из виду подлинных целей своей партии [1]. Он вновь подчеркивал, что представители пролетарской партии должны разоблачать как прямых врагов, так и мнимых друзей революции, что начало самой революции (он имел в виду при этом не только прошлые события, но и современную обстановку и перспективы на будущее) должно было стать «исходной точкой длительного революционного движения», в ходе которого «пролетариат в ряде битв завоевывал бы одну позицию за другой» [2]. Прямо намекая на оппортунистов в германской социал-демократии, Энгельс говорил о «парламентском кретинизме» тех, кто рассчитывал путем резолюций и уговоров добиться решения назревших политических и социальных проблем. Характеризуя смелую и решительную позицию редактировавшейся Марксом газеты, он как бы призывал к тому же социалистическую печать.

В предисловии к брошюре «Карл Маркс перед судом присяжных в Кёльне», вышедшей в Цюрихе в 1885 году и содержавшей речь Маркса на процессе Рейнского окружного комитета демократов в феврале 1849 года, Энгельс решительно отстаивал право германского пролетариата на революционное свержение сущест-

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 19.
[2] Там же.

вующих реакционных порядков. Он разоблачил лицемерие правящих кругов, прикрывающих преследования социалистического рабочего движения ссылками на «законность» и в то же время беззастенчиво ее попирающих. Явно имея в виду реформистское крыло в партии, он высмеял попытки принудить социал-демократию отказаться от своих конечных целей. Сама публикация речи Маркса призвана была показать образец того, как революционный социалист должен публично бороться за свои позиции, какова должна быть его тактика перед лицом наступающей реакции. В этой речи, писал Энгельс, Маркс отстаивал «революционную точку зрения в такой форме, которая могла бы кое для кого послужить примером и в настоящее время» [1].

Работа «К истории Союза коммунистов», написанная как введение к переизданию брошюры Маркса «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов», восстанавливала одну из славных страниц борьбы немецких рабочих, убедительно доказывала историческую преемственность современного германского рабочего движения по отношению к первой международной и немецкой пролетарской организации, основанной на принципах научного социализма, наглядно демонстрировала необходимость преодоления сектантских, волюнтаристских и реформистских тенденций, опасность игры в революцию. Энгельс еще раз напоминал о том, что первым этапом грядущей революции в Германии должна быть демократическая, а не социалистическая революция, указав, что «мелкобуржуазная демократия еще и теперь является той партией, которая при ближайшем европейском потрясении — а оно должно скоро наступить... — в Германии безусловно должна будет сначала прийти к власти в качестве спасительницы общества от коммунистических рабочих» [2]. В своих работах по истории рабочего движения Энгельс подчеркивал жизненную важность идейной сплоченности пролетарских партий, значение международной солидарности революционных сил пролетариата, решительно отстаивал революционный характер социал-демократического движения.

Помощь Энгельса революционному крылу германской социал-демократии в борьбе с реформистскими элементами

Благодаря помощи Маркса и Энгельса революционные лидеры германской социал-демократии сумели преодолеть колебания, вызванные в партии введением «исключительного закона», и найти правильную тактическую линию, сочетая легальные и нелегальные средства борьбы. Попытка реформистских элементов свернуть партию на оппортунистический путь провалилась, и они оказались оттесненными на второй план. Однако они не сложили оружия и использовали различные события и поводы для атак на революционную линию партии, опираясь при этом на свое большинство в социал-демократической фракции

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 209.
[2] Там же. С. 229.

рейхстага. Так, в середине 80-х годов реформисты усилили активность в связи с предстоявшим в рейхстаге обсуждением правительственного законопроекта о государственных субсидиях пароходным компаниям. Лидеры марксистского крыла справедливо усмотрели в этом законопроекте проявление антинародной колониальной политики Бисмарка, реформистское же крыло выступало за поддержку этого законопроекта, демагогически мотивируя это интересами судостроительных рабочих, рассуждениями о развитии мировых торговых связей и т. п. Такая позиция шла вразрез с основной партийной линией. К тому же непосредственно в связи с этими разногласиями, в которых редакция центрального органа партии безоговорочно поддержала позицию революционного крыла и резко критиковала большинство фракции, оппортунисты пытались захватить в свои руки руководство газетой «Der Sozialdemokrat».

По существу, это была вторая (после пресловутой статьи «цюрихской тройки») попытка оппортунистических элементов направить германскую социал-демократию на путь социальных реформ и соглашения с буржуазией. Энгельс сразу же понял возникшую опасность. Конфликт выходил за рамки разногласий по частному вопросу парламентской тактики. Новое выступление оппортунистов послужило для Энгельса дополнительным доказательством правильности предостережений, сделанных им и Марксом в «Циркулярном письме». Его письма Бебелю, Либкнехту и другим соратникам по поводу происшедшего конфликта содержат важные мысли, развивающие и дополняющие основные идеи этого документа, принципиальные положения о борьбе с оппортунизмом в партии. В основном они сводились к следующему. Социальной основой оппортунизма является мелкая буржуазия, занимающая еще значительное место в экономике и общественной жизни Германии. Реформистские элементы внутри партии отражают настроения и стремления этой массы, ее «мещанские вожделения» [1]. Эти стремления по своей сути чужды подлинным классовым интересам пролетариата, и носители их не могут выступать от имени партии. Раскол с ними, по всей вероятности, неизбежен, однако в данный момент, в условиях «исключительного закона», крайне нежелателен, ибо может сейчас пойти во вред партии, ослабить силу ее сопротивления реакции. Во всяком случае революционное крыло не должно выступать инициатором раскола, ибо масса членов партии, лишенная возможности разобраться в существе разногласий ввиду отсутствия трибуны для открытой дискуссии, не поняла бы этого. Пока продолжает действовать «исключительный закон», писал Энгельс, «*мы* должны избегать всего, что дало бы возможность приписать нам раскол, то есть свалить *вину* за раскол на нас. Это — общее

[1] См.: Энгельс — Фридриху Адольфу Зорге, 3 июня 1885 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 277.

правило борьбы внутри собственной партии, и сейчас ему необходимо следовать более, чем когда бы то ни было» [1]. Надо предоставить оппортунистам возможность «показать свое настоящее лицо» [2], самим разоблачить себя в глазах пролетарских масс, и тогда, если раскол произойдет, он окажется сравнительно безболезненным и позволит революционному крылу сохранить за собой влияние на основную, пролетарскую часть партии.

Действия оппортунистических элементов встретили резкий отпор со стороны марксистского ядра партии. Большинство партийных организаций выступило с осуждением реформистского крыла фракции, которое вынуждено было отказаться от поддержки колониалистского законопроекта. Потерпели крах и попытки этого крыла подчинить себе редакцию центрального органа партии. «Благодаря победе революционного большинства во внутрипартийном конфликте в партии продолжало укрепляться единство действий на почве марксизма» [3].

2. ПОМОЩЬ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА СОЦИАЛИСТАМ ФРАНЦИИ, АНГЛИИ И США В ВЫРАБОТКЕ ПРИНЦИПОВ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Раскол Французской рабочей партии. Энгельс о борьбе двух направлений в рабочем движении. Его роль в преодолении французскими марксистами сектантских ошибок

Вскоре после событий, происходивших в германской социал-демократии в связи с введением «исключительного закона», во французском социалистическом движении усилилась борьба между реформистами и революционным крылом, стоявшим в целом на почве научного социализма. Принятие съездом Рабочей партии в Гавре марксистской программы вызвало недовольство оппортунистических элементов — поссибилистов, возглавляемых Полем Бруссом и Бенуа Малоном, которые взяли фактически курс на отказ от нее. На состоявшемся в октябре — ноябре 1881 года в Реймсе съезде партии, большинство делегатов которого в результате предпринятых оппортунистами в процессе подготовки съезда махинаций принадлежало к реформистскому крылу, было принято решение, предоставлявшее социалистическим комитетам каждого избирательного округа право выступать на выборах со своей собственной программой. Это означало, по существу, дезавуирование марксистской программы, хотя формально она была оставлена в силе до следующего съезда. А в январе следующего года федера-

---

[1] Энгельс — Эдуарду Бернштейну, 5 июня 1884 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 135.

[2] См.: Энгельс — Эдуарду Бернштейну, 15 мая 1885 г. // Там же. С. 267.

[3] Geschichte der Sozialistischen Einheitspartei Deutschlands. Bd. 1. Berlin, 1988. S. 404—405.

тивный союз Центра (одно из шести объединений, на которые делилась Рабочая партия, находившееся под руководством поссибилистов) исключил из своего состава редакцию газеты «L'Égalité» — органа революционного крыла во главе с Ж. Гедом и П. Лафаргом — и примыкавшие к ней партийные группы за их революционные взгляды. Тем самым был сделан решающий шаг к расколу партии, который окончательно произошел в сентябре 1882 года, когда гедисты, оказавшиеся в меньшинстве на съезде партии в Сент-Этьене, фактически отказавшемся от программы, принятой в Гавре, вынуждены были покинуть его и провести в сентябре 1882 года в Роанне свой собственный съезд. Съезд в Роанне, проходивший под руководством Ж. Геда, П. Лафарга и их сторонников, сохранил марксистскую программу партии и утвердил ее название — Французская рабочая партия. В особой резолюции съезд провозгласил главной политической целью партии завоевание государственной власти, причем подчеркнул, что под этим понимается «уничтожение буржуазного государства и создание революционной рабочей власти с целью полной экономической экспроприации класса капиталистов» [1].

Идейная борьба, развернувшаяся во французском рабочем движении, имела те же корни, что и в Германии. И там, и здесь оппортунистические элементы встали на путь отказа от классового характера партии, от ее революционных целей и подмены их частичными реформами в рамках капиталистического строя. И там, и здесь речь шла фактически о том, чтобы превратить рабочую партию в придаток либеральной буржуазии, подчинить ее буржуазному влиянию. Правда, конкретные формы этой борьбы в Германии и во Франции значительно отличались друг от друга, что определялось, в частности, более зрелым характером социалистического движения в Германии, значительно большим влиянием партии в рабочих массах и т. д. Но в обеих странах достаточно четко проявлялись общие закономерности развития движения, сформулированные Энгельсом именно на основе исторического опыта немецких и французских социалистов.

«По-видимому,— писал Энгельс в связи с расколом в рабочем движении Франции,— *всякая* рабочая партия большой страны может развиваться только во внутренней борьбе в полном соответствии с законами диалектического развития вообще. Германская партия стала тем, что она есть, в борьбе эйзенахцев и лассальянцев...» [2] Он подчеркивал далее, что объединение этих двух направлений стало возможным только тогда, когда лассальянские догмы фактически изжили себя, оказались опрокинутыми самой жизнью, самим ходом классовой борьбы. И хотя это объединение

---

[1] *Seilhac L.* Les congrès ouvriers en France. De 1876 à 1897. Paris, 1899. P. 114.

[2] Энгельс — Эдуарду Бернштейну, 20 октября 1882 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 35. С. 312.

произошло на компромиссной основе, оно, при наличии марксистского ядра партии, значительно увеличило силы рабочего движения, что, правда, отнюдь не сняло необходимости борьбы с оппортунистическими элементами. Во Франции же неизбежным был раскол партии, образовавшейся в результате объединения разнородных течений в момент, когда марксистское ее крыло — гедисты — теоретически еще не окрепло, не освободилось еще полностью от революционного фразерства и сектантских ошибок, а реформистское крыло было лучше организовано и пользовалось значительным влиянием среди рабочих, особенно в Париже. «...Маркс и я,— писал Энгельс Августу Бебелю 28 октября 1882 года,— никогда не питали иллюзий насчет долговечности этого союза. Расхождение чисто принципиальное: должна ли борьба вестись *как классовая борьба* пролетариата против буржуазии или же допустимо вполне оппортунистически... отказываться от классового характера движения и от программы во всех тех случаях, когда благодаря этому отказу можно заполучить больше голосов, больше «приверженцев»? Малон и Брусс... пожертвовали пролетарским, классовым характером движения и сделали разрыв неизбежным» [1]. По существу, эта принципиальная оценка двух направлений в рабочем движении в такой же мере относилась и к рабочему движению других стран.

Поскольку и центральный орган, и руководство германской социал-демократии не сразу поняли истинный смысл разногласий во французском рабочем движении и необходимость раскола, Энгельс в письмах Бебелю и особенно редактору «Der Sozialdemokrat» Бернштейну подробнейшим образом разъяснил существо происходивших событий и добился того, что немецкие социалисты заняли правильную позицию в этом вопросе и решительно поддержали молодую Рабочую партию. Эти письма во многом способствовали преодолению и других ошибок, допускавшихся редакцией нового центрального органа партии, и превращению его в подлинно марксистскую газету.

В сложный для Рабочей партии период борьбы с поссибилистами Энгельс неоднократно критиковал гедистов за сектантские ошибки, которые выражались более всего в известной недооценке значения республиканских учреждений и демократических реформ для рабочего движения, в революционной фразеологии. Энгельс отмечал, например, присущее Геду «парижское суеверие, будто необходимо постоянно твердить слово «революция»» [2]. В другом месте он говорил, что лидеры Рабочей партии «слишком часто одержимы революционной фразой и беспочвенной жаждой деятельности» [3]. В основе этих ошибок лежала необоснованная уве-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 35. С. 319.

[2] См.: Энгельс — Эдуарду Бернштейну, 25 октября 1881 г. // Там же. С. 188.

[3] См.: Энгельс — Эдуарду Бернштейну, 20 октября 1882 г. // Там же. С. 312.

ренность в близости революции, с одной стороны, недостаточно глубокое восприятие марксистского тезиса о классовой сущности буржуазного государства, в частности демократической республики,— с другой. Агитационная работа партии, в которой отражалось такое понимание, не всегда находила отклик среди рабочих, тем более что социалистическое движение во Франции продолжало оставаться расколотым [1].

Важное значение для разработки революционной политики и тактики пролетарской партии имела критика Энгельсом ошибочной позиции ряда руководителей Рабочей партии во время так называемого буланжистского кризиса 1887—1889 годов.

Суть вопроса заключалась в следующем. Генерал Буланже, одно время занимавший пост военного министра, приобрел значительную популярность среди обывателей и отсталых слоев рабочего класса своими шовинистическими и реваншистскими выступлениями, сдобренными социальной демагогией. Одновременно он тайно установил связи с монархическими кругами, строил планы провозглашения военной диктатуры. Его намерения и действия, с одной стороны, усиливали опасность европейской войны, а с другой — угрожали самому существованию республиканского строя. Руководители Рабочей партии не сумели занять правильную позицию по отношению к этим событиям, недооценив возникшую опасность. Вопрос носил не частный, а принципиальный характер: как поступать пролетариату и его партии в случае обострения борьбы в лагере правящих классов между умеренными элементами и представителями реакции? Следует ли предоставить событиям идти своим чередом, считая, что эта борьба не затрагивает интересы пролетариата? В руководстве Рабочей партии были сторонники противоположных точек зрения, в то время как поссибилисты безоговорочно поддержали правительство, а часть бланкистов, наоборот, прямо встала на сторону Буланже.

Энгельс в многочисленных письмах Лафаргу и другим корреспондентам разъяснял ошибочность всех этих точек зрения. Для пролетариата, указывал он, не безразлична судьба республики. Но пролетариат должен не быть придатком сил, поддерживающих существующее правительство, а проводить свою самостоятельную линию. Социалисты обязаны и в этом конфликте исходить прежде всего из интересов рабочего класса и не давать использовать себя ни одной из противоборствующих группировок. Надо отстаивать республику от поползновений крайней реакции, требовать от правящих кругов более решительных мер, в любом случае бороться против шовинистического угара, чреватого опасностью войны, твердо стоять на позициях пролетарского интернационализма.

Замечания и рекомендации Энгельса возымели свое действие. В последующие годы французские марксисты стремились не допускать оценок и действий, противоречащих революционной сущности партии пролетариата и мешающих вовлечению в нее широких рабочих масс [2].

---

[1] О реальном влиянии Рабочей партии к концу 80-х годов свидетельствуют следующие цифры: в 1889 году Рабочая партия насчитывала всего 2 тысячи членов, а на парламентских выборах в том же году за ее кандидатов голосовало лишь 25 тысяч человек (см.: *Виллар К.* Социалистическое движение во Франции 1893—1905 (гедисты). М., 1969. С. 69).

[2] Рост влияния Рабочей партии в начале 90-х годов виден из следующих данных: в 1893 году в партии состояло уже 10 тысяч человек, а число избирателей, голосовавших за ее кандидатов, составляло 160 тысяч (*Виллар К.* Цит. соч. С. 135).

Критика Энгельсом сектантской тактики социалистических организаций в Англии

Основанная в 1884 году Социал-демократическая федерация (СДФ), программа которой содержала ряд марксистских положений, не сумела стать массовой политической партией английского рабочего класса, однако сыграла определенную роль в пропаганде идей научного социализма. Ее лидер Генри Гайндман, хотя и называл себя последователем научного социализма, понимал учение Маркса неглубоко и односторонне. В своих многочисленных популярных работах он излагал основы Марксова анализа капиталистического общества и сущности эксплуатации, однако революционная суть марксизма осталась ему чуждой. Он исходил из того, что противоречия капиталистического способа производства автоматически приведут к его краху, и видел задачу социалистов исключительно в разъяснении рабочим неизбежности этого краха, в чисто пропагандистской деятельности. Руководствуясь этой идеей, Гайндман не придавал значения борьбе за повседневные интересы рабочего класса, считал, что социалисты не должны вести работу среди рабочих, организованных в тред-юнионы, цель которых — исключительно защита экономических интересов своих членов, не должны принимать участие в экономических стачках и других выступлениях рабочего класса в защиту своих текущих требований и т. д.

Такая сектантская тактика не позволила СДФ завоевать сколько-нибудь прочные позиции в пролетарских массах, и она оставалась небольшой группой, которая к тому же не раз становилась ареной внутренних разногласий [1]. Не принесла результатов и проводившаяся Федерацией в 1886 году кампания в защиту интересов безработных — организация демонстраций, посылка депутаций к членам парламента и т. д. Попытки руководства СДФ в ходе этой кампании привлечь массы ультрареволюционными на словах, но лишенными конкретного содержания лозунгами успеха не имели. Энгельс назвал эти действия «революционным кликушеством» [2]. «Весь многочисленный рабочий класс не приведешь в движение проповедями» [3],— писал он. Он подчеркивал, что английские социалисты смогут привлечь на свою сторону более или менее значительные массы рабочего класса, лишь активно участвуя в их борьбе за свои насущные интересы, увязывая со-

[1] В конце 1884 года, вследствие разногласий в руководстве СДФ и недовольства ее сектантской тактикой, а также диктаторскими замашками и авантюристическими действиями Гайндмана, группа членов Федерации, в том числе Э. Маркс-Эвелинг, Эд. Эвелинг, поэт и художник У. Моррис, публицист и философ Б. Бакс, механик Джон Магон и др., вышла из нее и образовала новую организацию — Социалистическую лигу. Однако в ней возобладали анархистские тенденции, многие ее организаторы вернулись в СДФ, а сама Лига осталась незначительной группой и в первой половине 90-х годов прекратила свое существование.

[2] См.: Энгельс — Августу Бебелю, 18 марта 1886 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 394.

[3] Энгельс — Вильгельму Либкнехту, 12 мая 1886 г. // Там же. С. 412.

циалистическую пропаганду с этой борьбой, на конкретных примерах разъясняя сущность капиталистической эксплуатации и пути ее ликвидации, необходимость политической организации пролетариата. Энгельс решительно критиковал СДФ за ее отрыв от основной массы английских рабочих, за неумение и нежелание систематически работать с членами тред-юнионов, активно выступать в поддержку их требований, направленных на улучшение условий жизни и труда, вместе с ними отстаивать их права. Для социалистической партии — и эту мысль Энгельс повторял неоднократно — недостаточно принять программу, содержащую теоретические положения научного социализма. Пока социалисты не научатся увязывать правильные теоретические положения с реальными требованиями, близкими и понятными каждому стачечнику, каждому защищающему свои права и интересы рабочему, не может быть создана партия, составляющая подлинный авангард борющегося рабочего класса. Позиция руководства Социал-демократической федерации, писал Энгельс в начале 90-х годов, «показывает, как бесполезна платформа — пусть в основном теоретически правильная,— если она не связывается с действительными потребностями людей» [1]. В этой линии руководства СДФ Энгельс видел одну из причин отсутствия в Англии массовой пролетарской партии.

Энгельс поддерживал постоянную связь с молодыми участниками социалистического движения, сторонниками марксизма, главным образом рабочими, как в Лондоне, так и в провинции: Джеймсом Макдональдом, Джоном Магоном, Томом Манном, Робертом Баннером и др. Он рекомендовал в пропаганде среди рабочих уделять основное внимание конкретным требованиям пролетариев, в частности законодательному введению 8-часового рабочего дня. Однако в то время Энгельс скептически относился к попыткам объединения различных малочисленных и не пользовавшихся серьезным влиянием социалистических групп с целью создания единой партии. Он считал, что образование действительно массовой партии английского пролетариата возможно только на основе подъема рабочего движения, и советовал своим молодым сторонникам не проявлять нетерпения в решении этой проблемы. «Эксперименты с новыми попытками организации,— писал он Дж. Магону,— более чем бесполезны, пока действительно не появится то, что следует организовывать. А когда массы придут в движение, они быстро организуются сами» [2].

Энгельс полагал, что потеря Англией своей промышленной монополии неизбежно отразится на положении рабочего класса, а это вызовет подъем рабочего движения и создаст благоприятную

---

[1] Энгельс — Фридриху Адольфу Зорге, 8 апреля 1891 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 38. С. 64.

[2] Энгельс — Джону Линколну Магону, 23 июня 1887 г. // Там же. Т. 36. С. 570—571.

почву для распространения в его среде социалистических идей. Он горячо приветствовал образование в конце 80-х годов так называемых «новых» тред-юнионов, которые впервые объединили широкие массы неквалифицированных и малоквалифицированных рабочих, вступивших таким образом в организованную борьбу за свои интересы. «Рабочие слои, вступающие сейчас в движение,— писал Энгельс в декабре 1889 года,— гораздо многочисленнее, энергичнее, сознательнее, чем старые тред-юнионы, состоявшие лишь из аристократии рабочего класса» [1]. Он выражал надежду, что эти слои окажутся более восприимчивыми к идеям социализма и могут составить массовую базу будущей социалистической партии, тем более что во главе «новых» тред-юнионов стояли молодые лидеры, тяготевшие к социалистическим идеям и имевшие с ним личные контакты.

Надежды Энгельса оправдались лишь отчасти. В конце 80 — начале 90-х годов рабочее движение в Англии действительно переживало подъем. Была сделана и попытка создания массовой социалистической организации в лице Независимой рабочей партии (1893). Однако в ней возобладали реформистские элементы, теоретические взгляды ее лидеров оставались далекими от научного социализма, и она так и не стала подлинно массовой революционной социалистической партией. Не подтвердился и прогноз Энгельса относительно резкого ухудшения положения английского рабочего класса в результате потери Англией промышленной монополии.

Энгельс о рабочем и социалистическом движении в США

Как и в Англии, социалисты в США в 80-е годы XIX века были малочисленной группой. Хотя в целом они стояли на почве основных положений научного социализма, но воспринимали их, как правило, по меткому замечанию Энгельса, «доктринерски и догматически, как нечто такое, что надо выучить наизусть, и тогда уж этого достаточно на все случаи жизни» [2]. Из этого догматического понимания вытекала и сектантская по существу тактика: нежелание считаться с реальным положением вещей, с фактическим идейным уровнем подавляющего большинства рабочего класса своей страны, отказ от работы в массовых рабочих организациях, находившихся в плену чисто реформистской, тред-юнионистской идеологии, стремление, как отмечал Энгельс, держаться «в стороне от всякого движения, не приемлющего этой догмы» [3].

Такую сектантскую тактику Энгельс рассматривал как серьезное препятствие на пути распространения идей научного социализ-

---

[1] Энгельс — Конраду Шмидту, 9 декабря 1889 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 273.

[2] См.: Энгельс — Фридриху Адольфу Зорге, 29 ноября 1886 г. // Там же. Т. 36. С. 488.

[3] См.: Энгельс — Флоренс Келли-Вишневецкой, 28 декабря 1886 г. // Там же. С. 497.

ма в широких массах. Он много раз повторял, что навязывать массам теоретические положения, к восприятию которых они не готовы, не только бесполезно, но и вредно, ибо выдвигаемые вне связи с реальным движением, эти положения неизбежно становятся мертвыми, сухими догмами.

Чтобы добиться усвоения массами основных идей научного социализма, указывал он, марксисты должны «участвовать во всяком действительно всеобщем движении рабочего класса, принимая его фактическую точку отправления такой, какова она есть, и постепенно поднимать его на уровень теории...» [1].

Между тем Социалистическая рабочая партия оставалась организацией, объединявшей главным образом немецких рабочих-иммигрантов, и была очень слабо связана с коренными американскими рабочими, говорящими на английском языке. Главным рупором Социалистической рабочей партии была издававшаяся с 1878 года на немецком языке газета «New-Yorker Volkszeitung», редактором и постоянным автором которой стал К. Дуэ. После его смерти в 1888 году пост редактора занял Г. Шлютер, активный деятель социалистического движения в Германии, эмигрировавший в США, автор ряда работ по истории английского и американского рабочего движения. С целью помочь вовлечению американских рабочих в социалистическое движение Энгельс одобрил издание своей ранней работы «Положение рабочего класса в Англии» в переводе на английский язык. Он считал, что эта книга будет понятна американским пролетариям, поскольку положение в США во многом напоминало ситуацию в Англии четырьмя десятилетиями ранее. К американскому изданию (1887) Энгельс написал специальное предисловие, озаглавив его «Рабочее движение в Америке» и посвятив его характеристике состояния рабочего движения в США, в особенности последним событиям — широкому развертыванию стачечного движения в борьбе за 8-часовой рабочий день, попыткам создания рабочей партии (сначала в Нью-Йорке, а затем и в некоторых других городах), а также доказательству того, что успех этих усилий в масштабе всей страны предполагает принятие такой программы, которая выражала бы подлинные, коренные интересы американского рабочего класса. «Конечной целью она объявит,— писал он,— завоевание рабочим классом политической власти, с тем чтобы осуществить прямое присвоение обществом в целом всех средств производства — земли, железных дорог, рудников, машин и т. д.— для совместного использования их сообща и в общих интересах» [2].

Он подчеркивал при этом, что такая программа может стать достоянием широких масс рабочих только на основе реальной

---

[1] Энгельс — Флоренс Келли-Вишневецкой, 28 декабря 1886 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 497.

[2] *Энгельс Ф.* Рабочее движение в Америке // Там же. Т. 21. С. 348.

борьбы за их конкретные интересы. Американские социалисты, считал он, должны добиваться того, чтобы «объединить различные независимые отряды в одну национальную рабочую армию с временной программой, хотя бы и несовершенной, лишь бы только действительно программой рабочего класса...» [1].

Поэтому важнейшую задачу сторонников научного социализма в США, как и в Англии, Энгельс видел в упорной, систематической, неотступной работе в массах, в объединяющих их организациях, в практическом участии в борьбе рабочих за улучшение условий труда и быта, за сокращение рабочего дня и повышение заработной платы. Только на этом пути, полагал он, можно добиться того, чтобы рабочие, учась на своем собственном опыте, на своих ошибках, убедились в непримиримости классовых противоречий и восприняли основные идеи научного социализма.

Своеобразие развития рабочего движения в США, как и в Англии, Энгельс, в частности, видел в том, что в этих странах «те люди, которые более или менее овладели правильной теорией, *в смысле усвоения догматической стороны ее,* становятся простой сектой, потому что не в состоянии понять эту живую теорию действия, работы вместе с рабочим классом на всех возможных этапах его развития, иначе как собрание догм, которые следует заучить наизусть и повторять вслух, подобно формулам заклинания или католической молитвы» [2]. Этот отрыв теории от практической работы, от конкретных действий в интересах рабочего класса данной страны в целом или отдельных его групп Энгельс, как уже отмечалось, считал важнейшим препятствием на пути к созданию массовых пролетарских социалистических партий.

3. ПОЛЕМИКА МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА С БУРЖУАЗНЫМИ И МЕЛКОБУРЖУАЗНЫМИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМИ ТЕОРИЯМИ В 70—80-х ГОДАХ XIX ВЕКА

Немарксистские социалистические теории буржуазных идеологов

Разработка стратегии и тактики социалистического рабочего движения, преодоление оппортунистических, реформистских тенденций и направлений, а также анархистских воззрений неразрывно связаны с критикой всякого рода буржуазных и мелкобуржуазных социалистических течений. В процессе полемики уточнялись и развивались важные теоретические положения марксизма, она способствовала освобождению от буржуазного влияния и приобщению к идеям научного социализма многих участников освободительного движения и послужила

[1] *Энгельс Ф.* Рабочее движение в Америке // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 352.

[2] Энгельс — Лауре Лафарг, 4 мая 1891 г. // Там же. Т. 38. С. 82.

одной из основных предпосылок утверждения учения Маркса в качестве идейной платформы международного социализма.

Главной ареной этой борьбы в 70—80-х годах XIX века была Германия. Успехи социал-демократии побуждали идеологов буржуазии к попыткам активного воздействия на рабочее движение, бисмарковская политика «кнута и пряника» нуждалась в идейном обосновании практики классового сотрудничества и отказа от революционной борьбы.

Именно в Германии среди участников социалистического движения получили распространение идеи этического социализма, опиравшегося на воззрения буржуазного философа-идеалиста Ф. А. Ланге, автора широко распространенной в те годы книги «Рабочий вопрос». Именно в Германии возник такой своеобразный феномен, как «катедер-социализм» («кафедральный» социализм).

В этом термине зафиксировано то обстоятельство, что идеологию реформаторски настроенной буржуазии пропагандировали в Германии по большей части преподаватели университетов. Вместе с тем сторонники этих воззрений находились среди фабрикантов, торговцев, помещиков, чиновников, реформистских деятелей профсоюзов,— словом, в кругах, далеко выходящих за рамки университетских кафедр. Это буржуазное социал-реформистское течение получило организационное оформление с 1872 года, когда в Эйзенахе был образован «Союз социальной политики».

Исторически сложилось так, что идеология этого направления буржуазного социализма развивалась в противопоставлении идеям «манчестерства» («свободы торговли») и принципу невмешательства государства в экономику. В противовес последним пропагандировались идеи «этизации народного хозяйства», «нравственной общности предпринимателей и рабочих», которые служили обоснованием политики предотвращения социальных конфликтов с помощью реформ, проводимых государством.

Неудивительно поэтому, что среди представителей катедер-социализма — экономисты «исторической школы» буржуазной политэкономии — Вильгельм Рошер (1817—1894), Бруно Гильдебранд (1812—1878), Густав Шмоллер (1838—1917), Людвиг Йозеф (Луйо) Брентано (1844—1931), Адольф Вагнер (1835—1917) и др.

Идеологи катедер-социализма признавали необходимость социалистических реформ. Они обосновывали это тем, что свободная конкуренция привела к борьбе между рабочими и предпринимателями (капиталистами), в которой рабочие непременно должны быть побеждены. Для того чтобы так называемый «рабочий вопрос» был разрешен, необходимо, по их мнению, активное вмешательство государства в хозяйственные отношения, которые следует реформировать на основе этических принципов, установив нравственную, духовную общность между рабочими и капиталистами. При этом они считали, что интересам государства соответствует защита низших классов. Катедер-социалисты полагали, что эти задачи можно решить посредством социального законодательства, гарантирования коллективных договоров рабочих с предпринимателями со стороны государственной власти, вставшей над борьбой классов. Это позволит, по их мнению, отучить рабочих от революционных идей.

Таким образом, в действительности взгляды катедер-социалистов и социальная политика, которую они обосновывали, противопоставлялись не буржуазному фритредерству (идеям и политике «свободы торговли»), а революционному социализму, в особенности научному социализму Маркса и Энгельса и их сторонников.

Взгляды катедер-социалистов были близки идеям «государственного социализма», которые получили определенную популярность благодаря сочинениям Родбертуса.

Перу одного из идеологов «государственного социализма», А. Шеффле, принадлежала весьма популярная в то время в Германии, а отчасти и за ее пределами брошюра «Сущность социализма», которая с 1875 по 1891 год выдержала 13 изданий и была переведена на русский, польский и французский языки.

Шеффле, Ланге и другие авторы подобных сочинений много рассуждали о несправедливости капиталистической системы, о нищете и бесправии рабочего класса и т. д., с сочувствием высказывались о некоторых сторонах социалистических учений. На словах они признавали и научные заслуги Маркса. Шеффле, например, называл его «наиболее авторитетным теоретиком и вождем пролетариата», однако со всевозможными оговорками [1]. Оставаясь по существу противниками научного социализма, они зачастую изображали себя его «друзьями», критикующими лишь его «крайности», и были готовы даже признать возможность — хотя и в самом отдаленном будущем — наступления социалистического строя, под которым они понимали систему *«коллективного владения капиталом с общественной организацией рабочей* конкуренции» [2]. Такого рода книги, часто некритически воспринимавшиеся участниками социалистического движения как адекватное изображение основных черт будущего общества, создавали определенные помехи и трудности распространению идей научного социализма.

При известном внешнем разнообразии таких сочинений они имели множество общих черт, главной из которых было категорическое отрицание революционной сущности учения Маркса, стремление доказать возможность и необходимость достижения социалистических — разумеется, в их понимании — целей мирными путями, без применения революционного насилия, причем само их осуществление откладывалось на неопределенно долгий срок. Ряд мероприятий правительства Бисмарка, направленных на стимуляцию капиталистического развития, изображались катедер-социалистами, а вслед за ними и некоторыми реформистами из числа самих социал-демократов как якобы «государственно-социалистические».

---

[1] См.: *Шеффле А.* Сущность социализма. Спб., 1906. С. 13.
[2] См. там же. С. 15.

Критика Марксом, Энгельсом и их соратниками взглядов Родбертуса и идеологов «государственного социализма»

Критическая характеристика этих мероприятий, подлинной сути таких псевдосоциалистических рассуждений являлась важной составной частью борьбы за идейную победу научного социализма. Особое значение при этом приобретала критика взглядов немецкого экономиста К. Родбертуса, произведения которого стали теоретическим знаменем катедер-социалистов. На близость позиций Родбертуса и катедер-социалистов обратил внимание еще Маркс в своих критических замечаниях на книгу одного из представителей этого направления, немецкого вульгарного экономиста А. Вагнера, «Учебник политической экономии» (1879). Маркс, в частности, отметил, что Вагнер, по собственному признанию, находится в *«согласии с Родбертусом, Ланге, Шеффле»* [1].

Родбертус (его основные труды были написаны еще в 40 — начале 50-х годов) критиковал капитализм, осуждал эксплуатацию рабочего класса, все усиливающееся расслоение общества на богатое меньшинство и неимущее большинство. Он выдвинул свою утопическую концепцию будущего общества, доказывая необходимость и неизбежность обобществления производства, путь к которому он видел в постепенном осуществлении реформ, проводимых государством. Категорически отвергая революционный путь, Родбертус рассматривал современное государство как надклассовую силу, способную путем законодательных мероприятий решить социальный вопрос в интересах всех слоев населения.

В 1842 году Родбертус опубликовал книгу «К познанию нашего государственно-хозяйственного строя». В этой работе Родбертус писал: «Если производительность труда настолько велика, что кроме необходимых средств существования рабочего он может произвести еще многие потребительские блага, то этот избыток становится рентой, т. е. присваивается без труда другими лицами, если существует частная собственность на землю и капитал. Другими словами: принципом получения ренты является частная собственность на землю и капитал» [2]. Конечно, это важное наблюдение Родбертуса, которым он принципиально отличался от представителей исторической школы и других современных ему немецких экономистов. Однако считать прибыль и земельную ренту результатом неоплаченного труда рабочих — это еще не значит создать научную теорию прибавочной стоимости. В третьем «социальном письме» к фон Кирхману (1851) Родбертус, по замечанию Энгельса, «близко подошел к открытию прибавочной стоимости, но его поместье в Померании помешало ему сделать это» [3]. Он не дал объяснений особой природе купли-продажи рабочей силы и не пошел дальше Рикардо в постановке вопроса об усреднении прибыли — важнейшего вопроса, решенного Марксовой теорией цен производства.

Родбертус был крупным экономистом. Ему принадлежит видное место и в истории демократической и социалистической мысли [4]. Однако взгляды Родбертуса, прогрессивные в 40-е годы, с появлением научного социализма и развитием рабочего движения оказались не только безнадежно устарелыми, но и в известной мере

---

[1] См.: *Маркс К.* Замечания на книгу А. Вагнера «Учебник политической экономии» (2-е изд.). Т. 1 (1879) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 369.

[2] *Родбертус К.* К познанию нашего государственно-хозяйственного строя. Пять теорем. М., 1935. С. 115.

[3] См.: Энгельс — Эдуарду Бернштейну, 8 февраля 1883 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 35. С. 359.

[4] *Rudolph G.* Ökonomie und utopischsocialistische Aspekte von Karl Rodbertus-Jagetzow (1805—1875) // Beiträge zur Marx-Engels-Forschung. Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften der DDR. Berlin, 1975. S. 92—130.

реакционными. И не случайно его произведения в 80-х годах были извлечены из забвения катедер-социалистами и использовались для обоснования проповедовавшегося ими «государственного социализма» Бисмарка. Мало того, в буржуазной литературе укоренилось мнение, что не Маркса, а Родбертуса следует считать основателем научного социализма [1].

Опираясь на сочинения Родбертуса, они пытались принизить научные заслуги Маркса, утверждая, в частности, будто бы он заимствовал свою теорию прибавочной стоимости у этого немецкого экономиста, не ссылаясь на него, то есть, по существу, выдвинули против основоположника научного социализма клеветническое обвинение в плагиате. Опровержение этого необходимо было не только для восстановления истины, но и прежде всего для того, чтобы показать принципиальное отличие экономической теории Маркса от взглядов Родбертуса, вскрыть их буржуазную сущность, их идейную связь с «государственно-социалистическими» мероприятиями Бисмарка.

Энгельс счел необходимым посвятить значительную часть своего предисловия к первому немецкому изданию работы Маркса «Нищета философии» критике Родбертуса. До выхода этого издания предисловие под названием «Маркс и Родбертус» было напечатано в январе 1885 года в теоретическом журнале германской социал-демократии «Die Neue Zeit» и тем самым сразу же стало достоянием широкого круга читателей. Еще ранее Энгельс тщательно отредактировал работу Каутского ««Капитал» Родбертуса», помещенную в августовском и сентябрьском номерах того же журнала за 1884 год.

Полную необоснованность притязаний Родбертуса и утверждений его апологетов Энгельс обстоятельно доказал также в предисловии к подготовленному им к печати II тому «Капитала», вышедшему в свет летом 1885 года. Обе эти работы Энгельса, в которых была дана критика взглядов Родбертуса, явились важным вкладом в идейную борьбу с противниками марксизма и сыграли большую роль в разоблачении попыток дискредитировать экономическое учение Маркса, составляющее «ключ к пониманию всего капиталистического производства» [2].

Энгельс раскрыл по существу идеалистический, утопический характер родбертусовского толкования трудовой стоимости, которое выдвигает на первый план вопрос о «несправедливости» обмена продуктов не в соответствии с их стоимостью. Выдвинутая Родбертусом в качестве панацеи от зол капитализма теория «рабочих денег» являлась, как убедительно показал Энгельс, не чем иным, как реакционной утопией, долженствующей увековечить эксплуатацию рабочего класса уже не отдельным капиталистом, а буржуазным государством в целом. Энгельс писал, что в условиях капиталистического производства закон стоимости прокладывает себе путь только благодаря колебаниям конкуренции, а тем самым и товарных цен, и, следовательно, определение стоимости товара

---

[1] См., например: *Adler G.* Rodbertus, der Begründer des wissenschaftlichen Sozialismus. Leipzig, 1884.

[2] См.: *Энгельс Ф.* Предисловие ко II тому «Капитала» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 24. С. 20.

не может быть декретировано сверху, государственными органами [1].

Энгельс показал также утопизм требования того, чтобы каждый производитель получал полностью трудовую стоимость произведенного им продукта. Продолжая мысль Маркса, высказанную в «Критике Готской программы», Энгельс подчеркнул, что и в коммунистическом обществе сохранится «необходимость в общественном резервном фонде и в фонде накопления» и, следовательно, каждый рабочий в отдельности не будет пользоваться «полным трудовым доходом», однако все члены общества будут «владеть и пользоваться всем своим продуктом...» [2].

По инициативе Энгельса и при его непосредственной помощи на страницах «Die Neue Zeit» и «Der Sozialdemokrat» была дана отповедь выступлениям представителя оппортунистического крыла германской социал-демократии К. Шрамма, который пытался опровергнуть упомянутую статью Каутского о Родбертусе [3], а затем выпустил специальную брошюру «Родбертус, Маркс, Лассаль», где, по существу, содержался призыв отказаться от марксизма и вернуться к взглядам Лассаля. Серия редакционных статей по поводу этой брошюры, помещенных в центральном органе партии под названием «Моральный критик и его критическая мораль», была написана Э. Бернштейном по прямому совету и на основе указаний Энгельса и получила высокую оценку с его стороны [4].

Разоблачение буржуазной, реакционной сущности «государственного социализма» и писаний его идеологов занимало большое место и в центральном органе германской социал-демократии, и в ее теоретическом журнале. В серии статей «О нормальном рабочем дне» [5] В. Либкнехт убедительно опроверг утверждения оппортунистов, которые рассматривали государственное регулирование продолжительности рабочего дня как основное средство решения социального вопроса. Против теоретиков «государственного социализма» и их приверженцев из числа оппортунистов была направлена статья А. Бебеля «Государственное урегулирование заработной платы и социал-реформистские стремления современности» в журнале «Die Neue Zeit» (№ 1, 1886). Резкая критика псевдосоциалистических рассуждений Шеффле, в частности его брошюры «Бесперспективность социал-демократии», содержалась в статьях Каутского для «Die Neue Zeit» [6] и в серии статей под названием «Непобедимость социал-демократии» [7]. Энергичную отповедь Шеффле дал также И. Дицген в выходившей в Нью-Йорке на немецком языке газете «Der Sozialist».

Критика идеологов «государственного социализма» и их последователей в социал-демократической партии велась с позиций защиты и пропаганды основных идей научного социализма, в част-

---

[1] См.: *Энгельс Ф.* Маркс и Родбертус. Предисловие к 1-му немецкому изданию «Нищеты философии» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 189.

[2] Там же. С. 191.

[3] Дискуссия между Каутским и Шраммом состоялась в 1884—1885 годах в «Die Neue Zeit». Энгельс внимательно следил за дискуссией и дал Каутскому ряд советов, которые были полностью использованы последним в своих ответах Шрамму (см.: Энгельс — Карлу Каутскому, 20 сентября 1884 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 180—182).

[4] См.: Энгельс — Августу Бебелю, 20—23 января 1886 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 358, 363.

[5] Der Sozialdemokrat. 22, 29. X; 5, 12, 19.XI 1885.

[6] Die Neue Zeit. 1885. N 4, 5.

[7] Der Sozialdemokrat. 19.II; 5, 19.III; 9, 16, 30.IV 1885.

ности экономического учения Маркса и материалистического понимания истории. Она во многом способствовала усвоению активными участниками рабочего движения в Германии основных положений марксизма. Результатом этой идейной борьбы было не только значительное снижение влияния буржуазных и мелкобуржуазных социалистических теорий. Будучи теснейшим образом связана с борьбой против оппортунистических элементов в германской социал-демократии, эта критика явилась важным фактором в обеспечении победы революционного, марксистского направления в руководстве партии.

Критика Марксом и Энгельсом теории Генри Джорджа

В США в 80-х годах XIX века значительную популярность, в том числе и среди рабочего класса, приобрели взгляды экономиста и публициста Генри Джорджа, изложенные им в книге «Прогресс и бедность», вышедшей в 1879 году и нашедшей много сторонников не только в Америке, но и в ряде европейских стран. Ярко обрисовав бедственное положение широких народных масс и противопоставив этому огромный рост богатств, которыми пользуется лишь незначительная часть человечества, Джордж доказывал, что основная причина этого заключается в частной собственности на землю. Путь к ликвидации противоречия между прогрессом и бедностью Джордж видел во введении единого прогрессивного налога на землю, как обрабатываемую, так и необрабатываемую. Посредством этого налога, утверждал он, земельная рента перестанет быть достоянием отдельных лиц, а пойдет на пользу всему обществу. Основанная летом 1886 года в Нью-Йорке сторонниками Джорджа Объединенная рабочая партия выдвинула его кандидатом на пост мэра этого крупнейшего города США. Социалистическая рабочая партия примкнула к новой партии, присоединились к ней и профсоюзы. В этих условиях критика воззрений Джорджа имела весьма важное значение.

Еще в 1881 году Маркс, ознакомившись с книгой Джорджа, дал ей критическую оценку в письме к Зорге. Он отметил, что, каковы бы ни были субъективные намерения Джорджа, его утверждение, будто «с превращением земельной ренты в государственный налог *все беды* капиталистического производства должны сами собой исчезнуть», не выдерживает критики. По существу, продолжал Маркс, это — «скрытая под маской социализма попытка *спасти господство капиталистов* и фактически *заново укрепить* его на *еще более широком*, чем теперь, *базисе*» [1]. Продолжая и развивая мысль Маркса, Энгельс в предисловии к американскому изданию книги «Положение рабочего класса в Англии» дал краткую, емкую, глубокую критическую характеристику воззрений Джорджа. Его программа, писал он, «представляется мне слишком

[1] Маркс — Фридриху Адольфу Зорге, 20 июня 1881 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 35. С. 164.

ограниченной, чтобы служить основой для какого-либо движения, выходящего за местные рамки, или хотя бы для кратковременной фазы общего движения» [1]. Энгельс показал, что весь ход истории человечества опровергает основной тезис Джорджа о причинах бедственного положения трудящихся, и противопоставил ему марксистское объяснение «современного антагонизма между классами и социальной деградации рабочего класса» [2] — экспроприацию имущими классами всех средств производства, включая и землю. Он вскрыл основной порок взглядов Джорджа и его требований, осуществление которых сохранило бы в неприкосновенности частную собственность на все средства производства, кроме земли. Кроме того, отмечал он, проект Джорджа сдавать национализированную землю в аренду частным лицам коренным образом отличается от требования научного социализма о том, чтобы земля обрабатывалась «сообща и на общую пользу, и чтобы то же самое было сделано со всеми другими средствами общественного производства — рудниками, железными дорогами, фабриками и т. д.» [3]. Таким образом, Энгельс охарактеризовал Джорджа как буржуазного реформатора, что очень скоро нашло свое подтверждение — уже в 1887 году социалисты были исключены из руководимой им партии, а затем и сам он перешел в демократическую партию.

4. СОВЕТНИК И УЧИТЕЛЬ СОЦИАЛИСТОВ ВСЕГО МИРА

«И имя его и дело переживут века!»

14 марта 1883 года международное рабочее движение, сознательные пролетарии, социалисты всех стран понесли невосполнимую утрату — не стало Карла Маркса.

«Человечество,— писал Энгельс Фридриху Зорге,— стало ниже на одну голову и притом на самую значительную из всех, которыми оно в наше время обладало. Движение пролетариата идет дальше своим путем, но нет того центрального пункта, куда, естественно, обращались в решающие моменты французы, русские, американцы, немцы и каждый раз получали ясный, неопровержимый совет, который мог быть дан только гением во всеоружии знания» [4].

Над могилой своего великого друга Энгельс в проникновенных словах раскрыл величайшее значение всемирно-исторических открытий Маркса, совершивших настоящий переворот в науках об обществе, революционную сущность его учения. «Ибо Маркс,—

---

[1] *Энгельс Ф.* Рабочее движение в Америке // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 348.

[2] См. там же. С. 349.

[3] Там же. С. 350.

[4] Энгельс — Фридриху Адольфу Зорге, 15 марта 1883 г. // Там же. Т. 35. С. 386.

говорил он,— был прежде всего революционер... Его стихией была борьба... И он умер, почитаемый, любимый, оплакиваемый миллионами революционных соратников во всей Европе и Америке, от сибирских рудников до Калифорнии... И имя его и дело переживут века!» [1]

Смерть Маркса вызвала огромную волну откликов во всем мире. Не только его друзья и последователи, не только социалисты различных направлений, но и люди далекие от участия в рабочем движении отдавали должное величайшему гению XIX века. «Выдающийся мыслитель», «самый одухотворенный апостол социализма», «великий учитель и друг пролетариата», «великий революционер и ученый», «величайший борец за человеческие права», «самый даровитый и глубокий из современных экономистов» — таковы лишь немногие примеры характеристики Маркса из множества откликов на его смерть.

Биографические очерки, многочисленные статьи, опубликованные в рабочих газетах почти всех европейских стран и США, свидетельствовали о глубоком уважении к Марксу, о возросшем влиянии марксистской теории в революционном рабочем движении. Среди опубликованных в международной рабочей прессе статей о Марксе выделяются глубокие теоретические очерки Элеоноры Маркс, Вильгельма Либкнехта, Лео Франкеля. Авторы очерков и статей отмечали интернациональный характер учения и деятельности Маркса, излагали основные положения марксизма. Некоторые рабочие газеты, чтя память Маркса, публиковали выдержки из его произведений — чаще всего из «Манифеста Коммунистической партии» и из первого тома «Капитала»; редакции газет призывали читателей к углубленному изучению трудов основоположников марксизма.

В приветствии, посланном весной 1883 года Плехановым и Засулич от имени русских социалистов, будущих основателей группы «Освобождение труда», Копенгагенскому съезду германских социал-демократов, вместе с выражением глубокого сочувствия предлагалось собрать средства для сооружения памятника великому вождю пролетариата и создания фонда для народного издания его сочинений [2].

Задачи, вставшие перед социал-демократами в связи с кончиной Маркса, замечательно выразил В. Либкнехт в своей речи на траурной церемонии: «Вместо того, чтобы предаваться горю, будем *действовать* в духе великого павшего бойца; будем стремиться всеми силами к тому, чтобы как можно скорее *осуществилось* то, чему он учил и к чему он стремился. Так мы лучше всего почтим его память» [3].

---

[1] *Энгельс Ф.* Похороны Карла Маркса // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 351—352.

[2] См.: Литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1940. Сб. 8, ч. 1. С. 25—26.

[3] Их имена переживут века. Международные отклики на смерть К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1983. С. 24.

Идейный вождь борющегося пролетариата

Ко времени кончины Маркса его учение получило уже широкое распространение среди активных участников освободительной борьбы пролетариата. Влияние идей научного социализма возрастало с каждым днем; они становились достоянием все более значительных кругов рабочего класса, оттесняя на второй план утопические, мелкобуржуазные и другие социалистические течения. В 1885 году Энгельс отмечал, что коммунистическое мировоззрение «имеет последователей не только в Европе, но и далеко за ее пределами, во всех странах, где, с одной стороны, имеются пролетарии, а с другой — бесстрашные ученые-теоретики» [1].

Проникновение марксизма в массы борющегося пролетариата и восприятие ими его идей происходило в процессе организационного оформления социалистических партий, в тесной связи с практической борьбой рабочих за свои непосредственные нужды и требования. Оно встречало открытое сопротивление идеологов буржуазии, а нередко наталкивалось на непонимание и со стороны участников рабочего движения, которые порой поверхностно, однобоко усваивали учение Маркса. Соратники и последователи основоположников научного социализма должны были преодолевать немалые трудности, вести идейную борьбу с противниками и ложными друзьями и сами учиться в ходе этой борьбы. Они нуждались в помощи и советах, которые всегда получали от Маркса и которые теперь мог им дать только Энгельс.

Уже в последние годы жизни Маркса, когда состояние здоровья не позволяло ему в прежнем объеме поддерживать переписку и личные контакты с социалистами и деятелями рабочего движения различных стран, эта сторона деятельности основоположников марксизма все в большей мере сосредоточивалась в руках Энгельса. Теперь она полностью легла на его плечи. «Мы ведь должны,— писал он,— насколько это в моих силах, сохранить те многочисленные нити из всех стран, которые добровольно сходились в кабинете Маркса» [2].

Энгельсу предстояло взять на себя не только идейное руководство освободительной борьбой рабочего класса, масштабы которой быстро расширялись. Перед ним стояли важнейшие задачи в области развития марксистской теории, всех трех ее составных частей, а также в области ее распространения и популяризации во всех странах, где в той или иной форме существовало рабочее и социалистическое движение [3]. Он был единственным человеком, способным подготовить к печати и опубликовать не завершенные

---

[1] *Энгельс Ф.* Предисловие ко второму изданию «Анти-Дюринга» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 9.

[2] Энгельс — Августу Бебелю, 30 апреля 1883 г. // Там же. Т. 36. С. 18.

[3] Подробно о развитии Энгельсом марксизма и его деятельности в области распространения идей научного социализма см. главы 4 и 10 настоящего тома.

Марксом рукописи II и III томов его главного труда — «Капитала», что потребовало от Энгельса огромных усилий [1].

Невозможно переоценить ту помощь, которую оказал Энгельс молодым социалистическим партиям и в выработке их программных и организационных принципов, и в овладении марксистской теорией и умении применять ее на практике, и в разработке стратегии и тактики рабочего движения в целом и применительно к каждой стране, и в борьбе с чуждыми пролетариату идейными влияниями, и в проведении в жизнь принципов пролетарского интернационализма, в сплочении всех подлинно революционных сил международного рабочего класса. «После смерти Маркса,— писал Ленин,— Энгельс один продолжал быть советником и руководителем европейских социалистов... Все они черпали из богатой сокровищницы знаний и опыта старого Энгельса» [2].

Энгельсу не только удалось сохранить все нити, сходившиеся в кабинете Маркса. Число их множилось и неуклонно росло. Масштабы освободительной борьбы возрастали с каждым годом, в нее вступали новые отряды рабочего класса, втягивались новые страны и целые регионы, она выдвигала новых, молодых лидеров, которые жадно тянулись к учению Маркса и успешно овладевали им.

Авторитет Энгельса в социалистических кругах, среди участников рабочего движения был чрезвычайно велик. В нем справедливо видели не просто соратника и друга Маркса, но и в первую очередь одного из создателей того учения, которое стало теоретическим знаменем борющегося за свое освобождение пролетариата. Поэтому его лондонская квартира, подобно кабинету Маркса, стала центром притяжения для социалистов всех стран, которые, употребляя образное выражение современника, сделали из нее «свою Мекку» [3]. Но посещавшие Энгельса «паломники» не преследовали цели слепого поклонения. Они приходили или письменно обращались к нему за советом, за помощью, за разъяснением проблем, возникавших в ходе их практической деятельности либо при изучении теоретических трудов основоположников научного социализма и других авторов. И они всегда получали ясный, четкий, понятный ответ, разрешавший возникшие сомнения, рекомендации, помогавшие отыскать верное решение, правильно оценить то или иное явление. При этом Энгельс никогда не занимал позицию непререкаемого судьи или вещающего непреложные истины мудреца; он внимательнейшим образом рассматривал суждения своего собеседника или корреспондента, аргументированно и убедительно излагал свою точку зрения, всесторонне обосновывая ее.

---

[1] О работе Энгельса над рукописями «Капитала» см. главу 9 настоящего тома.

[2] *Ленин В. И.* Фридрих Энгельс // Полн. собр. соч. Т. 2. С. 13.

[3] См.: *Эвелинг Эд.* Энгельс у себя дома // Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., 1988. Ч. 1. С. 183.

Обладая необычайной работоспособностью, сохранившейся и в пожилом возрасте, Энгельс старался быть в курсе последних новинок научной литературы в интересовавших его областях, внимательно следил за событиями международной жизни и внутренней политики европейских государств и США, за развитием капиталистической экономики, уделяя особое внимание происходившим в этой сфере изменениям, возникновению новых явлений. Но наибольший интерес вызывало у него состояние рабочего и революционного движения. Он использовал любую возможность для ознакомления с конкретными фактами освободительной борьбы пролетариата буквально во всех странах, с практической деятельностью социалистических партий и организаций, с материалами их съездов, с их периодической печатью, с издававшейся ими литературой. От его внимания не ускользало ни одно сколько-нибудь значительное событие, будь то более или менее крупная стачка, демонстрации, митинги и другие массовые выступления, парламентские выборы, в которых участвовали социалистические кандидаты, выступления депутатов-социалистов в парламентах, акты международной пролетарской солидарности, направленные против рабочих репрессивные действия правящих классов и реакционных правительств и т. д. Широкая осведомленность в различных областях жизни и борьбы рабочих разных стран позволяла Энгельсу суммировать и теоретически обобщать опыт этой борьбы, делать его достоянием всего международного рабочего движения.

По мере роста масштабов деятельности социалистических партий расширялись и международные связи Энгельса, масштабы его переписки, его личные контакты. Среди его корреспондентов и посещавших его друзей и знакомых в 80-е годы появилось немало новых имен — молодые русские марксисты Г. В. Плеханов, В. И. Засулич; немецкие социалисты Г. Шлютер, Г. Гильом-Шак, К. Шмидт, И. Диц; английские рабочие-социалисты Дж. Магон, Т. Манн, У. Торн, Р. Баннер; французские социалистические деятели Г. Девиль, Э. Фортен, П. Лавинь, Ш. Бонье; польские социалисты, переводчики работ Маркса Л. Кшивицкий, М. Янковская; лидер голландских социал-демократов Ф. Домела Ньювенгейс; активный деятель датской социал-демократии Г. Трир, переводчики его работ: в Италии — П. Мартиньетти, в США — Ф. Келли-Вишневецкая, в Румынии — И. Нэдежде и многие другие.

Энгельс оказал огромное влияние на развитие международного социалистического рабочего движения, ему принадлежала важнейшая роль в идейной победе марксизма над буржуазными, мелкобуржуазными и реформистскими социалистическими течениями. Влияние это осуществлялось различными путями. Первостепенное значение имело здесь распространение его теоретических работ, как новых, написанных после смерти Маркса, так и прежних, переиздававшихся и переводившихся — наряду с

трудами Маркса — при его непосредственном участии. Немалую роль играло и сотрудничество Энгельса в социалистической печати различных стран, и его личные контакты с активными участниками социалистического движения, руководителями социалистических партий. Но особенно важное место принадлежало его обширнейшей переписке.

Идейно-теоретическое значение писем Энгельса

Переписка Энгельса с многочисленными деятелями рабочего и социалистического движения различных стран, масштабы которой постоянно возрастали, служила для него одним из наиболее действенных средств идейного воспитания участников освободительной борьбы и конкретного воздействия на их практическую деятельность.

В 80-е годы его постоянными корреспондентами были более 50 человек. Благодаря этому Энгельс имел систематические контакты с социалистическим и рабочим движением Германии, Франции, Англии, США, Испании, России, Швейцарии, Австро-Венгрии, Голландии, Дании, Румынии.

Круг проблем, затрагиваемых в переписке Энгельса с его многочисленными корреспондентами, был исключительно широк. Он охватывал, по сути, все стороны революционной борьбы: как политические и теоретические вопросы, так и конкретные практические дела, взаимоотношения между социалистическими партиями, борьбу с идейными противниками и оппортунистическими элементами внутри социалистического движения и многие другие. Среди корреспондентов Энгельса были не только его друзья, соратники и последователи, но нередко и незнакомые люди, просившие у него совета или разъяснения того или иного вопроса.

Не ограничиваясь ответами на конкретные вопросы и разъяснениями отдельных теоретических проблем, он всегда стремился помочь социалистическим деятелям овладеть учением марксизма в неразрывном единстве и целостности его составных частей, теории и метода, научить правильно, творчески применять марксизм в различных условиях, учитывая все факторы общественного развития, все новые явления. Он подвергал критике теоретические ошибки своих корреспондентов и указывал им верные решения, вскрывал недостатки в их практической деятельности, причины неудач и неправильных действий. На письмах Энгельса многие его единомышленники в разных странах учились рассматривать каждый факт с позиций революционного пролетариата, определять расстановку классовых сил в тот или иной момент и учитывать ее изменения, находить обоснованную тактическую линию в сложных, противоречивых условиях общественной жизни.

Характеризуя переписку между Марксом и Энгельсом, Ленин отмечал, что в ней выражено «понимание *коренных* преобразовательных целей пролетариата и необыкновенно гибкое определение данных задач тактики, с точки зрения этих революционных

целей и без малейших уступок оппортунизму или революционной фразе» [1]. Эта оценка полностью применима и к письмам Энгельса социалистам различных стран.

Многие письма Энгельса помогали его корреспондентам уяснять наиболее трудные проблемы марксистской философии, политической экономии, научного социализма, разбираться в сущности взглядов идейных противников и вульгаризаторов марксизма, давать им отпор на страницах социалистической печати. Анализируя в письмах внутреннее и международное положение той или иной страны, Энгельс давал своим корреспондентам ключ к решению политических и тактических задач социалистических партий. Эти письма часто являлись непревзойденными образцами строго научного марксистского подхода к оценке текущих событий, и впоследствии высказанные в них мысли становились основой его печатных выступлений. Вместе с тем не раз советы и замечания Энгельса оказывались побудительным стимулом для появления в периодической печати статей социалистических лидеров и публицистов. В первую очередь это касалось борьбы с идейными противниками. Обстоятельные отзывы Энгельса на присылаемые ему рукописи позволяли их авторам значительно улучшать содержание своих статей и избегать многих ошибок. Так было, например, с написанным П. Лафаргом критическим разбором книги французского вульгарного экономиста П. Леруа-Больё, безуспешно пытавшегося опровергнуть научное содержание I тома «Капитала» Маркса. Именно по инициативе Энгельса, на основе его подробных советов К. Каутский выступил с критикой книги Г. Адлера по истории раннего периода рабочего движения в Германии, в которой Союз коммунистов был изображен в превратном свете.

Большое значение придавал Энгельс созданию популярных изложений экономической теории Маркса. В письме французскому социалисту Г. Девилю он высказал ряд критических замечаний на его рукопись, содержавшую краткое изложение I тома «Капитала» Маркса. Энгельс отредактировал рукопись книги К. Каутского «Экономическое учение Карла Маркса». Обе эти книги получили широкое распространение и были переведены на ряд других языков.

Многие важные теоретические проблемы научного социализма были впервые затронуты и разработаны Энгельсом именно в его письмах. Так, в письмах первой половины 80-х годов — А. Бебелю, П. Лафаргу, редактору газеты «Der Sozialdemokrat» Э. Бернштейну и др.— подробное освещение получили вопросы о соотношении демократических и социалистических задач пролетарской партии, о перспективах социалистической революции в европейских странах, об особенностях экономического развития Германии, Англии и другие проблемы.

---

[1] *Ленин В. И.* Переписка Маркса с Энгельсом // Полн. собр. соч. Т. 24. С. 264.

Особенно большое внимание в своих письмах Энгельс уделял политике и тактике социалистических партий, в частности вопросам их парламентской деятельности. Письма содержали конкретные советы, касающиеся участия в избирательных кампаниях, прямые рекомендации относительно подготовки парламентских выступлений депутатов-социалистов. Энгельс оценивал результаты выборов, причины успехов на них социалистических партий, предупреждая в то же время от переоценки этой стороны их деятельности. Вместе с тем Энгельс глубоко анализировал ошибки, упущения, допускавшиеся партиями в ходе предвыборной борьбы, помогал находить пути и средства их преодоления.

Письма Энгельса играли важнейшую роль в распространении идей пролетарского интернационализма, в упрочении и расширении международных связей социалистических партий. Он постоянно информировал своих соратников и друзей о состоянии дел в социалистических партиях других стран, давал оценку их действиям, способствовал установлению личных контактов между их руководителями, часто выступал инициатором различных актов международной пролетарской солидарности. Придавая большое значение систематическому освещению на страницах социалистической печати положения в международном рабочем движении, он всемерно содействовал взаимному сотрудничеству в прессе лидеров и ведущих публицистов пролетарских партий из разных стран, следил, чтобы происходившие в партиях процессы освещались с должной объективностью. Благодаря его инициативе и посредничеству статьи Лафарга стали, например, чаще появляться в газетах и журналах германских социал-демократов, в английских социалистических изданиях, а статьи Либкнехта, Бебеля, Каутского и др.— в социалистических газетах Франции и других стран.

Энгельс считал своим интернациональным долгом привлекать внимание своих единомышленников и последователей к тем событиям в рабочем движении той или иной страны, которые, по его мнению, имели международное значение. Например, он подробнейшим образом сообщал своим корреспондентам в Германии и США о крупной стачке углекопов в Деказвиле (Франция), происходившей в январе — июне 1886 года, добился широкого освещения этой стачки в социалистической печати Англии и Германии, развертывания кампании солидарности европейских рабочих с французскими шахтерами. Энгельс не просто информировал своих корреспондентов о крупных стачках — таких, как стачка лондонских докеров в августе — сентябре 1889 года или забастовка рабочих фабрики резиновых изделий в Сильвертауне,— но и выступал как организатор сбора средств в пользу бастующих на Европейском континенте, кампании против использования французских рабочих в качестве штрейкбрехеров.

Первостепенное значение для дальнейшего развития между-

народного рабочего движения имела обширная переписка, которую вел Энгельс с социалистами различных стран в первой половине 1889 года в связи с подготовкой международного социалистического рабочего конгресса, положившего начало II Интернационалу. Энергичные действия Энгельса, его многочисленные письма сыграли решающую роль в успехе конгресса, объединившего все передовые силы рабочего движения, создавшего новую международную организацию пролетариата.

Проводя последовательную линию на сплочение революционных сил, Энгельс в своих письмах решительно выступал против беспринципных компромиссов с реформистскими элементами и тем более против объединения с ними. Энгельс в огромной мере способствовал преодолению взаимного недоверия и непонимания между отдельными национальными отрядами международной пролетарской армии, их объединению на основе пролетарского интернационализма. «...Парижский конгресс,— писал Энгельс,— нагрузил меня такой обширной перепиской со всеми частями света, что пришлось отложить все остальное. Люди повсюду утратили интернациональное чутье и носились поэтому с самыми невероятными планами; от избытка доброй воли и из-за недостаточного знания друг друга, вещей и обстоятельств могла произойти здоровая потасовка; все перессорились бы со своими друзьями, не примирившись и с врагами. Наконец все это, к счастью, было преодолено...» [1]

В последующие годы письма Энгельса не раз играли решающую роль в преодолении разногласий, возникавших между социалистическими партиями и помогали их руководителям находить верную линию во взаимоотношениях друг с другом.

Энгельс и социалистическая печать

Энгельс всегда рассматривал социалистическую печать как важнейшее орудие освободительной борьбы пролетариата. Он видел в ней действенное средство пропаганды и распространения идей научного социализма, воспитания рабочих масс в духе пролетарского интернационализма, постоянно подчеркивал ее организующее начало, ее роль в сплочении революционных пролетарских сил как в национальных рамках, так и в международном масштабе. «Каждая социалистическая газета является международным центром» [2],— писал он в 1882 году. Наличие регулярно выходящей ежедневной — или в крайнем случае еженедельной — газеты он считал непременным условием успешной деятельности всякой действительно массовой пролетарской партии. Так, когда в середине 80-х годов в Социал-демократической партии Германии возникла угроза раскола, Энгельс нас-

---

[1] Энгельс — Конраду Шмидту, 17 октября 1889 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 243—244.

[2] Энгельс — Иоганну Филиппу Беккеру, 10 февраля 1882 г. // Там же. Т. 35. С. 226.

тоятельно рекомендовал лидерам революционного крыла «во что бы то ни стало сохранить три позиции: 1) цюрихскую типографию и издательство, 2) редакцию «Sozialdemokrat» и 3) редакцию «Neue Zeit»» [1]. Он неоднократно и подчас весьма резко критиковал руководителей Французской рабочей партии за их неумение наладить бесперебойный выпуск своего центрального органа, усматривая в этом одну из существенных причин ее недостаточного влияния среди рабочих.

Социалистическая печать различных стран постоянно находилась в поле зрения Энгельса. Он считал для себя обязательным следить за газетами и журналами социалистического направления не от случая к случаю, а повседневно, регулярно. «Посмотрел бы ты на груду немецких, французских, итальянских, испанских, польских, русских, датских, американских, английских, а иногда и румынских газет, которые я получаю и которые должен хотя бы просматривать, чтобы быть в курсе движения» [2],— писал он Зорге.

Но знакомство с социалистической прессой служило Энгельсу не только источником информации. Внимательно следя за ее содержанием, он критиковал неправильные оценки и суждения, теоретические ошибки, давал советы относительно подбора авторов, подсказывал тематику статей. Это относилось в первую очередь к печатным органам германской социал-демократии, с редакторами которых он поддерживал регулярную переписку, а в период пребывания их в Лондоне — и личное общение. Этим изданиям — газете «Der Sozialdemokrat» и журналу «Die Neue Zeit» — Энгельс придавал особое значение, как в силу того, что они принадлежали наиболее крупной и влиятельной в то время социалистической партии, так и потому, что они имели весьма широкое распространение за пределами Германии, являясь своего рода международными изданиями. И в значительной степени именно благодаря повседневной помощи и конструктивной критике со стороны Энгельса, центральный орган германской социал-демократии стал — по его позднейшей оценке — лучшей газетой, «которой когда-либо располагала партия» [3]. Такова была его роль и по отношению к теоретическому журналу: глубокая критика любых отступлений от принципиальных основ марксистского мировоззрения, неразборчивости редакции при подборе авторов, дружеские рекомендации, замечания и советы во многом помогали росту теоретического уровня и международного авторитета этого издания.

Через Лафарга, с которым он состоял в самой оживленной

---

[1] Энгельс — Августу Бебелю, 23—24 июня 1885 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 287.

[2] Энгельс — Фридриху Адольфу Зорге, 5 марта 1892 г. // Там же. Т. 38. С. 251.

[3] См.: *Энгельс Ф.* Прощальное письмо читателям газеты «Sozialdemokrat» // Там же. Т. 22. С. 82.

переписке, Энгельс воздействовал на французскую социалистическую прессу. Его критические замечания о содержании центрального органа Французской рабочей партии газеты «Le Socialiste», основанной в 1885 году, позволили значительно улучшить и эту газету.

Свое влияние на социалистическую прессу Энгельс оказывал не только критикой и советами. Он весьма активно сотрудничал в тех газетах и журналах, которые редактировались его соратниками и единомышленниками. Его статьи и заметки печатались в немецких, французских, английских газетах и журналах, а в первой половине 90-х годов — и в австрийской, итальянской, русской, румынской, польской, венгерской социалистической печати. При этом многие его работы вслед за первой публикацией перепечатывались в других странах и становились, таким образом, доступными более широкому кругу читателей.

Корреспонденты Энгельса в разных странах нередко использовали его письма для выступлений в газетах. Иногда эти письма являлись основой для передовых статей, порой помещались целиком или в отрывках как самостоятельные статьи. Таким образом, непосредственное сотрудничество Энгельса в прогрессивной печати разных стран и использование его писем в той или иной форме на ее страницах оказывали большое влияние на содержание социалистических газет и были эффективным фактором распространения марксизма и обеспечения его идейной победы.

Огромную роль в этом процессе играли теоретические труды Энгельса, и прежде всего его произведение «Анти-Дюринг», в котором впервые было дано систематическое изложение всех трех основных частей марксизма в их совокупности.

Глава четвертая

ОПЫТ СИСТЕМАТИЧЕСКОГО ИЗЛОЖЕНИЯ МАРКСИСТСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ
(Философия, политическая экономия, социализм)

1. МАРКСИЗМ И ДЮРИНГИАНСТВО

Исторические условия создания книги Энгельса «Анти-Дюринг»

70—80-е годы XIX века — начальный период мировоззренческой консолидации социал-демократии. В этих условиях все большее значение приобретало выявление качественной определенности марксизма как научной теории социализма. Данное Марксом и Энгельсом в эти годы обоснование научного социализма как органического единства философских, экономических, социалистических идей о диалектике движения общества к коммунизму сыграло значительную роль в развитии теории и практики марксизма после Парижской коммуны. В этой связи особое место в истории марксизма занял труд Энгельса «Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом», ставший для революционной социал-демократии конца XIX — начала XX века своего рода энциклопедией марксизма.

Приват-доцент Берлинского университета Е. Дюринг (1833—1921), выступавший в качестве критика марксизма и реформатора социализма, впервые привлек внимание Маркса и Энгельса своей статьей о Марксовом «Капитале» (1868) [1]. Теоретическое содержание рецензии Дюринга не представляло для них научного интереса, его критические аргументы в адрес марксизма воспроизводили аргументацию тогдашней академической науки, и до тех пор, пока дюрингианство не оказывало влияния на рабочее движение, основоположники марксизма оставляли без внимания идеи Дюринга.

Обстановка существенно изменилась в 70-е годы, после того, как в 1875 году на съезде в Готе произошло объединение эйзенах-

[1] *Dühring E.* Marx. Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. Hamburg, 1867. Band 1. Ergänzungsblätter zur Kenntniss der Gegenwart. Hildburghausen, 1867. Band 3. Heft 3.

цев и лассальянцев в единую социалистическую рабочую партию [1].

Первым условием создания единой германской социал-демократии Маркс и Энгельс считали принципиальную критику лассальянства. Между тем, стремясь к скорейшему объединению социалистических сил Германии, лидеры эйзенахцев В. Либкнехт и А. Бебель шли на идейные компромиссы с лассальянцами по основным программным вопросам [2]. И в этой сложной идеологической обстановке представления Дюринга о социализме, распространившиеся в социалистической прессе, объективно препятствовали мировоззренческой консолидации немецкой социал-демократии. Среди приверженцев Дюринга оказались будущий «отец» ревизионизма Э. Бернштейн, И. Мост, Ф. В. Фриче, В. Бракке [3]. Не сразу увидели политическую опасность претензий Дюринга на «реформу социализма», фактически означавшую создание своеобразной либерально-мещанской альтернативы марксизму, даже столь опытные революционеры, как А. Бебель и В. Либкнехт.

В этих условиях Маркс и Энгельс сочли необходимым подвергнуть взгляды Дюринга развернутой критике [4]. И когда Либкнехт, разочаровавшись в революционном потенциале дюрингианства, обратился к Энгельсу с соответствующей просьбой, тот вскоре сообщил Марксу об уже разработанном замысле всестороннего критического разбора философских и социально-политических утопий Дюринга [5].

В течение двух лет (1876—1878) Энгельс работал над «Анти-Дюрингом». Книга Энгельса первоначально публиковалась по мере готовности ее частей в виде серии статей под общим названием «Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом» в газете «Vorwärts» (январь 1877 — июль 1878 г.).

Реакция на публикацию этого произведения была неоднозначна. На Готском съезде партии в мае 1877 года Мост предложил приостановить печатание «Анти-Дюринга» в центральном партийном органе, но против этого предложения выступил Либкнехт, который подчеркнул его значение для партии. Предложение Моста было отклонено, однако в принятой резолюции предлагалось печатание статей Энгельса перенести в научное приложение к «Vorwärts» [6]. Несмотря на всякого рода задержки, публикация статей

---

[1] См. об этом подробнее: «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса и современность. М., 1978. С. 16—32; *Klein M.* u. a. Zur Geschichte der marxistisch-leninistschen Philosophie in Deutschland. Berlin, 1969. Bd. 1. Halbband 2. S. 59—65.

[2] См. об этом подробнее главу 2.

[3] *Höppner Y.* Engels' Anti-Dühring und die Rezeption des utopistischen Sozialismus in der SAPD // 100 Jahre «Anti-Dühring». Marxismus. Weltanschauung. Wissenschaft. Berlin, 1978. S. 157—186.

[4] См.: Энгельс — Марксу, 24 мая 1876 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34. С. 11; Маркс — Энгельсу, 25 мая 1876 г. // Там же. С. 12.

[5] См.: Энгельс — Марксу, 28 мая 1876 г. // Там же. С. 15.

[6] См. там же. С. 14—16, 418—419 (примеч.).

в июле 1878 года была завершена. Вскоре труд Энгельса был издан отдельной книгой.

«Анти-Дюринг» стал наглядным свидетельством неприятия Марксом и Энгельсом эклектического теоретизирования, порождавшего большинство оппортунистических доктрин, имевших хождение в социалистических кругах в те годы. Маркс, активно участвовавший в работе над «Анти-Дюрингом» [1], характеризовал дюрингианство как вульгарную версию утопического социализма. «В течение десятилетий,— писал он Ф. А. Зорге,— мы с большим трудом старались очистить головы немецких рабочих от *утопического* социализма, от фантастического представления о будущем общественном строе, что и давало им теоретический (а потому и практический) перевес над французами и англичанами. Но вот утопический социализм снова распространяется и притом в форме, гораздо более жалкой по сравнению не только с великими французскими и английскими утопистами, но и с... Вейтлингом» [2].

Полемическое выступление Энгельса против Дюринга вышло по своему значению далеко за рамки первоначальных целей. Подытожив развитие революционной пролетарской теории за три десятилетия, Энгельс дал глубокое экономическое и философское обоснование учения научного социализма, впервые изложил в цельном виде революционное мировоззрение марксизма. В этой связи Ленин рассматривал «Анти-Дюринг» как одно «из главных философских произведений марксизма» [3].

Впервые широкие круги социал-демократии, ученики, соратники и последователи Маркса и Энгельса смогли познакомиться с последовательным и системным изложением основных положений их учения, ориентированного на теоретическое обоснование социализма средствами диалектического и исторического материализма, политической экономии. Сам Энгельс отмечал, что критика взглядов Дюринга позволила ему изложить свои и Маркса взгляды, дать «энциклопедический очерк нашего понимания философских, естественнонаучных и исторических проблем» [4].

В «Анти-Дюринге» Энгельс выразил глубокую внутреннюю связь, существующую между ставшими уже относительно самостоятельными разделами марксистской теории — философией,

---

[1] Маркс одобрил намеченный Энгельсом замысел произведения, оказал деятельную помощь Энгельсу в собирании материала, ознакомился в рукописи со всей работой, а главу X второго отдела, посвященную критике взглядов Дюринга на историю политической экономии, написал сам.

[2] Маркс — Фридриху Адольфу Зорге, 19 октября 1877 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34. С. 235.

[3] См.: *Ленин В. И.* К двадцатипятилетию смерти Иосифа Дицгена // Полн. собр. соч. Т. 23. С. 118.

[4] См.: Энгельс — Эдуарду Бернштейну, 11 апреля 1884 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 119.

политэкономией и теорией социализма [1]. Он показал, на каких философских основах базируется коммунистическое мировоззрение, какую роль играет диалектический и исторический материализм в качестве методологического фундамента марксистской политической экономии. Теоретический анализ исторических тенденций развития капиталистического способа производства вскрывает, и это особенно подчеркивал Энгельс, объективные предпосылки социалистической революции, характеризует в основных чертах экономическую структуру будущего общественного строя. Единство философских, экономических и социалистических идей «Анти-Дюринга» выразило исходные мировоззренческие ориентиры пролетариата, выросшего до уровня носителя всемирного исторического прогресса [2].

Социалистическое мировоззрение марксизма обогащается в «Анти-Дюринге» научно-философским обобщением данных естествознания. В полной мере очевидной становится объективная необходимость применения диалектико-материалистического метода не только к истории, но и к природе, не только к общественным, но и к естественным наукам. «...Дело шло о том,— писал Энгельс в 1885 году в предисловии ко второму изданию «Анти-Дюринга»,— чтобы и на частностях убедиться в той истине... что в природе сквозь хаос бесчисленных изменений прокладывают себе путь те же диалектические законы движения, которые и в истории господствуют над кажущейся случайностью событий...» [3]

Книга Энгельса противопоставила путаной наукообразности Дюринга, претендовавшего на признание его «мировой схематики» окончательной истиной, диалектику, включающую принципы историзма, объективности, выяснения классовойа основы кажущихся случайными социальных процессов.

«Реформа социализма» Е. Дюринга

Дюринг начал свою академическую карьеру, написав в 1861 году в Берлине диссертацию «О времени, пространстве, причинности, а также о логике анализа бесконечно малых». В 1863 году он стал приват-доцентом Берлинского университета, а в 1877 году потерял свое место в университете вследствие резкой реакции видных математиков Э. Э. Куммера и К. Т. Вейерштрасса на оскорбительные и необоснованные нападки на них со стороны Дюринга во втором издании его работы «Критическая история всеобщих принципов механики» (1873) [4]. Лишенный права преподавания, Дюринг пытался создать политическую секту. Однако действительного политического деятеля из него все же не получилось.

---

[1] Выделяя в качестве самостоятельных разделов своего труда философию, политэкономию, социализм, Энгельс следовал в общем и целом ходу мыслей Дюринга, его логике изложения и подачи материала. Он был весьма далек от мысли о возможности канонизации подобного трехчленного изложения основ марксизма как единственно верного и правильного представления о структуре марксистской теории.

[2] Подробнее об истории создания этой работы, ее месте в истории марксизма см.: Einleitung zu MEGA. Abt. 1. Bd. 1/27.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 11.

[4] *Dühring E.* Kritische Geschichte der allgemeinen Principien der Mechanik. Leipzig, 1877.

В последующие годы Дюринг оставался главным образом публицистом, занимающимся вопросами философии, политической экономии, и продолжал свои естественнонаучные изыскания [1].

В своих работах «Критическая история политической экономии и социализма» (1871, 1875), «Курс политической и социальной экономии» (1873, 1876), «Курс философии как строго научного мировоззрения и жизнеформирования» (1875), в публичных лекциях перед студенческой и рабочей аудиторией Дюринг изложил свою концепцию, претендовавшую на роль новой всеобъемлющей системы теоретического знания (философии, политической экономии, социализма) [2] и сформированных на его основе принципов практического преобразования действительности.

Философские воззрения Дюринга несут на себе печать влияния Юма и Конта, Шопенгауэра и Фейербаха, Гартмана и Бюхнера. Философия, по Дюрингу, является основой основ всякого знания. Именно средствами философии можно и должно обосновать практическую природу познания, активности человеческого разума [3]. С этих позиций он критикует позитивизм, отрицающий самостоятельность философии как науки; характеризует ее как учение о формах познания исходных принципов человеческого знания и воли,— принципов, в которых воплощаются основы представлений о действительности, как таковой. Эти принципы нельзя вывести из частных наук, так как, по мнению Дюринга, конкретные науки, постигая отдельное, единичное, конкретное, не в состоянии дать единую систему объяснения природы и истории [4]. Философия, как более совершенная форма знания, «не просто нечто большее... но нечто совершенно иное... единство содержательных принципов позитивных наук» [5]. Она познает действительность как единство мысли и факта, материального и идеального [6]. Постулаты философии для Дюринга — это одновременно и путь к единому, целостному знанию о действительности, и критерий оценки смысла жизни, и основа для человеческой деятельности.

Все эти не лишенные здравого смысла тезисы Дюринга, однако, сводятся на нет рассуждениями о «мировой схематике» — исходных постулатах его философской доктрины. В традициях метафизического идеализма он безоговорочно принял априоризм как способ философствования, мышления вообще и рассматривал исходные категориальные структуры человеческого сознания (отдельное, общее, качество, количество, связи, отношение и т. п.), основные понятия философии (материя, движение, сознание, субъект, пространство, время и т. д.)

---

[1] В 80—90-е годы Дюринг обратился к литературоведческой тематике. См., например: Die Überschätzung Lessings und seiner Befassung mit Literatur (1881); Die Grossen der modernen Literatur populär und kritisch nach neuen Gesichtspunkten dargestellt (1893). Кроме того, он занялся обоснованием ярого антисемитизма (Die Judenfrage als Rassen-Sitten-und Culturfrage (1880)); вновь и вновь обращался к своей излюбленной теме — усовершенствованию религии (Der Ersatz der Religion durch den modernen Völkergeist (1882)). С начала 90-х годов Дюринг издавал свой журнал «Personalist und Emancipator».

[2] Дюринг называл свою философскую систему «философией действительности» и включал в нее: 1. мировую схематику, «всеобщие формальные основания... основание формы всего существующего вообще»; 2. учение о естественных принципах; 3. социально-экономическое учение (*Dühring E.* Cursus der Philosophie. Leipzig, 1875. S. 13).

[3] Не случайно Энгельс писал Марксу, что в работах Дюринга, в сущности, «совсем нет собственно философии — формальной логики, диалектики, метафизики и т. д.; она скорее пытается дать общее учение о науке, учение, в котором природа, история, общество, государство, право и т. д. рассматриваются в некоторой якобы внутренней связи» (Энгельс — Марксу, 28 мая 1876 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34. С. 14).

[4] *Dühring E.* Cursus der Philosophie. S. 8.

[5] Ibid. S. 12.

[6] Ibid. S. 13—14, 33, 525—558.

как априорные [1]. Он утверждает, что элементам бытия изначально соответствуют элементы сознания. Возможные в науке, практике, повседневной жизни заблуждения и ошибки коренятся в произвольном комбинировании этих однозначно связанных элементов. Подобный подход привел к вульгаризации основных философских категорий, содержательные характеристики которых сводятся к абсолютизации простейших свойств предмета, явления, процесса. Так, в «Курсе философии» Дюринг дает определение материи как «носительницы всего действительного» [2], а ее атрибутом признает механическую силу [3]. Необходимость он характеризует как «абсолютные», «неизбежные в своей самотождественности следствия из известных предпосылок» [4] и т. д.

Априоризм и антиисторизм воззрений Дюринга зачастую приводили его к выводам, прямо противоречащим данным естествознания. Так, характеризуя развитие, Дюринг считает основным для понимания этого процесса не возникновение нового, но перекомпоновку элементов — составляющих объекта, процесса, явления и т. д. «Не метаморфоза,— писал он,— но композиция должна стать исходным пунктом в исследовании процесса развития» [5].

На протяжении всей своей жизни Дюринг оставался противником диалектики, диалектического метода. Особенно яростным нападкам со стороны Дюринга подвергалась материалистическая диалектика. Марксистскую философию в целом Дюринг именовал не иначе как «диалектический кретинизм» [6], черпающий из диалектического наследия Гегеля. Закон отрицания отрицания он третировал как антинаучную, «лишенную всякой логики утопию некоего высшего синтеза и единства, якобы порожденного взаимоотрицающими «да» и «нет»» [7], как преграду для позитивного познания материальной действительности и реальной истории.

В целом, несмотря на методологический эклектизм, Дюринг остался вульгарным материалистом, так и не поднявшимся до подлинно научного понимания диалектики бытия и сознания, природы и мышления, материального и идеального. «Чувствовать и мыслить,— писал он,— суть состояния возбуждения материи, и без посредства ее не может существовать вообще никаких отношений внутри действительности. Даже саму эту действительность можно отчетливо представить себе только тогда, когда она мыслится как материальная сущность» [8]. Ограниченность этого подхода проявлялась в полной мере в социальной философии Дюринга, проповедующей последовательный исторический идеализм.

Дюрингианское понимание критической революционной, преобразующей роли философии в мире возрождало утопические иллюзии о возможности преобразования мира через реформу сознания и, прежде всего, нравственное совершенствование. С этих позиций Дюринг пытался решить проблему происхождения эксплуатации, насилия, неравенства, политической власти. Так, в государственных институтах, по мнению Дюринга, воспроизводится «естественное», присущее

---

[1] Априоризм дюрингианства — это вульгаризация классического философского априоризма (Канта, например). В принципы мировой схематики Дюринг произвольно включает любые свойства, характеристики, процессы, которые представляются ему наипростейшими составляющими бытия (а соответственно и имеют свой аналог в знании об этом бытии), зачастую игнорируя достижения конкретных наук того времени. В этом плане рассуждения Дюринга близки построениям метафизической натурфилософии.

[2] *Dühring E.* Cursus der Philosophie. S. 73.

[3] Вульгаризаторская трактовка понятия материи ведет Дюринга к упрощенному пониманию ее атрибутивных свойств: рассматривая движение, он характеризует в качестве его источника «антагонизм сил (механистических.— *Ред.*), действующих друг на друга в противоположных направлениях» (Ibid. S. 31).

[4] Ibid. S. 76.

[5] Ibid. S. 114.

[6] Dühringswahrheiten. Hrsg. von Dr. Döll. Leipzig, 1908. S. 57.

[7] Ibid.

[8] *Дюринг Е.* Ценность жизни. Спб., 1896. С. 46—47.

природе каждого человека стремление подчиниться сильнейшему и поработить более слабого. В этом смысле всякое государство противоречит вечным идеям свободы и справедливости, и Дюринг выступает за его упразднение [1]. На смену государству должно прийти свободное общество, построенное по априорному принципу «свободы индивидуумов» [2], само провозглашение которого, как считал Дюринг, влечет за собой уничтожение эксплуатации, ибо объединение свободных людей гарантирует всем одинаковые права: «Свободное объединение индивидов не может привести к господству одного над другим» [3]. Дюринг активно выступал против классовой борьбы пролетариата, рассматривая ее как аморальное самоистребление человечества, как «классовое убийство» [4]. Он высказывался и против политической борьбы пролетариата за свои права, против его объединения в политические партии [5]. Дюринг отрицал необходимость и неизбежность социалистической революции, противопоставлял идеям Маркса и Энгельса о социализме свою «социолитарную» систему, которая, по его убеждению, окончательно развенчивала «теократический авторитарный государственный коммунизм» [6] основоположников марксизма. Но, по сути «социолитарная», система Дюринга есть не что иное, как абстрактные рассуждения о приоритете добра над злом, добродетели над пороком, с позиций которых Дюринг предлагает переосмыслить социально-политические реалии буржуазного строя. Научной теории тенденций и перспектив социалистического преобразования буржуазного общества он противопоставляет морализирующую критику капитализма.

Догматы «мировой схематики» довлеют и в политэкономической доктрине Дюринга. Хотя уже в середине 60-х годов Дюринг опубликовал изложение своей философской системы, большую известность в те годы он приобрел в социалистических кругах благодаря своим политэкономическим сочинениям. Эти работы свидетельствуют о сильном влиянии, которое оказали на Дюринга идеи Листа, Бастиа, Шульце-Делича, Смита и прежде всего Кэри, утверждавшего, что отношения между капиталистами и наемными рабочими носят характер взаимовыгодного гармонического сотрудничества. Воззрения Кэри представляли собой переход от классической буржуазной политической экономии к вульгарной, отказавшейся от теории трудовой стоимости и превратившейся, по сути, в теоретическую апологетику капитализма. Центральную идею Кэри, что повышение производительности труда автоматически вызывает повышение заработной платы, темпы роста которой превышают рост капиталистической прибыли, Дюринг расценил как переворот в учении о народном хозяйстве и в социальной науке [7].

С позиций морального априоризма Дюринг пространно рассуждает об исторически сложившихся двух видах собственности — «насильственной» (приобретенной в результате грабежа) и «справедливой» (продукта усердного труда и прилежания). Он требует ликвидации «насильственной» формы собственности, произвольно причисляя к разряду «справедливо нажитой» собственность средней и мелкой буржуазии. Он выступает за ее сохранение и умножение, всячески протестуя против «внешнего вмешательства» в экономическую жизнь, против правительственного «насилия» над ней. Исключение всякого момента насилия, управления экономической жизнью являются, по мнению Дюринга, гарантом достиже-

---

[1] *Dühring E.* Cursus der Philosophie. S. 266—270.

[2] Ibid. S. 268.

[3] Ibid. S. 265.

[4] См.: *Дюринг Е.* Социальное спасение — в действительном праве. Спб., 1909. С. 9.

[5] Дюринг выступил против объединения эйзенахцев и лассальянцев, критиковал марксистские устремления эйзенахцев. Он рассматривал упрочение марксистской теоретической традиции в социалистическом движении Германии как крах социализма (*Dühring E.* Kritische Geschichte der Nationaloekonomie und des Sozialismus. Leipzig, 1900. S. 571—574).

[6] Dühringswahrheiten. Hrsg. von. Dr. Döll. S. 54.

[7] *Dühring E.* Carey's Umwälzung der Volkswirtschaftslehre und Sozialwissenschaft. München, 1865.

ния общественного устройства, соответствующего его социолитарному идеалу. «Свободное общество» может существовать только как свободная ассоциация самых различных экономических объединений (в терминологии Дюринга — коалиций), гарантией свободы которых является принадлежащая им собственность. Дюринг — ярый противник экономической экспроприации и общественной собственности, рассматривает частную собственность как конститутивный элемент развития социалистического общества, как выражение общественной свободы индивида. Социалистическое преобразование общества представляется Дюрингу как процесс развития новых коалиционных форм хозяйственной жизни, противостоящих централистским тенденциям государства.

Эти идеи Дюринга в известной мере отразили радикализм широких масс Германии Бисмарка: его социалистическая утопия в некоторых своих моментах соответствовала их демократическим и конституционалистским чаяниям, что объясняет достаточно широкую популярность, которую приобрели идеи Дюринга в социалистическом движении, переживавшем тогда стадию своего политического самоопределения [1].

2. РАЗВИТИЕ ФИЛОСОФИИ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

О предмете марксистской философии

Полемика с Дюрингом дала Энгельсу повод всесторонне осмыслить общетеоретическую основу научного социализма — диалектический и исторический материализм. Сам термин «диалектический материализм» в «Анти-Дюринге» еще не употребляется [2]. Но на его страницах Энгельс подчеркнул качественную новизну марксистской диалектико-материалистической философии: современный материализм уже не может существовать без диалектики, а диалектика может далее развиваться подлинно научно только как диалектика материалистическая.

Полемизируя с Дюрингом, Энгельс противопоставил диалектико-материалистическую философию позитивизму, исходные посылки которого разделяли фактически все представители материалистических философских течений второй трети XIX — начала XX века — от естествоиспытателей, стоящих на позициях стихийного материализма, до представителей так называемого естественнонаучного материализма. Споры Энгельса с Дюрингом свидетельствуют о том, что его волновали не столько отдельные заблуждения и ошибки Дюринга, Бюхнера, Фогта, Молешотта в трактовке пространства, материи, сущности жизни, динамики общественных преобразований, сколько метафизическая установка их мышления в целом, ориентация на эмпиризм, плоскоэволюционистская трактовка развития.

Критикуя философские воззрения Дюринга, Энгельс обосновал и развил основные положения диалектического материа-

---

[1] *Dowe D., Tenfelde U.* Zur Rezeption Eugen Dührings in der deutschen Arbeiterbewegung in den 1870-er Jahre // Wissenschaftlicher Sozialismus und Arbeiterbewegung. Begriffsgeschichte und Dühring — Rezeption. Trier, 1980. S. 25—58.

[2] См.: *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 25. Ср. также: *Энгельс Ф.* Развитие социализма от утопии к науке // Там же. Т. 19. С. 207.

лизма: о первичности материи, о материальном единстве мира и его познаваемости, об объективном характере диалектических закономерностей. При этом изложение философии марксизма в «Анти-Дюринге» приобретает новое качество. Если раньше философские проблемы освещались основоположниками марксизма в основном на материалах общественного развития, то теперь они рассматриваются также с привлечением и обобщением данных естествознания. При этом Энгельс использовал, а также уточнял и конкретизировал результаты уже проделанной работы по созданию «Диалектики природы» [1]. Отсюда — присутствие в «Диалектике природы» и «Анти-Дюринге» сходных определений, аргументов для обоснования тех или иных положений, даже отдельных текстологических совпадений [2].

Значение революционного переворота, совершенного марксизмом в общественной науке, наглядно раскрывается в «Анти-Дюринге» на основе нового понимания философского познания, противоположного и априорному догматизму спекулятивных систем, и приземленному узкому эмпиризму позитивистских теорий. По мысли Энгельса, теория марксистской, то есть материалистической, диалектики, последовательно охватывающая философским анализом все области предметов познания, есть «наука о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления» [3]. Это определение материалистической диалектики, но не марксистской философии в целом. Предмет последней оно характеризует не полностью, не указывая на специфику философского знания, хотя оно многое проясняет в его содержании. Называя среди задач философии познание наиболее общих закономерностей движения и развития природы и общества, принципов и форм мышления, а значит, и познания, Энгельс

---

[1] Отметим, что работы «Диалектика природы» и «Анти-Дюринг», сближают, в частности, высказывания Энгельса об историческом характере способа рассмотрения того или иного предмета; его размышления над категориями материи и движения, движения и равновесия (в контексте этих рассуждений и там, и там фигурирует энгельсовское определение движения как способа существования материи), исследование форм движения материи и созданная на этой основе классификация наук (эта идея положена в основу полемики Энгельса против Дюринга по вопросу о переходе от неживой к живой природе); анализ эволюционной теории Дарвина в сравнении с идеями Мальтуса и исследованиями Геккеля, рассуждения о современных Энгельсу учениях о клетке и о подходах к проблеме происхождения жизни; характеристика материалистической диалектики, ее основных законов и категорий (особое место занимают в этой связи проблема диалектического противоречия, его движения в объективной действительности), формулировка одного из классических определений диалектики как науки о всеобщих законах движения и развития в природе, обществе, человеческом мышлении. Из «Диалектики природы» взят и доработан Энгельсом для «Анти-Дюринга» очерк развития капиталистического способа производства (но в «Анти-Дюринге» присутствует новая по сравнению с «Диалектикой природы» мысль о сознательной и планомерной организации общественного производства как начале новой исторической эпохи — эпохи подлинно человеческой истории).

[2] См. об этом подробнее: Einleitungen zu MEGA. Abt. 1. Bd. 1/25.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 145.

тем самым обратил внимание на тесную взаимосвязь мировоззренческих, идеологических и логико-гносеологических сторон и функций диалектического материализма. Марксистская философия для него отнюдь не является «новым» изданием спекулятивной «науки наук» гегелевского или дюрингианского типа; напротив, она прочно опирается на достижения всего комплекса частных наук, хотя и не имеет ничего общего и с плоским суммированием данных наук, противоположна позитивистскому отрицанию собственно мировоззренческих функций философии.

В этой связи в «Анти-Дюринге» подчеркнуты моменты и преемственности и отличия марксистской философии в отношении всей предшествовавшей философской мысли. Философия марксизма не имеет ничего общего с прежней духовной практикой спекулятивного системосозидания, и в этом смысле, как ее характеризует Энгельс, она есть теперь «просто мировоззрение, которое должно найти себе подтверждение и проявить себя не в некоей особой науке наук, а в реальных науках. Философия, таким образом, здесь «снята», т. е. «одновременно преодолена и сохранена», преодолена по форме, сохранена по своему действительному содержанию» [1]. Философия марксизма продолжает на качественно новом уровне материалистическую философскую традицию, и прежде всего именно в смысле мировоззрения. Формулировка Энгельса о «снятии» результатов прежнего философствования подразумевает необходимость сохранения рациональных моментов: достижений прежних исследований законов познания [2], значительных диалектических завоеваний идеалистической, в особенности гегелевской, философии, прежде всего в области логики мышления, сохранения самих материалистических мировоззренческих принципов. При этом момент преемственности в «снятии» старой философии не сводится Энгельсом только к использованию диалектических идей классической немецкой философии. Современный (т. е. марксистский) материализм, по Энгельсу, не является простым восстановлением старого материализма, ибо «к непреходящим основам последнего он присоединяет еще все идейное содержание двухтысячелетнего развития философии и естествознания, как и самой этой двухтысячелетней истории» [3].

Материя и ее атрибуты

В последней трети XIX века буржуазные критики марксизма, а зачастую и многие его сторонники (в том числе соратники, ученики и последователи Маркса и Энгельса) сводили марксистскую теорию к материалистическому пониманию истории, которое противопоставлялось материалистическому пониманию природы, третировавшемуся как исторически изжившая себя «натурфилософия», принципиально несовместимая с подлинно научным зна-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 142.
[2] См. там же. С. 25.
[3] См. там же. С. 142.

нием о природе, достигнутым естествознанием. Тем большее значение приобретали в этих условиях высказанные Энгельсом в «Анти-Дюринге» идеи о материальности мира, подкрепленные философским осмыслением достижений естественных наук [1].

Утверждению Дюринга, будто единство мира состоит в его бытии [2], Энгельс противопоставил положение, согласно которому единство мира заключается в его материальности. Мир, подчеркивал он, представляет собой движущуюся материю в ее единстве и многообразии, и поэтому он есть единство также и всех различных материальных процессов и их результатов и следствий. Все вещи, процессы, явления, события — это различные формы или продукты движущейся материи. Энгельс отмечал, что идея материальности мира, как и другие философские положения, отнюдь не постулируется априорно, но формируется, доказывается и конкретизируется познанием и практикой, длительным развитием наук (естественных и философии) в их взаимодействии. Диалектический материализм интегрирует, обобщает и осмысливает с единой философской позиции человеческие знания, и в этом — его методологическая функция. Но эта «интеграция» осуществляется именно под мировоззренческим углом зрения, и в этом — особенность собственно философского познания и знания.

Энгельс отстаивал положение о неразрывной связи материи и движения. «Материя,— писал он,— без движения так же немыслима, как и движение без материи» [3]. Нельзя быть последовательным материалистом, не признавая того, что движение вечно присуще материи в самых различных ее видах.

Критикуя философскую позицию Дюринга, Энгельс приходит к выводу, что все результаты различных наук заставляют признать атрибутивность движения в отношении материи. В этой связи он формулирует фундаментальное для диалектического материализма положение *«движение есть способ существования материи»*. Движение, как и сама материя, по Энгельсу, несотворимо и неразрушимо, оно переходит из одной формы в другую, переносится с одного тела на другое при их взаимодействии. Диалектико-материалистический взгляд на единство мира основывается на признании неразрывности материи и движения. И — что очень важно для Энгельса — «движение» есть изменение вообще, оно не сводится к какому-то одному виду движения [4].

---

[1] Об эволюции взглядов Энгельса на материю в 70—80-е годы см. подробнее главу 5 настоящего тома.

[2] С помощью этого тезиса Дюринг пытался обосновать мысль, что никакого потустороннего, сверхъестественного мира не существует, мир един. При этом он следовал методологии идеалистического априоризма, пытался выводить более или менее конкретные положения из будто бы изначально данных сознанию постулатов (*Dühring E.* Cursus der Philosophie. S. 16—21).

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 59.

[4] Подробнее об этом см. главу о «Диалектике природы».

В «Анти-Дюринге» Энгельс раскрыл соотношение движения и покоя, рассматривая последний как относительный момент движения. Абсолютного покоя не существует. Общий источник материального движения искать бессмысленно, оно всегда свойственно материи. Что касается конкретных различных движений, то их источником являются те или иные внутренние противоречия материальных объектов и их систем.

Характеризуя время и пространство, Энгельс обосновывал положение об их объективности, независимости их существования от сознания. Время и пространство являются основными формами существования материи. Но не сразу у Энгельса сложились вполне четкие формулировки относительно того, что время и пространство не существуют вне материи. В «Анти-Дюринге» Энгельс допускает, что «время отлично, независимо от изменения» [1]. Однако, развивая положения о неразрывной связи материи, движения, времени и пространства, он тем самым преодолел ньютонианскую ограниченность этого тезиса. Итак, нет пространства, существующего в виде чего-то субстанционально самостоятельного, нет и такого времени, которое было бы абсолютно независимо от материи и существовало до материи и ее движения. Диалектико-материалистический взгляд на пространство и время предполагает, по Энгельсу, признание их единства и неотделимости от движущейся материи.

В «Анти-Дюринге» Энгельс характеризует движение, время и пространство как основные, существенные и всеобщие свойства материи. Однако он отнюдь не утверждает, что указанными характеристиками исчерпываются основные свойства материи. Существенными свойствами материи Энгельс считает противоречивость, неисчерпаемую структурную и содержательную сложность, способность к развитию (вплоть до порождения сознания). В принципе можно предположить, что Энгельс допускает неоднопорядковость различных атрибутивных свойств материи. Недаром он определяет движение как «способ», а пространство как «форму существования» материи.

Проблема познаваемости мира

В произведениях 70—80-х годов, и прежде всего в книге «Анти-Дюринг», Энгельс неоднократно возвращался к мало изученному тогда марксистами вопросу о познаваемости мира. В те годы эти проблемы имели серьезное теоретическое значение, широко дискутировались в естественнонаучной и философской литературе. Споры шли в основном между сторонниками идеализма и агностицизма в гносеологии и защитниками вульгарно-материалистической трактовки познания как зеркального отражения мира в сознании (примером может служить дюринговская концепция зеркального воспроизведения, согласно которой между реальностью и ее

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 52.

восприятием в мысли существует однозначное, прямое и полное соответствие).

Принципиальная, по мнению Энгельса, ошибка Дюринга заключалась в отрицании относительного характера истины, истинного знания. Энгельс исходил из того, что заимствованное из обыденных суждений противопоставление «либо истина, либо заблуждение», свойственное Дюрингу,— атрибут антидиалектического мышления, который отойдет в прошлое вместе с метафизическим мировоззрением. Современный материализм, напротив, должен исходить из диалектического единства относительной истины (приблизительно верного представления о действительности) и истины абсолютной (полного, окончательного знания о ней), из признания объективного характера обоих видов истины. Относительная истина неполна, приблизительна, подлежит в дальнейшем расширению, уточнению, совершенствованию; но она отнюдь не отделена от абсолютной истины какой-то непереходимой границей и делается все более к ней причастной. Энгельс отмечал, что в науке «окончательные истины в последней инстанции становятся... с течением времени удивительно редкими» [1].

Опровергая гносеологическую «робинзонаду» Дюринга, Энгельс подчеркнул, что познание человечества не может быть чисто индивидуальным. Истина добывается рядом поколений через преодоление «относительных заблуждений» [2], причем каждое последующее продвигается в познании дальше, как бы стоя на плечах своих предшественников, аккумулируя их опыт. При этом возникает своеобразное диалектическое противоречие между «суверенностью» познания, его абсолютной истинностью, то есть самой способностью человечества адекватно познать мир в целом, и «несуверенностью», то есть ограниченностью возможностей познания и их реализации конкретно-историческими условиями бытия каждого отдельного поколения, общества, класса, индивидуума [3]. Утверждая, что человечество достигает значительных успехов в познании мира по мере включения в познавательную деятельность новых поколений [4], Энгельс напоминает, что при этом та ступень познания, на которой мы находимся теперь, столь же мало окон-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 89.— Известно, что Ленин отметил также и ценность абсолютных по содержанию истин факта, о которых Энгельс писал в «Анти-Дюринге» как о так называемых «вечных истинах» (поскольку их так именовал Дюринг). Эта их оценка в полной мере согласуется с подходом Энгельса к «вечным истинам» факта. Ими нельзя пренебречь, но их роль нельзя и фетишизировать, поскольку они элементарны, разрозненны, а иногда, как оказывается, нуждаются и в немалой коррекции. Энгельс опровергал претензии Дюринга на абсолютность и вечность всех истин факта, а Ленин отверг претензии махистов на доказательство ими абсолютной релятивности, зыбкости и полной неустойчивости истин факта.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 87.

[3] См. там же. С. 87—88.

[4] См. там же. С. 124.

чательна, как все предшествующие [1]. Но мысль о диалектическом соотношении относительной и абсолютной истины еще не была сформулирована Энгельсом в достаточно четкой форме: не были высказаны положения о соотношении абсолютности и неотменяемости тех или иных утверждений науки и сформулированных ею закономерностей, о различии в понимании абсолютной истины как полного и абсолютно точного знания о действительности и как неотъемлемого компонента относительного знания о мире. Эти идеи развивал впоследствии Ленин, анализируя различные соотношения между относительной и абсолютной истинами.

Серьезное внимание обратил Энгельс на вопрос об источниках познания. Он исходил из того, что и естественнонаучное и философско-историческое знание рождается не из чистого мышления, не из логических построений всеобщей схематики, а из действительного мира, из опыта, «из практических отношений» [2] и потребностей. Подчеркивая значение практики в процессе познания как источника наших знаний, Энгельс напоминал, что даже такая абстрактная наука, как математика, родилась все-таки из *«практических потребностей* людей» [3] и что вообще успехи естествознания и техники служат тем самым свидетельством того, что только практика делает возможным и доступным подлинную реализацию знаний.

Понятно, «одного только познания... недостаточно для того, чтобы подчинить общественные силы господству общества. Для этого необходимо прежде всего общественное *действие*» [4]. Не следует никогда упускать из виду, что «фактически каждое мысленное отображение мировой системы остается ограниченным, объективно — историческими условиями, субъективно — физическими и духовными особенностями его автора» [5]. Однако процесс познания неуклонно прогрессирует, преодолевая в единстве с практикой и на ее основе препятствия, с которыми сталкивается. Так, в отношении астрономии и космологии Энгельс преисполнен оптимистической уверенности в будущем этих наук: «... даже в применении к космическим проблемам мы хотя и наталкиваемся на недостатки и пробелы, обусловленные несовершенством наших познавательных средств, но нигде не встречаемся с теоретически непреодолимыми препятствиями» [6].

Ряд важных мыслей высказал Энгельс в «Анти-Дюринге» о практике как критерии истинности наших знаний. В том общем историческом движении через противоположности, которое в познании происходит с заблуждениями и с истинами, переходящими

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 92.
[2] См. там же. С. 95.
[3] См. там же. С. 37.
[4] Там же. С. 329—330.
[5] Там же. С. 36.
[6] Там же. С. 64.

при определенных конкретных условиях друг в друга, практика служит критерием истины, и она же определяет в значительной мере сами эти условия. И практика действует в критериальной функции далеко не всегда непосредственно: одно дело — проверка истинности основанных на соответствующих познаниях действий («проверка пудинга» состоит в том, что его просто съедают), и другое дело — проверка истинности социальных теорий (где как критерий функционирует коллективно-историческая практика в виде деятельности преследующих определенные интересы масс и ставящих соответствующие цели партий). Особенная ситуация имеет место в случае идеализированных математических и вообще теоретических абстракций, где проверка происходит косвенно, через ряд посредствующих звеньев, где применяют дедуктивные средства выведения из теоретических гипотез тех конкретных следствий, которые уже поддаются чувственно-практической проверке, иногда хотя бы приблизительной. Так поступает Энгельс, например, в вопросе об истинности и реальных прообразах дифференциального и интегрального исчислений [1], где об истинности теории математического анализа судят по успеху приложения его к решению разнообразных классов практических задач.

Теория диалектики и ее общие законы

Дюринг и его сторонники были последовательными противниками диалектики. Вместе с тем наряду с дюрингианством в социал-демократических кругах Германии получили распространение идеи вульгарного материализма К. Фогта, Я. Молешотта, Л. Бюхнера, антидиалектические по своему характеру и содержанию. Вульгарные материалисты использовали мотивы материализма Фейербаха, но огрубляли и деформировали его. Они отождествляли свою философию с естествознанием, усматривая в ней род «физиологического антропологизма». Несмотря на ограниченность мировоззрения этих мыслителей, их взгляды сыграли положительную роль в период реакции после 1848 года, поскольку они выступали с защитой естествознания и критикой идеализма. Однако в 70—80-х годах установки вульгарного материализма проявлялись в грубо биологической интерпретации общественных явлений, в проповеди социал-дарвинизма, отрицании роли революционных преобразований. В своих взглядах на развитие они отстаивали положения плоского эволюционизма, отвергая диалектику Гегеля, как «духовное шарлатанство». Одну из своих задач при написании «Анти-Дюринга» Энгельс видел в развенчании антидиалектических установок вульгарного материализма.

В «Анти-Дюринге» Энгельс четко изложил свои взгляды на содержание материалистической диалектики как науки. Обращение Энгельса к этой проблеме было во многом связано с его намерением подготовить в дальнейшем общий очерк материалистической диалектики, что соответствовало задуманному, но не осу-

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 138, 141—142; ср. С. 583—584.

ществленному плану Маркса создать по теории диалектики специальный труд. Тем большее значение имеют идеи «Анти-Дюринга» для осмысления и правильного понимания научной теории диалектики.

Единая диалектика природы, общества и познания обладает, по мысли Энгельса, определенным составом и структурой. В своем теоретическом виде она находит выражение прежде всего в «главных» [1] законах и категориях диалектики. Главных законов диалектики Энгельс выделяет три: закон диалектической связи противоположностей, закон перехода количественных изменений в качественные и закон отрицания отрицания. Но при этом он нигде не утверждает, что число диалектических законов ими ограничивается: диалектические категории характеризуются большим количеством взаимосвязей, и все эти взаимосвязи в принципе могут быть выражены в форме соответствующих законов диалектики (что, разумеется, не означает того, будто законы диалектики вторичны в отношении категорий).

В «Анти-Дюринге» Энгельс раскрывает действие всеобщих законов материалистической диалектики, которые прежде всего выступают как основные законы объективной диалектики (диалектики развития объективной действительности). В самом общем виде эти законы были сформулированы уже в «Науке логики» Гегеля. У Гегеля диалектические законы познания совпадали с законами бытия в силу присущего его взглядам принципа тождества мышления и бытия, тогда как у Маркса и Энгельса первые, находясь в единстве с последними, являются диалектически противоречивым их отражением.

Учение о диалектических противоречиях и закон диалектической связи противоположностей, учение о превращениях их друг в друга, как утверждал Энгельс [2], составляют в диалектике самое главное. Именно в «Анти-Дюринге» впервые в истории марксизма закон всеобщей противоречивости вещей, процессов и явлений был всесторонне охарактеризован Энгельсом как центральный закон материалистической диалектики. Дюрингом в его «Курсе философии» этот закон был избран в качестве одной из главных мишеней критики: он называл объективные противоречия «верхом бессмыслицы», а содержание закона единства и борьбы противоположностей сводил к плоской мысли «о силах, движущихся в противоположных направлениях» [3]. Согласно Дюрингу, противоречия могут относиться «только к комбинации мыслей, но никак не к действительности» [4].

Энгельс показал, что закон диалектического противоречия яв-

---

[1] См.: *Энгельс Ф.* Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 343.— Эти законы Энгельс называет также «основными».

[2] См.: *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Там же. С. 123.

[3] Цит. по: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 122, 125.

[4] См. там же. С. 122.

ляется объективным прежде всего по своему содержанию. При этом каждой форме движения материи присущи специфические противоположности и противоречия. Так, например, в кинематике механического движения обнаруживается противоречие между непрерывным перемещением тела в пространстве и его прохождением через различные точки траектории движения. В живом организме имеют место противоречия между ассимиляцией и диссимиляцией [1], а в рамках филогенеза — многие внутривидовые и межвидовые противоречия [2]. В общественной жизни противоречия имеют место прежде всего в виде борьбы классов, носящей экономический, а на этой основе политический и идеологический характер, и т. д.

Возражая Дюрингу, Энгельс изложил свое понимание диалектической связи противоположностей. Оба полюса «какой-нибудь противоположности... столь же неотделимы один от другого,— писал Энгельс,— как и противоположны, и... они, несмотря на всю противоположность между ними, взаимно проникают друг друга» [3]. Позднее Ленин формулировал это положение как закон единства и борьбы противоположностей [4].

Один из основных законов марксистской диалектики, которому Энгельс в «Анти-Дюринге» уделяет большое внимание,— это закон перехода количественных изменений в качественные. Это закон, раскрывающий механизм порождения качественных изменений, причем они, в свою очередь, вызывают на соответствующем этапе их развития новые количественные изменения. Дюринг отрицал и этот закон диалектики, называя его не иначе как «путаным и туманным представлением Гегеля» [5]. Наиболее подробно Энгельс рассматривал действие закона взаимоперехода количественных и качественных изменений применительно к химической форме движения материи [6], показывая это на таком типичном примере, как увеличение или уменьшение числа атомов в молекулах веществ, образующих гомологические ряды, которое приводит к определенным качественным превращениям веществ. «...Почти повсюду в химии... можно видеть, как «количество переходит в качество», и это якобы путаное и туманное представление Гегеля может быть,— утверждает Энгельс,— обнаружено... в телесной форме в вещах и процессах...» [7]

Взаимодействие количественных и качественных изменений — это один из видов проявления всеобщей диалектической противоречивости. Переход в новое качество происходит скачкообразно, и он должен быть понят как результат разрешения соответствующего противоречия в данном объекте. Результатом скачка является

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 81—84.
[2] См. там же. С. 68—70.
[3] См. там же. С. 22.
[4] См.: *Ленин В. И.* Философские тетради // Полн. собр. соч. Т. 29. С. 316—317.
[5] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 127.
[6] См. там же. С. 122—132.
[7] Там же. С. 131.

становление нового противоречия между количественными и качественными моментами уже обновленного объекта. Поэтому Энгельс рассматривал оба эти закона в их непосредственном единстве [1]. Он исходил из убеждения, что диалектика взаимоперехода количественных и качественных характеристик является существенным аргументом: с одной стороны, против механицистов, стоящих на позициях абсолютизации количественных изменений и не допускающих у категории «качество» какого-либо самостоятельного (тем более научного) содержания, которое признается им у «количества», а с другой стороны, против метафизиков из лагеря идеалистов, зачастую абсолютизирующих качество и пренебрегающих количественно-структурными сторонами объектов, как чем-то «несущественным».

Третьим основным законом материалистической диалектики является закон отрицания отрицания. Раскрывая в «Анти-Дюринге» содержание этого закона [2], Энгельс показал его действие в основном на социальном материале — на политико-экономических отношениях, исследованных Марксом в «Капитале», и на фактах общей истории развития общества, а также истории науки, философии и социальных учений [3]. При этом Энгельс выявил несостоятельность метафизического понимания отрицания, которое тождественно понятию полного уничтожения существующего предмета, вызванного губительными внешними воздействиями на этот предмет. Отрицание как уничтожение, конечно, имеет место, но метафизики неправомерно его абсолютизируют, тем самым исключая возможность развития предметов. Диалектическое же понимание отрицания характеризует его как связующее звено между двумя качественными состояниями предмета, между двумя разными этапами его развития, когда отрицание прошлого его состояния и переход в новое состояние включает в себя наряду с исчезновением прежнего качества сохранение определенных его результатов и включение этих результатов в процесс дальнейшего обновления предмета.

Отрицание отрицания выступает, таким образом, как дальнейшая конкретизация закономерности качественных превращений, определяя общее направление их развития. Отрицание является продуктивным механизмом развития, включающим в себя как преемственность (в смысле утверждения каких-то положительных моментов прошлого этапа, создания основы последующего развития и даже своего рода «возвращения» к этим моментам), так и переход к новому состоянию. Закон отрицания отрицания говорит о восходящем пути развития, так что указанное «возвращение» только относительно: прежние моменты преобразуются под воздействием нового состояния объекта. Этот закон в своем содер-

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 122—132.

[2] См. там же. С. 133—134, 146, 640—642.

[3] Подробную характеристику Энгельсом закона отрицания отрицания см. в главе 5.

жании и действии связан не только с качественными переходами системы из одних состояний в другие, но и с противоречиями как с источником развития, противоречиями, которые в результате своего разрешения приводят данную систему к диалектическому переходу в свою противоположность, то есть к «самоотрицанию». В отрицании отрицания возникает движение как бы по «спирали», в котором противоречиво соединяются два рода движения: с одной стороны, поступательное, ведущее на более высокий уровень развития, а с другой стороны, возврат к якобы старому, частичное воспроизведение некоторых черт предыдущих циклов развития, но уже на совершенно новой основе.

Все это анализируется на результатах конкретных исследований, которые проводит Энгельс в «Анти-Дюринге». Эти результаты помогают увидеть и действие своеобразных частных форм данного закона, в том числе в жизни общества, в процессах познания и в истории мировоззрений и идеологий.

Как и другие законы диалектики, закон отрицания отрицания в марксистской философской теории обладает методологической и познавательно-эвристической функцией. И именно при его рассмотрении Энгельс подчеркивает недопустимость шаблонов в применении диалектики. «...Способ отрицания,— пишет он,— определяется здесь, во-первых, общей, а во-вторых, особой природой процесса... Это зависит от особой природы каждого отдельного случая» [1].

В итоге взаимодействия трех основных законов диалектики возникает единая система диалектических связей и переходов, каждый элемент которой выполняет свою особенную функцию, охватывая совокупным действием всю действительность. Закон единства и борьбы противоположностей обнаруживает свое определяющее воздействие в узловых пунктах развития, на существенных стадиях бытия и изменения объектов. Закон перехода количественных изменений в качественные наиболее явно обнаруживает свое действие при переходе к каждому новому этапу развития. Действие закона отрицания отрицания проявляется как связь по меньшей мере трех следующих друг за другом фаз развития. Именно поэтому действие данного закона наиболее четко обрисовывается в сравнительно быстро развивающихся и наиболее сложных системах — в живой природе, в ее отдельных организмах, цепочках поколений, популяциях, биоценозах и в целом в биосфере. Действие его проявляется и на разных уровнях общественно-исторического процесса.

Наряду с анализом действия трех основных общих законов материалистической диалектики Энгельс исследует и отдельные категориальные пары, и прежде всего — свободу и необходимость. Специально Энгельс рассматривает и особые закономерности субъективной диалектики в смысле диалектики процесса познания.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 145—146.

Диалектика как метод в ее противоположности метафизике и эклектике

В методологическом плане по сей день чрезвычайно важным остается вопрос о взаимоотношении диалектики, метафизики и эклектики [1]. Энгельс не ограничился принципиальным противопоставлением «диалектики как высшей формы мышления» [2] метафизическому методу, оценкой его исторической ограниченности. Выполнив свою позитивную роль в деле первоначального накопления знания и его систематизации, метафизика, отмечает Энгельс, показала свою явную неспособность быть методом решения фундаментальных научных проблем, поставленных развитием науки и практики в XIX веке. Реанимация метафизических идей в новых исторических условиях, когда развитие естествознания требовало сознательного овладения диалектическим методом мышления, ставила перед марксистами задачу по-новому взглянуть на связи естественных и общественных наук в целом, философии и естествознания, философии и истории, теории и метода в частности.

В период упрочения марксистских идей в социалистическом движении Германии широкое распространение получили разного рода эклектические доктрины, сочетавшие в себе разнородные положения вульгаризированного кантианства, фейербахианства, исторического материализма, буржуазной политэкономии, утопического социализма. Процветал эклектический социализм, который Энгельс характеризовал как «смесь из более умеренных критических замечаний, экономических положений и представлений различных основателей сект о будущем обществе» [3]. В этой связи бескомпромиссную критику эклектики как определенного способа мышления Энгельс считал важным условием революционной идеологии.

Если метафизик, по словам Энгельса, «мыслит сплошными непосредствованными противоположностями» [4], игнорируя одну из них во имя абсолютизации другой, снимая тем самым проблему объективного саморазвития материального мира, то эклектик в отличие от него признает наличие обеих противоположностей. Однако дальше их формальной констатации эклектика не идет.

Характерным проявлением эклектического подхода в понимании Дюрингом общественной жизни Энгельс считал его метания между утопичной идеей «равенства воль» и фактом неизменного подчинения одной из них другой в реальной жизни. Исходным пунктом истории Дюринг считал равного самому себе «единственного» индивида, желания которого абсолютны и не обременены

---

[1] Говоря о диалектике, метафизике, эклектике, Энгельс в «Анти-Дюринге» имеет в виду прежде всего их характеристики как философских методов, как определенных способов мышления.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 19.

[3] См. там же.

[4] См. там же. С. 21.

обязанностями. Однако для объяснения фактов эксплуатации и социального неравенства он пользовался своей моделью «робинзонады». По Дюрингу, в истории всегда сосуществовали Робинзон и Пятница. Один трудился и производил, а другой насильно присваивал созданные материальные и духовные блага. Иначе говоря, Пятница работает, а Робинзон принуждает его к труду, узурпировав с помощью насилия функцию распределения. Категории труда и насилия, производства и распределения вначале освобождаются Дюрингом от всякой исторической детерминации, затем спекулятивно комбинируются и, наконец, «навязываются» реальным общественным процессам как их абсолютно истинная, универсальная сущность. Причем насилию и производной от него «насильственной собственности» [1] Дюринг идеалистически приписывал роль движущей силы всемирной истории.

«Заблудшему» человечеству оставалось только старательно реализовать то, что уже сделал в своей голове г-н Дюринг: разъединить досадно мешающие друг другу противоположности — избавиться от одной из них (разумеется, плохой), дабы в полной мере вкусить другую (желанную). Гвоздь «социалистической» доктрины Дюринга — именно в этой иллюзорно-утопической идее «избавления» производственного богатства как господства над вещами (хорошей стороны) от распределительного богатства как господства над людьми (дурной стороны) при сохранении в «улучшенном» виде капиталистического способа производства [2].

Классики марксизма-ленинизма неоднократно подчеркивали, что эклектика иссушает, извращает и компрометирует диалектику, что опасность эклектики кроется в ее двуликости, чисто внешнем сходстве с диалектикой. «...Подделка эклектицизма под диалектику...— писал Ленин,— дает кажущееся удовлетворение, якобы учитывает все стороны процесса, все тенденции развития, все противоречивые влияния и прочее, а на деле не дает никакого цельного и революционного понимания процесса общественного развития» [3].

Несомненной заслугой Энгельса стало выявление в «Анти-Дюринге» социально-классовых корней эклектики. Энгельс критикует не столько спекуляции Дюринга, сколько сам тип его мышления, интеллектуальные притязания философствующей посредственности, непоследовательность, эклектизм. В теоретической сфере ясно отображаются те противоречия, колебания, иллюзии, ежедневное лавирование между Сциллой рока и Харибдой удачи, которые присущи неустойчивому бытию мелкого буржуа. Его внутренней раздвоенностью объяснима навязчивость образа «пары мужей» как универсальной модели человеческих отношений и всей общественной истории. Ведь для Ф. Энгельса мелкий буржуа — одновре-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 110, 156, 165.
[2] См. там же. С. 192.
[3] *Ленин В. И.* Государство и революция // Полн. собр. соч. Т. 33. С. 21.

менно Робинзон (по отношению к тем, кого он подчиняет и эксплуатирует) и Пятница (как объект насилия со стороны власть имущих). Отсюда его заискивание и страх пред властью, жажда и боязнь насилия, вечная дилемма обогащения или разорения, анархистского бунтарства или трусливого пресмыкательства. Эта двуликость находит свое отражение в идеологии, в теории, питает абстрактно-иллюзорные представления половинчатого «социализма», пытающегося соединить «мировые схематики», очищенные от реальных противоречий, с эмпиризмом прагматического мышления.

Субъективная диалектика и формальная логика

Для понимания сущности марксистской диалектической теории, как она разрабатывалась Марксом и Энгельсом, принципиально важным является вопрос об отражении объективной диалектики процессов и вещей в субъективной диалектике понятий, суждений и теорий, то есть вопрос о соотношении объективной и субъективной сторон диалектики [1], как он решается в «Анти-Дюринге». Закономерности последней, подчеркивает Энгельс, являются прежде всего отраженным продолжением объективной диалектики в области мышления и познания. Объективная диалектика первична в отношении субъективной: «...диалектика в нашей голове — это только отражение действительного развития, которое совершается в мире природы и человеческого общества и подчиняется диалектическим формам» [2]. Но закономерности диалектики процесса познания имеют свое своеобразие и лишь в конечном счете и в общей тенденции совпадают с собственно объективной диалектикой. Это своеобразие обусловлено особенностями самого процесса познания, в том числе присущими ему специфическими противоречиями. Причины этого своеобразия, отмечал Энгельс, лежат в конечном счете в активности субъекта, выделяющего себя из внешней среды и противопоставляющего себя ей, в наличии в познании не только моментов абсолютной истины, но и истины относительной, а также заблуждений.

Субъективная диалектика, по Энгельсу, обладает функцией, отличной от объективно диалектических процессов,— она должна обеспечить по возможности точное и адекватное, то есть не субъективистски искаженное, и в этом смысле не «субъективное» знание связей и закономерностей всей действительности. Однако познание неизбежно субъективно по форме. Уже в этом состоит его особен-

---

[1] Обычно для краткости употребляют термины «объективная» и «субъективная» диалектика. Мы говорим о сторонах диалектики в соответствии с тем, что Энгельс в «Диалектике природы», выделяя в ней диалектику объективную и субъективную, снабжает их обе характеристиками «так называемая» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 526), указывая тем самым на неабсолютный характер их теоретического различения и выделения.

[2] Энгельс — Конраду Шмидту, 1 ноября 1891 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 38. С. 177.

ное противоречие. Задача в том, чтобы субъективное познание давало по содержанию все более объективные результаты. В этом состоит специфическая целеустановка субъективной диалектики. Энгельс в «Диалектике природы» отмечал, что субъективная диалектика, то есть диалектическое мышление, представляет собой «отражение господствующего во всей природе движения путем противоположностей» [1]. Речь идет об отражении, которое само по себе есть диалектически противоречивый процесс. Значит, теория этого процесса, то есть теория диалектического мышления, или наука диалектической логики, призвана исследовать эти особые противоречия процесса познания.

Своеобразны, то есть носят особенный характер, например, закономерности общих противоречий всего процесса познания. Энгельс указывает, что «люди стоят перед противоречием: с одной стороны, перед ними задача — познать исчерпывающим образом систему мира в ее совокупной связи, а с другой стороны, их собственная природа, как и природа мировой системы, не позволяет им когда-либо полностью разрешить эту задачу. Но это противоречие не только лежит в природе обоих факторов, мира и людей, оно является также главным рычагом всего умственного прогресса и разрешается каждодневно и постоянно в бесконечном прогрессивном развитии человечества» [2]. Имеет место также и сквозное противоречие, возникающее между общественным сознанием и индивидуальным мышлением: это «противоречие между характером человеческого мышления, представляющимся нам в силу необходимости абсолютным, и осуществлением его в отдельных людях, мыслящих только ограниченно. Это противоречие может быть разрешено только в бесконечном поступательном движении» [3]. Этими закономерностями состав и структура субъективной диалектики, конечно, не исчерпываются.

Обосновывая уверенность в познаваемости мира, Энгельс в «Диалектике природы» снова напоминал, что «наше субъективное мышление и объективный мир подчинены одним и тем же законам и... поэтому они и не могут противоречить друг другу в своих результатах, а должны согласоваться между собой» [4]. Речь идет здесь, конечно, опять об относительно полных и завершенных, а не о промежуточных, частичных результатах процессов отражения, в которых это «согласование» является далеко не полным.

В «Анти-Дюринге» Энгельс поставил задачу исследования различных уровней и видов познающего отражения. Они отличаются друг от друга как по предмету отражения, так и по характеру получаемых результатов. Адекватное отражение самой объективной

---

[1] См.: *Энгельс Ф.* Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 526.

[2] *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 36.

[3] Там же. С. 88.

[4] *Энгельс Ф.* Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 581.

реальности достигается в научных теориях, подтверждаемых многообразной общественной практикой. Такой научный характер носит марксистский социализм, являющийся, как отмечается в «Анти-Дюринге», теоретическим отражением конфликта между производительными силами и производственными отношениями капиталистического общества, которая указывает передовому классу путь его практического исторического действия [1]. Глубоко диалектической по своему содержанию является, по мысли Энгельса, марксистская теория отражения. «...Точное представление о вселенной, о ее развитии и о развитии человечества, равно как и об отражении этого развития в головах людей, может быть получено только диалектическим путем...» [2]

Ввиду указанных выше особенностей субъективной диалектики процесс взаимоотношения объективной и субъективной диалектики в рамках процессов познания и практики очень сложен, он включает в себя ряд особых, подлежащих специальному исследованию проблем. К ним относятся, в частности, проблемы взаимоотношения диалектики и формальной логики, а также соотношения диалектики как общего метода и методологических приемов, возникших в разных частных науках, в том числе в формальной логике. Эти вопросы нашли свое освещение на страницах «Анти-Дюринга» [3].

Формальная логика в века безраздельного господства метафизического метода подпала под его сильнейшее влияние и во многом превратилась в проводника метафизики в области мышления. Теоретики в области формальной логики истолковывали ее метафизически: то в смысле абсолютной онтологизации ее форм (Х. Вольф), то в смысле отрыва ее форм от вкладываемого в них содержания (И. Кант). Энгельс, работая над «Анти-Дюрингом» и «Диалектикой природы», исходил из необходимости конкретной оценки уровня развития формальной логики того времени. Во-первых, он критиковал ее довольно низкий в то время методологический уровень, вызванный исторически сложившимся ее подчинением метафизическому методу мышления и как бы растворением ее в последнем [4]. Во-вторых, он считал необходимым сохранить и развивать дальше на методологической основе диалектики формально-логический аппарат, который должен использоваться в виде метода «для отыскания новых результатов» [5] и в полную меру своих возможностей должен применяться при решении как научных, так и практических вопросов.

---

[1] См.: *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 279.

[2] Там же. С. 22.

[3] Эти проблемы детально рассматривались Энгельсом в «Диалектике природы». См. об этом главу 5 настоящего тома.

[4] См.: *Энгельс Ф.* Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 529—530.

[5] См.: *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Там же. С. 138; ср.: *Ленин В. И.* О карикатуре на марксизм // Полн. собр. соч. Т. 30. С. 91.

Известное высказывание Энгельса о прорыве «узкого горизонта формальной логики» диалектикой [1] относится, как это видно из контекста, прежде всего к метафизическим трактовкам формальной логики. Эти формально-логические системы без особенно больших издержек применяют только в условиях «домашнего обихода» [2], ибо лишь в очень простых ситуациях можно без значительного ущерба пренебречь тем вредом, который наносится ее метафизической трактовкой. Приведенные слова Энгельса относятся также и к формальной логике, освобожденной от метафизики, однако уже в ином смысле: гносеологически узкие горизонты задач, свойственные формальной логике, не позволяют ей выступать в функции всеобщей методологии, эта функция присуща только материалистической диалектике.

Соотношение диалектики и логики в познающем мышлении Энгельс рассматривал в «Анти-Дюринге» в первую очередь в ходе анализа закона диалектического противоречия. Именно здесь наиболее глубоко раскрыл он сложную взаимосвязь субъективной диалектики и формальной логики, поскольку «представителем» последней в этом взаимодействии выступает закон исключенного противоречия, а первой — закон единства и борьбы противоположностей в его приложении к сфере познания, где действуют и особые гносеологические противоречия, как, например, между теорией и практикой, относительной и абсолютной истиной, чувственным и рациональным и т. д. Соотношение этих двух законов само выступает в мышлении как своеобразное противоречие, требующее разрешения в теории отражения. И это разрешение в своей практической части состоит в том, что только при подчинении действия закона исключенного противоречия всеобщему закону единства и борьбы противоположностей гарантируются логические условия достижения истины теоретическим мышлением. А идя по пути овладения истиной, нельзя путать диалектические противоречия, в том числе противоречия процесса познания, которые, «заостряясь», бывают иногда внешне похожими на противоречия формально-логические, с противоречиями логически неправильного рассуждения. Их надо различать, не упуская из виду и их взаимодействие. Как отмечал Энгельс, внутри формальной логики и элементарной математики сами диалектические противоречия выступают в виде противоречий формально-логических. Антиномически «заостренные» противоречия разрешаются через новый этап исследования познаваемых объектов по существу, а из формально-логических ошибок нет выхода на пути «вперед», для их преодоления надо, как писал Энгельс, возвращаться «назад», то есть решительно устраняя допущенные ошибки, и честно начинать исследование заново. Только единство

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 138.
[2] См. там же. С. 21.

и взаимодействие диалектической логики и подчиненной ей логики формальной на общей диалектико-материалистической основе обеспечивают теоретическому мышлению действительную научную точность и строгость [1].

Становление эксплуататорского общества

В «Анти-Дюринге» Энгельс убедительно обосновал марксистское понимание общественной жизни человечества и ее развития во времени. Эти проблемы Энгельс рассматривает в IX—XI главах отдела «Философия», а также в II—IV главах отдела «Политическая экономия» и затрагивает в отделе «Социализм». Претенциозным рассуждениям Дюринга о социальных явлениях Энгельс противопоставил диалектико-материалистический анализ истории, основывающийся на принципах объективности, социально-классовой обусловленности и историзма. Если Маркс исследовал в «Капитале» становление, развитие и перспективы капиталистического способа производства, а в «Критике Готской программы» изложил диалектико-материалистическую концепцию социалистического и коммунистического будущего человечества, Энгельс в «Анти-Дюринге» прослеживает «движение» диалектических противоположностей на реальном историческом материале прошлых эпох.

История человечества, производства и культуры предстает в работах Дюринга как хаотическое нагромождение актов насилия и подчинения, внутренним механизмом которых выступали «вечные естественные законы» и столь же беспредметно-абстрактные морально-правовые императивы. Поэтому, чтобы быть конструктивной, критика вульгарных дюрингианских представлений о сути институтов эксплуатации и угнетения должна была выявить закономерный характер их появления на исторической арене.

История общества, по Энгельсу, совершается, как и природа, диалектически. Эта мысль развернута на примере обусловленного развитием производства взаимодействия процессов разложения первобытнообщинной формации и генезиса классовых антагонизмов. Распад социальных связей, характерных для общины и племени, по Энгельсу,— необходимая (но сама по себе еще недостаточная) предпосылка формирования зрелых институтов эксплуатации и угнетения. Ни восточный деспотизм, ни господство сменявших друг друга завоевателей-кочевников в течение тысячелетий не могли насильственно разрушить эти древние человеческие общности. «Только там, где они разложились,— писал Энгельс,— народы двинулись собственными силами вперед по пути развития, и их ближайший экономический прогресс состоял в увеличении и дальнейшем развитии производства посредством рабского труда» [2].

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 124—125.

[2] *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 186.

Понимание роли экономических факторов — ключевой момент концепции Энгельса, позволяющий избежать характерного для дюрингианской «критической истории» эклектического сочетания разнопорядковых социально-экономических явлений (в частности, присущих различным историческим эпохам форм власти и собственности), диалектически увязать системный и генетический подходы к исследованию всемирной истории. Так, обращаясь к древней истории, Энгельс показывает, каким образом появление значительного прибавочного продукта, исторически связанное с ирригационным земледелием в долинах крупных субтропических рек, стало почвой для ослабления власти родов и исходной предпосылкой централизованного исполнения общественных функций, иными словами, формирования институтов, которые Энгельс определил как «зачатки государственной власти» [1].

Отвергая примитивную идею о тождественности насилия и рабства, Энгельс выдвинул глубоко диалектический тезис о двух взаимодополняющих путях возникновения отношений господства и подчинения [2]. Исторически наиболее раннее проявление этого процесса он отмечает в древневосточных цивилизациях. Однако устойчивость внутренней структуры общин обрекла на стагнацию начавшуюся здесь социально-классовую дифференциацию. Эксплуатация общинников зарождалась в форме перерастания коллективных работ общин в государственные принудительные работы, то есть как отчуждение высвобождаемого в процессе увеличения масштабов кооперации прибавочного труда, позднее дополняемого, а затем и вытесняемого натуральными податями сельскохозяйственной и ремесленной продукции. Лишь в позднем Вавилоне и Финикии сложились институты частной собственности, напоминавшие греко-римскую античность. В силу экономической необходимости роль развития государственной власти оказывалась в древневосточных цивилизациях более значительной по сравнению с процессом складывания частной собственности.

Напротив, в древнем Средиземноморье процесс разложения первобытнообщинного строя характеризовался тем, что интенсивный обмен и войны, а затем трудовое рабство разрушили структуру общин изнутри. Формировавшаяся частная собственность не только не была здесь продуктом государственной власти, но и сама выполняла роль орудия экономического насилия. Она «освобождала» непосредственного производителя от средств производства и тем самым «принуждала» его к труду, характер, объем и результат которого определялись господином. Для этого последний, помимо распоряжения рабочей силой, должен был располагать как минимум необходимыми для эффективной эксплуатации дру-

---

[1] См.: *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 184.

[2] Подробнее анализ идей Энгельса о генезисе частной собственности и государства см. в главе 6.

гого человека орудиями и иными объективными предпосылками труда (рабство становится определяющим характер способа производства моментом, разумеется, за пределами сферы услуг, чего так и не понял Дюринг) [1], а также средствами не только принуждения к труду, но и элементарного обеспечения жизнедеятельности эксплуатируемого. И если, согласно Дюрингу, Робинзон, с помощью шпаги подчиняя Пятницу, «насильственно низводит его до положения «раба или простого орудия для хозяйственных услуг» и содержит его «также лишь в качестве орудия»» [2], то Энгельс (и в этом он следует Марксу) убежден, что услуга, представляющая собой разновидность живого труда, как и вещь, становится в обществе, где господствует частная собственность, товаром, а значит, предметом отчуждения. Обращаясь к оценке рабства под углом зрения его места в истории развития производительных сил и культуры человечества, Энгельс отметал мещанско-морализаторские сентенции Дюринга и рассматривал рабовладельческий способ производства как закономерную ступень всемирной истории. «Только рабство,— писал он,— сделало возможным в более крупном масштабе разделение труда между земледелием и промышленностью и таким путем создало условия для расцвета культуры древнего мира — для греческой культуры... А без того фундамента, который был заложен Грецией и Римом, не было бы и современной Европы... В этом смысле мы вправе сказать: без античного рабства не было бы и современного социализма» [3].

Следуя принципу единства противоречивых тенденций в истории человечества, Энгельс диалектически рассмотрел взаимосвязь различных возникавших исторически форм эксплуатации. В зависимости от преобладания той или иной формы эксплуатации, отмечал Энгельс, варьировалось и институционное устройство общества, надежно обеспечивающее (в том числе посредством насилия) привилегированным слоям и группам выгоды от исполь-

---

[1] Маркс еще в августе 1857 года вскрыл методологическую беспочвенность сюжета «насильственного рабства», воспроизведенного почти два десятилетия спустя Е. Дюрингом: «Когда предметом грабежа является раб, то в его лице похищается непосредственно орудие производства. Однако в этом случае производство той страны, для которой он похищается, должно быть организовано так, чтобы оно допускало применение рабского труда, или (как в Южной Америке и т. д.) должен быть создан соответствующий рабскому труду способ производства» (*Маркс К.* Экономические рукописи 1857—1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. 1. С. 34—35).

[2] См.: *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Там же. Т. 20. С. 159.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 185—186.— Этот вывод Энгельса сохраняет свое научное значение. Тем более что в некоторых исследованиях встречается мнение, будто рабовладельческий способ производства означает «нарушение нормальной стадиальной последовательности общественного развития» (Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969. С. 48) или что он вообще фикция, «его никогда и нигде не существовало», а «феодализм и капитализм являются единственными известными в истории классовыми формациями» (Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966. С. 45—46).

зования чужого труда. «...Различные социальные и политические формы,— подчеркивал Энгельс,— должны быть объясняемы не насилием, которое ведь всегда остается одним и тем же, а тем, *к чему насилие применяется,* тем, *что́* является объектом грабежа,— продуктами и производительными силами каждой данной эпохи и вытекающим из них самих их распределением» [1]. Вместе с тем критика теории насилия Дюринга отнюдь не содержит отрицания существенной роли насилия как необходимого компонента всемирно-исторического процесса. В этой связи Энгельс приводит слова Маркса о насилии как повивальной бабке всякого старого общества, когда оно беременно новым. И тем не менее роль (в том числе революционная) политического насилия в принципе вторична по отношению к экономическим потребностям и процессам. «...Во всей теории насилия,— заключает Энгельс,— верным оказывается лишь то, что до сих пор все формы общества нуждались для своего сохранения в *насилии* и даже отчасти были установлены путем насилия. Это насилие в его организованной форме называется *государством*» [2].

В качестве самостоятельного аспекта проблемы насилия в «Анти-Дюринге» рассмотрен вопрос о материальных основах вооруженной борьбы и военного дела. В качестве такой основы Энгельс рассматривал производительные силы общества, способ производства в целом. Непосредственно вооруженные силы и ведение войны, подчеркивал он, зависят от экономики страны, прежде всего от ее промышленного потенциала [3], финансов, средств сообщения и связи. В 1892 году в письме Н. Ф. Даниельсону Энгельс прямо назвал военное дело отраслью крупной промышленности [4]. «...Внедрение железных дорог, паровых машин, электричества и крупной промышленности сделалось необходимостью уже из соображений военной обороны» [5].

В число материальных основ военного дела Энгельс включал также военную технику и вооружение. Этот фактор, являющийся прямым производным от промышленного развития, влияет на оснащение армии и флота и особенно на военное искусство. «...Успехи техники, едва они становились применимыми и фактически применялись в военном деле, тотчас же — почти насильственно, часто к тому же против воли военного командования —

---

[1] *Энгельс Ф.* Диалектика природы. Материалы к «Анти-Дюрингу» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 647.

[2] Там же.

[3] Несколько лет спустя в конспекте книги Г. Мейна «Лекции по истории институтов» Маркс писал: *«Лучшее вооружение* есть уже элемент, прямо основанный на *прогрессе развития средств производства»* (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 45. С. 422).

[4] См.: Энгельс — Николаю Францевичу Даниельсону, 22 сентября 1892 г. // Там же. Т. 38. С. 398.

[5] Энгельс — Фридриху Адольфу Зорге, 10 ноября 1894 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 259.

вызывали перемены и даже перевороты в способе ведения боя...» [1]

Важнейшей материальной основой армии является население страны. Этот вопрос Энгельс, кроме «Анти-Дюринга», рассмотрел в 90-е годы в работе «Может ли Европа разоружиться?», в которой он подробно исследовал отношения армии и народа. Вооруженные силы страны, отмечал он, зависят не только от численности населения, но и от его классового состава, физического состояния, распределения между городом и деревней, промышленными и сельскохозяйственными округами, степени образования, образа жизни, политических настроений, политических и экономических интересов. Все эти факторы, подчеркивал Энгельс, также обусловлены социально-экономическим развитием страны, но вместе с тем и ее государственным строем и политическим положением. От населения страны непосредственно зависит состав армии, ее боеспособность и военное искусство [2].

Рассматривая в своем произведении «Анти-Дюринг» и в подготовительной работе «Тактика пехоты и ее материальные основы» наиболее яркие примеры из истории армий, войн и военного искусства и тогдашний уровень развития армии и флота, Энгельс сформулировал один из основных тезисов своей военной теории: «Ничто так не зависит от экономических условий, как именно армия и флот. Вооружение, состав, организация, тактика и стратегия зависят прежде всего от достигнутой в данный момент ступени производства и от средств сообщения» [3]. Без этих условий насилие перестает быть силой. В «Анти-Дюринге» также показано, что военное дело не статично, что процесс его развития, так же как все явления, подчинен общим законам диалектики. Под влиянием прогресса производства и общественных отношений, отмечал он, происходят постоянные взаимосвязанные изменения в оснащении.

Базис и надстройка

В «Анти-Дюринге» обстоятельно освещена одна из важнейших проблем исторического материализма — соотношение базиса и надстройки под углом зрения диалектического их взаимодействия и опосредования. В связи с критическим разбором взглядов Дюринга на мораль, религию, право Энгельс критиковал используемый «реформатором социализма» «идеологический метод» объяснения истории, в рамках которого «превращают отражение предмета, его понятие в мерку для самого предмета» [4] и развитие общества объясняется сменой господствующих религиозных, моральных и правовых

---

[1] *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 176.

[2] Этот тезис обоснован Энгельсом также в работе «К истории прусского крестьянства» и письмах Зало Ферберу от 22 октября 1885 г. и Полю Лафаргу от 7 марта 1890 г. (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 252; ср.: Т. 36. С. 316; Т. 37. С. 307).

[3] *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 171.

[4] Там же. С. 97.

взглядов и норм. Этому идеалистическому пониманию истории Энгельс противопоставил материалистическую трактовку экономической структуры общества каждой данной эпохи как реальной основы, «которой и объясняется в конечном счете вся надстройка, состоящая из правовых и политических учреждений, равно как и из религиозных, философских и иных воззрений каждого данного исторического периода» [1]. Старания Дюринга вывести теорию социализма из политических и юридических отношений Энгельс расценил как пример идеалистического метода, объясняющего происхождение общества не из производства, а из морали и права [2].

Критикуя применение Дюрингом априорного метода к анализу морали и права, Энгельс показал, что в таком случае мораль и право конструируются не из действительных общественных отношений, а путем логического выведения их из понятия «общества». Воображая, что «он создает нравственное и правовое учение для всех миров и всех времен», такой идеолог «на самом деле дает искаженное,— ибо оно оторвано от реальной почвы,— и поставленное вверх ногами отражение, словно в вогнутом зеркале, консервативных или революционных течений своего времени» [3].

Детальнее и шире, чем когда бы то ни было, рассматриваются в «Анти-Дюринге» вопросы морали как элемента идеологической надстройки [4]. В IX—XI главах этого труда морально-этическая проблематика становится по сути самостоятельным предметом исследования Энгельса. Вместе с тем взятые в сумме теоретические положения «Анти-Дюринга» о морали явились обобщением и разъяснением всего уже внесенного Марксом и Энгельсом ранее в основы этики и дальнейшим развитием этих основ. Полемизируя с Дюрингом, он проследил диалектику базисно-надстроечных отношений, как она воплощается в морали, и подчеркнул историческую обусловленность моральных норм и представлений.

---

[1] См.: *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 26.

[2] См.: *Энгельс Ф.* Диалектика природы. Материалы к «Анти-Дюрингу» // Там же. С. 39.

[3] *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 98.

[4] Вопросы теоретического осмысления морали и нравственности с диалектико-материалистических позиций освещались Марксом и Энгельсом во многих произведениях, начиная с «Экономическо-философских рукописей 1844 года» Маркса, их совместного труда «Святое семейство» (1844) и книги Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» (1844—1845). Громадное значение для марксистской этики имеют труды Маркса и Энгельса «Немецкая идеология» (1845—1846), «Манифест Коммунистической партии» (1847—1848), написанный Марксом «Учредительный манифест Международного Товарищества Рабочих» (1864), созданная при участии Лафарга брошюра «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих» (1873). Уже на этапе формирования марксизма мораль рассматривалась как надстроечное явление. Но во всех предшествующих «Анти-Дюрингу» трудах, кроме «Немецкой идеологии», которая оставалась более 80 лет неопубликованной, Маркс и Энгельс касались вопросов морали лишь попутно, не специально.

Дюринг, считавший себя первооткрывателем индивидуалистической этики, которую он рассматривал как вечную моральную истину, годную для всех времен и народов, пытался положить нравственные абсолюты индивидуализма в основу своей социалистической доктрины. Возражая ему, Энгельс отмечал, что в реальной практике представления о морали никогда не выступали в виде вечных и окончательных истин, а наоборот, всегда относились к области «более или менее шатких мнений и чувств» [1]. На фактах истории и современной ему действительности Энгельс стремился показать, что «представления о добре и зле так сильно менялись от народа к народу, от века к веку, что часто прямо противоречили одно другому» [2]. Обращаясь к нравственной жизни Западной Европы того времени, он указывал на существование трех основных систем морали: унаследованной от прежних времен христианско-феодальной морали в ее различных видах, от иезуитски-католической и ортодоксально-протестантской до либерально-просветительской, современной буржуазной морали и пролетарской морали будущего. Применительно к этим типам морали он пытался выяснить, какая из них, следуя логике Дюринга, является истинной, и категорически отвечал, что «ни одна», если прилагать «мерку абсолютной окончательности» [3].

Отвергая абсолютный характер морали, Энгельс ставит более важный в контексте материалистического понимания истории вопрос о социальной значимости и жизнеспособности той или иной системы морали и приходит к выводу, что, «конечно, наибольшим количеством элементов, обещающих ей долговечное существование, обладает та мораль, которая в настоящем выступает за его ниспровержение, которая в настоящем представляет интересы будущего, следовательно — мораль пролетарская» [4].

Несостоятельность представлений Дюринга о «вечной морали» как «моральной истине» со статусом окончательности последней инстанции доказывалась Энгельсом путем определения социально-экономической обусловленности каждой моральной системы, ее зависимости как надстроечного явления от исторически преходящих базисных для нее экономических условий. Энгельс утверждал, что всякая система (в энгельсовской терминологии теория) морали «являлась до сих пор в конечном счете продуктом данного экономического положения общества» [5]. Отсюда следовал вывод, что в классовом обществе мораль всегда носит классовый характер: каждый класс обладает своими представлениями о добре и зле, нравственном или безнравственном, ибо «люди, сознательно или бессознательно, черпают свои нравственные воззрения в последнем

---

[1] См.: *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 160.
[2] Там же. С. 94.
[3] См. там же. С. 94—95.
[4] Там же. С. 95.
[5] См. там же.

счете из практических отношений... т. е. из экономических отношений, в которых совершаются производство и обмен» [1].

Энгельс размышляет и над вопросом преемственности в развитии моральных норм и идей (эта мысль, высказанная впервые в «Немецкой идеологии», излагается теперь Энгельсом более подробно). Феодальная, буржуазная и пролетарская мораль, указывает Энгельс в «Анти-Дюринге», «выражают собой три различные ступени одного и того же исторического развития, значит, имеют общую историческую основу, и уже потому в них не может не быть много общего» [2]. Энгельс подтверждал эту мысль, ссылаясь на действенность заповеди «Не кради» для всех времен с момента возникновения частной собственности на движимое имущество. При всем том заповедь «Не кради» не является нравственным постулатом, годным во все времена: в обществе будущего, где частной собственности просто не будет, исчезнет сам мотив кражи, а общественная потребность в такого рода нравственном предостережении отпадет сама собой [3]. Энгельс отвергает «всякую попытку навязать нам какую бы то ни было моральную догматику в качестве вечного, окончательного, отныне неизменного нравственного закона» [4].

Детальнее и шире, чем в ранее опубликованных произведениях, в «Анти-Дюринге» охарактеризован сам способ отражения в морали социально-экономических отношений. Энгельс подчеркивал, что мораль «или оправдывала господство и интересы господствующего класса, или же, как только угнетенный класс становился достаточно сильным, выражала его возмущение против этого господства и представляла интересы будущности угнетенных» [5]. Социальная роль моральных воззрений людей состоит в том, что эти воззрения представляют собой «более или менее соответствующее выражение — в положительном или отрицательном смысле, в смысле поддержки или борьбы —... общественных и политических отношений» [6]. Эта идея намечала перспективы изучения активных функций морали в истории.

Протестуя против подмены материалистического понимания истории моралистическими ее оценками, подчеркивая, что апелляции Дюринга к морали в научном анализе общества не подви-

---

[1] *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 95.

[2] Там же.

[3] Эти высказывания Энгельса, как и апелляция Маркса в «Учредительном манифесте Международного Товарищества Рабочих» к «простым законам нравственности и справедливости» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 16. С. 11), свидетельствуют, что Маркс и Энгельс, подчеркивая классовый характер морали, не отрицали в ней общечеловеческого содержания и ориентировали марксистскую мысль на изучение моральных норм в диалектическом единстве их общечеловеческого и классового моментов.

[4] См.: *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 95.

[5] См. там же. С. 95—96.

[6] Там же. С. 98.

гают нас ни на шаг вперед, Энгельс вместе с тем обращал внимание на то, что даже и для науки признание массовым сознанием какого-либо экономического факта несправедливым, нравственное негодование по этому поводу представляет некоторый «симптом» [1].

Характеризуя особенности исторического развития морали как формы общественного сознания, Энгельс делает вывод о совершенствовании моральных постулатов: в морали «в общем и целом наблюдается прогресс» [2]. В «Анти-Дюринге» он впервые говорит об объективной направленности нравственного прогресса: не ликвидация морали в будущем бесклассовом обществе, а ее превращение из классовой в неклассовую — вот основная тенденция развития нравственной жизни общества. Но, констатировал Энгельс, «из рамок классовой морали мы еще не вышли. Мораль, стоящая выше классовых противоположностей и всяких воспоминаний о них, действительно человеческая мораль станет возможной лишь на такой ступени развития общества, когда противоположность классов будет не только преодолена, но и забыта в жизненной практике» [3].

Научное рассмотрение всех затрагиваемых им социально-философских проблем Энгельс, в противоположность Дюрингу, осуществляет посредством исторического подхода к их существу. Это относится и к проблеме равенства людей, которую Дюринг трактовал метафизически как равенство воль индивидов. Прослеживая, какое конкретное содержание вкладывали в свои представления о равенстве люди античного, феодального, буржуазного общества, Энгельс показывал, что это понятие «как в буржуазной, так и в пролетарской своей форме, само есть продукт исторического

---

[1] См.: *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 153.— Позже в статье Энгельса «Маркс и Родбертус» (1884) это замечание конкретизируется: отмечаются познавательные функции нравственного сознания — иные, чем, скажем, эстетического или религиозного. Говоря об ошибочности политэкономических суждений, вынесенных на основе лишь нравственных оценок, Энгельс вместе с тем отмечает: «...что̀ неверно в формально-экономическом смысле, может быть верно во всемирно-историческом смысле. Если нравственное сознание массы объявляет какой-либо экономический факт несправедливым, как в свое время рабство или барщину, то это есть доказательство того, что этот факт сам пережил себя, что появились другие экономические факты, в силу которых он стал невыносимым и несохранимым. Позади формальной экономической неправды может быть, следовательно, скрыто истинное экономическое содержание» (*Энгельс Ф.* Маркс и Родбертус // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 184).

[2] См. там же. Т. 20. С. 96.— И в «Положении рабочего класса в Англии», и в «Манифесте Коммунистической партии», и в «Капитале» показано, с какими разительными противоречиями, нравственными утратами, явлениями деморализации целых классов и масс населения происходило на многих исторических рубежах изменение нравственности, становление ее новых систем. Несмотря на такие факты, Маркс и Энгельс всегда считали общими и решающими результатами развития в сфере нравственности ее прогресс, смену старых моральных норм новыми, соответственно смене одних общественных формаций другими.

[3] Там же.

развития; для создания этого представления необходимы были определенные исторические условия, предполагающие, в свою очередь, долгую предшествующую историю. Такое представление о равенстве есть, следовательно, все что угодно, только не вечная истина» [1].

В «Анти-Дюринге» проблема равенства впервые в истории марксизма подробно рассмотрена в соотнесении с представлениями о справедливости. Идея равенства, отмечал Энгельс, имела в истории большое революционизирующее значение, выступая как «выражение справедливости, принцип совершенного политического и социального строя» [2]. Экономическое основание присущих людям представлений о справедливости и равенстве он усматривал в равнозначности всех видов человеческого труда, раскрытой Марксом в «Капитале». Но в разные эпохи, в разных общественно-экономических условиях эти представления имели совершенно разное содержание. Проследив эволюцию идеи равенства от первобытной общины до современного ему капитализма, Энгельс показал, что идеи равенства, являясь продуктом исторического развития, видоизменяются в соответствии с породившими ее обстоятельствами.

В «Анти-Дюринге» Энгельс подметил важную закономерность в общественных движениях: массовые требования справедливости нарастают на переломных этапах истории, когда господствующий тип производственных отношений и соответствующая ему политическая надстройка начинают клониться к закату. «Лишь когда данный способ производства прошел уже немалую часть своей нисходящей линии, когда он наполовину изжил себя, когда условия его существования в значительной мере исчезли и его преемник уже стучится в дверь,— лишь тогда все более возрастающее неравенство распределения начинает представляться несправедливым, лишь тогда люди начинают апеллировать от изживших себя фактов к так называемой вечной справедливости» [3]. Деградирующий общественный строй теряет способность обеспечивать интересы граждан даже в присущих ему исторически ограниченных рамках. В нем накапливаются диспропорции, учащаются сбои, развиваются злоупотребления. Все это формирует в сознании людей ощущение несправедливости существующих порядков, обоснованное желание добиться их перемены.

На ранних этапах борьбы народных масс (Энгельс напоминает здесь о Крестьянской войне в Германии (1524—1526)) требование равенства возникало стихийно, как реакция против вопиющего контраста между положением угнетателей и угнетенных. Отсюда же, из революционного инстинкта масс, берет начало

---

[1] *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 108—109.

[2] См.: *Энгельс Ф.* Диалектика природы. Подготовительные материалы к «Анти-Дюрингу» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 636.

[3] *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Там же. С. 153.

уравнительно-аскетическое представление о справедливости, отождествляющее ее с «равенством в бедности». Оно оказало заметное, сохранившееся до наших дней влияние на социалистическую мысль.

Анализируя ранее подобные взгляды, Маркс и Энгельс неоднократно отмечали, что они почти неизбежно возникают в народной среде как протест против вопиющей несправедливости антагонистических формаций, где вызывающее богатство правящих классов основано на крайней нищете трудящихся. На начальных этапах антиэксплуататорской борьбы трудящихся уравнительный аскетизм не только объясним, но и играет прогрессивную роль. Однако она исторически ограничена. По мере развития производительных сил, увеличивающих богатство общества, объемы потребления, с изменением условий жизни трудящихся надобность в таких представлениях отпадает; более того, они играют негативную роль, отпугивая часть потенциальных участников революционного движения. И, конечно, они оказываются ненужными и вредными за рамками антагонистического общества, после возникновения реальных социалистических отношений.

В процессе работы над «Анти-Дюрингом» Энгельс значительно продвинулся в раскрытии действительной природы справедливости. Он пришел к принципиальному выводу: эта категория (как и категория равенства), взятая отдельно, сама по себе вообще не имеет позитивного содержания: «Равенство существует лишь в рамках противоположности к неравенству, справедливость — лишь в рамках противоположности к несправедливости...» [1] С этой точки зрения справедливость и равенство есть такое состояние, когда нет несправедливости и неравенства, когда никто не ущемлен или, наоборот, не возвышен не по заслугам.

Отсюда вытекают два следствия. Во-первых, достижение подобного состояния возможно лишь через отрицание тех общественных отношений, которые с необходимостью порождают несправедливость и неравенство,— классовых антагонизмов, эксплуатации, всех форм дискриминации. Именно в этом марксизм видит подлинное содержание процесса утверждения социальной справедливости.

Во-вторых, вопреки разговорам об их «вечной» природе, равенство и справедливость перестают существовать с ликвидацией своих антиподов, поскольку являются только их противоположностями. В будущем бесклассовом обществе требования такого рода покажутся смешными: «...тому, кто будет настаивать, чтобы ему с педантической точностью была выдана причитающаяся ему равная и справедливая доля продуктов,— тому в насмешку выдадут

[1] *Энгельс Ф.* Диалектика природы. Подготовительные материалы к «Анти-Дюрингу» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 637.

двойную порцию» [1]. Таким образом, высшее торжество справедливости состоит в том, что вопрос о ней вообще снимается с повестки дня.

Это творческое диалектичное решение традиционной для общественной мысли проблемы справедливости и равенства открыло путь ее конструктивному применению в практике борьбы трудящихся за социализм. В марксистском понимании «действительное содержание пролетарского требования равенства сводится к требованию *уничтожения классов*. Всякое требование равенства, идущее дальше этого, неизбежно приводит к нелепости» [2]. Иная его трактовка не может иметь под собой никакой научной основы, да и просто противоречит здравому смыслу. Все люди от рождения имеют неодинаковые способности, физические данные, формируются в разных условиях географической и общественной среды. Никакой социальный переворот не может уравнять их во всех без исключения отношениях. Соединив лозунги справедливости, равенства с задачей уничтожения классов, Энгельс показал, как можно поставить эти популярные идеи на службу революционному процессу, усилить их агитационную роль в социалистическом движении. Последовательное раскрытие в «Анти-Дюринге» сущности справедливости и равенства стало методологической основой для дальнейшего научного анализа этих категорий, для критики как метафизических морализаторских концепций, так и уравнительных воззрений.

В связи с рассмотрением морали и права Энгельс раскрывает свое понимание соотношения свободы и необходимости. Отметив отсутствие у Дюринга исторического подхода к проблеме, он подчеркнул, что каждый шаг истории на путях прогресса человечества был шагом к свободе. «Свобода, следовательно,— писал Энгельс,— состоит в основанном на познании необходимостей природы [Naturnotwendigkeiten] господстве над нами самими и над внешней природой; она поэтому является необходимым продуктом исторического развития» [3]. Люди становятся все более свободными в своей деятельности, познавая объективные законы природы и общественной жизни, активно руководствуясь ими в своих действиях. Имея исторический характер, понятие свободы в марксизме, подчеркивает Энгельс, отражает практические успехи общества прежде всего в области развития производительных сил. Именно благодаря этому становится возможным осуществление бесклассового общества, «где впервые можно будет говорить о действительной человеческой свободе, о жизни в гармонии с познанными законами природы» [4].

---

[1] *Энгельс Ф.* Диалектика природы. Подготовительные материалы к «Анти-Дюрингу» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 637.

[2] *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 108.

[3] Там же. С. 116.

[4] См. там же. С. 117.

3. СИСТЕМАТИЗАЦИЯ И ДАЛЬНЕЙШАЯ РАЗРАБОТКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Вскрывая теоретическую и политическую несостоятельность дюрингианства, Энгельс дал в «Анти-Дюринге» целостное изложение марксистской политической экономии, в доступной для массового читателя форме воспроизвел основные результаты, полученные Марксом в I томе «Капитала».

Однако значение труда Энгельса отнюдь не исчерпывается его полемической и популяризаторской сторонами. В своей книге Энгельс изложил известные знания в систематизированном виде, что в то время было определенным достижением. Одновременно по ряду линий происходило обогащение марксистской теории, положения которой конкретизировались. Энгельс тем самым внес в экономическое учение марксизма самостоятельный вклад.

Предмет политической экономии в широком смысле. Вопросы методологии экономических исследований

Зрелость всякой науки выражается в том, в какой мере в ней развито понимание собственного предмета познания. И политическая экономия в данном случае не составляет исключения. Экономисты — предшественники Маркса и Энгельса — обычно не осознавали, что за движением вещей в хозяйственном обороте скрываются отношения людей, акцент делали на материально-вещественной стороне богатства, явления принимали за сущность.

Большой заслугой Энгельса является разработка в «Анти-Дюринге» вопроса о предмете политической экономии.

К тому времени был издан и получил распространение лишь первый том «Капитала», другие его тома оставались в рукописи. Не были известны также рукописные варианты, созданные еще до выхода I тома, например Введение из экономической рукописи 1857—1858 годов, где, в частности, подробно рассматривался предмет политической экономии. В «Капитале» Маркса речь шла не вообще о предмете политэкономии, а лишь о предмете данной книги. «Предметом моего исследования в настоящей работе,— писал он,— является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена» [1]. Таким образом, «Капитал» — это в основном и главном изложение политической экономии капитализма, а определения его предмета — это определения предмета марксистской политической экономии капитализма.

Капитализм — не единственный способ производства, другие существовали до него, а новый, высший, как впервые доказали Маркс и Энгельс, следует за ним. Все эти способы производства изучаются единой наукой — политической экономией. Эту кажущуюся простой истину четко выразил Энгельс, разъяснив, что «наука о законах, управляющих производством и обменом материальных жизненных благ в человеческом обществе», есть политическая экономия «в самом широком смысле» [2]. Политэкономия

---

[1] *Маркс К.* Капитал. Том I. Предисловие к первому изданию // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 6.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 150.

в широком смысле фактически получила наиболее солидное воплощение в творческом наследии Маркса, однако само это понятие в научный оборот введено Энгельсом.

В качестве самостоятельной науки политическая экономия начала формироваться лишь в мануфактурный период капитализма, примерно в конце XVII века. В том ее виде, в котором она исторически сложилась, она представляла собой, указывал Энгельс, «научное понимание экономики периода капиталистического производства» [1]. Не ставя перед собой других целей, кроме изучения экономики капитализма, такая политическая экономия была политической экономией «в более узком смысле» [2].

На этой основе Энгельс сформулировал вывод о том, что, имея дело с постоянно изменяющимся материалом, политическая экономия не может не быть исторической наукой. Соответственно был конкретизирован и предмет политической экономии: с одной стороны, она призвана исследовать прежде всего особые законы каждой отдельной ступени развития производства и обмена; а с другой — перед ней стоит задача анализа всех ступеней в развитии производства и обмена, закономерностей их возникновения и роста.

Такая задача была сформулирована Энгельсом именно в «Анти-Дюринге», он писал, что «политическая экономия как наука об условиях и формах, при которых происходит производство и обмен в различных человеческих обществах и при которых, соответственно этому, в каждом данном обществе совершается распределение продуктов,— политическая экономия в этом широком смысле еще только должна быть создана» [3]. Энгельс отмечал далее, что для всесторонней критики буржуазной экономики недостаточно знакомства только лишь с капиталистической формой производства, обмена и распределения. Нужно также, хотя бы в общих чертах, «исследовать и привлечь к сравнению формы, которые ей предшествовали, или те, которые существуют еще рядом с ней в менее развитых странах» [4].

В противоположность буржуазной политической экономии, в которой отсутствовали качественные характеристики категорий как выражения исторически сложившихся производственных отношений, Энгельс подчеркивал важность изучения особых законов каждой отдельной ступени в развитии общества, отнюдь не умаляя при этом значимости выявления общих законов, которое возможно лишь в конце исследований, после того как проанализированы особые законы. Сравнение разных общественных форм производства позволяет познать специфическое и общее в них.

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 238.
[2] См. там же. С. 155.
[3] Там же. С. 153—154.
[4] См. там же. С. 154.

Известно положение Маркса о том, что в анатомии человека следует искать ключ к анатомии обезьяны. Этим образным выражением Маркс хотел, в частности, сказать, что категории, выражающие отношения буржуазного общества, наиболее развитой и наиболее многообразной исторической организации производства по сравнению с предшествующими ей, позволяют понять структуру и тенденции изменения прежних форм общества, уже исчезнувших или существующих рядом с капитализмом [1].

С этих методологических позиций Энгельс анализировал экономические отношения первобытнообщинного, рабовладельческого и феодального обществ, а также раскрывал исторические тенденции развития капиталистического производства. В порядке научного прогноза он дал и характеристику основных черт экономического строя будущего общества.

В «Анти-Дюринге» было сформулировано положение о политической экономии как науке о сменяющих друг друга на основе прогресса производительных сил способах производства. Политическая экономия, отмечал Энгельс, не может быть одной и той же для всех исторических эпох и для всех стран [2]. Эта историческая по своему существу наука имеет дело с материалом, изменяющимся во времени и неодинаковым в каждой отдельно взятой стране. Раскрыв значение исследования и сравнения разных ступеней в развитии общества, Энгельс особо отмечал: «Такое исследование и сравнение было в общем и целом предпринято пока только Марксом...» [3] Эта оценка вполне верна и в отношении Энгельсовой книги, являющейся одним из главных произведений политической экономии в широком смысле.

Разъясняя методологические принципы исследования, проведенного в «Капитале», Энгельс писал о процессе капиталистического производства и накопления: «Весь процесс объяснен чисто экономическими причинами, причем ни разу не было необходимости прибегать к ссылке на грабеж, насилие, государство или какое-либо политическое вмешательство» [4]. При поверхностном взгляде может показаться, что политэкономическому анализу вообще чуждо обращение к политике, государству, насилию. Но это было бы упрощением. Энгельс считал, что политическая экономия, которая основывается на принципах материалистического понимания истории, должна раскрывать экономический фундамент структуры общества и политики, возможности, средства и последствия воздействия политических институтов на экономику. В частности, он доказывал, что это воздействие может быть двояким. «Либо она (политическая власть.— *Ред.*) действует в духе и направлении закономерного экономического развития. Тогда между ней и этим развитием не возникает никакого конфликта, и экономическое развитие ускоряется. Либо же политическая власть действует наперекор этому развитию, и тог-

---

[1] См.: *Маркс К.* Капитал. Том I. Предисловие к первому изданию // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 6, 9. См. также: *Маркс К.* Экономические рукописи 1857—1859 годов. Введение // Там же. Т. 46, ч. 1. С. 42.

[2] См. там же. Т. 20. С. 150.

[3] Там же. С. 154.

[4] Там же. С. 167.

да, за немногими исключениями, она, как правило, падает под давлением экономического развития» [1]. Энгельс главную ошибку Дюринга видел не в ссылках на насилие как фактор развития, а в его гипертрофии, в придании ему определяющей роли при одновременном игнорировании или умалении экономических основ материальных интересов агентов производства.

Политическая сила во всяком обществе зиждется на экономическом фундаменте, определяется способом производства, экономическими интересами классов. Но это не исключает, как показал Энгельс, того, что сама политическая сила, в частности политическая власть, может в свою очередь оказывать активное воздействие на экономику и способна при известных обстоятельствах приобрести значение большей или меньшей экономической потенции.

Значительное место в полемике Энгельса с Дюрингом занимает вопрос о решающей, определяющей роли производства в жизни общества.

Разумеется, Дюринг был не настолько наивен, чтобы отрицать, что люди производят для того, чтобы обеспечивать свое существование, что существует производство в собственном смысле, что производители обмениваются друг с другом своими продуктами, что продукты производства как-то распределяются и что, наконец, они потребляются. Дюринг представлял дело так, что производство и все производственные отношения в своей основе имеют политическую природу, что формы социально-экономического строя определяются в конечном счете не экономическими причинами, а насилием, самоуправной волей всесильного «человека со шпагой». Он фактически изолировал производство если не от обмена, то, во всяком случае, от распределения и потребления и ставил распределение рядом с производством как совершенно посторонний, независимый процесс.

Полемизируя с Дюрингом, Энгельс раскрывал сложную диалектическую зависимость между производством и распределением. Каково производство, каков способ соединения материальных, вещных и личных моментов производства, таково по своему типу и распределение. В главных чертах оно «всегда является необходимым результатом отношений производства и обмена в данном обществе, а также и исторических предпосылок этого общества» [2]. «Однако распределение не является всего лишь пассивным результатом производства и обмена; оно в свою очередь оказывает обратное влияние на производство и обмен. Каждый новый способ производства или новая форма обмена тормозится вначале не только старыми формами производства и обмена и соответствующими им политическими учреждениями, но и старым спо-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 188.
[2] См. там же. С. 157.

собом распределения. Новому способу производства и новой форме обмена приходится путем долгой борьбы завоевывать себе соответствующее распределение» [1].

Эволюция товарного производства

В главах третьего отдела «Анти-Дюринга» в сжатом, концентрированном виде дана логико-теоретическая картина исторической эволюции товарного производства. В этом смысле здесь резюмируются, даются краткие итоги многолетних разработок Маркса и прежде всего излагаются идеи «Капитала».

Глубинная основа товарного производства, основа, предопределяющая раздвоение труда на конкретный и абстрактный, опредмечивание первого в потребительной стоимости и овеществление второго в стоимости, заключает в себе противоречие частного (непосредственно обособленного) и общественного (скрыто общественного) труда. В развитии названного противоречия, как вытекает из анализа Маркса и Энгельса, кроется тайна исторической эволюции товарного производства. Она начинается с появлением зачатков противоречия частного и общественного труда в случайном обмене продуктами труда первобытных общин, когда обнаруживаются и момент общественного характера труда (эпизодическая работа общин друг на друга), и момент частного его характера, их обособленность, ибо труд непосредственно обобществлен лишь в масштабах каждой из этих хозяйственных единиц. В тот период товарное производство еще только возникало, и дальнейшая его эволюция определялась нарастанием противоположности частного и общественного труда. Оно обусловлено становлением и углублением общественного разделения труда, с одной стороны, появлением и развитием различных форм частной собственности — с другой. Качественный скачок в этом развитии составляет превращение товарного производства в капиталистическое, когда товаром становится рабочая сила, и на основе этого товар становится всеобщей формой общественного производства [2].

Диалектика исторического процесса, по мысли Энгельса, такова, что этот высший пункт развития заключает в себе возможность и необходимость уничтожения основного противоречия товарного производства и самого товарного производства: достигаемый при капитализме высокий уровень обобществления производства настоятельно требует замены товарного производства непосредственно общественным.

Энгельс подчеркивал, что единственная причина, которая при высокообобществленных по своему характеру производительных силах приводит к сохранению частного в социально-экономическом смысле (обособленного) труда,— частное присвоение средств производства, их реальная принадлежность частным лицам. «Средства производства и производство по существу ста-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 152.
[2] См. там же. С. 281, 284 и др.

ли общественными. Но они остаются подчиненными той форме присвоения, которая своей предпосылкой имеет частное производство отдельных производителей... Способ производства подчиняется этой форме присвоения, несмотря на то, что он уничтожает ее предпосылку» [1].

Из этого обстоятельства Энгельс и делал вывод: если уничтожить частнокапиталистическое присвоение и передать все средства производства в общественную собственность самих трудящихся, то с ликвидацией основного противоречия капитализма (между частнокапиталистической формой присвоения и общественным по характеру производством) полностью исчезает и противоречие между частным и общественным трудом. Исчезает и необходимое следствие этого противоречия — абстрактный труд и его овеществление в стоимости товара. Одним словом, исчезает товарное производство и на смену ему придет непосредственно общественное производство. Энгельс писал: «Раз общество возьмет во владение средства производства, то будет устранено товарное производство, а вместе с тем и господство продукта над производителями. Анархия внутри общественного производства заменяется планомерной, сознательной организацией» [2].

Энгельс считал, что в социалистическом обществе люди смогут увязывать структуру общественного производства и структуру общественных потребностей в плановом порядке, «не прибегая к услугам прославленной «стоимости»» [3], поскольку окажется возможным выражение затрат труда непосредственно «в их естественной, адекватной, абсолютной мере, какой является *время*» [4]. С другой стороны, как и Маркс, Энгельс не отрицал исторической преемственности между непосредственно общественной и товарной формами общественного производства, полагая, в частности, что в будущем обществе «план будет определяться в конечном счете взвешиванием и сопоставлением полезных эффектов различных предметов потребления друг с другом и с необходимыми для их производства количествами труда» [5]. Разъясняя свою мысль, он отмечал: «...взвешивание полезного эффекта и трудовой затраты при решении вопроса о производстве представляет собой все, что остается в коммунистическом обществе от такого понятия политической экономии, как стоимость, это я высказал уже в 1844 г. ...Но очевидно, что научное обоснование этого положения стало возможным лишь благодаря «Капиталу» Маркса» [6]. Речь у Энгельса, следовательно, идет о сохранении

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 281—282.
[2] Там же. С. 294.
[3] См. там же. С. 321.
[4] См. там же.
[5] Там же.
[6] Там же (примеч.).

и развитии при сменяющем капитализм экономическом строе необходимости учета затрат общественного труда и увязки их со структурой общественных потребностей, экономии рабочего времени; необходимости, принимающей новую, нестоимостную, но тесно преемственно связанную со стоимостной форму.

Закономерности и противоречия капитализма

Раскрывая значение экономического учения Маркса, Энгельс в полном соответствии со своим определением предмета политической экономии особый акцент делал на понимании капитала как отношения людей, скрытого в отношениях вещей. Он писал, что капитал означает у Маркса ««не общепринятое экономическое понятие, согласно которому капитал есть произведенное средство производства»; напротив, Маркс утверждает, что известная сумма стоимостей лишь тогда превращается в капитал, когда она *увеличивается в своей стоимости*, образуя прибавочную стоимость» [1]. При этом Энгельс отмечал, что Марксово определение капитала выведено из обобщения реальных фактов, имеет историческую подоплеку. Он напомнил, что слово «капитал» введено в употребление впервые в истории итальянцами XV и XVI веков и появилось тогда, когда возник сам обозначаемый им феномен — присвоение прибавочного труда свободных рабочих, производящих товары.

Энгельс писал, что величайшая историческая заслуга Маркса — это разрешение вопроса о том, откуда происходит прибавочная стоимость. Решение вопроса о прибавочной стоимости является центральным пунктом научного социализма [2]. Своим открытием источника прибавочной стоимости Маркс привел понятие капитала в соответствие с теми историческими фактами, из которых оно в конечном счете было абстрагировано и которым оно обязано своим существованием. Маркс освободил это экономическое понятие от неясных и шатких представлений, которые были свойственны и классической буржуазной политической экономии, и теориям социалистов-утопистов.

Вместе с тем такая трактовка капитала позволяет лучше разобраться в вопросе о роли прибавочной стоимости в капиталистической системе хозяйствования. Энгельс разъяснял, что, показав возникновение прибавочной стоимости не вопреки, а на основе законов товарного обмена, «Маркс обнажил механизм современного капиталистического способа производства и основанного на нем способа присвоения, открыл то кристаллизационное ядро, вокруг которого сложился весь современный общественный строй» [3].

Анализ открытий Маркса в политической экономии составляет крупную заслугу автора «Анти-Дюринга» как историка

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 212.
[2] См. там же. С. 210.
[3] Там же. С. 211.

экономической мысли. Энгельс дал развернутую характеристику основного противоречия капитализма, форм проявления этого противоречия: между трудом и капиталом, между планомерной организацией производства на отдельных предприятиях и анархией в масштабах общественного производства, между способностью производства к безграничному росту и ограниченностью потребления основной массы трудящихся, их платежеспособным спросом. Энгельс четко представил органическую связь между этими противоречиями капитализма, а также показал их связь с экономическими кризисами перепроизводства, раскрыв их объективную обусловленность и неизбежность.

Все антагонизмы и неизлечимые пороки буржуазного общества, подчеркивал Энгельс, имеют своим первоисточником противоречие между общественным способом производства и частнокапиталистической формой присвоения. Проявляясь как антагонизм между пролетариатом и буржуазией, это основное противоречие заключает в себе **все коллизии** капиталистического общества, генерирует другие противоречия более частного, производного порядка.

«...Движущая сила социальной анархии производства,— отмечал Энгельс,— превращает возможность бесконечного усовершенствования машин... в принудительный закон для каждого отдельного промышленного капиталиста, в закон, повелевающий ему беспрерывно совершенствовать свои машины под страхом гибели» [1]. В то же время «усовершенствование машин делает излишним определенное количество человеческого труда. Если введение и распространение машин означало вытеснение миллионов работников ручного труда немногими рабочими при машинах, то усовершенствование машин означает вытеснение все большего и большего количества самих рабочих машинного труда...» [2]

С ростом концентрации капиталов, писал Энгельс, несовместимость общественной организации производства внутри фабрики с анархией производства в обществе становится осязательной и для самих капиталистов. Соответственно капитализм того времени представлялся ему неспособным рационально управлять производительными силами. Помимо, а часто как раз вопреки воле капиталистов это противоречие разрешается таким способом, что сами производительные силы стремятся «к освобождению себя от всего того, что свойственно им в качестве капитала, *к фактическому признанию их характера как общественных производительных сил*» [3]. Противодействие все более возрастающих материальных производительных сил их капиталистическому характеру «принуждает класс самих капиталистов все чаще и чаще обращаться с ними, насколько это вообще возможно

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 285.
[2] Там же.
[3] См. там же. С. 288.

при капиталистических отношениях, как с общественными производительными силами» [1]. Сначала образуются различного рода акционерные общества, но на известной ступени становится недостаточной и эта форма. Управление средствами производства и сообщения, кредитно-финансовыми учреждениями берет на себя государство, как официальный представитель капиталистического общества. Происходит вынужденное капиталистическое огосударствление экономики, предпринимается капиталистическая национализация.

«Государственная собственность на производительные силы,— писал Энгельс,— не разрешает конфликта, но она содержит в себе формальное средство, возможность его разрешения» [2]. В этой связи, оценивая капиталистическое государство, Энгельс подчеркивал, что буржуазное государство, «какова бы ни была его форма, есть по самой своей сути капиталистическая машина, государство капиталистов, идеальный совокупный капиталист» [3].

История политической экономии

«Анти-Дюринг» имеет большое значение для разработки научной истории экономической мысли. С этой точки зрения заслуживает внимания прежде всего X глава «Из «Критической истории»», написанная Марксом по просьбе Энгельса. Основу главы составила рукопись Маркса «Замечания на книгу Дюринга «Критическая история политической экономии»».

В X главе «Анти-Дюринга», в других его разделах содержится широкий обзор истории политической экономии, охарактеризованы основные достижения и место в науке виднейших экономистов и целых научных школ. Исторические экскурсы отражают глубокое понимание Марксом и Энгельсом внутренней логики развития экономической теории, их мастерское умение соотносить факты объективной действительности с приобретениями исследовательской мысли, диалектическое решение проблемы взаимоотношения эмпирического и теоретического уровней знания.

В противоположность дюринговской «Критической истории» Маркс в своем подходе к истории политической экономии стремится выявить те положительные результаты в исследовании экономических процессов, которые достигнуты его предшественниками.

Для Дюринга же характерно замалчивание авторов и книг, действительно двигавших науку, и выпячивание на передний план второстепенных и просто очень слабых работ, так как только на таком фоне было возможным оттенить мнимые «достоинства» своих воззрений. «Да это и в порядке вещей,— резюмировал Маркс,— что по отношению к гениальнейшему и оригинальнейшему исследователю-экономисту (У. Петти.— *Ред.*) напыщенная и менторски-претен-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 288.
[2] Там же. С. 290.
[3] См. там же.

циозная посредственность может только высказывать свое ворчливое неудовольствие, может только испытывать досаду...» [1]

В первой редакции X главы, когда «Анти-Дюринг» по частям печатался в газете «Vorwärts», Энгельс по необходимости несколько сократил рукопись Маркса, но, как только представилась возможность, напечатал ее в более полном виде. В 1894 году при подготовке третьего издания всей книги он писал: «Между тем именно эта часть рукописи еще и в настоящее время представляет величайший и непреходящий интерес. Я считаю своим долгом привести как можно более полно и дословно те рассуждения Маркса, в которых он отводит таким людям, как Петти, Норс, Локк, Юм, подобающее им место в процессе возникновения классической политической экономии; еще более необходимым я считаю привести данное Марксом объяснение «Экономической таблицы» Кенэ, этой загадки сфинкса, которая оставалась неразрешимой для всей современной политической экономии» [2].

Помимо самой X главы, чрезвычайно важны рассыпанные по всей книге собственные замечания Энгельса по истории политической экономии, его высказывания о научном приоритете Маркса.

Касаясь вопроса о теоретических источниках политической экономии, Маркс в X главе воздает должное гению мыслителей древнего мира в толковании спорадически встречающихся уже в их эпоху таких явлений, как товарное производство, обмен, торговля, деньги. Эти воззрения образуют «теоретические исходные пункты» современной политической экономии. Отмечается, в частности, что Платон дал «гениальное для своего времени изображение разделения труда» [3]. Касаясь взглядов Аристотеля, Маркс отмечает, что он действительно глубоко ставит проблему денег как меры стоимости, что чрезвычайно важно, поскольку раскрытие этой функции имеет «решающее значение для учения о деньгах» [4].

Замечателен очерк истории классической буржуазной политической экономии. Ее родоначальники: Петти — в Англии и Буагильбер — во Франции, завершители: Рикардо — в Англии и Сисмонди — во Франции. Маркс добирается до ее истоков и не скупится на похвалу ее пионерам. Он высоко оценивал Петти, который «дает вполне ясный и правильный анализ величины стоимости товаров» и «высказывает в определенной и всеобщей форме мысль о том, что стоимости товаров измеряются *равным трудом*» [5].

Политическая экономия многим обязана Смиту и Рикардо, но до Маркса и Энгельса никто в должной мере не оценил их подлинной роли. Чаще всего их взгляды искажали, выхватывали из их учения не самое главное, а второстепенное, не верное, а ошибочное. Действительно выдающаяся заслуга Смита, согласно Энгельсу, состоит в том, что он, наряду с физиократами, дал «положительную формулировку» политической экономии в «более

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 243.
[2] Там же. С. 15.
[3] См. там же. С. 238, 239.
[4] См. там же. С. 239.
[5] См. там же. С. 241.

узком смысле», он выражал интересы восходящей буржуазии против феодалов.

Рикардо, опираясь на достижения Смита, жил и творил на несколько десятилетий позже и мог наблюдать более развитую ступень капитализма. Поэтому он более последователен в изложении законов капитализма «с положительной стороны», в том числе и прежде всего закона стоимости. Энгельс считает «великим» открытием, открытием, «составившим эпоху», положение Рикардо о том, что «стоимость товара зависит от количества труда, необходимого для его производства, а не от большего или меньшего вознаграждения, уплачиваемого за этот труд» [1].

Глубокой критике подверг Энгельс вульгарную политическую экономию в целом. Он уточнил само понятие вульгарной политической экономии, определил ее важнейшие особенности, вскрыл ее полное подчинение классовым интересам буржуазии, ее превращение в идеологическое оружие защиты буржуазной системы эксплуатации рабочего класса. Ее представители выбросили за борт лучшие достижения буржуазной экономической мысли, пошли назад от Смита и Рикардо, воспользовались только ошибочными и откровенно слабыми элементами учения классиков.

Для вульгарных экономистов, указывал Энгельс, характерна проповедь определения стоимости заработной платой, изображение прибыли как высшего рода «заработной платы», как справедливого вознаграждения капиталисту за воздержание от излишеств, как «премии» за риск, платы за управление предприятиями [2].

Вся послерикардовская буржуазная, и, конечно, в первую очередь вульгарная, политэкономия, писал Энгельс, «погрязла в представлении, будто свойство приносить прибыль или процент само собой присуще всякой сумме стоимости, применяемой при нормальных условиях в производстве или обмене» [3].

Вульгарные экономисты, а вкупе с ними и Дюринг, отождествляли капитал с произведенными средствами производства, или иначе — со «всеми средствами экономического могущества». Неспособность понять и представить капитал как специфическое общественное отношение неизбежно затемняет его исторический и классовый характер, ведет к полной утрате научности в экономическом анализе.

* * *

Задачу экономической науки Энгельс видел в том, чтобы «установить, что начинающие обнаруживаться пороки общественного строя представляют собой необходимое следствие существующего способа производства, но в то же время также и признак наступающего разложения его» [4]. Энгельс отмечал, что политическая экономия капитализма заканчивается социалистической критикой этого способа производства.

Дюринг давал социализму этическое «обоснование», в основе которого лежало абстрактное требование справедливости. Крити-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 201.
[2] См. там же. С. 198.
[3] См. там же. С. 215.
[4] Там же. С. 153.

куя эту мелкобуржуазную концепцию, Энгельс писал, что одного лишь сознания несправедливости способа распределения совершенно недостаточно, необходимы материальные предпосылки революционного переворота в обществе. «На этом осязательном, материальном факте, который в более или менее ясной форме с непреодолимой необходимостью проникает в сознание эксплуатируемых пролетариев,— отметил Энгельс,— на этом факте, а не на представлениях того или другого мудрствующего домоседа о праве и бесправии, основана уверенность современного социализма в победе» [1].

Экономическое учение марксизма Энгельс и рассматривал в «Анти-Дюринге» в качестве науки, которая обосновывает научный социализм.

4. СОЦИАЛИЗМ

Философский и экономический разделы «Анти-Дюринга» составили теоретическую базу развернутого анализа социализма, который Энгельс начинает очерком истории социалистических идей.

История социалистической мысли

Обращаясь к наследию социалистов прошлого, Энгельс в целом опирается на те оценки, которые были даны им и Марксом ранее (в частности, в «Манифесте Коммунистической партии»). Вместе с тем его размышления включают в себя и некоторые новые подходы и аспекты, связанные, возможно, с углубленным исследованием логики и методологии познания, которым Энгельс интенсивно занимался в 70-е годы.

Если раньше утопический социализм характеризовался в работах основоположников марксизма преимущественно в плане его содержания, то теперь он рассматривается и со стороны формы мышления (способа понимания). По содержанию, отмечает Энгельс, социалистические учения XIX века являются осознанием господствующих в народившемся капиталистическом обществе классовых противоречий, а также царящей в производстве анархии. Однако, пока указанные социальные явления не получили достаточно всестороннего развития, решение проблем, которые они ставили перед обществом, невозможно было вывести из фактов и наблюдений; его приходилось искать чисто умозрительным путем, опираясь на те идеи и принципы, которыми располагало теоретическое сознание. Вот почему, указывает Энгельс, по своей теоретической форме социализм XIX века «выступает сначала только как дальнейшее и как бы более последовательное развитие принципов, выдвинутых великими французскими просветителями XVIII века» [2].

---

[1] *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 161.
[2] См. там же. С. 16.

Воссоздавая логику великих мыслителей-социалистов — Сен-Симона, Фурье, Оуэна и др., Энгельс отмечает, что, как и просветители, они стремятся освободить все человечество и не соотносят эту задачу с историческими целями и интересами каких-то определенных классов. Как и просветители, они добиваются установления на земле царства разума и вечной справедливости. Другой вопрос, что тот путь к решению данной задачи, который предлагали мыслители XVIII века, в свете опыта последующего исторического развития казался уже неудачным, несостоятельным, ибо общество, построенное в соответствии с их принципами, оказалось вовсе не царством разума, а царством буржуазии, где была своя неразумность и своя несправедливость. Зафиксировав этот факт, социалисты, однако, вначале еще продолжают двигаться по траекториям, намеченным Просвещением, стремясь лишь несколько их «подправить». Сама логика умозрительного полагания общественного идеала при этом не отвергается, ставится под сомнение лишь конкретная интерпретация этого последнего: если намерения просветителей не привели к желанному результату, значит, тот разум и та справедливость, к которым они апеллировали, были не подлинными, а подлинные не были еще надлежащим образом познаны. Как вывод из такого рода рассуждений, отмечал Энгельс, возникает характерная для утопического сознания уверенность в том, что вся проблема сводится к личной гениальности — к появлению человека, способного открыть «рецепт» переустройства общества. Получается, что осуществление социалистической перспективы является не необходимым результатом исторического развития, а просто счастливой случайностью: гениальный учитель человечества с одинаковым успехом мог бы появиться когда угодно, хотя бы и пятьсот лет назад, что, как считали утописты, избавило бы человечество от долгих веков заблуждений, борьбы и страданий.

Эта типично идеалистическая логика, как показано в «Анти-Дюринге», не опирается на действительное знание социальной реальности и не способствует его получению. Поэтому Энгельс относит все предшествующие социалистические системы к донаучной форме мышления. Ход развития социалистической мысли, по Энгельсу, стадиально соответствует общему движению познания и, таким образом, ведет от донаучного социализма к научной его форме. Теоретическая основа для перехода к научному социализму была создана двумя великими открытиями — материалистическим пониманием истории и разоблачением тайны капиталистического производства посредством прибавочной стоимости. «Благодаря этим открытиям,— писал Энгельс,— социализм стал наукой, и теперь дело прежде всего в том, чтобы разработать ее дальше во всех ее частностях и взаимосвязях» [1].

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 27.

Научный социализм, отмечал Энгельс, принципиально отличается от донаучного (утопического) своим подходом к исторической реальности. Методологически он нацелен не на «социальное изобретательство», а на исследование, поэтому в отличие от утопических проектов его практическая программа «укоренена» в самой действительности и опирается на ее собственные закономерности и тенденции. «...Средства для устранения обнаруженных зол,— формулирует эту мысль Энгельс,— должны быть... налицо... в самих изменившихся производственных отношениях. Надо не *изобретать* эти средства из головы, а *открывать* их при помощи головы в наличных материальных фактах производства» [1].

Проводя четкую грань между «прежним социализмом» и марксизмом, Энгельс тем не менее далек от пренебрежительного отношения к предшественникам. Напротив, он защищает это наследие от нападок Дюринга, высокомерно объявившего великих социалистов-утопистов прошлого «социальными алхимиками», и отмечает в нем «прорывающиеся на каждом шагу сквозь фантастический покров зародыши гениальных идей и гениальные мысли» [2]. Так, у Сен-Симона, пишет Энгельс, «мы встречаем гениальную широту взгляда, вследствие чего его воззрения содержат в зародыше почти все не строго экономические мысли позднейших социалистов» [3], у Фурье — блестящую критику существующего строя, сочетающую остроумие с глубиной анализа, а также мастерское владение диалектикой и т. д. Энгельс не ставит им в вину их утопизм; ибо они «были утопистами потому, что... не могли быть ничем иным в такое время, когда капиталистическое производство было еще так слабо развито» [4]. Напротив, Дюринг «является всего лишь эпигоном утопистов, самоновейшим утопистом» [5]. Ведь он выступил, когда донаучная стадия социализма уже преодолена движением теоретической мысли и преодолевается практикой рабочего движения.

Хотя переход от донаучного (утопического) социализма к научному Энгельс рассматривает как качественный скачок, для него важно и утверждение преемственности в развитии социалистической мысли. В этой связи он называет ряд идей, принадлежавших социалистам прошлого, которые были использованы марксизмом и развиты им на новой методологической основе. Это, в частности, мысль Сен-Симона о превращении политического управления людьми в распоряжение вещами и руководство процессом производства, идея Фурье о противоречивости буржуазной цивилизации и др.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 278.
[2] См. там же. С. 269.
[3] Там же. С. 270.
[4] Там же. С. 276.
[5] См. там же.

Открытия, позволившие превратить социализм из утопии в науку, Энгельс рассматривал как заслугу, всецело принадлежащую Марксу. Вместе с тем они были социально детерминированы. Научный социализм, указывал Энгельс, стал возможен лишь тогда, когда в процессе своего исторического движения капиталистическое производство приняло достаточно зрелые формы и тем самым объективно выявило свою сущность и внутренние механизмы своего функционирования.

Объективные предпосылки общества, приходящего на смену капитализму

Энгельс всегда подчеркивал объективную обоснованность научного предвидения контуров будущего общественно-экономического устройства, приходящего на смену капитализму. Он отмечал в одном из своих писем, что его и Маркса «взгляды на черты, отличающие будущее некапиталистическое общество от общества современного, являются точными выводами из исторических фактов и процессов развития и вне связи с этими фактами и процессами не имеют никакой теоретической и практической ценности» [1].

Конкретизируя эту мысль, Энгельс указывал на тот этап исторической эволюции капитализма, когда «крупная промышленность в своем более полном развитии приходит в конфликт с теми узкими рамками, в которые ее втискивает капиталистический способ производства» [2], то есть когда производительные силы перерастают уже и буржуазную форму их организации. В ходе этого процесса, отмечал Энгельс, возникает и социальная сила, объективно заинтересованная в коренном преобразовании существующего социально-экономического строя и способная провести это преобразование,— революционный рабочий класс.

Исходя из этого, Энгельс обстоятельно анализирует объективные тенденции развития производительных сил и производственных отношений капитализма, выявляет создающиеся в ходе этого развития формы обострения и частичного разрешения основного противоречия буржуазного способа производства — между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения.

Раскрывая суть конфликта производительных сил и производственных отношений при капитализме, выявив совокупность форм его проявления, Энгельс доказывал, что революционный переход к социалистическому обществу — не плод умозрительных представлений, а выражение потребностей дальнейшего общественного развития. Это доказательство становится основой для предвидения, раскрывающего перспективу социального развития, характер тех социально-экономических форм, возникновение и развитие которых означало бы истинное, положительное раз-

---

[1] Энгельс — Эдуарду Пизу, 27 января 1886 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 364.

[2] *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Там же. Т. 20. С. 279.

решение основного противоречия капитализма. Иначе говоря, анализ противоречий капитализма у Энгельса органично переходит в позитивное «изложение основных черт социализма» [1], которое в «Анти-Дюринге» представлено в наиболее систематизированном и целостном виде по сравнению с другими произведениями Маркса и Энгельса.

Анализируя развитие общественного характера производительных сил в условиях крупного машинного производства, Энгельс обращал внимание на то, как изменяются формы капиталистических производственных отношений под воздействием этого процесса, как они приспосабливаются к нему. В качестве форм такого приспособления Энгельс рассматривал акционерные общества и огосударствление основных средств производства. В них Энгельс видел «элементы будущей, новой организации производства и обмена», возникающей «внутри разлагающейся экономической формы движения» [2]. Относительно этих форм частичного разрешения конфликта между производительными силами и производственными отношениями Энгельс писал, что здесь «капиталистические отношения не уничтожаются, а, наоборот, доводятся до крайности, до высшей точки». Но на высшей точке как раз и «происходит переворот» [3]. Обосновывая это положение в теоретическом плане, Энгельс, видимо, в известной мере переоценивал достигнутую в то время капитализмом степень развития, его зрелость, полагая, что крах капиталистического способа производства близок, что его «можно, так сказать, осязать руками» [4], а сложившиеся к концу XIX века производительные силы могут быть сохранены и развиты дальше только в условиях социалистического общества.

Общественная собственность и непосредственно общественная форма производства

Рассматривая капиталистический способ производства, Энгельс доказывал, что действительное разрешение основного противоречия капитализма в первую очередь состоит в установлении общественной собственности на средства производства, сначала — в государственной форме. «Заставляя все более и более превращать в государственную собственность крупные обобществленные средства производства, капиталистический способ производства сам указывает путь к совершению этого переворота. *Пролетариат берет государственную власть и превращает средства производства прежде всего в государственную собственность*» [5].

Со всей определенностью Энгельс подчеркивал революционный характер перехода от капитализма к социалистическому

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 296.
[2] См. там же. С. 153.
[3] См. там же. С. 290.
[4] См. там же. С. 277.
[5] Там же. С. 291.

общественному строю, выступая при этом против утверждения Дюринга о том, что для коренного преобразования капитализма достаточны лишь частичные меры, поскольку его способ производства вполне удовлетворителен и требуется реформировать лишь негодное распределение. Определяя взгляды Дюринга как *«специфически прусский социализм»* [1], Энгельс напоминал о его исторической аналогии — учении Прудона, желавшего сохранить современное общество, но без его отрицательных сторон [2].

Возможность разрешения конфликта производительных сил и производственных отношений Энгельс видел в том, «что общественная природа современных производительных сил будет признана на деле и что, следовательно, способ производства, присвоения и обмена будет приведен в соответствие с общественным характером средств производства. А это может произойти только таким путем, что общество открыто и не прибегая ни к каким окольным путям возьмет в свое владение производительные силы, переросшие всякий другой способ управления ими, кроме общественного» [3].

Неоднократно обращаясь к вопросам общественной собственности на средства производства в произведениях 70 — 80-х годов XIX века, Маркс и Энгельс имели в виду также использование при переходе к новому социальному строю коллективно-групповой собственности, оценивая ее при наличии значительного слоя мелких товаропроизводителей как один из путей, который может быть использован в процессе становления более высоких форм обобществления. Вместе с тем Энгельс критиковал дюринговский «социалитет», представляющий будущее общество на все времена в виде совокупности обособленно хозяйствующих «коммун», каждая из которых выступает полным владельцем средств производства — обладает «исключительным правом собственности» по отношению к другим коммунам, а также ко всему обществу и государству [4]. К тому же предполагаемое Дюрингом сохранение в его хозяйственной коммуне денежного обращения логически вело бы, по замечанию Энгельса, к возникновению у отдельных лиц мотивов к обогащению и к превращению в банкиров, а затем в господ над коммунами.

Энгельс считал, что капиталистическая и сменяющая ее социалистическая собственность коренным образом различаются по ряду аспектов. «Когда с современными производительными силами станут обращаться сообразно с их познанной, наконец, природой,— писал он,— общественная анархия в производстве заменится общественно-планомерным регулированием производства

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 309.
[2] См. там же. С. 324.
[3] Там же. С. 290.
[4] См. там же. С. 300.

сообразно потребностям как общества в целом, так и каждого его члена в отдельности. Тогда капиталистический способ присвоения... будет заменен новым способом присвоения продуктов, основанным на самой природе современных средств производства: с одной стороны, прямым общественным присвоением продуктов в качестве средств для поддержания и расширения производства, а с другой — прямым индивидуальным присвоением их в качестве средств к жизни и наслаждению» [1].

Поставив вопрос о форме производства в будущем обществе и в порядке научного прогноза высказываясь о ней, Энгельс исходил прежде всего из того, что товарная форма — не вечная и не единственная, а лишь одна из конкретно-исторических форм производства. Товарное производство, напоминал он, пришло на смену натуральному производству, характерному для общины, патриархальной семьи и феодализма. В свою очередь непосредственно общественное производство, по мысли Энгельса, станет одной из черт экономического строя, идущего на смену капиталистическому способу производства. Он считал, что «когда общество вступает во владение средствами производства и применяет их для производства в непосредственно обобществленной форме, труд каждого отдельного лица, как бы различен ни был его специфически полезный характер, становится с самого начала и непосредственно общественным трудом» [2].

Прогнозируя экономическое устройство новой формации, он неоднократно отмечал, что ускоряющееся развитие производительных сил будущего общества будет осуществляться посредством общественно-планомерного регулирования производства [3].

Цель производства и гуманизм

В анализе форм экономики некапиталистического общества Энгельс большое внимание уделил целям ее функционирования. Он писал, что развитые капитализмом производительные силы «возьмет в свое владение организованное для совместной планомерной работы общество, чтобы обеспечить всем членам общества средства к существованию и свободному развитию их способностей, притом во все возрастающей мере» [4]. Тем самым Энгельс, по сути, сформулировал свое представление о цели производства.

Экономический результат утверждения общественной собственности состоит, по Энгельсу, в том, что весь создаваемый совокупной рабочей силой продукт, включая и прибавочный продукт, в конечном счете — прямо или косвенно — идет исключительно самим ассоциированным трудящимся [5], которые, та-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 291.
[2] Там же. С. 321.
[3] См. там же. С. 294.
[4] Там же. С. 154.
[5] См. там же. С. 199—200.

ким образом, работают на самих себя, подчиняют своим интересам обобществленное производство. Производительные силы, развитие которых в буржуазном обществе вело к экономическим расстройствам и крахам, в руках ассоциированных производителей из «демонических повелителей» общества превратятся, полагал Энгельс, в его «покорных слуг». Это предположение существенно для более глубокого понимания развернутой Энгельсом трактовки производства в будущем обществе. Однако содержание цели производства, как показано в «Анти-Дюринге», далеко не сводится к росту личного потребления ассоциированных тружеников. При новом общественном строе сложится возможность и необходимость превращения труда в высшее проявление человеческой жизнедеятельности, в непосредственную форму раскрытия и универсального развития всех внутренних сил и способностей личности. Имея в виду глубоко гуманистические цели будущего общества, Энгельс считал, что в нем на основе использования развитых производительных сил создается «возможность обеспечить всем членам общества путем общественного производства не только вполне достаточные и с каждым днем улучшающиеся материальные условия существования, но также полное свободное развитие и применение их физических и духовных способностей» [1].

Рассматривая социально-экономические средства реализации цели будущего общества, Энгельс рассчитывал, что тогда, когда «никто не мог бы сваливать на других свою долю участия в производительном труде, этом естественном условии человеческого существования» [2], то есть при всеобщем участии в труде, будет иметь место существеннейшая экономия общественного и индивидуального рабочего времени. По мысли Энгельса, мера реализации цели производства в новом обществе не будет оставаться неизменной и для ее достижения потребуется революционный переворот в производительных силах, исторически наследуемых от капитализма. Энгельс назвал «ребяческим» представление Дюринга, согласно которому «общество может взять во владение всю совокупность средств производства, не производя коренного переворота в старом способе производства и не устраняя прежде всего старого разделения труда» [3].

Социальный переворот в способе производства и в обществе в целом приведет, как считал Энгельс, к ликвидации капиталистической системы эксплуатации, а преимущества, обусловленные обобществлением производительных сил, позволят сократить рабочее время. Преодоление же старого разделения труда поведет к освобождению людей от их порабощения средствами

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 294.
[2] Там же. С. 305.
[3] Там же. С. 308.

производства. В результате труд превратится для людей из бремени в наслаждение и средство всестороннего развития их физических и духовных сил [1].

Обобществление производительных сил даст также возможность осуществить более равномерное, рациональное размещение крупной промышленности, уничтожить противоположность города и деревни, устранить отравление воздуха, воды, почвы [2].

Предвидя, что осуществление коренного переворота в производительных силах — масштабный и исторически длительный процесс, Энгельс особое значение придавал формированию работника нового типа, предсказывал, что, «вырастив новое поколение всесторонне развитых производителей, которые понимают научные основы всего промышленного производства и каждый из которых изучил на практике целый ряд отраслей производства от начала до конца, общество тем самым создаст новую производительную силу» [3].

Энгельс в полной мере разделял и проводил в «Анти-Дюринге» то положение Маркса, высказанное в «Капитале», что воспитание эпохи будущего уже вырастает из фабричной системы промышленного производства, предполагая, что «для всех детей свыше известного возраста производительный труд будет соединяться с обучением и гимнастикой не только как одно из средств для увеличения общественного производства, но и как единственное средство для производства всесторонне развитых людей» [4].

Хорошо сознавая рискованность всякой попытки излагать детализированно черты будущего общественного строя, отказываясь решать за грядущие поколения вопрос о том, как они будут строить свою жизнь во всей конкретности, Энгельс лишь касался социальных проблем будущего общества. Однако он ясно дает понять о своем несогласии с тем, что навсегда, как считал Дюринг, в обществе сохранятся противоположность города и деревни, умственного и физического труда. «Хорош был бы социализм, увековечивающий профессиональных тачечников!» [5] — иронизировал Энгельс. Довольно решительно Энгельс высказался против крупных городов, в которых он видел бедственные скопления трудящихся. Вместе с тем он понимал, что изменить такое положение возможно было бы только в результате весьма продолжительного процесса.

Пять лет спустя в письме к Э. Бернштейну от 1 марта 1883 года Энгельс, касаясь перспектив использования только что открытого способа передачи электроэнергии на большие расстояния, отметил, что применение этого открытия может стать «мощным рычагом для устранения противоположности между городом и деревней» [6].

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 305.
[2] См. там же. С. 307—308.
[3] Там же. С. 308.
[4] Там же. С. 335; ср.: Т. 23. С. 494—495.
[5] Там же. Т. 20. С. 206.
[6] См. там же. Т. 35. С. 374.

Распределение

В «Анти-Дюринге» затронуты и вопросы распределения в социалистическом обществе. Энгельс прежде всего раскрыл полную несостоятельность дюринговских представлений, не отражающих существенную связь распределения с производством и обменом, рассмотрел определяющую роль первенства производства перед распределением и вместе с тем показал, что приоритет отношений производства не исключает в их взаимодействии с отношениями распределения обратного влияния последних на первые.

Исходя из этих методологических положений и имея в виду общий характер производства, идущего на смену капиталистическому, Энгельс пришел к выводу, что в будущем обществе «распределение, поскольку оно управляется чисто экономическими соображениями, будет регулироваться интересами производства, развитие же производства больше всего стимулируется таким способом распределения, который позволяет *всем* членам общества как можно более всесторонне развивать, поддерживать и проявлять свои способности» [1].

С этих позиций Энгельс в «Анти-Дюринге» вслед за Марксом критикует принадлежащий Лассалю «излюбленный лозунг» лассальянцев «о праве рабочего на «полный трудовой доход»» [2]. Тем самым он полностью солидаризируется с Марксом по вопросу о специфичном для первой, социалистической фазы коммунистического способа производства распределении по труду.

Особый интерес в этом контексте приобретают мысли Энгельса о том, как будет вознаграждаться в будущем обществе сложный труд. «В обществе частных производителей,— писал он,— расходы по обучению работника покрываются частными лицами или их семьями; поэтому частным лицам и достается в первую очередь более высокая цена обученной рабочей силы: искусный раб продается по более высокой цене, искусный наемный рабочий получает более высокую заработную плату. В обществе, организованном социалистически, эти расходы несет общество, поэтому ему принадлежат и плоды, т. е. бóльшие стоимости, созданные сложным трудом. Сам работник не вправе претендовать на добавочную оплату» [3].

Истории политической экономии известны попытки трактовать это положение таким образом, что работник в социалистическом обществе вообще не может претендовать на большее вознаграждение при условии затраты труда большей сложности. На самом же деле такая трактовка не совпадает с позицией Энгельса: он отнюдь не был сторонником уравнительности.

Когда он утверждает: работники не могут претендовать на

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 206.
[2] См. там же. С. 207.
[3] Там же.

большую оплату на том основании, что расходы по подготовке «искусного рабочего» несет общество, то тем самым он собственно делал акцент на следующем обстоятельстве. Ассоциированный трудящийся в отличие от наемного рабочего получает не эквивалент стоимости рабочей силы (товарная форма последней в условиях общественной собственности ликвидируется), а эквивалент части его затраты труда на общество, воплощенной в созданном им для этого общества продукте. И, таким образом, становится понятно, что затраты труда представляющих «общество» других лиц (лиц, связанных с подготовкой работника более высокой квалификации), хотя и входят интегральной частью в совокупную величину сложного труда, реализующую сложную рабочую силу, не могут являться основанием для большего вознаграждения труда данного работника.

Вместе с тем важно отметить, что в той мере, в какой сложный труд есть большие затраты мозга, нервов, органов чувств и т. п. самим работником, более интенсивного применения им своих духовных способностей, ассоциированный трудящийся, несомненно, «вправе» претендовать на повышенное вознаграждение со стороны общества.

Становление и развитие коммунистической формации

«Анти-Дюринг» дает ориентиры и для исследования ряда проблем развития коммунистической формации, рубежей ее зрелости, особенностей ее этапов. Речь прежде всего идет о соотношении социализма и коммунизма, об историческом месте социализма в становлении коммунистического общества.

Энгельс исходил из того, что любой способ производства характеризуется существованием ряда экономических законов, общих для всех стадий его развития.

Он считал, что коренные черты способа производства, приходящего на смену капитализму,— общественная собственность на средства производства, планомерная форма ведения общественного хозяйства и его высшая цель — начинают проявляться уже с начала его становления. Тем самым, по мысли Энгельса, определяется главное в социализме и одновременно раскрывается суть коммунизма. Данная сторона дела выражена в «Анти-Дюринге» и формально: раздел о будущем обществе назван не «Коммунизм», а «Социализм».

Еще одна, общая для всей коммунистической формации, черта социализма — сознательный характер использования экономических законов, в котором выражается подлинная свобода ассоциированных трудящихся в их экономической жизни. Речь идет о том, что только на базе общественной собственности и планомерной организации всего общественного производства экономические законы «будут применяться людьми с полным знанием дела и тем самым будут подчинены их господству», а «приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей

и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают» [1].

Рассматривая возможные способы осуществления социалистических преобразований, Энгельс пришел к выводу, что общественная собственность на средства производства утвердится первоначально в государственной форме, поскольку капитализм сам указывает этот путь, передавая в собственность государства крупные обобществленные средства производства [2]. Этот акт представлялся Энгельсу переломным моментом в судьбе общества и его политической надстройки. Став выразителем интересов всего общества, установив от его имени свои права на средства производства, государство изменит свою природу, перестанет быть государством в прежнем смысле. Воцарятся непосредственно общественный труд, сознательная организация деятельности [3].

Действительно, все те процессы обобществления, которые мог тогда наблюдать Энгельс, имели своей высшей точкой установление государственного руководства теми или иными хозяйственными ячейками. Именно в данном процессе, а также в развитии акционерной формы собственности он увидел «элементы будущей, новой организации производства и обмена», возникающие «внутри разлагающейся экономической формы движения» [4].

Таким образом, представления Энгельса об особой роли государственной собственности и государственной хозяйственной жизни при переходе от капитализма к социализму находились в полном соответствии с провозглашенным в томже «Анти-Дюринге» принципом не строить умозрительных конструкций будущего, но опираться на тенденции, существующие в реальности. Вместе с тем даже на основе весьма ограниченной исходной информации Энгельс смог заметить, что огосударствление само по себе не служит достаточным критерием социалистичности. Государственная собственность на средства производства, считал он, не разрешает конфликта; однако «она содержит в себе формальное средство, возможность его разрешения» [5]. На ряде примеров Энгельс показал, что далеко не всякое огосударствление может стать социалистическим. А значит, можно утверждать: он не отождествлял абсолютно факт государственной собственности с таким положением, когда «общество открыто и не прибегая ни к каким окольным путям возьмет в свое владение производительные силы, переросшие всякий другой способ управления ими, кроме общественного» [6]. Таким образом, огосударствление неравнозначно реальному социалистическому обобществлению, а служит лишь одним из его моментов, промежуточных этапов. В дальнейшем эта

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 295.
[2] См. там же. С. 291.
[3] См. там же. С. 291, 294, 321.
[4] См. там же. С. 153.
[5] Там же. С. 290.
[6] Там же.

важная мысль Энгельса не была в должной мере принята во внимание, и государственная форма собственности в теории и практике социализма долгое время полностью отождествлялась с общественной.

Еще в «Критике Готской программы» был сформулирован принципиальный вывод о необходимости особого переходного периода от капитализма к социализму, содержанием которого является революционная диктатура пролетариата. Однако в «Анти-Дюринге» — возможно в связи с полемическими и популяризаторскими задачами этого произведения — вопрос о переходном периоде, о «долгих муках родов», сопровождающих становление социалистического строя, был опущен. Энгельс пишет об отмирании, «засыпании» государства, связывая этот процесс с исчезновением классов. Такая постановка вопроса и поныне сохраняет свою методологическую значимость. При этом важно следующее. Отмирание государства характеризуется в «Анти-Дюринге» как процесс, непосредственно следующий за социальной революцией. «Первый акт, в котором государство выступает действительно как представитель всего общества — взятие во владение средств производства от имени общества,— является в то же время последним самостоятельным актом его как государства» [1]. Во-первых, речь идет лишь о государстве в классическом его понимании. Во-вторых, этот «первый акт» отмирания государственности — лишь пролог длительного, охватывающего целую эпоху процесса.

Отмечая это, необходимо подчеркнуть, что в целом вопрос о перспективах надстроечных институтов и отношений разработан в «Анти-Дюринге» с большой глубиной и основательностью, обрисовано общее направление их развития. Энгельс высказал в этом произведении целый ряд плодотворных положений, которые подтверждает и современная теория и практика социализма. К примеру, им глубоко обоснована недопустимость административного запрета религии, раскрыта природа ее возникновения. «Фантастические образы, в которых первоначально отражались только таинственные силы природы,— писал он,— приобретают теперь также и общественные атрибуты и становятся представителями исторических сил». С возникновением монотеизма, этой удобной для использования и ко всему приспособляющейся формы, «религия может продолжать свое существование как непосредственная, т. е. эмоциональная форма отношения людей к господствующим над ними чуждым силам, природным и общественным, до тех пор, пока люди фактически находятся под властью этих сил» [2].

В полемике с Дюрингом Энгельс не только повторил известные марксистские позиции о создании социализмом новой экономической основы для высшей формы семьи, где установят-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 292.
[2] См. там же. С. 329.

ся действительно свободные отношения между людьми, о соединении труда и воспитания, но и дополнил новыми гранями концепцию воспроизводства человека через систему общественного воспитания и образования.

«Скачок человечества из царства необходимости в царство свободы»

Намечая общие контуры будущего общества, Энгельс придавал большое значение изменению в нем роли общественного сознания. Энгельс исходил из того, что противоположность между умственным и физическим трудом не является вечным спутником развития общества. Наоборот, по его мысли, ее преодоление в будущем обществе — необходимость, предвидимое закономерное следствие происходящего развития крупной промышленности. Коренным изменениям в материально-техническом развитии будущего общества будут сопутствовать изменения в общественных отношениях, в воспитании человека, в культуре. Сознательные действия людей в будущем обществе, основывающиеся на растущем знании, станут величайшим фактором социального прогресса. При этом Энгельс по-прежнему отвергал старый идеалистический взгляд, будто идеями людей создаются условия их жизни. Ссылаясь на факты истории, он напоминал о достаточно типичном при стихийном развитии общества несоответствии человеческих целей и достигнутых результатов, о преобладании непредвиденных последствий. Но в более или менее отдаленном будущем, полагал он, такое положение должно будет измениться.

Еще до Гегеля — у Д. Вико, А. Смита, И. Канта, Ф. Шеллинга и других мыслителей — существовала идея, что конечные результаты деятельности людей часто оказываются совсем не теми, каких хотели люди, действуя в соответствии с поставленными целями. Гегель доводил эту мысль до развитой концепции: во всеобщей истории действия людей приводят вообще не к тем целям, к которым они стремились и на которые рассчитывали. История движется по собственной логике. Во Введении к лекциям по философии истории Гегель называл *хитростью разума* (а в другом случае — «иронией истории») то, что он «заставляет действовать для себя страсти людей, причем то, что осуществляется при их посредстве, терпит урон и ущерб» [1].

Эта идея, хотя и высказанная в идеалистически искаженной форме, была определенным предвосхищением положения, обоснованного марксизмом, что в человеческом обществе «складывается объективно необходимая цепь событий, цепь развития, независимая от вашего *общественного* сознания, не охватываемая им полностью никогда» [2]. Ленин отмечал, что «история вообще, история революций в частности, всегда богаче содержанием, разнообразнее, разностороннее, живее, «хитрее», чем воображают самые лучшие партии, самые сознательные авангарды наиболее передовых классов» [3].

То изменение взаимоотношения человеческих целей и достигнутых результатов, которое Энгельс относил к достаточно

---

[1] *Hegel G. W. F.* Die Vernunft in der Geschichte. Berlin, 1966. S. 105.

[2] *Ленин В. И.* Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. Т. 18. С. 345.

[3] *Ленин В. И.* Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Там же. Т. 41. С. 80.

отдаленному будущему, он связывал с возможностью колоссального развития производственного потенциала, с установлением общественных отношений, не являющихся отношениями эксплуатации, с познанием и эффективным использованием законов объективного мира, в частности общественного развития.

На этой основе возможно критическое осмысление своей деятельности, позволяющее видеть направления и смысл общественного развития, а потому сознательно совершенствовать общество: «...люди будут заранее знать необходимость изменения общественного строя... вызванную изменением отношений, и пожелают этого изменения, прежде чем оно будет навязано им помимо их сознания и воли» [1].

Переход к новому обществу Энгельс определял как «скачок человечества из царства необходимости в царство свободы» [2]. Термин «скачок» в данном случае не следует понимать буквально — как внезапный и достаточно легкий переход к новому состоянию общества. Подобные представления тогда были у бланкистов и у тех полуанархистских критиков марксизма среди социалистов, которые трактовали создание нового общества в духе старых утопистов, полагавших, что сама по себе экспроприация собственности богачей решит все социальные проблемы. Энгельс же имел в виду общие результаты длительного и сложного всемирного исторического процесса, накапливающиеся лишь постепенно.

Основоположники научного социализма считали, что освобождение человечества — весьма трудная задача. Одно лишь перераспределение имеющихся богатств не может существенно и надолго повысить благосостояние масс. Для этого должны быть введены в строй новые производительные силы, новая их организация, найдены новые стимулы труда.

Не менее трудной проблемой является и организация сбалансированного обмена веществ с природой, задача, решение которой тем ответственнее, чем более могущественными становятся производительные силы человечества, оказывающиеся способными на определенном уровне развития подорвать условия существования человека на Земле.

Царство свободы, таким образом, это переход объективных исторических и природных сил во все возрастающем масштабе под контроль самих людей. Иными словами — это жизнь человечества в гармонии с законами природы и общества на основе познания этих законов. Люди становятся вследствие этого господами природы, господами самих себя — свободными [3].

---

[1] *Энгельс Ф.* Диалектика природы. Подготовительные материалы к «Анти-Дюрингу» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 639.

[2] См.: *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Там же. С. 295.

[3] См. там же. С. 116.

Следует отметить, что проблема соотношения свободы и необходимости, стихийности и сознательности в будущем обществе была рассмотрена и Марксом. В рукописи III тома «Капитала», с которой Энгельс в то время еще не был знаком, смысл перехода человечества к царству свободы раскрывается несколько конкретнее. Маркс разграничивает в данном случае сферу материального и духовного производства. «Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства» [1]. Рассматривая материальное производство и в будущем как область естественной необходимости, он пишет: «Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила... Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе» [2].

* * *

Оценивая влияние книги Энгельса, В. Либкнехт писал: «С дюринговским скандалом покончено и с величием Дюринга — тоже» [3]. Как свидетельствовал К. Каутский, ему и многим другим социал-демократам эта книга впервые раскрыла идейное богатство марксизма как целостного учения, помогла отрешиться от прежних эклектических взглядов [4]. О своевременности этого труда и его роли в воспитании убежденных рабочих-революционеров в условиях принятого в Германии «исключительного закона» против социалистов Ф. Меринг писал: «Свет этого маяка загорелся как раз в тот момент, когда на политическом горизонте появилась черная грозовая туча» [5]. О том, что историческое значение книги Энгельса еще не исчерпано, свидетельствуют и многочисленные публикации, международные конференции [6]. В целом не получили поддержки мнения тех исследователей, которые приписывают Энгельсу сведение исторического процесса к дарвинистской теории развития, замену гуманизма Маркса «сциентизмом», возводят

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25, ч. 2. С. 386—387.

[2] Там же. С. 387.

[3] В. Либкнехт — Энгельсу, 21 июля 1877 г. // Из истории марксизма-ленинизма и международного рабочего движения. М., 1982. С. 407.

[4] *Kautsky K.* Erinnerungen und Erörterungen. Hague, 1960. S. 437.

[5] *Меринг Ф.* История германской социал-демократии. М., 1921. Т. 4. С. 131.

[6] Debatte um Engels. Hamburg, 1973. Bd. 1—2; L'Anti-Dühring: affirmazione o deformazione del marxismo? Milano, 1983.

к Энгельсу «упрощенную советскую философию — «диамат»» [1] и даже говорят о «кризисе энгельсизма», поскольку некоторые идеи его труда не подтвердились в ходе развития общества и науки.

Рассматривая содержание «Анти-Дюринга» в свете уже более чем 70-летнего практического опыта реализации социалистической идеи в СССР, а также многообразных социалистических экспериментов в некоторых других странах, можно констатировать, что Энгельс в своей книге не предвидел тех многих трудностей, опасностей и противоречий, возникающих при выборе путей, форм, средств перехода к социализму, с которыми столкнулись народы и государства, избравшие своей судьбой социализм. Новые исторические реалии опровергли многие прогнозы Энгельса.

В «Анти-Дюринге» лишь в самых общих чертах говорится применительно к будущему обществу, например, о судьбах товарного производства, рынка и денежных отношений, государства, культуры, национальных отношений, развитии личности. Ряд содержащихся в «Анти-Дюринге» представлений о будущем обществе был высказан исходя из конкретных условий XIX века и в такой форме, где акцент делался на конечный итог развития и соответственно недостаточно учитывались сложности промежуточных стадий. Но это, естественно, не может быть поставлено в упрек Энгельсу — автору книги, написанной более 100 лет назад и рассчитанной на понимание тяготеющими к марксизму рабочими-социалистами.

Несомненно, что для многих поколений коммунистов разных стран произведение Энгельса явилось подлинной энциклопедией марксизма, обобщением его теоретического и практического опыта.

Работа Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке»

Подтверждением этому служит, в частности, завоевавшая популярность и сыгравшая важную роль в распространении и утверждении принципов марксизма в пролетарском движении брошюра Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке». Представляя собой очерк становления социалистических идей, она была создана на основе «Введения» и двух глав отдела «Социализм» «Анти-Дюринга» по просьбе Лафарга и должна была помочь революционному крылу Рабочей партии во Франции в борьбе с анархизмом и с реформистскими идеями. Опубликованный весной 1880 года в журнале «La Revue Socialiste» очерк под названием «Утопический социализм и научный социализм» в том же году был выпущен отдельным изданием уже под названием «Развитие социализма от утопии к науке» с введением Маркса [2]. В этом введении, являвшемся биографической заметкой

---

[1] *Agazzi E.* Krise des Marxismus oder Krise des Engelsismus? // Die gegenwärtige Bedeutung des Marxischen Denkens: Marx-Symposium 1983 in Dubrovnik. Bochum, 1985. S. 179—186.

[2] Первоначально предисловие к брошюре было опубликовано за подписью П. Лафарга.

об Энгельсе, Маркс очень высоко оценивал теоретические заслуги своего друга, назвав его «одним из самых выдающихся представителей современного социализма» [1]. Характеризуя новую работу Энгельса, Маркс писал: «В настоящей брошюре мы даем наиболее существенные извлечения из теоретической части этой книги («Анти-Дюринг».— *Ред.*); эти извлечения образуют, так сказать, *введение в научный социализм*» [2].

Вслед за французским изданием брошюра в 1882 году была переведена на польский язык, в 1883 году вышла на немецком, итальянском, сербохорватском. В России раздел «Научный социализм» был опубликован в 1882 году в нелегальном гектографированном журнале «Студенчество»; полностью она была напечатана в 1883—1884 годах в нелегальных изданиях московского «Общества переводчиков и издателей», в 1884 году вышла в Женеве в издании группы «Освобождение труда» (с приложением главы «Теория насилия» из «Анти-Дюринга»). В течение полутора десятилетий она была переведена на 14 языков и выдержала более 45 изданий.

Убедительное обоснование необходимости пролетарской революции, рассмотрение основных особенностей социализма сделали тогда брошюру Энгельса одним из самых популярных произведений марксизма, способствовавших идейному росту пролетарских революционеров.

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 241.
[2] Там же. С. 245.

Глава пятая

МАРКСИСТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ НА ПУТИ К СОЮЗУ С ЕСТЕСТВОЗНАНИЕМ

1. ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ МАРКСИЗМА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ИМ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

Во второй половине XIX века наступает новый этап в развитии марксизма как мировоззрения. Существенно расширяя в этот период область своих научных интересов, Маркс и Энгельс обогащают свою философию новыми идеями, закладывают новые направления ее теоретического развития. В этот период в сферу марксистской философской мысли попадает широкий круг вопросов, связанных с историческим развитием естествознания.

Наука в переломную эпоху ее развития: объективная необходимость усвоения диалектики

Обращение к мировоззренческим и методологическим вопросам естествознания, интенсивно накапливавшимся в течение XIX века, имело глубокое принципиальное значение. Дело в том, что вплоть до начала 70-х годов марксистская философия развивалась главным образом на основе анализа социально-исторического развития общества [1]. Конечно, этот анализ предполагал и определенное понимание природы, которая рассматривалась прежде всего как основа общественного бытия, материал и средство общественного произ-

---

[1] Первая попытка применить марксизм в области естествознания была предпринята около 1850 года другом Маркса и Энгельса врачом-коммунистом Р. Даниельсом, написавшим посвященный этим вопросам обширный труд «Микрокосмос. Набросок физиологической антропологии». Однако в методологическом отношении эта попытка была еще во многом несовершенной, поскольку ряд проблем трактовался в ней с позиций механицизма и физиологизма (сведения высших форм человеческой психики и поведения к физиологическим рефлексам). К тому же она отражала еще сравнительно раннюю стадию развития самого марксизма. Начинание Р. Даниельса осталось в то время лишь эпизодом и не получило систематического развития ни в произведениях самих Маркса и Энгельса, ни в работах других их учеников и последователей (см. подробнее: *Багатурия Г.* Роланд Даниельс // Маркс и Энгельс и первые пролетарские революционеры. М., 1961).

водства. Сам человек — субъект и продукт общественного, культурно-исторического развития выступал при этом также и в качестве особого природного существа. Тем не менее понимание природы в марксизме, преодолевающее в принципе ее идеалистическую трактовку в философии Гегеля, носило на данной стадии еще слишком общий, а потому достаточно абстрактный характер. Разрабатывая материалистическое понимание истории и тем самым «достраивая», как говорил Ленин, материализм «доверху», философия марксизма еще не дала развернутого критического анализа материализма, развитого классической французской философией XVIII века «снизу», на материале естественных наук. Более того, общее отношение к природе, характерное для марксистской философии, пронизанной идеями историзма и диалектики, объективно находилось в противоречии не только с влиятельными традициями в философском мышлении, но и с современным Марксу и Энгельсу естествознанием, которое воспринимало диалектику как спекулятивное философствование, не имеющее к научным исследованиям никакого отношения. Однако начиная со второй половины XIX века в естествознании стали назревать глубокие изменения теоретического и мировоззренческого порядка, которые поставили вопрос об отношении марксизма к естествознанию в совершенно иной плоскости.

В XIX веке происходило бурное развитие математики и естественных наук. При этом вырабатываемая математикой система абстракций все более приобретает функцию структурного каркаса теоретического мышления естествоиспытателей. Это в первую очередь относится к механике, которая, будучи вооруженной методами математического анализа, превратилась в «мощное фундаментальное орудие исследования» [1]. В учении о теплоте в первой половине XIX века происходит крушение теории флогистона, а затем и ее наследника — невесомого теплорода. Рушится эмиссионная корпускулярная теория в оптике. Крушение теории теплорода сопровождается открытием фундаментального закона сохранения и превращения энергии [2]. Революционные преобразования в различных областях физики, связанные с изгнанием всякого рода «скрытых сущностей» и «невесомых материй», дополняются революционными открытиями в области химии. В этот период бурно развиваются методы химического анализа различных сложных соединений. Возникает потребность в теоретическом обобщении множества фактов и эмпирических зависимостей о составе и строении вещества. Создание атомно-молекулярной теории и учения о закономерностях химических связей атомов (теория валентности) явилось объективной предпосылкой одного из величайших открытий XIX столетия — Периодического закона химических элементов Д. И. Менделеева.

Не менее выдающиеся успехи сопровождали становление и развитие органической химии. Все более и более тонкой становилась грань, отделяющая процессы в неорганической и органической природе. Благодаря трудам Ф. Вёлера, Ю. Либиха, К. Шорлеммера, Н. Н. Зимина и др. закладывалась та естественнонаучная основа, на которой могли быть сделаны принципиальные философские выводы о сущности и происхождении живого.

Мощным научным фактором, положившим начало целостному материалистическому осмыслению живой природы и феномена человека, стало развитие биологических наук. Особенно велика в этом отношении роль разработанной

---

[1] См.: *Дорфман Я. Г.* Всемирная история физики с начала XIX до середины XX в. М., 1979. С. 8.

[2] См. там же. С. 9.

Т. Шванном и М. Шлейденом клеточной теории, а также эволюционного учения Ч. Дарвина, нанесшего сокрушительный удар по идее «творения» и вере в неизменность биологических видов.

Однако на фоне этих грандиозных успехов в естествознании все отчетливее начинают проявляться (особенно в последней четверти XIX века) предкризисные явления. Объективно вырастающая из великих научных открытий XIX века потребность рассматривать материальные явления во всеобщей связи и развитии вступала во все более глубокое противоречие с механистической картиной мира, ее метафизическими по своему существу гносеологическими и методологическими принципами.

Это противоречие в развитии естествознания отчетливо осознавалось основоположниками марксизма. Уже в одном из написанных в 1858 году писем Энгельса к Марксу отмечается, что в естествознании происходит много «чрезвычайно важного с философской точки зрения» [1]. Как видно из текста данного письма и других источников, суть «чрезвычайно важных с философской точки зрения» событий, о которых шла речь, Маркс и Энгельс видели в том, что в ходе своего развития естествоиспытатели стали приходить к результатам, которые не умещались в рамки того образа природы, который до сих пор господствовал в естествознании. Перед последним, как считали они, объективно встала задача выработки принципиально нового — по своему характеру диалектического — мировоззрения, а также совершенно нового для него исторического понимания природы, превратить его в систему наук об историческом развитии материального мира [2].

Возникновение нового воззрения на природу с необходимостью определялось логикой исторического развития естествознания, во многом стихийно, «эмпирически» нащупывавшего к нему путь. Но этот путь мог стать сознательным движением к новому мировоззрению при условии установления живого, творческого союза философии марксизма с естествознанием.

Работа по созданию предпосылок для такого союза была проведена преимущественно Энгельсом. Однако, как свидетельствует, в частности, его обширная переписка с Марксом, вопросы, связанные с ее осуществлением, обсуждались основоположниками марксизма сообща. Работа Энгельса по анализу достижений естествознания и процесса его развития отразила их общую концепцию материалистической диалектики и их общую точку зрения на то, как и в каком направлении следует развивать ее дальше.

---

[1] См.: Энгельс — Марксу, 14 июля 1858 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 29. С. 275.

[2] См.: *Энгельс Ф.* Рецензия на первый том «Капитала» К. Маркса для «Düsseldorfer Zeitung» // Там же. Т. 16. С. 222.

Труд Ф. Энгельса «Диалектика природы». Его задачи и место в истории марксистской мысли

Процесс изучения природы, его этапы, закономерности и результаты рассматриваются Энгельсом в целом ряде произведений, начиная с написанных еще в 40-е годы работ «Набросок к критике политической экономии» и «Положение Англии. Восемнадцатый век». Но особое место среди них принадлежит его работам 70—80-х годов, прежде всего фундаментальному труду «Диалектика природы», в котором Энгельс дал развернутое изложение диалектико-материалистического понимания природы, а также марксистскую точку зрения на основные методологические и мировоззренческие проблемы науки.

Работе Энгельса над «Диалектикой природы» непосредственно предшествовал более ограниченный по масштабу замысел написать полемическое произведение против одного из видных представителей вульгарного материализма — Л. Бюхнера. Потребность в критическом выступлении такого рода была обусловлена влиянием Бюхнера на некоторых видных деятелей немецкого рабочего движения, на просвещение рабочих. Поскольку идейно-теоретические корни вульгарного материализма были связаны прежде всего с упрощенно-метафизическим истолкованием применяемых естественными науками методов исследования и их абсолютизацией, Энгельс предполагал изложить в данном труде свои размышления по поводу современного ему естествознания и его достижений. Этот замысел относится, по-видимому, к началу 1873 года. Однако, работая над его реализацией, Энгельс очень скоро приходит к постановке проблем, далеко выходящих за рамки полемики с вульгарным материализмом и имеющих важное методологическое и мировоззренческое значение безотносительно к критике этого последнего [1].

Дошедшие до нас источники позволяют сделать вывод, что замысел фундаментального философского труда, предметом которого является природа и процесс ее познания, сложился у Энгельса к середине 1873 года. В частности, ряд важных идей, которые имели определяющее значение для концепции будущей «Диалектики природы», были изложены им в письме Марксу от 30 мая этого года. В нем шла речь о предмете естествознания как целого (им, по мысли Энгельса, является движущаяся материя), о соотношении его главных отраслей (физики, химии, биологии), о познании тел и движения. В письме содержится также набросок учения о формах движения материи и их взаимопревращении (подробнее содержание этого учения рассматривается ниже) [2]. Тем же 1873 годом датируется и начало работы Энгельса над рукописью будущего труда.

Создание «Диалектики природы» потребовало от ее автора огромной самоотдачи и предельного напряжения интеллектуальных сил. В ходе работы над будущей книгой он использовал широкий круг источников, основательно изучив произведения крупнейших естествоиспытателей своего времени. И хотя некоторые важные направления научного поиска остались в силу тех или иных причин вне сферы его внимания (Энгельс, в частности, не знал исследований Максвелла по теории электромагнитного поля, а также трудов создателей неевклидовой геометрии), в целом ему удалось встать на уровень современной ему науки.

Собрав довольно значительный материал и обобщив его в ряде теоретических заметок, а также во Введении к будущей книге, Энгельс в 1876 году вынужден надолго прервать эти занятия для того, чтобы сосредоточиться на более настоятельной, неотложной в силу своей политической актуальности задаче подготовки его полемической книги против Дюринга. В 1878 году систематическая работа над «Диалектикой природы» возобновляется. С конца 70-х годов Энгельс приступает к проработке структуры своей книги и написанию для нее целостных статей и глав.

---

[1] MEGA. Abt. 1. Bd. 26. S. 28*—29*, 571—572.

[2] На письме сохранились одобрительные пометки видного химика-органика К. Шорлеммера, разделявшего философские и политические взгляды Маркса и Энгельса.

Однако смерть Маркса, возложившая на него дополнительные заботы по руководству социал-демократическим движением и нелегкий труд по подготовке к печати 2-го и 3-го томов «Капитала», окончательно прервала его работу над «Диалектикой природы». Его собственный фундаментальный труд, обобщающий достижения современного ему естествознания, остался, к сожалению, незаконченным...

Незавершенный текст «Диалектики природы» дошел до нас в виде рукописи, включающей в себя ряд отдельных статей и глав, наброски плана, а также почти 170 отдельных фрагментов. Все эти материалы были объединены автором в четыре тематических блока (связки), озаглавленные «Диалектика и естествознание», «Исследование природы и диалектика», «Диалектика природы», «Математика и естествознание. Разное». Большая часть этих материалов была написана в 1873—1876 и 1878—1882 годах, однако Энгельс впоследствии включил в рукопись также несколько заметок, написанных в 1885—1886 годах и первоначально предназначенных для других его произведений. В составе рукописи имеется одна заметка, написанная Марксом («Левкипп и Демокрит»).

В силу незавершенности рукописи «Диалектика природы», лишь частично систематизированной самим автором, датировка и расположение входящих в нее материалов представляют собой научную проблему, объективно допускающую отличающиеся друг от друга решения. Обычно при публикации эти материалы размещаются либо в хронологической последовательности, либо группируются по проблемно-тематическому принципу. В фундаментальном издании MEGA «Диалектика природы» опубликована одновременно и в том и в другом варианте.

Центральная задача «Диалектики природы» — это анализ процесса вызревания в естествознании предпосылок качественно нового диалектико-материалистического мировоззрения.

Решение ее разворачивается в системе многоплановых исследований, осуществляемых одновременно и на уровне анализа отдельных естественных наук — механики, астрономии, физики, химии, биологии и т. д., и на уровне естествознания в целом, и на уровне собственно философской теории и ее саморефлексии. Благодаря этому теоретическая работа, предпринятая Энгельсом, выступает не только формой **теоретического осмысления** происходящих в науке преобразований ее глубинных, мировоззренческих оснований, но и средством **активного сознательного участия философии марксизма** в ее развитии.

По существу, «Диалектика природы» открывает новое направление исследований — теоретический анализ науки в процессе ее исторического развития. Поэтому само это произведение не может быть отнесено к числу работ по «философии науки» в узком смысле слова. Труд Энгельса имеет широкое общефилософское значение, далеко выходящее за рамки исследования философских проблем естествознания в собственном смысле. Здесь обсуждаются философские основы марксизма — вопрос о предмете и задачах диалектического материализма, его отношении к классической буржуазной философии и вообще к предшествующей философской мысли, о роли марксистской теории в развитии науки и духовной культуры общества вообще. Развивая идеи марксизма в области теории познания, Энгельс закладывает здесь не только основы марксистской концепции истории естествознания, но в связи с этим рассматривает проблему теоретического освоения действительности (материального мира) в целом.

Все эти темы, сюжеты, отдельные проблемы и группы проблем,

охватывающие собой и сферу познания, и человеческую историю, и то, что в философской традиции обычно именуется онтологией, складываются у Энгельса в некоторое единое целое, несводимое к своим составляющим и выступающее в силу этого в качестве нового, высшего по отношению к ним теоретического синтеза. Содержание этого синтеза можно охарактеризовать как набросок **общей теории материалистической диалектики,** которую Энгельс определяет и как науку о связях, и как учение об универсальных законах развития (движения) объектов любой природы.

Характеризуя диалектическое понимание окружающего нас мира, Энгельс отмечает также, что диалектика не знает твердых разграниченных линий между вещами и процессами, она рассматривает действительность как подвижную «текучую», где все моменты устойчивости относительны, а противоположности переходят друг в друга через посредство промежуточных явлений или стадий развития.

Эти не совпадающие друг с другом определения и характеристики, однако, не противоречат друг другу; их разнообразие отражает то обстоятельство, что диалектика может рассматриваться с различных сторон и в разных отношениях, что требует выдвижения на первый план то одних, то других ее аспектов.

Характеристика объективного содержания законов единства и борьбы противоположностей, взаимоперехода количественных изменений в качественные и отрицания отрицания в «Диалектике природы» имеет некоторые особенности по сравнению с близкой ей по содержанию философской частью «Анти-Дюринга». Прежде всего они даны в «Диалектике» на более высоком уровне обобщения; сквозь призму этих законов здесь рассматриваются и осмысляются не только отдельные явления и процессы, но, по существу, весь обширный теоретический и эмпирический материал, накопленный естествознанием к середине XIX века. Законы диалектики выступают при этом не в виде каких-то абстрактных априорных схем, а как обобщенная форма действия конкретных законов материальных явлений. Энгельс ставит своей задачей не просто проиллюстрировать сформулированные им положения разнообразными примерами, а выявить действие законов диалектики в тех или иных явлениях и процессах окружающей нас действительности. В рамках такого подхода законы единства и борьбы противоположностей, взаимоперехода количественных изменений в качественные и отрицания отрицания имеют как бы несколько уровней: наряду с собственно философской их формой они фигурируют в «Диалектике природы» также в виде обобщений, вырабатываемых самим естествознанием. Другой вопрос, что, формулируя эти обобщения, естествоиспытатели обычно не пользуются «диалектической» терминологией, и для того, чтобы установить их соответствие философской форме законов диалектики, требуется особый анализ, в проведении которого Энгельс видит одну из «сквозных» задач своего труда.

Следует отметить, что в идеологическом контексте последней трети XIX века уже сама идея объективной диалектики имела острый полемический смысл. И не только по отношению к почти утратившему былую популярность гегельянству, но и по отношению к одному из самых влиятельных в то время течений — неокантианству, рассматривавшему бытие действительности как бытие в сознании (Г. Риккерт) и разработавшему на этой основе концепцию «этического социализма». Эта концепция, обосновывавшая социалистические идеалы не естественноисторическим развитием, а лишь нравственными принципами и мотивами, была, как известно, взята на вооружение рядом деятелей, пытавшихся утвердить ее в качестве идеологии рабочего движения и подменить ею научный социализм Маркса.

Разработка коренных мировоззренческих и методологических проблем материалистической диалектики на столь широкой, как в «Диалектике природы», научной основе имела важное значение для дальнейшего развития марксистской мысли. «Диалектика природы» стала по существу базисной работой для всех относящихся к 70—90-м годам выступлений Энгельса по вопросам, связанным с обобщением достижений современных ему естественных наук, в том числе и для «Анти-Дюринга». Однако путь ее к читательской аудитории оказался непростым и весьма длительным, вследствие чего многие содержащиеся в ней идеи долгое время оставались неизвестными.

После смерти Энгельса в течение длительного времени рукопись «Диалектики природы» оставалась у Э. Бернштейна без всякого движения. Из ее материалов были опубликованы только две статьи: «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» и статья-памфлет «Естествознание в мире духов». Публикация этих статей в отрыве от других материалов «Диалектики природы», конечно, не могла дать полного представления о характере и значении всего труда.

Впервые в полном виде рукопись «Диалектики природы» была опубликована в 1925 году в Советском Союзе. Это опубликование стало большим событием, стимулировавшим как исследовательскую работу философов-марксистов, так и интерес к идеям диалектического материализма со стороны естествоиспытателей. Знакомство с этим произведением в самый разгар дискуссий 20 — начала 30-х годов о месте философии в марксизме и о характере самой этой философии способствовало уточнению и углублению представлений о функциях марксистского философского учения, о его основных идеях и методе. Оно помогло лучше понять философские труды Ленина и их связь с предшествующей марксистской традицией.

К сожалению, в условиях формирования культа личности, утверждавшего в идеологии дух авторитарного догматизма и схоластики, книга Энгельса была воспринята во многом неадекватно. Вырванные из контекста отдельные высказывания Энгельса, а иногда даже просто пометки на полях выдавались за истину в последней инстанции; то, что говорилось предположительно, в самых общих чертах, принималось за основополагающие указания, гениальность и мудрость которых не подлежала сомнению; то, что говорилось по определенному конкретному поводу, распространялось на все случаи. Такой подход в корне противоречил самому духу «Диалектики природы» как одного из блестящих образцов живой творческой мысли, произведения, призванного вдохновить читателя на самостоятельный активный поиск и критическое отношение к устоявшимся авторитетам и стереотипам. И все же процесс творческого освоения «Диалектики природы» марксистской мыслью шел и в этих неблагоприятных условиях. В полной же мере он стал разворачивать-

ся с середины 50-х годов. Это освоение шло не только по линии **изучения**, но и по линии **продолжения** марксистской традиции анализа науки, начало которой положил Энгельс и которая именно в данный период получила весьма интенсивное развитие в исследованиях и советских и зарубежных ученых.

2. ДИАЛЕКТИКА ПОЗНАНИЯ ПРИРОДЫ

Философия и конкретные науки: марксистское решение проблемы

Утверждение в естествознании нового — диалектического — взгляда на природу не могло быть результатом одного лишь внутринаучного развития отдельных частных научных дисциплин, таких, как физика, химия, биология. Решение этой задачи с необходимостью предполагало борьбу мировоззрений — борьбу, в которой неизбежно должна была принять участие и философия. Осознание этого обстоятельства поставило Энгельса перед необходимостью детально проанализировать характер отношений между философией и частными науками и выработать такую форму их взаимодействия, которая адекватно выражала бы тенденции развития познания и социально-исторической практики.

В сфере познания окружающего человека материального мира вся предшествующая марксизму философия выступала как **натурфилософия**, то есть умозрительное постижение природы. Натурфилософия рассматривала себя в качестве «науки наук». Поэтому, допуская и даже одобряя экспериментальные исследования различных явлений, она рассматривала свои полученные спекулятивным путем выкладки как более высокую по отношению к ним форму знания. Исторически многие конкретные науки зарождались в недрах натурфилософии, а затем отпочковывались от нее в специализированные отрасли знания. Стимулируя поворот человеческого ума от теологии и схоластики к осмыслению объективной реальности материального мира, натурфилософия сыграла прогрессивную роль для своего времени. Но к середине XIX века, когда конкретные науки превратились в развитые системы познания природной действительности, дальнейшее существование традиционной натурфилософии стало явным анахронизмом. Из формы взаимосвязи (точнее, не расчлененного еще единства) философии и естествознания она превратилась в тормоз на пути развития того и другого.

Однако наука первой половины XIX века еще не определила в сколько-нибудь ясной и отчетливой форме свои отношения с натурфилософией. В свою очередь и философия, как материалистическая, так и идеалистическая, не отказалась полностью от претензий на построение универсальной системы знания, выражающей истину в последней инстанции. Между тем каждая новая попытка возрождения натурфилософии, обновления метафизики становилась все более одиозным предприятием, вырождалась в высокопарное пустозвонство, что, в частности, наглядно показал пример Е. Дюринга.

Своеобразный способ решения накопившихся противоречий в отношениях между философией и наукой, в частности естествознанием, предложил в 30-е годы XIX века позитивизм. С точки зрения его основателей, наука должна быть «сама себе философией». Исходя из этого, они выступили с проповедью полного отказа от постановки и решения философских проблем вообще. Однако, критикуя великие натурфилософские системы, позитивизм тем не менее воспринял от них метафизический способ мышления, полагающий вещи вне всеобщей связи, изменения, развития, что плохо соответствовало духу естествознания, вставшего перед необходимостью исторического понимания природы.

Ограничив познание задачей «экономного» описания наблюдаемых явлений, позитивизм стал препятствием на пути теоретизации естествознания. И это тогда, когда процесс обобщения новейших открытий в области астрономии, физики,

химии, биологии и других наук уже привел к созданию фундаментальных теорий, что в свою очередь породило объективную потребность в анализе мировоззренческих предпосылок и методологии естествознания,— потребность, которую позитивизм не был в состоянии хоть в какой-то степени удовлетворить. В итоге противоречие между наукой и философией не только сохранилось, но и продолжало углубляться, что, естественно, весьма отрицательно сказалось на их дальнейшем развитии.

В этой сложной, в известном смысле кризисной ситуации марксизм предлагает принципиально новую модель отношений между философией и конкретными науками, прежде всего естественными. Наиболее глубоко она была обоснована в ходе работы над «Диалектикой природы».

Выработка собственного решения тех или иных проблем была для основоположников марксизма вместе с тем и преодолением, «снятием» концепций, выдвинутых в ходе предшествующего развития теоретической мысли и социальной практики. Поэтому в «Диалектике природы» мы находим детальный анализ как различных точек зрения на роль философии в изучении природы, так и различных типов ее связи с естествознанием.

Уже в самом раннем фрагменте «Диалектики природы» («Бюхнер») Энгельс говорит о существовании двух противоположных подходов к проблеме отношения философии и науки. С одной стороны, спекулятивной натурфилософии, представленной в лучших своих образцах французским материализмом XVIII века и диалектическими идеями Гегеля, с другой стороны, «плоскоматериалистического популяризаторства» Бюхнера, Фогта, Молешотта и др., для которых характерны «брань по адресу философии» и претензии на применение естественнонаучных теорий к обществу [1], то есть, по сути дела, претензии на то, чтобы рассматривать естествознание в качестве универсальной сферы познания.

Первоначальный замысел критики вульгарного материализма по этим вопросам в ходе работы Энгельса постепенно сместился в сторону анализа стихийного материализма естествоиспытателей, иногда сближавшихся с представителями вульгарного материализма в своем редукционистско-механистическом пафосе отрицания «абстрактной метафизики» вообще, иногда же относившихся к философии, так сказать, нейтрально.

В качестве примера разработки мировоззренческих проблем на основе естественнонаучного материализма Энгельс особенно внимательно разбирает воззрения Э. Геккеля, одного из крупнейших ученых XIX века. Во многих местах «Диалектики природы» проводится сопоставление альтернативных позиций Гегеля и Геккеля по одним и тем же вопросам. Этот способ анализа оказывается плодотворным эвристическим приемом: снятие крайностей в их сопоставлении и прямом столкновении стимулировало выработку собственно марксистского понимания этих проблем [2].

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 516.

[2] См. там же. С. 523, 541—542.

Любопытно, что в данном контексте Энгельс совсем не говорит о позитивизме как о направлении, хотя в других случаях его основатели и видные теоретики (в частности, Конт и Спенсер) упоминаются. Однако в ходе анализа мировоззрения естествоиспытателей, в частности их попыток отрешиться от философской проблематики, стать вне ее, он, по существу, подвергает критике и многие элементы позитивистской программы, прежде всего ее пресловутый лозунг «наука сама себе философия».

Само развитие исследований толкает ученых на путь теоретических обобщений, неизбежно перерастающих в обобщения философского характера. Пытаясь «освободиться» от философии на словах, они все равно вынуждены пользоваться ее категориальным аппаратом; тем самым, даже не желая этого, «они все-таки оказываются в подчинении у философии, но, к сожалению, по большей части самой скверной, и те, кто больше всех ругает философию, являются рабами как раз наихудших вульгаризированных остатков наихудших философских учений» [1]. Предотвратить такое «рабство» можно лишь одним путем — путем изучения и освоения лучших образцов философской мысли, прежде всего диалектической. Это, по мнению Энгельса, не только способствует формированию теоретического мышления у естествоиспытателей, но и качественно меняет тот интеллектуальный горизонт, который определяет характер их творческого поиска, расширяя и углубляя его, придавая ему историческое измерение.

Пренебрежительное отношение к философии, отмечал Энгельс, оказывает отрицательное влияние не только на общее мировоззрение ученых и на ряд аспектов их практической деятельности. Их стихийный материализм пасует при столкновении с феноменами, требующими основательного философского анализа и мировоззренческой оценки.

Например, отдельные натуралисты, в конце XIX века столкнувшиеся с необъяснимыми средствами тогдашней науки фактами (гипнозом и т. п.), оказались в плену различных иррационально-религиозных представлений. Это произошло, в частности, с известными английскими учеными — биологом А. Уоллесом и физиком У. Круксом. Направление, которое, «чванясь тем, что оно пользуется только опытом, относится к мышлению с глубочайшим презрением и, действительно, дальше всего ушло по части оскудения мысли» [2],— писал в этой связи Энгельс. Отвергая философию, оно неизбежно впадает в самую крайнюю степень фантазерства, легковерия и суеверия.

Решение методологических и мировоззренческих задач, которые встали перед научным познанием в переломный момент его развития, с точки зрения Энгельса, требует активной работы теории, направленной не просто на отдельные науки и изучаемые ими ограниченные области окружающего нас мира, но и на реконструкцию целостного образа последнего, позволяющую выявить

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 524—525.
[2] Там же. С. 373.

исходные модели и всеобщие принципы научного мышления той или иной эпохи. Ни в рамках стихийно сложившегося мировоззрения естествоиспытателей, которое чаще всего носит теоретически не оформленный характер, ни в рамках плоской философии вульгарных материалистов и позитивистов такую работу проделать невозможно. Остаются теоретические построения натурфилософии, особенно ее последние, наиболее развитые системы. Не удивительно, что Энгельс в этой связи постоянно обращается к той грандиозной попытке воссоздания целостного образа природы, которая была предпринята Гегелем.

Еще в конце 50-х годов Энгельс пишет Марксу о своем намерении вновь перечитать Гегеля, с тем чтобы посмотреть, «не предвидел ли старик» что-либо из того, что происходит ныне в естествознании. «Не подлежит сомнению,— добавляет он,— что если бы ему пришлось писать «Философию природы» *теперь*, то доказательства (диалектического характера природы.— *Ред.*) слетались бы к нему со всех сторон. Впрочем, об успехах, достигнутых в естествознании за последние тридцать лет (т. е. примерно с 1830 года, когда вышло последнее прижизненное издание «Философии природы» Гегеля.— *Ред.*), никто не имеет никакого понятия» [1].

В «Диалектике природы» отмечается огромная теоретическая заслуга гегелевской философии в разработке диалектического метода мышления. С точки зрения Энгельса, этот метод представляет большой интерес для естествознания, разрабатывающего историческое понимание природы и ищущего адекватных этой задаче форм теоретического мышления. Но, как постоянно указывает он в своих философских работах, использование гегелевской диалектики предполагает самую решительную критику ее **идеалистической формы,** переосмысление гегелевского метода на основе философского материализма. Исторически эта задача уже была решена в рамках выработанного Марксом и Энгельсом материалистического понимания истории. Теперь ее предстояло решить на материале естествознания.

С одной стороны, отмечает Энгельс, «именно диалектика является для современного естествознания наиболее важной формой мышления, ибо только она представляет аналог и тем самым метод объяснения для происходящих в природе процессов развития, для всеобщих связей природы, для переходов от одной области исследования к другой» [2]. С другой стороны, «возврат к диалектике (Энгельс пишет о «возврате», имея в виду, что исторически первоначальной формой воззрения на природу была диалектика древнегреческих философов.— *Ред.*) совершается бессознательно, поэтому противоречиво и медленно» [3]. И хотя

---

[1] Энгельс — Марксу, 14 июля 1858 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 29. С. 275.
[2] Там же. Т. 20. С. 367.
[3] Там же. С. 343.

фактически уже во многих областях науки естествознание приступило к раскрытию и анализу объективной диалектики природы, субъективно оно еще во многом находится во власти старого миропонимания, старых установок и стереотипов мышления.

«...Традиция,— отмечает в этой связи Энгельс,— является могучей силой не только в католической церкви, но и в естествознании» [1]. Марксистская философия, выступающая наиболее развитой в теоретическом отношении формой философского осознания рождающихся в естествознании (как и в социальной науке) новой методологии и мировоззрения, должна помочь ученым преодолеть консерватизм и догматизм сложившихся взглядов. Ее программа — соединение естествознания с рационально истолкованной, демистифицированной диалектикой. Однако реализация этой программы, подчеркивает Энгельс, не может осуществляться на основе того типа отношений между философией и естествознанием, который был характерен для натурфилософской традиции. Речь должна идти не о том, чтобы спекулятивное мышление диктовало естествоиспытателям свои законы, а о **диалоге** между философией и естествознанием как равноправными партнерами. При этом каждая из сторон реализует в общем деле развития познания свои специфические функции. Частные науки полностью берут на себя исследование различных фрагментов действительности (скажем, биология — исследование жизни, химия — изучение взаимных превращений веществ, сопровождающихся изменением их атомно-молекулярного состава, и т. п.). Со своей стороны, философия компенсирует неизбежную мировоззренческую узость, порождаемую специализацией. По отношению к любой частной научной дисциплине она выступает представителем исторического опыта познания, взятого в его целостности, во всем объеме его содержательного развития. Будучи высшей формой теоретической рефлексии научного мышления, формой его самосознания, философия не ограничена рамками какой-либо отдельной положительной науки, а анализирует научное познание в его всеобщих закономерностях.

В контексте такого понимания взаимоотношений философии и естествознания Энгельс коренным образом переосмысливает гегелевскую концепцию статуса диалектики в системе человеческого познания. Постижение диалектики природы, как и диалектики общественного развития, перестает быть делом одной философии, как это было у Гегеля, и становится общим делом всех отраслей знания вместе и каждой в отдельности. Тем самым диалектика выступает у Энгельса уже не в качестве обособленной сугубо философской теории, а в качестве особой дисциплины, содержание которой задается как бы «вертикальным срезом» всей развивающейся системы знания в целом.

Рассматривая проблему взаимосвязи философии и конкретных

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 352.

наук в исторической перспективе, Энгельс выдвигает предположение о дальнейшем перераспределении функций и сфер компетенции между ними: диалектика, по мысли Энгельса, будет «рассредоточена» по всему естествознанию и исторической науке и в этом смысле прекратит свое автономное, самостоятельное существование [1], в результате чего специализированное философское познание ограничится чистым учением о мышлении. Эта идея, высказанная в «Диалектике природы» еще в 1874 году, в дальнейшем в различных вариантах повторяется и в других его работах.

Данный тезис является дискуссионным и может быть по-разному истолкован. Тем не менее он никоим образом не является позитивистским, на чем склонны настаивать некоторые авторы. В отличие от позитивистов, стремившихся отсечь науку от философской традиции и видевших в философии лишь совокупность «псевдопроблем», Энгельс нацеливал ученых на освоение результатов многовековой работы философской мысли. И если Энгельс действительно считал, что философии как особой форме интеллектуальной деятельности суждено передать значительную часть своих функций конкретным отраслям знания, то он делал это отнюдь не из убеждения в ее бессмысленности, а потому, что, с его точки зрения, естествознание и исторические науки по мере возрастания уровня их теоретичности сами все более и более становились «философскими» по составу проблем и характеру своего мышления.

Марксистская концепция истории естествознания

Философский анализ естествознания в «Диалектике природы» заключается в «*диалектической* обработке истории человеческой мысли, науки и техники» [2]. В ходе данного анализа было показано, что прогресс в познании окружающего нас мира вовсе не сводится к монотонному накоплению эмпирической информации, а представляет собой чередование периодов чисто количественного роста знания с эпохами глубоких качественных сдвигов в теоретическом мышлении и в самом характере познавательной деятельности. При этом вопрос о реализации всеобщей диалектической модели развития в рамках некоторой специфической области (в данном случае в познании) ставится и решается не просто из общих (а потому неизбежно абстрактных) соображений, а конкретно прорабатывается в самом материале истории изучения природы, в которой Энгельс выделяет ряд сменяющих друг друга фаз и этапов развития.

Наиболее глубокая грань в истории изучения природы пролегает, по Энгельсу, между **донаучным** и **научным** подходами к ее постижению. О качественном различии между ними он писал еще

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 525.

[2] См.: *Ленин В. И.* Философские тетради // Полн. собр. соч. Т. 29. С. 131.

в статье «Положение Англии. Восемнадцатый век» (1844). Сохраняя в принципе такую постановку вопроса и в 70-е годы, Энгельс, однако, уточняет свои представления о хронологической привязке этой грани. Если в ранний период своей деятельности он считал, что познание природы получило свою научную форму лишь в XVIII веке, вследствие чего оно сомкнулось, с одной стороны, с философией, а с другой — с практикой, то теперь, изучив исторический материал более детально и основательно, он относит это событие к значительно более раннему времени. «Современное исследование природы,— пишет он,— единственное, которое привело к научному, систематическому, всестороннему развитию, в противоположность гениальным натурфилософским догадкам древних и весьма важным, но лишь спорадическим и по большей части безрезультатно исчезнувшим открытиям арабов... ведет свое летосчисление с той великой эпохи, которую мы, немцы, называем, по приключившемуся с нами тогда национальному несчастью, Реформацией, французы — Ренессансом, а итальянцы — Чинквеченто... Это — эпоха, начинающаяся со второй половины XV века» [1].

Развивая и конкретизируя марксистское учение о социально-исторической природе познания, акцентирующее внимание на определяющей роли общественной практики в этом процессе, Энгельс объясняет этот принципиальный сдвиг в подходе к изучению природы глубинными процессами общественного развития, связанными с генезисом капитализма. Это переход от ремесла к мануфактурному производству, усиление городов и опирающейся на них королевской власти, сокрушившей мощь феодального дворянства, гигантски расширившие человеческий кругозор великие географические открытия и т. д. Исследование природы, писал Энгельс, совершалось тогда в обстановке всеобщей революции и само было насквозь революционно [2], как в силу того, что, утверждая идеал свободного поиска истины, оно вступило в противоборство с господствовавшим в то время авторитарным мировоззрением религии, так и потому, что оно решительно двинуло вперед производительные силы общества.

В процессе развития естествознания, уже принявшего научную форму, Энгельс, в свою очередь, выделяет ряд специфических качественных состояний и ступеней теоретической зрелости.

Историю научного естествознания Энгельс начинает с периода его становления — эпохи Дж. Бруно, Н. Коперника, М. Сервета, Леонардо да Винчи, который «был не только великим живописцем, но и великим математиком, механиком и инженером» [3]. Для нее характерен пересмотр средневековых представлений о мироздании

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 345.
[2] См. там же. С. 347.
[3] См. там же. С. 346.

(алхимия, солнечная система Птолемея и др.), освобождение от «духовной диктатуры церкви» и утверждение приоритета экспериментальных методов исследования природы. Этот период охватывал около ста лет, от второй половины XV века (в одном месте «Диалектики природы» Энгельс указывает даже год — 1453-й — падение Константинополя как символ крушения средневековья и начало Нового времени) до середины XVI.

«Декларацией независимости» естествознания от теологии Энгельс называет работу Н. Коперника «Об обращении небесных сфер», вышедшую в 1543 году. До этого времени наука была смиренной служанкой церкви и ей не позволено было выходить за рамки, установленные верой. Теперь же наука утверждает свою самостоятельность, а ее развитие идет все более усиливающимися темпами.

С работ Коперника, по Энгельсу, начинается «первый период нового естествознания», который заканчивается в области неорганического мира И. Ньютоном (вторая половина XVII века), а в области органического — К. Линнеем (середина XVIII столетия). Это, пишет Энгельс, период овладения наличным материалом, когда первое место в познании природы неизбежно должно было занять «элементарнейшее естествознание — механика земных и небесных тел, а наряду с ней, на службе у нее, открытие и усовершенствование математических методов» [1].

Именно здесь, в области математики, механики и астрономии, статики и динамики, этот период дал великие достижения, особенно благодаря работам Кеплера, Галилея, Ньютона, в трудах которых получила свою относительно завершенную форму классическая механика. Были разработаны важнейшие математические методы — аналитическая геометрия (Декарт), исчисление логарифмов (Непер), начала математического анализа (Лейбниц, Ньютон). Но в области органических явлений в этот период исследования еще не вышли за пределы самых первых, первоначальных ступеней знания. «Еще не было исследования исторически следующих друг за другом и вытесняющих друг друга форм жизни, точно так же как и исследования соответствующих им сменяющихся условий жизни — палеонтологии и геологии. Природа вообще не представлялась тогда чем-то исторически развивающимся, имеющим свою историю во времени. Внимание обращалось только на протяжение в пространстве; различные формы группировались исследователями не одна за другой, а лишь одна подле другой; естественная история была одинакова для всех времен, точно так же, как и эллиптические орбиты планет. Для всякого более основательного изучения форм органической жизни недоставало обеих первооснов — химии и науки о главной органической структурной форме, клетке. Революционное на первых порах естествознание

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 348.

оказалось перед насквозь консервативной природой, в которой и теперь все было таким же, как в начале мира, и в которой все должно было оставаться до скончания мира таким же, каким оно было в начале его» [1].

Рассматривая мир как застывший и неизменный, естествознание XVII—XVIII веков не могло ответить на целый ряд им же самим поставленных вопросов. Каков источник сил, движущих планеты по их орбитам? Как возникли бесчисленные виды растений и животных? Как возник, наконец, сам человек, относительно которого было все же твердо установлено, что он существует не испокон веков? Будучи не в состоянии объяснить эти явления из самой природы, как она понималась в то время, естествоиспытатели вынуждены были объявлять ответственным за все это «творца всех вещей». В результате наука, которая в начале данного периода своей истории «дает отставку теологии»; постепенно вновь увязает в ней и призывает себе на помощь телеологическое истолкование действительности [2].

Другим принципиально важным моментом, обусловившим слабость науки на первых этапах ее развития, Энгельс считал то, что познание природы она по необходимости начала с рассмотрения вещей, взятых изолированно друг от друга. Тем самым взаимосвязь и взаимопереходы явлений оказались для нее недоступными. Такой способ познания возводил во всеобщий принцип мышления абстрактное тождество (А=А, одинаковое порождает одинаковое [3] и т. п.), в рамках которого качественное изменение объектов не схватывалось.

Мировоззренческим обобщением этой стадии развития науки и была, по Энгельсу, классическая натурфилософия с ее спекулятивно-метафизическим методом. И все же именно философия была той областью культуры, которая, благодаря неустранимому интересу к своему прошлому, сберегла для человечества идею иного — диалектического подхода к познанию окружающей действительности. Ее внимание к наследию греческих мыслителей, для которых было характерно стихийно-диалектическое восприятие мироздания, стало в этом отношении великой школой мысли. Огромной заслугой тогдашней философии Энгельс считал и то, что, «несмотря на ограниченность современных ей естественнонаучных знаний, она не сбилась с толку, что она, начиная от Спинозы и кончая великими французскими материалистами, настойчиво пыталась объяснить мир из него самого, предоставив детальное оправдание этого естествознанию будущего» [4].

Не случайно, отмечает Энгельс, первый удар по окаменелому метафизическому воззрению на природу был нанесен не естест-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 509.
[2] См. там же. С. 350.
[3] См. там же. С. 349, 529—530.
[4] Там же. С. 350.

воиспытателем, а именно философом. В 1755 году, пишет он, появилась «Всеобщая естественная история и теория неба» Канта. «Вопрос о первом толчке был устранен; Земля и вся солнечная система предстали как нечто *ставшее* во времени... В открытии Канта заключалась отправная точка всего дальнейшего движения вперед. Если Земля была чем-то ставшим, то чем-то ставшим должны были быть также ее теперешнее геологическое, географическое, климатическое состояние, ее растения и животные, и она должна была иметь историю не только в пространстве — в форме расположения одного подле другого, но и во времени — в форме последовательности одного после другого. Если бы стали немедленно и решительно продолжать исследование в этом направлении, то естествознание продвинулось бы к настоящему моменту значительно дальше нынешнего его состояния» [1].

Однако, хотя то обстоятельство, что работа Канта не произвела непосредственного воздействия на естествознание, замедлило осознание им ограниченности статичного понимания Вселенной, движение в этом направлении стало постепенно вызревать и в недрах самой науки.

В одном из фрагментов «Диалектики природы», являющемся наброском программы дальнейших исследований, Энгельс называет несколько крупнейших брешей, исторически образовавшихся в метафизическом образе природы в течение XVIII—XIX веков: «Первая брешь — Кант и Лаплас. Вторая — геология и палеонтология (Лайель, медленное развитие). Третья — органическая химия, изготовляющая органические тела и показывающая применимость химических законов к живым телам. Четвертая — 1842 год, механическая [теория] теплоты, Гров. Пятая — Дарвин, Ламарк, клетка и т. д. (борьба, Кювье и Агассис). Шестая — *элементы сравнительного метода* в анатомии, в климатологии (изотермы), в географии животных и растений (научные экспедиции и путешествия с середины XVIII века), вообще в физической географии (Гумбольдт); приведение в связь материала. Морфология (эмбриология, Бэр)» [2].

Все эти события, проанализированные в «Диалектике природы», с различной степенью полноты объективно вели науку к осознанию взаимосвязи различных явлений и процессов, к утверждению идеи развития в естествознании в качестве центрального организующего принципа. «...В естествознании,— заключает Энгельс,— благодаря его собственному развитию, метафизическая концепция стала невозможной» [3]. Содержание науки и сам характер ее отношения к действительности в результате этого коренным образом перестраиваются, знаменуя тем самым следующую фазу (этап) ее истории.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 351.
[2] Там же. С. 510.
[3] Там же. С. 343.

Конечно, эта картина развития науки принадлежит своему времени, несет на себе его неизгладимую печать. Но тем не менее ее и сегодня можно признать в основном верной. По существу, в «Диалектике природы» так или иначе выявлены и сведены воедино основные ключевые аспекты процесса изменения научного знания — как социальные, так и гносеологические. Разумеется, сегодня нам не составляет труда увидеть в ней недостающие детали. Так, например, в ней нет характеристики внутринаучных коммуникаций и анализа их роли в выработке регулятивных познавательных установок и ориентаций, поскольку у Энгельса еще практически отсутствует понятие научного сообщества.

Многие идеи Энгельса, и прежде всего основополагающая для его концепции идея концептуальных перестроек всей системы знания, вплоть до исходных принципов научного мышления, которые он, по-видимому, первым определил как **научные революции** [1], продолжают активно работать в современных исследованиях, причем не только марксистских.

В частности, понятие научной революции, рассматриваемой как смена «парадигм» теоретического знания, активно применяется и разрабатывается такими известными представителями современного науковедения, как Т. Кун, Дж. Агасси, С. Тулмин и др. Однако, как справедливо отмечается в работе английской исследовательницы Х. Шиен, Энгельс, в отличие от вышеназванных авторов и вообще большинства немарксистских школ истории и методологии науки, «постигал историю науки в более широком контексте всей истории природы и человеческого общества» [2].

Следует отметить, что в XX веке понятие научной революции стало неотъемлемым элементом сознания и самих ученых, воздействуя тем самым на ту духовную атмосферу, в которой осуществляется научная деятельность. Можно поэтому без всякого преувеличения утверждать, что данное понятие вошло в общенаучную и общефилософскую культуру.

Уровни знания и способы его получения. Анализ логических форм мышления

Подвергнув всестороннему диалектическому анализу исторический путь науки в контексте духовно-практического освоения человеком окружающей его действительности, Энгельс внес большой вклад в разработку ряда принципиальных вопросов теории познания.

Познание (действительное, исчерпывающее познание) состоит, по Энгельсу, в том, что мы в мысли «поднимаем единичное из единичности в особенность, а из этой последней во всеобщность» [3], формой выражения которой являются законы природы и исторического развития. Иными словами, сущность познания он связывает с обобщением. «Но форма всеобщности есть форма внутренней завершенности и тем самым бесконечности» [4], поэтому

[1] Сам этот термин введен в «Анти-Дюринге» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 13), но содержательно он восходит к текстам «Диалектики природы».
[2] *Sheehan H.* Marxism and the Philosophy of Science. L., 1985. P. 46.
[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 548.
[4] Там же. С. 548.

познание есть вместе с тем установление бесконечного в конечном, вечного в преходящем. Мы **знаем** нечто в том, и только в том случае, если при соответствующих условиях это нечто (скажем, соединение водорода с хлором в молекулу хлористого водорода, кипение жидкости или плавление твердого тела) происходит всегда и повсюду. Поэтому всякая истина неизбежно несет в себе некоторое абсолютное содержание. Однако бесконечное (в смысле всеобщего, абсолютного) в познании диалектически связано с конечным (=относительным, приблизительным, преходящим). Это объясняется тем, что бесконечность абсолютно познающего мышления слагается из усилий, поисков, умозаключений конечных по существу своему познающих субъектов, которые работают над этим бесконечным познанием друг возле друга и в ряду сменяющих друг друга поколений, каждое из которых вносит свой, по необходимости ограниченный, вклад в общий процесс постижения природы, социальной действительности и самого человека. Поэтому, пишет Энгельс, «познание бесконечного... может, по самой своей природе, совершаться только в виде некоторого бесконечного асимптотического прогресса» [1]. В этом смысле постижение его диалектически противоречиво: бесконечное столь же познаваемо (в общей, не ограниченной во времени тенденции), сколь и непознаваемо (в смысле невозможности исчерпать, завершить его познание ни к какому актуально данному моменту времени).

Конкретизируя эту точку зрения, Энгельс детально анализирует в «Диалектике природы» специфику познавательного процесса в науке. Формой всеобщности, устанавливаемой научным познанием, он считал законы природы и социально-исторического развития. При этом он признавал задачей науки не только анализ необходимости, но и исследование случайного. В этой связи он выступил против ведущего к абсолютному фатализму лапласовского детерминизма и распространенного в то время среди естествоиспытателей заблуждения, будто закономерно только необходимое. Тем самым Энгельс отчасти предвосхитил систематически разработанную и обоснованную уже наукой XX века концепцию статистических и динамических закономерностей.

В ходе разработки проблем познания особое внимание Энгельса привлекают проблемы, связанные со взаимодействием эмпирического и теоретического уровней научного знания, закономерности и механизмы движения познающего разума от наблюдения и эксперимента к объяснению и обобщению.

Весьма важными и актуальными и для современной науки в этой связи представляются мысли Энгельса о диалектике чувственного и рационального в познании. Он подчеркивает, что мышление вырабатывает абстракции, позволяющие человеку глубже и адекватнее познавать мир, выделяя его существенные, глубинные свойства и связи. Вместе с тем разум осуществляет соот-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 549.

несение показаний органов чувств и их взаимную корректировку. Поэтому, по Энгельсу, именно рациональное познание непосредственно осуществляет функцию прорыва разума в бесконечное, то есть в сферу всеобщих законов, которые и составляют главную цель познания вообще [1]. Нет, с точки зрения Энгельса, ничего более бесплодного, чем пытаться во всех случаях найти чувственный коррелят абстрактным понятиям.

Разрабатывая обширный круг проблем, связанных с диалектикой эмпирического и теоретического в научном познании, Энгельс решительно выступил против набиравшего силу эмпиризма и особенно такой распространенной в то время его формы, как «всеиндуктивизм» — односторонне индуктивистская модель познания (Дж. С. Милль, У. Уэвелл, Г. Гексли и др.). Глубокий анализ методологии реального научного познания позволил Энгельсу выявить пределы возможностей индуктивного метода, который в то время многими учеными рассматривался в качестве универсального средства научных открытий, выступая чуть ли не синонимом естественных наук, как таковых. Энгельс указывал, что с помощью одной лишь индукции невозможно реализовать процесс построения новых теорий и получения нового знания вообще, ибо последнее должно не только упорядочивать уже известные факты, но и предсказывать новые, а потому должно заключать в себе некоторое дополнительное, несводимое к своему исходному эмпирическому базису содержание.

Фундаментальную роль в динамике развития научного знания Энгельс отводил гипотезе. «Формой развития естествознания, поскольку оно мыслит,— подчеркивал он,— является *гипотеза*» [2]. Наблюдение, эксперимент открывают новые факты, которые зачастую оказывается невозможным объяснить, оставаясь на почве старых теоретических представлений. С этого момента возникает потребность в новых способах объяснения, в новых теоретических концепциях, поиск которых предполагает выдвижение различных гипотез, некоторые из которых в дальнейшем оказываются ошибочными, а некоторые — подлежащими дальнейшему уточнению в свете вновь полученных опытных данных.

Рассматривая процесс развития знания, Энгельс глубоко раскрыл его диалектическую противоречивость, показал исторически относительный, изменчивый характер господствующих теоретических представлений, казавшихся многим его современникам вечными априорными истинами. В то же время сменяемость научных гипотез, отмечал Энгельс, подчас вызывает у ученых сомнение в том, что они в состоянии познать истинные законы природы. Для них всякий закон природы есть не более чем гипотеза. Однако такого рода скептицизм ведет в конечном счете к отрицанию возможности прогресса научного познания в целом и тем самым —

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 548.
[2] Там же. С. 555.

к отрицанию рационального смысла науки, как таковой. Единственный рациональный смысл, который может иметь скептицизм в отношении выводов науки, состоит, по Энгельсу, в том, что познание ограничено исторически, «мы можем познавать только при данных нашей эпохой условиях и лишь настолько, *насколько эти условия позволяют*» [1].

Выступая против популярного среди ученых сугубо эмпиристского представления о процессах получения нового знания, Энгельс специально анализировал некоторые важные операции абстрактного мышления, показывал их содержательность, эффективность и эвристическую ценность.

Большой интерес представляет, в частности, исследование Энгельсом приема мысленного конструирования идеализированных объектов и его функций в познании,— приема, который играет первостепенную роль в науке наших дней. Этот прием был уже известен Энгельсу из экономических работ Маркса. В «Диалектике природы» он осмысляется, по сути дела, как общенаучный метод моделирования исследуемых явлений. Его функции раскрываются Энгельсом в основном на материале геометрии и теоретической термодинамики. В качестве классического примера его применения Энгельс рассматривал, в частности, работы С. Карно. В одной из своих заметок Энгельс отметил, что С. Карно «изучил паровую машину, проанализировал ее, нашел, что в ней основной процесс не выступает *в чистом виде,* а заслонен всякого рода побочными процессами, устранил эти безразличные для главного процесса побочные обстоятельства и сконструировал идеальную паровую машину (или газовую машину), которую, правда, так же нельзя осуществить, как нельзя, например, осуществить геометрическую линию или геометрическую плоскость...» [2]. Смысл указанной познавательной операции, с точки зрения Энгельса, состоит в том, что она «оказывает, по-своему, такие же услуги, как эти математические абстракции: она представляет рассматриваемый процесс в чистом, независимом, неискаженном виде» [3].

Работы С. Карно рассматриваются в «Диалектике природы» как важное свидетельство самостоятельного значения дедукции, непродуктивности попыток представить ее «второстепенным» методом, не вносящим в содержание знания ничего принципиально нового по сравнению с индукцией. Термодинамика, с точки зрения Энгельса, дает здесь «убедительный пример того, насколько мало обоснована претензия индукции быть единственной или хотя бы преобладающей формой научных открытий» [4]. Одно лишь накопление эмпирического материала далеко не всегда расширяет наше знание. Так, 100 000 паровых машин не в большей мере дока-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 556.
[2] Там же. С. 543—544.
[3] Там же. С. 544.
[4] См. там же. С. 543.

зывают возможность превращения тепловой энергии в механическую, чем одна машина. Рост числа однородных фактов стимулирует поиск их теоретического объяснения, разработка которого связана уже с применением дедукции. Карно, отмечает в этой связи Энгельс, первый взялся за объяснение эмпирически найденных закономерностей термодинамики, которые лежат в основе действия паровой машины, «но не путем индукции» [1].

Индукция и дедукция рассматриваются в «Диалектике природы» не просто как взаимосвязанные и взаимодополнительные, но как взаимнопереходящие или даже «перетекающие» друг в друга формы познавательной деятельности. Их резкое противопоставление, стремление полностью развести, «поляризовать» индукцию и дедукцию Энгельс называл бессмыслицей, указывая, что научная дедукция несет в себе реальное эмпирическое содержание, тогда как индуктивный вывод, будучи **умозаключением,** содержит в себе с необходимостью и дедуктивный аспект.

С позиций материалистической диалектики Энгельс подверг убедительной критике попытки абсолютизации отдельных методов и приемов познания, показывая их неадекватность практике научного исследования, необходимость гибкого их сочетания, подтверждая взаимосвязь и взаимозависимость методов исследования и форм мышления примерами из истории науки, в частности историей открытия в 1842 году Ю. Майером, Дж. Джоулем и Л. Кольдингом механического эквивалента теплоты.

Надо сказать, что проблема соотношения эмпирического и теоретического в научном познании и связанный с ней комплекс вопросов остаются весьма актуальными и сегодня. С этой точки зрения пионерские исследования Энгельса представляют не только чисто исторический интерес как первый опыт постановки и разработки указанной проблемы с марксистских позиций. Выдвинутая Энгельсом идея диалектической связи эмпирических и теоретических методов познания сегодня не только не утратила силы, но, пожалуй, получила в практике современной науки даже более основательное подтверждение, чем то, которое могла дать наука XIX века.

Вместе с тем, используя выводы Энгельса и опираясь на них, следует принять во внимание то обстоятельство, что термины «эмпирическое» и «теоретическое» не всегда имеют у него тот же смысл, который они получили в современных работах по теории познания и методологии науки. Наряду с привычным для нас значением слова «теоретическое» (особый уровень научного обобщения, содержанием которого является как постижение наиболее глубоких закономерностей и качеств действительности, так и развитие концептуальных структур самой науки) [2], оно иногда упот-

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 543.
[2] См. там же. С. 366.

ребляется Энгельсом также как равнозначное понятию «философское» [1].

Можно указать и такие контексты, где переход от эмпирического к теоретическому, по существу, приравнивается к переходу от метафизического способа мышления к диалектическому [2].

В «Диалектике природы» различные смысловые оттенки терминов «теоретическое» и «эмпирическое» специально не оговорены и иногда совмещаются. Тем не менее можно проследить тенденцию к их стабилизации и закреплению за ними того значения, которое мы назвали первым. Именно в этом значении дихотомия эмпирического и теоретического понимается в последних работах Энгельса, в которых говорится о естествознании и естествоиспытателях, в частности в некрологе «Карл Шорлеммер» (1892), где теоретический уровень науки (конкретно речь идет о теоретической химии, которой занимался Шорлеммер) определяется как анализ ее основных законов и ее связей с другими науками [3].

Отличительной особенностью теоретической науки Энгельс считал то, что ее содержание создается деятельностью мышления и представляет собой систему абстракций высокого уровня общности. Теоретическое познание уже не выражает собой непосредственную чувственную достоверность, а потому всякие попытки экстраполяции в эту область эмпирических методов исследования являются несостоятельными. Обращая внимание на это обстоятельство, Энгельс вместе с тем решительно подчеркивал, что содержание теоретической науки есть именно знание, и критиковал позиции тех представителей радикального эмпиризма, которые отрицали это. Ошибка эмпириков, отмечается в «Диалектике природы», состоит в том, что они сводят познание к чувственно фиксируемым операциям (например, к измерению) и когда они сталкиваются с абстрактными понятиями, то применяют к ним те же критерии, что и к данным прямого наблюдения. Эмпирик, иронизирует Энгельс, желал бы «видеть время и обонять пространство» [4]. Он «до того втягивается в привычное ему эмпирическое познание, что воображает себя все еще находящимся в области чувственного познания даже тогда, когда он оперирует абстракциями» [5].

Однако критика эмпиризма у Энгельса не означает отхода от идеи опытного происхождения знания. Абстракции, с его точки зрения, именно потому и являются знанием, что в специфической форме отображают действительные отношения материальных вещей. Эта мысль в «Диалектике природы» неоднократно иллюстрируется анализом происхождения философских и обще-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 368.
[2] См. там же. С. 511.
[3] См. там же. Т. 22. С. 323.
[4] См. там же. Т. 20. С. 550.
[5] См. там же.

научных категорий (материя, пространство, время, критика и т. д.), а также понятий математики. Скажем, математическое понятие бесконечно малого отражает ту действительную ситуацию, когда размерами и (или) массой данного тела можно пренебречь, поскольку ее отношение к массе (размерам) других рассматриваемых объектов очень невелико (земная масса и диаметр Земли по отношению к межзвездным расстояниям и т. п.). Природа, подчеркивал Энгельс, дает нам прообразы [1] для всех воображаемых величин и объектов, которыми оперирует абстрактная теория.

Гносеологический анализ теоретического мышления органически переходит в «Диалектике природы» в анализ его логической структуры. Связь этих двух аспектов его анализа Энгельс видит в том, что в обоих случаях главная задача исследования состоит в выявлении условий и предпосылок совпадения мышления с действительностью, которое в оперирующей абстракциями теоретической науке не может удостоверяться непосредственной очевидностью и представляет собой достаточно серьезную и сложную **проблему.** Но теория познания исследует эту проблему с точки зрения **содержания** мышления, логика — со стороны его **формы.**

Развивая и конкретизируя эту мысль, Энгельс критически рассматривает различные точки зрения на роль формальной структуры мышления в познании или — это, вероятно, точнее — разные уровни ее понимания.

Один из них представлен традиционной **формальной** логикой, которая адекватна задаче изучения деятельности мышления в рамках некоторой данной системы знания. Исследование же мыслительных форм в развитии, обусловленном обогащением и углублением содержания науки, составляет, по Энгельсу, предмет **диалектической** логики, которая представляет собой не что иное, как диалектику, примененную в качестве средства анализа такого специфического объекта, как теоретическое мышление. Выступая в функции логики, диалектика, по Энгельсу, не берет категорий, в которых выражаются результаты нашего познания, просто в качестве данного, а «имеет своей предпосылкой исследование природы самих понятий» [2].

В разработке проблем диалектической логики Энгельс во многом опирается на Гегеля. Он, в частности, высоко оценивает своего великого предшественника за то, что, в противоположность старой, чисто формальной логике, различные фигуры умозаключения у него не просто сополагаются, но приведены в отношения субординации, что давало возможность выводить их друг из друга. Вместе с тем, отмечает Энгельс, то, что у Гегеля является развитием логических форм, как таковых, на самом деле составляет

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 582.
[2] См. там же. С. 537—538.

не движение «чистого мышления», а развитие наших, покоящихся на **эмпирической** основе теоретических знаний об окружающей нас действительности.

С этих позиций Энгельс подвергает всестороннему анализу систему всеобщих категорий теоретического мышления, в том числе такие основополагающие его понятия, как причина и следствие, необходимость и случайность, сущность и явление и ряд других. В ходе этого анализа он подвергает критике метафизическое понимание этих категорий как взаимно исключающих друг друга, показывая на конкретных примерах из истории науки относительный характер их противоположности, возможность взаимопереходов между ними.

Так, например, жесткое противопоставление причины следствию возникает, по Энгельсу, в том случае, когда мы рассматриваем отношения двух или нескольких объектов, абстрагируясь от того, что образуемая ими локальная система включена во всеобщую материальную связь природы. Вне рамок такой абстракции однозначная характеристика одного (нескольких) из событий внутри данной системы только как причины, а другого (других) только как ее результата, строго говоря, является уже неправомерной.

Если систематизировать всю совокупность вопросов содержательной логики мышления, рассматриваемых Энгельсом в «Диалектике природы» и примыкающих к ней его работах, то нетрудно увидеть в них целостный, глубоко продуманный замысел критической переработки гегелевской «Логики». В этом отношении данные произведения представляют собой попытку реализовать неосуществленный план Маркса написать специальную работу, посвященную теоретической критике гегелевской диалектики.

Диалектико-материалистическое истолкование математики

В ходе разработки методологических проблем научного познания в сферу научных изысканий Маркса и Энгельса вошли вопросы математики. Исследуя эти вопросы, основоположники марксизма стремились понять функции математических абстракций в процессе постижения окружающей человека действительности.

Интерес к математике проявляется в исследовательской работе Маркса и Энгельса начиная по крайней мере с конца 50-х годов. Потребность в ее изучении шла тогда прежде всего от экономических исследований Маркса и вначале имела преимущественно прикладной характер: в «Критике политической экономии» и особенно «Капитале» качественный анализ экономических явлений достиг уже такой стадии прояснения их сущности, который позволял говорить о возможности и целесообразности дополнить их его количественным анализом [1].

---

[1] См.: История марксистской диалектики. От возникновения марксизма до ленинского этапа. М., 1971. С. 147—185.

С конца 60 — начала 70-х годов интерес основоположников марксизма к математике приобретает философский характер. Предметом их размышлений становится теперь само математическое знание как таковое. Анализируя природу математического знания, Маркс и Энгельс стремятся прежде всего объяснить, почему чрезвычайно абстрактные математические образы и понятия, кажущиеся на первый взгляд произвольными конструкциями, способны играть столь активную и продуктивную роль в процессе постижения объективной, то есть не зависящей от наших мыслей, действительности. Отвергая идеалистические интерпретации математики, Маркс и Энгельс ставят вопрос о специфике отражения объективной реальности в математических понятиях и представлениях, **ее реальном содержании,** формулируя его прежде всего как проблему **происхождения** математических абстракций.

Как показывает анализ произведений основоположников марксизма, содержащих их размышления о природе математического знания, эта проблема понималась ими как многоплановая и, соответственно этому, рассматривалась с различных сторон.

Так, в работах Энгельса «Диалектика природы» и «Анти-Дюринг» основное внимание уделено ее общегносеологическим аспектам. В них раскрывается практическая обусловленность развития математики, выявляется источник математических представлений в самой окружающей нас действительности. Характеризуя некоторые фундаментальные математические понятия, Энгельс доказывает, что они «взяты не откуда-нибудь, а только из действительного мира» [1] и в этом смысле предметом математики является «весьма реальный материал» [2].

Например, категория числа возникла из счета предметов, рассматривая которые человек имел возможность отвлечься от всех остальных их свойств, кроме способности складываться в некоторое множество; для того, чтобы появилось понятие фигуры, должны были существовать вещи, имеющие определенную форму и сопоставляемые с точки зрения сходства (различия) их формы. Даже идея бесконечности, которая казалось бы в принципе не может иметь прообразов в окружающем нас мире (ибо все вещи, из которых он состоит, конечны), по Энгельсу, также формируется на вполне реальной основе: к ней подводит, например, возможность практически пренебречь какими-то величинами при их сопоставлении с другими (так, отмечает Энгельс, размеры и масса Земли настолько превосходят размеры и массу находящихся на ее поверхности тел, что она может рассматриваться по отношению к ним как бесконечно большая; в огромных же межзвездных пространствах Земля, в свою очередь, оказывается бесконечно малой).

«Как и все другие науки,— резюмирует свои размышления Энгельс,— математика возникла из *практических потребностей*

---

[1] См.: *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 37.
[2] См. там же.

людей: из измерения площадей земельных участков и вместимости сосудов, из счисления времени и из механики. Но, как и во всех других областях мышления, законы, абстрагированные из реального мира, на известной ступени развития отрываются от реального мира, противопоставляются ему как нечто самостоятельное, как явившиеся извне законы, с которыми мир должен сообразоваться. Так было с обществом и государством, так, а не иначе, *чистая* математика *применяется* впоследствии к миру, хотя она заимствована из этого самого мира и только выражает часть присущих ему форм связей,— и как раз *только поэтому* и может вообще применяться» [1].

Так же проблема реального содержания математического знания, но в несколько ином ее аспекте, освещается в «Математических рукописях» Маркса. Здесь разбирается прежде всего проблема содержательного истолкования (обоснования) таких элементов математического знания, которые являются результатом его теоретического саморазвития. Энгельс, исключительно высоко ценивший математические изыскания Маркса, считал, что эти последние и его собственные исследования органически дополняют друг друга. Не случайно он намеревался опубликовать «Математические рукописи» вместе со своей «Диалектикой природы» [2].

Основным объектом исследования в «Математических рукописях» выступает дифференциальное исчисление. К анализу этого важного раздела математики Маркс подошел как диалектик, берущий познание не только в его законченных результатах, но и в развитии. В соответствии с этим, он обращается к истории создания и разработки дифференциального исчисления, в которой он выделяет три этапа.

Первый из них он именует «мистическим», подчеркивая этим то обстоятельство, что творцы дифференциального исчисления Ньютон и Лейбниц не могли достаточно строго и убедительно обосновать введенные ими символы и формулы, поскольку понятие бесконечно малой, на которое они опирались, не было сформулировано сколько-нибудь четким и непротиворечивым образом. В одних случаях бесконечно малая рассматривалась как равная нулю, в других — как очень малая, но отличная от нуля. Однако в первом случае было непонятно, как в результате операций с ними получаются не равные нулю величины, а во втором отбрасывание или, как выражается Маркс, «насильственное устранение» бесконечно малых оказывалось математически не обоснованным. Приемы дифференцирования практически доказали свою эффективность, но почему — это оставалось загадкой. Творцы анализа бесконечно малых, отмечает Маркс, и сами верили в таинственный

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 37—38.

[2] Сосредоточив свое основное внимание на доказательстве «земного происхождения» математики, Энгельс в полной мере осознавал, что оно характеризует математическое познание *в целом*, и не обязательно должно относиться ко всем математическим понятиям и операциям, взятым в отдельности; в составе математического знания, отмечал он, есть не только понятия и образы, полученные в результате непосредственного, хотя и абстрактного, материального созерцания, но и результаты, полученные чисто математическим путем (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 631).

характер открытого ими исчисления, которое давало правильные (и притом в геометрическом применении прямо поразительные) результаты математически положительно неправильным путем. Таким образом, они «сами себя мистифицировали и тем более ценили новое открытие, тем более бесили толпу старых ортодоксальных математиков и вызывали с их стороны враждебные вопли, будившие отклик даже в мире неспециалистов и необходимые для прокладывания пути новому» [1].

Следующий этап развития представлений о сущности анализа бесконечно малых Маркс называет **рациональным** дифференциальным исчислением и связывает его с именем Даламбера. Превращение конечного приращения в дифференциал, который «у мистиков и инициаторов исчисления... является исходным пунктом», в работах этого математика выступает уже лишь как «конечный результат развития или по крайней мере его заключительная стадия» [2]. Даламбер конкретно показывает, как из отношения приращения функции к приращению аргумента получается производная и как из конечных приращений получаются дифференциалы. Это хотя и не разрешило в полной мере проблему обоснования анализа бесконечно малых, все же позволило сорвать с него покров таинственности и сделать крупный шаг вперед в прояснении его реального смысла.

Наконец, третий этап истории дифференциального исчисления, по Марксу, обязан своим возникновением Лагранжу. Это этап алгебраической интерпретации дифференциального исчисления.

Оценивая научные результаты, полученные Лагранжем, Маркс писал, что тот, наконец, «действительно освобождается от всего, что представляется ему метафизической трансцендентностью во флюксиях Ньютона, в бесконечно малых разного порядка Лейбница, в теории пределов исчезающих величин, в подстановке символа $\frac{0}{0}\left(=\frac{dy}{dx}\right)$ вместо дифференциальных коэффициентов и др.». Впрочем, это, отмечает Маркс, «не мешает ему самому, в применении его теории к кривым и т. д., постоянно пользоваться тем или иным из этих «метафизических» представлений» [3], что делает его точку зрения непоследовательной.

Проанализировав различные трактовки дифференциального исчисления, Маркс пришел к выводу, что задача его обоснования еще не получила удовлетворительного решения. Вместе с тем исторический способ рассмотрения дал возможность выявить перспективные тенденции, которые намечали конструктивные подходы к такому решению, и это позволило Марксу предвосхитить сам принцип обоснования новых идей, порождаемых ходом развития математического знания. На примере дифференциального исчисления Маркс, по существу, показывает, что основную роль в этом играет интерпретация вначале еще «таинственных» абстракций через содержательно более ясные, уже прошедшие через процедуру обоснования теоретические объекты. Именно такой представлялась ему, в частности, интерпретация анализа бесконечно малых через алгебраические понятия и операции. Опираясь на этот принцип обоснования, Маркс затем попытался решить методологические проблемы исследуемого им раздела самостоятельно.

Связь между теорией, подлежащей интерпретации, и теми математическими понятиями и образами, которые для этой интерпретации используются, Маркс истолковал как имеющую не только логический, но и генетический аспекты. С этих позиций

---

[1] См.: *Маркс К.* Математические рукописи. М., 1968. С. 169.
[2] См. там же. С. 169—171.
[3] См. там же. С. 203.

задача обоснования дифференциального исчисления и его окончательной демистификации предстала как детальное воссоздание «происхождения» его понятий и операций и их выведения из некоторых первичных по отношению к ним математических объектов и действий над ними. В этом смысле Маркс говорит, в частности, о том, что символы дифференцирования представляют собой специфическое выражение «реального дифференциального процесса», понимая под этим последним развернутую во времени совокупность математических действий, которые необходимо совершить для получения производных и дифференциалов. Однако, возникнув как простое обозначение некоторых операций, как «конечный пункт алгебраического развития» они затем могут превращаться (и на самом деле превращаются) в самостоятельные математические объекты, становятся исходным пунктом новой теоретической структуры — «исходным пунктом движущегося на собственной почве дифференциального исчисления» [1]. В результате этого происходит изменение первоначального порядка познавательных операций с символами на противоположный (так называемое оборачивание метода): он состоит уже не в движении от «реальных» процессов к символам, а, наоборот, в отыскании для символов их возможных реальных эквивалентов, задаваемых этими символами определенных «стратагем действий» [2].

Такой способ трансформации знания, детально прослеженный Марксом на примере исследованного им раздела математики, как показало дальнейшее развитие науки, является одной из общих закономерностей и способов логического развития абстрактных теоретических систем вообще. В условиях современной научно-технической революции, когда развитие научного знания во многом определяется развитием его математического аппарата, «оборачивание метода» стало одним из наиболее характерных «ходов» диалектического движения познания наших дней, и вместе с тем — одним из источников противоречий познавательного процесса.

3. ДИАЛЕКТИКА РАЗВИТИЯ МАТЕРИИ: НЕОРГАНИЧЕСКАЯ ПРИРОДА

Материя и формы ее движения

Крупным достижением марксистской философии стала осуществленная Энгельсом попытка активно использовать ее методологию и мировоззренческие выводы для интеграции данных различных научных дисциплин в единую «картину природы» [3].

---

[1] См.: *Маркс К.* Математические рукописи. С. 67.

[2] См.: *Яновская С. А.* Предисловие // Маркс К. Математические рукописи. С. 10.

[3] Термин Энгельса. См.: *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 304.

Разработка «всеобщих схем» мироздания всегда была традиционной задачей философии, которую она решала в основном собственными средствами и чаще всего чисто умозрительно. Энгельс подошел к этой задаче принципиально по-новому. В отличие от представителей натурфилософской традиции он не пытается навязывать ученым определенный взгляд на действительность или в чем-то «исправлять» полученные ими экспериментальные и теоретические результаты. Вместе с тем он не ограничивается и простым резюмированием работ по физике, химии, астрономии и т. д. Его цель — сделать из специальных положений науки обобщающие выводы, выходящие за пределы компетенции отдельных частных отраслей знания. Исходя из материалов различных наук и заставляя их действовать друг на друга, Энгельс, по заключению французского марксиста П. Жегле, стремится «показать нечто вроде общего закона, который (при данном состоянии знания) может считаться применимым ко всякому процессу: связь, представляющая одновременно и качественный скачок» [1] различных форм материи.

Интеграция данных различных отраслей естествознания не могла быть, однако, осуществлена путем их простого механического соединения. Необходимо было прежде всего установить объективную основу их единства (если таковая действительно имелась) и одновременно выработать систему абстракций, в рамках которой все конкретные отрасли знания могли быть связаны между собой концептуальными взаимопереходами.

Как показал в своих работах Б. М. Кедров [2], частично эта работа была начата самим естествознанием. Однако она была проделана им лишь до известного предела. Понятие энергии, закон ее сохранения и превращения связали воедино фактически всю неорганическую природу. Органическая природа, в свою очередь, нашла свое отражение в представлениях эволюционного учения Дарвина и клеточной теории. Однако концептуальное звено, которое способно было бы соединить неорганическую природу с органической, отсутствовало. Ни одна из специальных наук дать его уже не могла, и Энгельс предложил решать данную задачу, перейдя на философский уровень обобщения, где могут быть определены категории, позволяющие говорить об общем предмете всех наук, изучающих неорганическую и органическую природу. Этот общий предмет, по Энгельсу,— **материя.** Единство наук есть, таким образом, отражение субстанционального единства материального мира. Каждая отрасль знания специализируется на исследовании материальных явлений определенного типа и тем самым выполняет функцию исследования одного из аспектов, граней, форм

---

[1] *Жегле П.* Диалектика природы: о некоторых понятиях (качество, количество) // Французские марксисты о диалектике. М., 1982. С. 129.

[2] См., например: *Кедров Б. М.* О методе изложения диалектики. М., 1983. С. 120—121.

проявления материи, как таковой. Раз мы познали эти явления в их совокупности, то мы познали и самое материю.

В трактовке понятия материи как таковой Энгельс проделал известную эволюцию. Вначале (речь идет о фрагментах, написанных в 1874 году) он пошел в ошибочном направлении, попытавшись вернуться к античной концепции первоматерии. Энгельс даже усматривает доводы в пользу этой последней в некоторых данных современной ему астрономии. В газовых облаках межзвездных туманностей, писал он, в частности, все вещества «*сливаются в чистую материю как таковую,* действуя только как материя, а не согласно своим специфическим свойствам» [1]. Однако в дальнейшем он отказался от этой точки зрения и выступил с критикой попыток эмпирически «отыскать единообразную материю как таковую» [2]. Во фрагментах 80-х годов он уже рассматривает материю как абстракцию. Но это не пустая абстракция, не имеющая отношения к окружающей нас действительности. Она содержательна, поскольку, отвлекаясь от реального многообразия вещей и явлений, она фиксирует действительно присущие им предельно общие свойства и характеристики.

Самой универсальной характеристикой материальных явлений у Энгельса обычно выступает качество телесности. Под понятием материи, писал он, в частности, мы объединяем вещи «как телесно существующие» [3]; такая постановка вопроса объясняется тем, что Энгельс в целом еще не дифференцирует материю и вещество.

Для 70—80-х годов XIX века это вполне естественно. Вместе с тем, важно отметить, что подход Энгельса к проблеме материи отнюдь не однозначен. В некоторых фрагментах «Диалектики природы» есть суждения, содержащие подходы к более широкому пониманию материи, чем то, которое исходит из ее фактического отождествления с веществом. Они связаны прежде всего с анализом гипотезы о существовании эфира. Энгельс отмечает, что эфир, если допустить его существование, должен быть совершенно лишен одного из главных признаков вещества — тяжести. Какова же в этом случае его субстанциальная природа? Отвечая на данный вопрос, Энгельс делает принципиально важный в методологическом и мировоззренческом отношении вывод: «Если он вообще *есть*, то он должен быть материальным, должен подходить под понятие материи» [4]. Здесь категория материи освобождается от связи с конкретными признаками, характеризующими те или иные виды материи. Таким образом, в «Диалектике природы» намечены контуры более общего, чем чисто вещественного понимания материи; понимания, которое в дальнейшем получило свою развернутую диалектико-материалистическую трактовку в ленин-

---

[1] См.: *Энгельс Ф.* Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 558.

[2] См. там же. С. 570.

[3] См. там же.

[4] Там же. С. 559.

ском определении материи как объективной реальности, данной нам в ощущении.

Работая над созданием философских предпосылок интеграции данных современного ему естествознания в единую картину природы, Энгельс стремится к тому, чтобы это единство носило не абстрактно-формальный характер, а было основано на внутренней органической связи, «выведении» одних явлений и закономерностей из других. Эту связь он устанавливает на основе разработки учения о движении как неотъемлемом атрибуте материи.

Движение (как и в «Анти-Дюринге») Энгельс трактует весьма широко — как всякое изменение вообще. «Движение, рассматриваемое в самом общем смысле слова, т. е. понимаемое как способ существования материи, как внутренне присущий материи атрибут,— писал он в своей «Диалектике природы»,— обнимает собой все происходящие во вселенной изменения и процессы, начиная от простого перемещения и кончая мышлением» [1].

В огромной совокупности окружающих нас вещей и явлений, доказывал Энгельс, можно выделить несколько достаточно четко определяемых в своей специфичности уровней и типов материальной организации, каждый из которых является субстратом особого, только ему присущего вида процессов, или, иначе говоря, носителем особой **формы движения материи.** Основные формы движения материи, по Энгельсу,— пространственное перемещение, физические процессы (переходы агрегатных состояний, теплота, свет, электричество, магнетизм), химическое соединение и разложение, органическая и, наконец, социальная жизнь [2].

Эту последовательность, открываемую простейшей и самой универсальной формой движения и завершаемую наиболее сложными, возникающими лишь при определенных конкретных условиях, он понимал не как простой перечень, а как генетический ряд. Каждая более высокая форма движения материи закономерно возникает из предыдущей и в снятом виде включает ее в себя. Однако полное сведение высших форм к низшим (например, социальных закономерностей к биологическим, а этих последних к химическим и т. п.) неправомерно, поскольку возникновение этих высших форм всегда связано с появлением некоторого нового качества. При разрушении объектов, принадлежащих к определенному уровню материальной организации, движение как таковое не исчезает, а лишь меняет свою форму на более элементарную (например, разрушение организма убивает жизнь, но не прекращает течения химических процессов и т. д.).

Именно взаимопревращение форм движения материи и порождает, по мысли Энгельса, всеобщую связь материальных тел и про-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 391.

[2] Классификация форм движения материи дается обобщенно, поскольку Энгельс постоянно уточнял ее, и в текстах «Диалектики природы» она излагается каждый раз несколько в ином варианте.

цессов различной природы. Эта концепция создала методологические и мировоззренческие предпосылки для распространения идеи системности, которая была вначале применена основоположниками марксизма в исследовании конкретных социальных объектов, на все мироздание в целом. «Вся доступная нам природа,— заключает Энгельс,— образует некую систему, некую совокупную связь тел, причем мы понимаем здесь под словом тело все материальные реальности, начиная от звезды и кончая атомом и даже частицей эфира, поскольку признается реальность последнего» [1]. В «Диалектике природы» идея системности становится конкретным выражением принципа материального единства мира, давая ему содержательное теоретическое наполнение. Мир в целом предстает в виде единого, исторического по своему характеру процесса перехода одних форм материальной организации в другие, в том числе более развитые и сложные, форм, потенциальное качественное разнообразие которых в принципе бесконечно.

Учение о формах движения материи и их взаимопереходах представляет собой концептуальное ядро материалистической онтологии Энгельса. Вместе с тем оно содержит идеи, чрезвычайно важные в гносеологическом отношении. В частности, оно дало Энгельсу объективное основание для классификации наук и установления между ними содержательных взаимосвязей, необходимых для разработки обобщающей «картины природы» и теоретически отображающих переходы от одних форм движения, изучаемых соответствующими научными дисциплинами, к другим, представляющим собой предмет иных отраслей знания.

Познание форм движения материи, как предположил Энгельс, шло примерно в том же порядке, что и объективная последовательность их генезиса: наука начинала с постижения простейших явлений и по мере выявления управляющих ими закономерностей переходила к более сложным. «...Раньше всего,— отмечал Энгельс,— разрабатывается теория простого перемещения, механика небесных тел и земных масс; за ней следует теория молекулярного движения, физика, а тотчас же вслед за последней, почти наряду с ней, а иногда и опережая ее, наука о движении атомов, химия» [2].

С точки зрения Энгельса, учение о формах движения материи должно связать воедино онтологические и исторические основания классификации наук, что придавало этой классификации теоретическое обоснование. И хотя это обоснование сейчас выглядит во многом устаревшим, тем не менее сам подход Энгельса, ориентированный на анализ взаимосвязи методов и понятийного аппарата разных наук имеет в наши дни исключительно важное междисциплинарное значение.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 392.
[2] Там же. С. 391.

Для своего времени учение Энгельса о формах движения материи было выдающейся попыткой теоретического синтеза, заключающей в себе немалый эвристический потенциал. Ныне оно, естественно, во многом устарело.

Так, с современной точки зрения устарело выделение механических перемещений в самостоятельный вид движения, ибо это, по сути дела, лишь один из видов физического движения. С другой стороны, именно физическая форма движения материи является наиболее общей и генетически исходной, ее базис образуют по современным данным четыре типа фундаментальных физических взаимодействий: слабое, сильное, электромагнитное, гравитационное. Общее число известных нам форм движения материи сегодня расширилось и, без сомнения, будет продолжать увеличиваться. В частности, ученые говорят сегодня о геологической, психобиологической, биосферной и других таких формах.

Однако общие методологические принципы, на которых основан разработанный Энгельсом теоретический синтез (такие, как принцип несводимости высших типов материальной организации и управляющих ими закономерностей к низшим, идея генетической связи всех форм движения, их соотнесение с определенным материальным носителем и др.) и сегодня сохраняют свою эвристическую ценность. Разрабатывая свое учение о формах движения, Энгельс реально продемонстрировал эффективность того понимания взаимоотношений между философским познанием и наукой, из которого он стремился исходить в своей теоретической работе.

Философский анализ атомистики. Представления Энгельса о строении материи

Конечно, не все фрагменты «Диалектики природы» равноценны с точки зрения нашего современного понимания мироздания. Не все содержащиеся в них мысли выдержали испытание временем.

Среди наиболее проработанных с точки зрения диалектики научных теорий следует выделить прежде всего атомистику. В разных местах своего труда Энгельс постоянно возвращается к анализу атомистических представлений. Прослеживая их историю, начиная с античности, он показывает, что они сыграли исключительно важную роль в становлении научного естествознания.

Характерной особенностью этого анализа как анализа философского является принципиальная двойственность его предмета: рассуждения Энгельса обращены не только к самой материальной реальности, именуемой атомами и молекулами, но и к внутренней логике самой атомистической концепции. Опираясь на данные современной ему физики и химии и выявляя вместе с тем тенденции их развития, Энгельс делает из современной ему атомистики весьма важные в мировоззренческом и методологическом отношении выводы.

Главный из этих выводов состоит в том, что атомистика должна интерпретироваться на основе принципа единства прерывности и непрерывности как противоположных, но диалектически взаимосвязанных определений, характеризующих строение материи. «Новая атомистика,— писал он,— отличается от всех прежних

тем, что она... не утверждает, будто материя *только* дискретна, а признаёт, что дискретные части различных ступеней (атомы эфира, химические атомы, массы, небесные тела) являются различными *узловыми точками,* которые обусловливают различные *качественные* формы существования всеобщей материи вплоть до такой формы, где отсутствует тяжесть и где имеется только отталкивание» [1].

Разумеется, в цитированном высказывании Энгельса нетрудно заметить целый ряд положений, не согласующихся с современной научной картиной мира. Но они касаются деталей. Общая же идея, которая в нем выражена, не зависит непосредственно ни от представлений Энгельса о гравитации, ни от того, что он разделял общепринятую в науке его времени гипотезу о существовании эфира как наделенной механическими свойствами особой субстанции. Суть идеи в сомнении по поводу возможности найти абсолютно неделимые, в этом смысле конечные «первоэлементы» материального мира. Как видно из приведенного высказывания, материя представляется Энгельсу не в образе здания, собранного из таких исходно простых кирпичиков, а скорее в виде своеобразной «лестницы» структурных уровней, каждый из которых конструируется относительно элементарными материальными объектами.

Материя, разъясняет Энгельс эту же мысль в другом месте, «расчленена на ряд больших, хорошо отграниченных групп с относительно различными размерами масс, так что члены каждой отдельной группы находятся со стороны своей массы в определенных, конечных отношениях друг к другу, а к членам ближайших к ним групп относятся как к бесконечно большим или бесконечно малым величинам в смысле математики. Видимая нами звездная система, солнечная система, земные массы, молекулы и атомы, наконец, частицы эфира образуют каждая подобную группу» [2]. Переход от одной «ступеньки» этой иерархической структуры к другой Энгельс трактует как возникновение нового качества, как пример диалектического (качественного) скачка.

В ситуации быстрого движения научного познания «вглубь» материального мира, когда понятие элементарного обнаруживало свой относительный, «подвижный» характер, вследствие чего у ряда философов и естествоиспытателей возникли сомнения в первичности и даже реальности материи, идеи, заложенные в учении Энгельса об уровнях ее строения, оказались весьма плодотворными. Не случайно Ленин, который не был, как известно, знаком с текстом «Диалектики природы», на новом, качественно более высоком витке познания воспроизвел многие из этих идей в своем

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 608—609.
[2] Там же. С. 585.

труде «Материализм и эмпириокритицизм», придав им более четкую форму.

В частности, сформулировав знаменитый тезис о неисчерпаемости электрона, Ленин совершенно определенно указал на то, что «лестница» структурных уровней материи является бесконечной. Из этого следует, что с какими бы явлениями ни пришлось естествознанию в будущем столкнуться, все они будут явлениями **материальными,** явлениями, представляющими собой качественно специфические формы существования материи как объективной реальности. Этот вывод всецело подтверждается современной наукой, далеко проникшей в глубь микромира и делающей революционные шаги в познании материальных структур, которые «надстраиваются» над тем уровнем материи, к которому принадлежим мы сами и наше предметное окружение,— в познании мегамира.

«Природа движется в вечном круговороте»

Идея неуничтожимости материи и движения послужила Энгельсу методологической предпосылкой анализа заблуждений крупного немецкого физика-теоретика Р. Клаузиуса в его мировоззренческих выводах из второго закона термодинамики. Согласно этому закону, все процессы в мире совершаются в направлении перехода материальных систем из менее вероятного состояния в более вероятное так, что все различия и неоднородности в мире постепенно исчезают. Из происходящего согласно этому закону непрерывного рассеяния тепловой энергии Клаузиус сделал выводы о предстоящей в отдаленном будущем «тепловой смерти» Вселенной. Выводы Клаузиуса, однако, явились следствием неправомерного распространения положений, выработанных для изолированной, замкнутой материальной системы, на всю бесконечную Вселенную. Энгельс подверг эти выводы всесторонней критике.

Энгельс показал, что аргументация Клаузиуса неявно предполагает наличие «первотолчка». «Мировые часы сначала должны быть заведены, затем они идут, пока не придут в состояние равновесия, и только чудо может вывести их из этого состояния и снова пустить в ход. Потраченная на завод часов энергия исчезла, по крайней мере в качественном отношении, и может быть восстановлена только путем *толчка извне.* Значит, толчок извне был необходим также и вначале; значит, количество имеющегося во вселенной движения, или энергии, не всегда одинаково; значит, энергия должна была быть сотворена...» [1] Отмечая созвучность универсалистской интерпретации второго закона термодинамики теологической идее творения, Энгельс показал, что вывод Клаузиуса о «тепловой смерти» Вселенной явился результатом абсолютизации этого закона: при рассмотрении возможных следствий, вытекающих из него, был упущен из виду тот существенный

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 600.

факт, что любая задача в физике решается с учетом некоторых ограничений условиями, что нельзя ее решения экстраполировать на реальность вообще, абстрагируясь от этих ограничений (в данном случае от условий изолированной, замкнутой системы). Обсуждая вопрос о том, как материя «нашего мирового острова» превратила в теплоту такое огромное количество движения, что отсюда могли развиться солнечные системы, Энгельс в противовес телеологической интерпретации второго начала термодинамики указывал, что раскаленное сырье для этого «возникло естественным путем, путем превращений движения, которые *от природы присущи* движущейся материи и условия которых должны, следовательно, быть снова воспроизведены материей, хотя бы спустя миллионы и миллионы лет, более или менее случайным образом, но с необходимостью, внутренне присущей также и случаю» [1]. При этом он считал, что данная гипотеза должна быть проверена эмпирически, ибо невозможно дать решение данной естественнонаучной проблемы, исходя только из общих теоретических соображений.

В дальнейшем факты, подтверждающие мысль Энгельса о том, что во Вселенной непрерывно идет процесс не только распада, но и возникновения, действительно появились. Их дает, в частности, современная астрономия, вступившая в последние десятилетия в полосу новых великих открытий. Эти открытия существенно дополняют естественнонаучную картину мира, которая все детальнее отражает объективную действительность. Вселенную, на протяжении многих веков считавшуюся олицетворением незыблемости и постоянства, в современной науке часто рассматривают не только как расширяющуюся — за счет «разбегания» галактик (что с трудом укладывалось в сознании ученых даже начала XX века), но и как «взрывающуюся» — ввиду беспрерывно происходящих в ней процессов колоссальной энергетической мощности [2]. Ныне обсуждаются новые концепции о расширяющейся Вселенной, что влечет за собой интересные философские проблемы.

Как отмечают лауреат Нобелевской премии И. Пригожин и И. Стенгерс, обоснованная Энгельсом идея развития природы в настоящее время приобрела значительную актуальность и в связи с открытием конструктивной роли необратимости [3].

Аргументы в пользу вечности, несотворимости и неуничтожимости движущейся материи, представляемые современными астрономическими исследованиями и космогоническими концепциями, в свою очередь, способствовали обогащению содержания категорий материалистической диалектики. Так, изучение Вселенной приносит новые данные о единстве мира, причем это единство раскрывается как единство существования материи в формах вещества и полей, единство структур, единство различных видов взаимодействия. Современная наука подтверждает справедливость мысли Энгельса о том, что абсолютных круговоротов нет нигде, ибо всякий круговорот приблизителен и относителен.

Успехи современного естествознания свидетельствуют, что диалектико-материалистическое мировоззрение способствует формированию новых, более глубоких и адекватных реальности теоретических представлений, идей; что диалектико-материалистиче-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 361.
[2] См.: *Новиков И. Д.* Как взорвалась Вселенная. М., 1988.
[3] См.: *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. М., 1986. С. 320—321.

ский способ мышления существенно расширяет горизонты научного поиска как деятельности, в которой реализуется извечное страстное стремление человека познать тайны мироздания, включая и тайну собственного бытия.

4. ЭВОЛЮЦИЯ ЖИЗНИ КАК ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Проблема жизни в работах Энгельса

Принципиально важное значение имело отнесение Энгельсом к одной из основных форм движения материи жизни. Этим отвергалась виталистическая интерпретация жизни в качестве особой нематериальной силы.

В «Диалектике природы» Энгельс определил специфику жизни следующим образом: «Жизнь есть способ существования белковых тел, существенным моментом которого является *постоянный обмен веществ с окружающей их внешней природой*, причем с прекращением этого обмена веществ прекращается и жизнь, что приводит к разложению белка» [1].

Данное определение относится к осени 1874 года. Оно приводится в критических замечаниях Энгельса по поводу взглядов Ю. Либиха и Г. Гельмгольца, считавших, что жизнь вечна, как сама материя, и распространяется путем переноса ее зародышей с одних космических тел на другие. Определение Энгельса было направлено против попыток снять таким образом проблему происхождения жизни и ориентировало на поиск конкретных закономерностей перехода от неживого к живому [2].

Несколько позже, в период работы над «Анти-Дюрингом», Энгельс находит в этом определении логический изъян. Если признавать, что обмен веществ имеет место и в неживой природе, то определяя жизнь, следует говорить не просто об обмене, но об особой, специфической его форме, об **органическом** обмене веществ. Но такая постановка вопроса ведет к тавтологии: «...определять жизнь как органический обмен веществ — это значит определять жизнь как... жизнь, ибо органический обмен веществ... и представляет собой как раз такое выражение, которое в свою очередь нуждается в объяснении при посредстве жизни, в объяснении при посредстве различия между органическим и неорганическим, т. е. между живым и неживым» [3]. Учитывая это, Энгельс излагает теперь свое понимание жизни следующим образом: «*Жизнь есть способ существования белковых тел*, и этот способ существования состоит по своему существу в посто-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 616.

[2] Против критикуемых Энгельсом взглядов выступал и Маркс. Так, касаясь предположения о переносе жизни на Землю с других небесных тел, он заметил в письме к П. Л. Лаврову от 18 июня 1875 года: «Терпеть не могу подобных объяснений, которые решают задачу перенесением ее в другую сферу» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 34. С. 117).

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 82.

янном самообновлении химических составных частей этих тел» [1].

Процесс жизни, указывал Энгельс, развивая это определение, внутренне диалектичен. Жизнь состоит в том, что живое существо благодаря своему самообновлению в каждый данный момент «является тем же самым и все-таки иным. Следовательно, жизнь тоже есть существующее в самих вещах и процессах, беспрестанно само себя порождающее и себя разрешающее противоречие, и как только это противоречие прекращается, прекращается и жизнь, наступает смерть» [2].

Будучи более точным по смыслу, определение, приводимое в «Анти-Дюринге», однако, близко к формулировке 1874 г. по своей принципиальной направленности. В обоих определениях заложены одни и те же идеи методологического характера, отражающие точку зрения современной Энгельсу науки и его собственный подход к рассматриваемой проблеме. И в том и в другом определении констатируется единство живой и неживой природы, о чем говорит указание на материальность носителя жизни, а также на обмен веществ между живыми организмами и окружающей их материальной средой (в первом случае указание на обмен веществ носит явный, во втором же — имплицитный характер), и вместе с тем отмечается, что данное единство не абсолютно и исключает полное совпадение. Живое, по Энгельсу, качественно отлично от неживого: только жизнь способна к постоянному конструктивному самообновлению, для неорганических тел обмен веществ разрушителен и ведет к уничтожению их качественной специфики, к превращению в другие тела.

Энгельс сформулировал свое определение жизни свыше ста лет назад, опираясь на изыскания науки своего времени. В XX веке теоретическая биология продвинулась далеко вперед в изучении механизма процессов жизнедеятельности. Однако оно и по сей день признается учеными-биологами классическим в том смысле, что не утратило своей методологической ценности. В частности, полностью сохраняют свое значение характеристика жизни как одной из основных форм движения материи, учет в определении жизни как ее субстрата, так и функции, признание той роли, которую играет химическое самообновление организмов, осуществляемое в ходе противоположно направленных, но взаимосвязанных процессов ассимиляции и диссимиляции.

Вместе с тем естественнонаучные исследования последних десятилетий показали, что материальным носителем процессов жизнедеятельности выступают наряду с белком и нуклеиновые кислоты (ДНК и РНК). Эти три компонента образуют целостную систему. К числу фундаментальных жизненных функций современная наука относит активное, идущее с затратой энергии поддержание и воспроизведение специфической структуры, которая детерминируется наследственной информацией [3]. Выдающийся советский ученый В. А. Энгельгардт считал важнейшим сущностным свойством живого также многократную репродукцию собственных материальных структур организма, которая ныне интерпретируется в терминах биохимии [4]. Эти новые моменты отражаются в современных определениях жизни.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 82.

[2] Там же. С. 124.

[3] См. подробнее об этом: *Медников Б. М.* Аксиомы биологии. М., 1982.

[4] См.: *Энгельгардт В. А.* О некоторых атрибутах жизни: иерархия, интеграция, «узнавание» // Вопросы философии. 1976. № 7.

Таким образом, развитие биологической науки привело к уточнению и дополнению тех представлений о критериях жизни, на которые опирался Энгельс. Надо сказать, что сам автор «Диалектики природы» и «Анти-Дюринга» прекрасно понимал неизбежность и необходимость дальнейшего развития представлений о жизни. Он не абсолютизировал своих определений и отмечал их недостаточность [1].

С вопросом о сущности жизни Энгельс тесно связывает вопрос о ее происхождении. Истинное понимание сущности жизни, с его точки зрения, невозможно без уяснения того, как она возникла, и, наоборот, только четкие научные позиции в выяснении сущности жизни позволяют разобраться в реальных механизмах ее возникновения.

На протяжении истории философии и естествознания противоборствовали три основные точки зрения по этому вопросу: признание сотворения жизни неким духовным началом; убеждение в ее естественном происхождении из неживой природы; мнение, что жизнь так же вечна, как и неживая материя.

Подвергая критике концепцию «вечности жизни», Энгельс показал, что в ней смешиваются две разные проблемы: вечность жизни как чего-то никогда не возникавшего, а лишь передающегося от одного организма к другому, и постоянное, «вечное» возникновение жизни как особой формы движения материи, ее новообразование всегда и всюду там, где для этого появляются необходимые условия [2]. Если вечность жизни и ее материальной основы — белка (и других соединений) в первом смысле невозможна, то во втором смысле она вполне реальна.

Концепции «вечности жизни», а также антинаучным представлениям о ее порождении духовным началом, будь то наивная библейская легенда о божественном творении или наукообразные учения виталистов о порождении жизни особой «жизненной силой», «доминантой», «энтелехией» и т. п., Энгельс противопоставил идею возникновения жизни на Земле из неорганических веществ. Но, разумеется, это возникновение он трактовал не так, как представляли себе сторонники идеи так называемого самопроизвольного зарождения жизни.

Невозможность самозарождения не только насекомых, рыб, птиц и млекопитающих, но и бактерий, грибных спор и т. п. была экспериментально доказана Л. Пастером в 1862 году. Теологи и виталисты поспешили объявить, что эксперименты Пастера подтвердили вообще невозможность естественного возникновения жизни, необходимость для ее сотворения неких потусторонних сил. В действительности эксперименты Пастера, как показал Энгельс в «Диалектике природы», не давали оснований для опровержения

---

[1] См., например: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 84.
[2] См. там же. С. 612—617.

самой идеи возникновения живого из неживого [1], а доказали только невозможность спонтанного образования из неорганических веществ клеточных структур. Нелепо, писал Энгельс, «пытаться объяснить возникновение хотя бы одной-единственной клетки прямо из мертвой материи, а не из бесструктурного живого белка, и воображать, что можно принудить природу при помощи небольшого количества вонючей воды сделать в 24 часа то, на что ей потребовались тысячелетия» [2].

Энгельс с достаточным основанием считал, что первые живые образования на Земле не имели клеточного строения. Эти доклеточные формы жизни имели субстратной основой белковые соединения, возникшие из неорганических веществ. Лишь дальнейшее развитие белковых тел, полагал он, привело к возникновению сначала примитивных, а затем и более сложных органических клеток. Аналогичных взглядов придерживался и Маркс. В письме от 18 ноября 1868 года, упомянув об исследованиях дарвинистов Г. Йегера и Э. Геккеля, он обращал внимание Энгельса на то, что в этих исследованиях отвергается взгляд на клетку как на первичную форму и отправной точкой признается бесформенный, но способный к сокращению белковый комочек. Эту первичную форму жизни, писал Маркс, «необходимо... проследить до того момента, когда она может быть воспроизведена химическим путем» [3].

Во введении к «Диалектике природы», обрисовав в общих чертах возможную картину образования и эволюции нашей звездной системы и Земли, а вместе с тем образования химических элементов и их соединений, Энгельс писал: «Наконец, если температура понизилась до того, что — по крайней мере на каком-нибудь значительном участке поверхности — она уже не превышает тех границ, внутри которых является жизнеспособным белок, то, при наличии прочих благоприятных химических предварительных условий, образуется живая протоплазма. В чем заключаются эти предварительные условия, мы в настоящее время еще не знаем» [4]. Считая, что окончательное доказательство естественного возникновения жизни будет дано лишь в результате экспериментального получения элементарных форм жизни, Энгельс выражал уверенность, что со временем это непременно осуществится.

С точкой зрения Маркса и Энгельса на происхождение жизни как закономерный результат развития материи согласуются современные исследования советских и зарубежных ученых (В. А. Энгельгардт, Дж. Холдейн [5], С. Миллер, Ф. Крик и Л. Оргел, А. Корнберг и др.).

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 612.
[2] Там же.
[3] Там же. Т. 32. С. 165.
[4] Там же. Т. 20. С. 356.
[5] Сохранилось письмо Дж. Холдейна, в котором он отмечает благотворное влияние Энгельса на формирование его научного мышления (см.: Вопросы философии. 1970. № 11. С. 165).

Однако причинное объяснение скачка от химической к биологической форме движения материи, о котором писал Энгельс, оказалось непростым делом. Большинство современных концепций возникновения жизни ориентировано на определение той границы, с которой начинают функционировать собственно биологические законы, оставляя без внимания качественно другие законы (закономерности эволюционной химии), действующие ниже этого порога. Таким образом, вопрос перехода от химической к биологической эволюции остается еще открытым. В последнее время существенный вклад в его разработку внесла теория эволюции элементарных открытых каталитических систем А. П. Руденко [1].

Исключительно большое значение для постижения сущности жизни имело, с точки зрения Энгельса, открытие органической клетки как той единицы, из размножения и дифференциации которой возникают все организмы, за исключением доклеточных форм. Это открытие, считал он, не только доказало, что развитие и рост всех высших биологических форм совершаются по одному общему закону, но, показав способность клеток к изменению, наметило также путь к пониманию механизма видовых изменений организмов.

Давая высокую оценку клеточной теории в целом, Энгельс вместе с тем выражал несогласие с некоторыми тенденциями ее развития, которые свидетельствовали о недостатке диалектического мышления у тех или иных ее сторонников. Так, немецкий патологоанатом Р. Вирхов разложил целостный организм на «федерацию клеточных государств». Высмеивая это представление, Энгельс писал (с намеком на принадлежность Вирхова к буржуазной «прогрессистской» партии), что оно имело «скорее прогрессистский, чем естественнонаучный и диалектический характер» [2].

Теоретизирование Вирхова Энгельс считал примером того, как старые метафизические представления некоторых натуралистов вступают в противоречие с новыми открытиями, опровергающими неподвижность категорий.

Выступая против грубо механистического представления об организме как «федерации» автономных клеток, Энгельс писал: «Ни механическое соединение костей, крови, хрящей, мускулов, тканей и т. д., ни химическое соединение элементов не составляют еще животного...» [3] Живому организму присуща высокая степень целостности, в обеспечении которой на высших уровнях развития животного мира особенно важную роль играет «*группировка всего тела вокруг нервной системы*» [4].

---

[1] См. подробнее об этом: *Руденко А. П.* Эволюционная химия и естественно-исторический подход к проблеме происхождения жизни // Журнал Всесоюзного химического общества им. Д. И. Менделеева. 1980. № 4.

[2] См.: *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. Предисловия к трем изданиям // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 14.

[3] *Энгельс Ф.* Диалектика природы // Там же. С. 529.

[4] См. там же. С. 623.

Философское осмысление эволюционной теории Дарвина

Громадное мировоззренческое значение основоположники марксизма придавали труду Ч. Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора», опубликованному в конце 1859 года. Клерикалы, консервативно мыслящие ученые и реакционные общественные деятели не без основания увидели в учении Дарвина подрыв идеологических основ существующего строя и повели против дарвинизма ожесточенную борьбу. Напротив, прогрессивные силы решительно выступили в его защиту.

В своих воспоминаниях В. Либкнехт свидетельствовал, что, ознакомившись с работами Дарвина, Маркс и его друзья «целыми месяцами не говорили ни о чем другом, как о Дарвине и революционной силе его научных открытий» [1]. Менее чем через три недели после выхода в свет книги «Происхождение видов» Энгельс писал Марксу, что Дарвин превосходен, что до сих пор не было такой грандиозной попытки доказать историческое развитие в природе, да еще с таким успехом [2]. В свою очередь Маркс в письме Энгельсу охарактеризовал труд Дарвина как «естественноисторическую основу для наших взглядов» [3]. Несколько позже он высказался аналогичным образом и в письме к Ф. Лассалю: «Несмотря на все недостатки, здесь впервые не только нанесен смертельный удар «телеологии» в естествознании, но и эмпирически объяснен ее рациональный смысл» [4]. Давая общую оценку теории великого английского ученого, основоположники марксизма полагали коренным пунктом его учения утверждение идеи развития в мире живой природы. Недаром в речи на могиле Маркса Энгельс сравнил своего покойного друга именно с Дарвином: «Подобно тому как Дарвин открыл закон развития органического мира, Маркс открыл закон развития человеческой истории...» [5]

Мысли основоположников марксизма о Дарвине и его учении получили систематическое изложение в произведениях Энгельса «Диалектика природы» и «Анти-Дюринг».

Во введении к «Диалектике природы» отмечалось, что гениальное предвосхищение идеи развития органического мира, сделанное К. Ф. Вольфом в 1759 году и развитое Л. Океном, Ж. Б. Ламарком, К. Бэром, было «победоносно проведено в науке ровно сто лет спустя, в 1859 г., Дарвином» [6]. Назвав здесь ряд других естественнонаучных открытий, раскрывающих всеобщую связь и развитие в природе, Энгельс заключил: «Новое воззрение на природу было готово в его основных чертах: все застывшее стало теку-

---

[1] См.: Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1983. Ч. 1. С. 224.

[2] См.: Энгельс — Марксу, 11 или 12 декабря 1859 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 29. С. 424.

[3] См.: Маркс — Энгельсу, 19 декабря 1860 г. // Там же. Т. 30. С. 102.

[4] Маркс — Фердинанду Лассалю, 16 января 1861 г. // Там же. С. 475.

[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 350.

[6] См. там же. Т. 20. С. 354.

чим, все неподвижное стало подвижным, все то особое, которое считалось вечным, оказалось преходящим, было доказано, что вся природа движется в вечном потоке и круговороте» [1]. Так подчеркивалось значение дарвинизма для утверждения материалистической диалектики и ее проникновения в естествознание.

В первоначальной рукописи произведения «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» (1886), а затем и в окончательном тексте произведения Энгельс отнес учение Дарвина к трем великим открытиям естествознания середины XIX века, сыгравшим решающую роль в раскрытии объективной диалектики природы. В первом варианте, ряд страниц которого Энгельс приобщил к рукописям «Диалектики природы», говорится о теории Дарвина: «Какие бы превращения ни предстояли еще этой теории в частностях, но в целом она уже и теперь решает проблему более чем удовлетворительным образом. В основных чертах установлен ряд развития организмов от немногих простых форм до все более многообразных и сложных, какие мы наблюдаем в наше время, кончая человеком. Благодаря этому не только стало возможным объяснение существующих представителей органической жизни, но и дана основа для предыстории человеческого духа, для прослеживания различных ступеней его развития, начиная от простой, бесструктурной, но ощущающей раздражения протоплазмы низших организмов и кончая мыслящим мозгом человека. А без этой предыстории существование мыслящего человеческого мозга остается чудом» [2].

Наряду с мировоззренческими выводами из теории Дарвина в целом, основоположники марксизма подвергали философскому анализу и отдельные ее положения, а также характер примененного в ней теоретического метода.

В «Диалектике природы» особенно внимательно рассматривается значение теории Дарвина для диалектического понимания необходимости и случайности. Как уже говорилось выше, естествоиспытатели XIX века в большинстве либо отрицали объективный характер случайности, либо метафизически противопоставляли ее необходимости. Такого рода высказывания есть и у Дарвина. Но, как показано в «Диалектике природы», объективно его теория обосновывала совсем иной подход к данной проблеме.

Неопределенная изменчивость, не детерминированная однозначно и потому проявляющаяся как случайность, здесь не противоречит закономерной природе эволюционного процесса. Напротив, последняя проявляется в «Происхождении видов» как раз через многочисленные случайные изменения. Таким образом, Дарвином был выявлен новый вид причинной связи, действующий в живой природе и имеющий характер статистической закономерности.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 354.
[2] Там же. С. 512.

«Дарвин в своем составившем эпоху произведении исходит из самой широкой, покоящейся на случайности, фактической основы,— отмечал Энгельс.— Именно бесконечные случайные различия индивидов внутри отдельных видов, различия, которые могут усиливаться до выхода за пределы видового признака и у которых даже ближайшие их причины могут быть установлены лишь в самых редких случаях, именно они заставляют его подвергнуть сомнению прежнюю основу всякой закономерности в биологии — понятие вида в его прежней метафизической окостенелости и неизменности» [1]. Такой подход, с точки зрения Энгельса, является практическим доказательством внутренней связи между необходимостью и случайностью [2].

Немалое внимание уделено в «Диалектике природы» и проблеме прерывности — непрерывности, скачков в развитии живой природы. Как известно, Дарвин не раз выражал согласие со старым изречением натуралистов «природа не делает скачков» и рассматривал эволюцию как постепенный процесс. Многие обвиняли ученого в плоском эволюционизме, однако Энгельс был одним из первых, кто отверг эти нападки. Он показал, что скачки в ходе развития органического мира носят, как правило, не взрывной, а «постепенный» характер. Эта их особенность, связанная со временем протекания, обусловливает то, что «в пределах сферы жизни скачки становятся... все более редкими и незаметными» [3]. Ведь скачки — это стадия превращения одного качества в другое, которая может длиться сотни и тысячи лет, разбиваясь на мельчайшие ступеньки, в совокупности создающие видимость непрерывной цепочки изменений. В этом смысле Энгельс отмечал, солидаризируясь с учением Дарвина, что «в природе нет скачков *именно потому,* что она слагается сплошь из скачков» [4].

При всей положительной оценке учения Дарвина в целом основоположники марксизма не воспринимали его догматически и находили некоторые его положения ошибочными. К их числу они относили, например, некритическое перенесение Дарвином в естествознание положения Т. Гоббса о «войне всех против всех» и надуманной теории народонаселения Т. Мальтуса. «Ошибка Дарвина,— писал Энгельс,— заключается именно в том, что он в своем «естественном отборе, *или* выживании наиболее приспособленных», смешивает две совершенно различные вещи:

1) Отбор под давлением перенаселения, где наисильнейшие, быть может, и выживают в первую очередь, но могут оказаться вместе с тем и наислабейшими в некоторых отношениях.

2) Отбор благодаря большей способности приспособления к изменившимся обстоятельствам, где выживающие индивиды лучше

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 535.
[2] См. там же. С. 620.
[3] *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Там же. С. 66.
[4] *Энгельс Ф.* Диалектика природы // Там же. С. 586.

приспособлены к этим *обстоятельствам*, но где это приспособление может быть в целом как прогрессом, так и регрессом (например, приспособление к паразитической жизни *всегда* регресс).

Главное тут то, что каждый прогресс в органическом развитии является вместе с тем и регрессом, ибо он закрепляет *одностороннее* развитие и исключает возможность развития во многих других направлениях» [1].

Энгельс отметил, что многие биологи были склонны до Дарвина видеть в природе только гармонию, а после признания его учения, наоборот, только борьбу. Обе эти концепции, с его точки зрения, правомерны, но в известных узких границах, поскольку они обе одинаково односторонни и ограниченны. «Взаимодействие мертвых тел природы,— писал он,— включает гармонию и коллизию; взаимодействие живых существ включает сознательное и бессознательное сотрудничество, а также сознательную и бессознательную борьбу. Следовательно, уже в области природы нельзя провозглашать только одностороннюю «борьбу»» [2].

Энгельс, таким образом, не против признания в природе борьбы за существование, но он не согласен с ее абсолютизацией. Другой важный момент, который он отмечает в данной связи и который существенно дополняет и расширяет концепцию естественного отбора, осуществляемого посредством борьбы за существование,— это идея диалектического взаимодействия приспособления и наследственности (данная мысль особенно четко выражена в «Анти-Дюринге»).

Из многих высказываний Маркса и Энгельса по вопросу о причинах и направлении естественного отбора следует, что в должной мере оценивая фактор борьбы за существование в процессе естественного отбора, они в то же время склонялись к признанию также и прямого влияния среды на организмы. Так, обсуждая в переписке с Энгельсом книгу французского естествоиспытателя П. Тремо «Происхождение и видоизменения человека и других существ» (Париж, 1865), Маркс при всех ее недостатках, усматривал в ней «*весьма значительный* прогресс по сравнению с Дарвином» [3], особенно в признании воздействия почв на развитие организмов. «Основная идея Тремо о *влиянии почвы*...— писал Маркс,— является, по-моему, такой идеей, которую нужно только *высказать*, чтобы она навсегда завоевала себе право гражданства в науке, и это совершенно независимо от изложения Тремо» [4]. Хотя Энгельс возражал против такой оценки Марксом книги П. Тремо и между ними в ходе переписки возникла дискуссия по этому вопросу, он тем не менее также усматривал заслугу французского

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 621.
[2] Там же. С. 622.
[3] См.: Маркс — Энгельсу, 7 августа 1866 г. // Там же. Т. 31. С. 209.
[4] Маркс — Энгельсу, 3 октября 1866 г. // Там же. С. 217.

автора «в том, что он в большей степени, чем это делали раньше, подчеркнул влияние «почвы» на образование рас, а следовательно, и видов» [1].

Несмотря на обоснование Энгельсом глубокой связи дарвинизма с идеями материалистической диалектики, некоторые ученые считают его сторонником скорее Ламарка, чем Дарвина. При этом они ссылаются на принятие Энгельсом идеи наследования приобретенных свойств [2]. Действительно, Энгельс эту идею не отрицал. Однако ее не следует вырывать из контекста взглядов Энгельса на развитие органического мира. Внимательный анализ всей совокупности его теоретических утверждений позволяет сделать вывод, что в своих существенных моментах взгляды Энгельса никак не отнесешь к ламаркизму. Энгельс, в частности, отвергал присущую ламаркизму телеологическую трактовку эволюции, а также отстаиваемое им идеалистическое учение о психической основе морфологических изменений в живой природе, в соответствии с которым «потребность рождает орган» [3]. С точки зрения выдающегося советского биолога И. И. Шмальгаузена взгляды Энгельса на проблему приобретенных признаков были не возвратом к ламаркизму, а, скорее, предвосхищением представлений об активной роли фенотипа в эволюционном процессе, развиваемых современной наукой [4].

Высказывая свои сомнения по поводу тех или иных положений Дарвина, которые казались ему ошибочными или неубедительными, Энгельс делает это весьма деликатно. Но, как и Маркс, он решительно и категорически отвергал псевдонаучные построения тех, кто пытался распространить учение о борьбе за существование на общественную жизнь (позднее эта тенденция получила наименование социал-дарвинизма). Попытки «подвести все богатое многообразие исторического развития и его усложнения под тощую и одностороннюю формулу: «борьба за существование» [5] он характеризует как совершенное ребячество. Антинаучной биологизаторской концепции общественного развития Маркс и Энгельс противопоставляли свое учение о классовой борьбе в контексте всей историко-материалистической концепции общества и его развития.

---

[1] Энгельс — Марксу, 5 октября 1866 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 31. С. 218.

[2] См., например: *Carver T.* Engels. Oxford, 1981. P. 57.

[3] См. подробнее: *Завадский К. М., Георгиевский А. Б., Мозелов А. П.* Ф. Энгельс и дарвинизм // Вопросы философии. 1970. № 11. С. 80—81.

[4] *Шмальгаузен И. И.* Ф. Энгельс об учении Ч. Дарвина // Философские проблемы современной биологии. Л., 1966.

[5] См.: *Энгельс Ф.* Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 622.

5. ТРУДОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ АНТРОПОСОЦИОГЕНЕЗА

Разработка биологического и социального аспектов проблемы антропосоциогенеза

Исключительно богат идеями фрагмент «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», задуманный Энгельсом вначале как методологическая преамбула к будущему исследованию о генезисе и формах эксплуатации (он остался ненаписанным) и включенный затем в «Диалектику природы». В содержательном отношении он выступает как соединительное, переходное звено, связывающее в единую, неразрывную цепь диалектику природы и диалектику человеческого общества.

Сам вопрос о том, почему и как появились человек и общественная среда, в которой он живет и преобразует природу, имеет глубочайший мировоззренческий смысл. Благодаря обращению основоположников марксизма к исследованию антропосоциогенеза основной вопрос философии «открылся» в системе их взглядов специфически генетической стороной. Естественнонаучное доказательство того, что материя в своем диалектически-противоречивом саморазвитии закономерно порождает (при наличии необходимых условий) сознание, а также выявление принципиальных тенденций и черт процесса образования человеческого общества позволило марксизму на качественно новом уровне подтвердить фундаментальные принципы материализма и диалектики.

Природа, считал Энгельс, с необходимостью создает и уничтожает условия, в которых возможно возникновение и развитие разумной жизни. Разум, мыслящий дух, с его точки зрения, это атрибут природы именно в том смысле, что он становится «целью» и продуктом объективного развития материи всякий раз, когда складываются благоприятные для этого внутренние предпосылки и внешняя среда.

В рукописи Энгельса процесс антропосоциогенеза представлен не просто как возникновение нового биологического вида или же зарождение «начала» человеческой истории, а как связующее звено диалектической эволюции природы и диалектики общественного развития. Спонтанно-стихийное самодвижение естественных процессов начало «обогащаться» первыми всплесками социальной жизнедеятельности, благодаря чему открылась новая страница эволюции материи на Земле. Еще в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс констатировали: «Мы знаем только одну единственную науку, науку истории. Историю можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей» [1]. Соответственно, переход истории природы в историю людей, с их точки зрения, правомерно изучать и как формирование

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 16 (примеч.).

«внутри» природы нового биологического вида и специфического — социального — способа его бытия, и как движение познания от выявленных наукой фундаментальных закономерностей истории людей к естественно-природным предпосылкам последней.

Чарльз Дарвин впервые строго научно доказал эволюционную связь биологического вида Homo sapiens с животным миром. Именно на его книгу «Происхождение человека и половой отбор», вышедшую в Лондоне в 1871 году, Энгельс опирается в своих рассуждениях о психосоматическом облике и основных чертах эволюции зоологических предков человека. Специальное обращение к проблематике антропосоциогенеза было во многом продиктовано тем, что развернувшаяся вокруг открытий в биологии в 60—70-х годах XIX века острая полемика, во-первых, очень скоро вышла за рамки обсуждения закономерностей видообразования и все более приобретала мировоззренческий характер, смыкаясь с различными трактовками общественной жизни. Среди этого круга проблем особое место занимал внутренний механизм и внешняя обусловленность антропосоциогенеза. Энгельсу принадлежит приоритет научной разработки социального аспекта проблемы антропосоциогенеза.

Четко разграничив эколого-физиологический и этолого-психический критерии естественного отбора, по сути дела, он почти на шесть десятилетий опередил теоретические поиски биологической науки. Он сформулировал принцип диалектической взаимосвязи приспособления путем изменения поведения (и образа жизни) и «притирки» к среде через органо-функциональные перестройки. Тем самым Энгельс поддержал преодоление Дарвином ламаркизма как вульгарно-механистического (хотя и прогрессивного в самом начале XIX века) объяснения органической эволюции и признал эвристический потенциал дарвинизма.

Вместе с тем, Энгельс пошел дальше дарвиновской индивидуально-групповой (стадной) трактовки естественного отбора. Его научная проницательность обусловила обостренное внимание к исследованию нейропсихической детерминации поведения животных, особенно высших. Недаром поведенческая структура реконструированного Дарвином гипотетического гоминида предкового вида оказалась в глазах Энгельса гораздо более пластичной, нежели ее базовые органофизиологические структуры. Изменение поведенческих стереотипов последнего не исчерпывалось, по мнению Энгельса, возможностью деятельности в вертикально-выпрямленном положении, на чем акцентировал внимание Дарвин. Двуногое прямохождение закреплялось и углублялось все более совершенной и универсальной специализацией передних конечностей, «освободившихся» от функций передвижения, на предметно-манипуляционной деятельности с объектами окружающей среды. Обусловленное этим развитие высших психических функций стало исходной предпосылкой превращения мозга в парный (правое и ле-

вое полушария) орган психического отражения характера связи внешнего мира и внутренней среды организма (его потребностей). Такого рода преобразования вели к «прорыву» горизонта чисто биологического существования.

Критики Энгельса подчас используют содержащееся в названии очерка словосочетание «превращение обезьяны в человека», трактуя его прямолинейно, в целях искажения, подрыва и компрометации марксистской теории антропогенеза. Действительно, определенные упрощения диалектической противоречивости данного процесса могут быть «вычитаны», особенно если понимать название работы буквально, в вырванном из контекста виде. Однако нельзя забывать, что она воспроизводит метафорическую формулу последователей Дарвина, для которого главным было доказательство биологической преемственности животного мира и человечества, природно-закономерного появления последнего без участия каких-либо вне- и сверхъестественных сил. Характерно, что, употребляя тезис дарвиновской школы «человек произошел от обезьяны», Энгельс даже в название своей работы вводит, по сути дела, элемент конструктивно-концептуальной полемики с создателем теории естественного отбора и подчеркивает принципиальную методологическую новизну марксистского подхода к проблеме словами «Роль труда в процессе...».

В рассуждениях Энгельса переломным моментом в изменении образа жизни отдаленных общих предков человека и современных человекоподобных приматов была не анатомическая перестройка их телесной организации, а все более частое общение индивидов друг с другом, ускоренное развитие высшей нервной деятельности, трансформировавшейся в направлении генезиса сознания, тенденция возрастания удельного веса избирательно-ситуативного поведения, высшей ступенью которого явилось зарождение предпосылок труда (способности к труду). В первых же строках очерка Энгельс определяет труд как силу природы и активного «компаньона» последней в производстве материальных благ, полемизируя в данном контексте с классиками английской буржуазной политической экономии А. Смитом и Д. Рикардо.

Феномен труда не объясним с естественнонаучных позиций, ибо он содержит в себе действия, противоречащие животным инстинктам (например, оббивание камня или поведение загонщика на охоте и т. п.). Вместе с тем, труд зародился как средство разрешения дилеммы выживания, то есть биологической по своей сути ситуации. Этим обусловлена внутренняя противоречивость складывавшегося труда: с внешне-предметной стороны он подобен некоторым целесообразным действиям животных, и в то же время благодаря систематическому использованию орудий и кооперации усилий коренным образом отличен от них.

Таким образом, эволюционная концепция Дарвина и трудовая теория Энгельса отнюдь не исключали, а, напротив, диалектически взаимодополняли друг друга.

Экологические предпосылки антропосоциогенеза

Изменение типа жизнедеятельности представителей гипотетического прачеловека не могло быть вызвано никакими иными причинами, кроме биологических противоречий, поставивших какую-то его ветвь на грань выживания. Выход из такого рода ситуации Энгельс видел в расширении диапазона поведения и постепенном переходе к всеядности [1]. «Хищническое хозяйство» животных, подчеркивал Энгельс, «играет важную роль в процессе постепенного изменения видов, так как оно заставляет их приспособляться к новым, необычным для них родам пищи, благодаря чему... вся физическая конституция постепенно становится иной, виды же, установившиеся раз навсегда, вымирают. Не подлежит сомнению, что это хищническое хозяйство сильно способствовало превращению наших предков в людей» [2].

Резкое ухудшение природных условий вследствие «хищнического хозяйства» повлекло за собой изменение всей экологической обстановки. То, что на предковый вид «давила» необходимость перехода к новой пище, соперничество с другими животными и т. п., в сочетании с изменением ландшафтно-климатических условий привело к формированию потребности в освоении новой среды обитания, новых экологических ниш взамен «перенаселения» прежних. Все это не оставляет никаких сомнений в том, что ведущую роль в процессе складывания предпосылок «начала» перехода от биологического (зоологического) существования к общественой жизни Энгельс отводил внутренне присущему материи свойству самодвижения (саморазвития), рассматривая те условия, в которых оно реализуется и восходит на качественно новую ступень, как, хотя и важное, но в мировоззренческом плане вторичное обстоятельство.

Помимо уточнения палеогеологическими, палеоботаническими, палеонтологическими исследованиями временных интервалов и пространственных границ, в принципе известных Энгельсу неоднократных изменений климата нашей планеты и отдельных ее регионов, последние десятилетия принесли массу новых данных, характеризующих природные условия, в которых зарождался и протекал процесс антропосоциогенеза. Стало известно, что в течение последних трех — пяти миллионов лет четырежды менялись магнитные полюса Земли. Разлом земной коры, особенно в южной и юго-восточной части Тропической Африки, обнажал выходы урановых руд, существенно повышая радиационный фон среды обитания и тем самым частоту и размах мутаций в популяциях ископаемых антропоидов [3]. Мощные мутационные «всплески» вели к изменению «русла» наследственности и самой генетической структуры предков человека. Подверженные воздействию радиации приматы резко изменяли обычные для них стереотипы жизнедеятельности: начинали предпочитать мясо растительной пище; для них становилось характерным отсутствие сезонных половых циклов. И что еще более важно: происходила потеря врожденных видовых стадных реакций, «освобождение» индивидов от слепой власти животных инстинктов, в том числе ломка иерархии доминирования по принципу соотношения зоологической силы.

---

[1] См.: *Энгельс Ф.* Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 491.

[2] См. там же.

[3] См., например: *Матюшин Г. Н.* У истоков человечества. М., 1982. С. 78, 100, 118 и др.

Гоминидная триада: прямохождение, развитие руки и мозга

Руководствуясь предложенным Марксом гносеологическим принципом анализа генетически связанных структур: «анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны», согласно которому прогрессивные тенденции эволюции могут быть адекватно поняты лишь в сравнении с уже сложившимися формами [1], и не ограничившись констатацией качественного отличия психофизического строения представителей исходного предкового вида от «телесной организации» людей, Энгельс первым в мировой науке выделил основные звенья и стадии процесса развития человека — гоминидной триады. Последующий вековой путь палеоархеологии и палеоантропологии подтвердил принципиальные моменты его идеи о последовательном и взаимозависимом развитии прямохождения, затем руки и, наконец, мозга.

Энгельс писал: «Под влиянием в первую очередь, надо думать, своего образа жизни, требующего, чтобы при лазании руки выполняли иные функции, чем ноги, эти обезьяны начали отвыкать от помощи рук при ходьбе по земле и стали усваивать все более и более прямую походку. Этим был сделан *решающий шаг для перехода от обезьяны к человеку*» [2]. Но главным, как справедливо подчеркивал Энгельс, было то, что *«рука стала свободной* и могла теперь усваивать себе все новые и новые сноровки» [3]. Это, в свою очередь, способствовало совершенствованию прямохождения, деятельность руки постепенно занимала доминирующее место в обеспечении жизнедеятельности и безопасности наших предков. В принципе функциональное развитие руки (естественного биологического орудия) за счет «присоединения» к нему естественного неорганического орудия, например камня, могло идти темпами, на несколько порядков превышающими скорость обычной биологической эволюции. В свою очередь, развитие осязания, ощупывания, расчленения, соединения, накладывания друг на друга, перемещения и других операций с предметами внешней среды, контролируемое стереоскопическим цветным зрением, так же как и координация деятельности правой и левой рук, двигательной и манипуляторной активности в далекой и опосредованной другими факторами генетической перспективе «запечатлевались» центральной нервной системой, способствуя ее прогрессивной эволюции. Взаимодействие зрительного «ощупывания» предметов и ручного «осматривания», таким образом, способствовало развитию не только руки, но и зрения.

Размышляя о формировании телесной организации человека, Энгельс считал важным выявление взаимовлияния компонентов гоминидной триады друг на друга. «Однако,— писал Энгельс,—

---

[1] См.: *Маркс К.* Экономические рукописи 1857—1859 годов. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. 1. С. 42.

[2] *Энгельс Ф.* Диалектика природы // Там же. Т. 20. С. 486.

[3] Там же. С. 487.

этого рода воздействие еще слишком мало исследовано, и мы можем здесь только констатировать его в общем виде» [1]. Прежде всего это касалось развития мозга, процесса, особенно интересовавшего Энгельса.

Современные данные позволяют дополнить его рассуждения и наблюдения новыми деталями и конкретными естественнонаучными материалами.

Уже у приматов сложился качественно новый тип складчатости головного мозга, характерной чертой которого было преобладание не циркулярного, как у всех иных отрядов млекопитающих, а радиального направления главных борозд, что сочеталось также с усилением тенденции укрупнения полушарий [2]. Сохраняя в обоих этих отношениях преемственность с предшествующими ступенями эволюции, развитие мозга гоминид пошло в направлении существенного расширения диапазона его индивидуально-прижизненной пластичности и зависимости от типа жизнедеятельности его конкретного обладателя.

Эволюция мозга началась в связи с прямохождением (что способствовало утоньшению костей черепа, открывающему возможность увеличения его вместимости, а также перестройки двигательных центров мозга) и развитием руки, обусловливающим совершенствование зрения, тактильной чувствительности и т. п. Именно систематическая орудийная деятельность ископаемых антропоидов дала решающий толчок развитию мозга, которое шло таким образом, что новые функции, «возлагаемые» на него общим направлением эволюции и ее все более общественным характером, обусловливали формирование специфических структур в коре больших полушарий и дальнейшее развитие головного мозга как парного органа.

Энгельс о переходных существах и концепция двух скачков

Становление человека современного физического типа Энгельс не мыслил вне рамок диалектически связанного с ним процесса складывания общества как «второй», «искусственной природы», качественно новой среды жизнедеятельности, принципиально отличного от животного мира отношения индивидов к естественной среде и друг к другу. Данный процесс также имел свои специфические этапы, контуры которых Энгельс выявил в работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека».

Энгельс говорил о «многих сотнях тысячелетий» не пассивно-терпеливого ожидания «чуда творения», а о мощных подспудных тенденциях вызревания предпосылок нового, скачка-поворота в неведомое дотоле русло развития и закреплении его прогрессивных потенций. Он акцентировал внимание на диалектико-материалистическом понимании самого перехода, на учете противоречивости преемственности и отрицания, специфики диалектического «снятия» в развитии живой материи на этапе антропосоциогенеза. «Плавность» данного процесса, сам факт его зарождения и протекания в недрах природных структур как бы концентрировали в себе инерцию преемственности с животным миром. Она органически сочеталась с естественными же перерывами постепенности биологической эволюции в направлении социальной материи. Энгельс подчеркивал, что «при всей постепенности, переход от одной

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 488.
[2] См.: *Кочеткова В. И.* Палеоневрология. М., 1973. С. 5—6.

формы движения к другой всегда остается скачком, решающим поворотом» [1].

Видимо, стремясь избежать некритического отождествления такого рода «решающего поворота» со всей исторической «дистанцией» антропосоциогенеза, Энгельс выдвинул плодотворную идею о специфических «переходных существах», в среде которых произошел этот «решающий поворот» от биологической детерминации жизнедеятельности к социальной. В концепции Энгельса они играли гипотетическую роль связующего звена и вместе с тем растянутой во времени внутренне противоречивой эволюционной динамичной границы животного и социального миров.

Согласно его предположению, эти существа использовали для своего жизнеобеспечения, помимо дубин и плодов, камни, в частности кремень, возможно уже специально подобранный или даже слегка оббитый для удобства закрепления его в руке, но еще не превратившийся в целевое орудие труда. Учитывая это обстоятельство, Энгельс подчеркнул принципиальную несостоятельность отождествления переходных существ как с представителями предкового зоологического вида, так и с наиболее примитивными из людей современного физического типа. «Самые низшие дикари и даже те из них, у которых приходится предположить возврат к более звероподобному состоянию с одновременным физическим вырождением, всё же стоят гораздо выше тех переходных существ. Прежде чем первый кремень при помощи человеческой руки был превращен в нож, должен был, вероятно, пройти такой длинный период времени, что в сравнении с ним известный нам исторический период является незначительным» [2]. Кремень, зажатый в руке, освобожденной от функции передвижения и освоившей азы примитивной предметно-орудийной деятельности,— таков эскиз образа жизни этой уже не обезьяны в полном смысле слова, а «обезьяноподобного предка» [3].

Наконец, наиболее продвинутую эволюционную ветвь переходных существ, которая в принципе не могла вернуться к животному образу жизни, Энгельс, подчеркивая специфику завершающей стадии антропосоциогенеза, называет «формировавшимися людьми», или «формировавшимся человеком» [4].

Для адекватного восприятия этих понятий важна одна особенность оригинала, оставшаяся в тени при переводе. Ведь die werdenden Menschen — это не столько «формирующиеся» или «формировавшиеся» (на с. 489 русского перевода), сколько «становящиеся», в философском смысле, люди. Значит, для Энгельса они — на рассматриваемой им ступени — еще не люди. Данное обстоятель-

---

[1] *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 66.
[2] См.: *Энгельс Ф.* Диалектика природы // Там же. С. 487.
[3] См. там же. С. 488.
[4] См. там же. С. 489, 492.

ство важно отметить, ибо отсюда берет начало тенденция расширительной трактовки первобытнообщинной формации с включением в нее этапа человеческого стада переходных существ [1].

Мысль о переходных существах естественно и логично дополнила энгельсовский эскиз становления психосоматической (телесной) организации Homo sapiens своего рода сапиентной триадой, в рамках которой фигурирует его эволюция как активно деятельного элемента динамично развивающихся популяционных систем. Под этим углом зрения прямохождение взаимообусловлено существенно иным, чем прежде, образом жизни и адаптацией к среде с помощью предметов внешней природы, дополнявших естественные органы. Развитие руки и особенно кисти знаменовало собой складывание переходного типа жизнедеятельности, сочетавшего животные и диалектически противоположные им (протосоциальные) черты с тенденцией усиления небиологического, орудийно-стадного способа биологического выживания. Скачок в эволюции мозга совпадал с прогрессирующим развитием возможностей общений, социальной регуляции, форм взаимодействия, рефлексии, коммуникативно-речевой деятельности — необходимых предпосылок первичных социальных структур и их успешного функционирования.

Такого рода «совмещение» гоминидной (психосоматической) и сапиентной (деятельной, орудийно-коммуникативной) «триад» логично вытекает из методологического принципа диалектико-материалистической взаимосвязи антропогенеза и социогенеза, ибо акцент каждой из этих «триад» падает на ту или иную сторону единого целостного процесса антропосоциогенеза.

Высказанная Энгельсом мысль о «раздвоенности» скачка от биологического к социальному и существовании в далеком прошлом гипотетически переходных существ сыграла важную методологическую роль в период становления марксистской антропологической науки. Она нашла свое отражение и подтверждение в практически общепринятой сейчас концепции двух скачков в процессе антропосоциогенеза (В. П. Алексеев, Ю. В. Бромлей, А. И. Першиц, Я. Я. Рогинский, Ю. И. Семенов, А. Г. Спиркин и др.). Согласно такому подходу, первый скачок представлял собой постепенный отрыв — путем адаптации, основанной на рефлекторном использовании орудий,— от животного состояния, выход за его «пределы» в процессе формирования психосоматической структуры «переходных существ» с присущим им специфическим типом орудийной жизнедеятельности, первобытного стада в качестве складывающейся формы внутренней самоорганизации, «проясняющихся» представлений как инструмента психической ориентации в окружающем мире и средств звуковой внутригрупповой коммуникации. Второй скачок — становление «готового» человека и общинно-родовой организации как специфически социальной формы жизнедеятельности, как поля действия общественных отношений и закономерностей.

Труд как воздействие на природу (орудие, охота, огонь)

Силой, направившей процесс морфологических изменений древних антропоидов в направлении телесной организации человека современного физического типа, явился, по Энгельсу, труд. Способность к труду он в свою очередь рассматривает как критерий, отделяющий человека от мира животных. Но в каком смысле можно говорить о человеке как продукте труда, если последний сложился, возник именно в процессе возникновения человека и общества?

Этот вопрос не является надуманным. Некоторые известные зарубежные ученые разделяют представление, будто труд, включая изготовление орудий, возник задолго до появления на земле чело-

[1] См., например: *Румянцев А. М.* Возникновение и развитие первобытного способа производства. Присваивающее хозяйство. (Политико-экономические очерки.) М., 1981. С. 16, 91, 101, 106, 113 и др.

века и существует у обезьян, дельфинов и даже насекомых, а следовательно тезис Энгельса «труд создал человека» нуждается, как и критерий человека, в пересмотре... Противоположная точка зрения рассматривает процесс складывания человека под влиянием благотворных мутаций как существенно опережающий становление труда, тем более, что первобытный человек якобы мог выжить и существовать длительное время вообще без орудий труда. Характерным для названных позиций является метафизически-одностороннее понимание труда как узкоиндивидуального, изолированного от окружающей социальной среды орудийного воздействия на предметы внешней природы.

Маркс высказал в «Капитале» смелую и плодотворную идею о существовании в далеком прошлом «первых животнообразных, инстинктивных форм труда», упоминая в данной связи «уходящее в глубь первобытных времен состояние, когда человеческий труд еще не освободился от своей примитивной, инстинктивной формы».

Исходя из этого, Энгельс развивал мысль о том, что труд базируется в своих истоках на специфических формах биологической адаптации высших антропоидов к окружающей среде. Жизнедеятельность последних могла быть обеспечена посредством эволюционного совершенствования естественных органов труда путем развития навыков манипулирования различными (в том числе — это самое важное — неорганическими, несъедобными) предметами, обусловленного соответствующей морфологической организацией и достаточно гибкой нервной системой.

Факты использования человекообразными обезьянами дубин, камней и плодов для прицельного поражения других животных позволили Энгельсу воссоздать первичную модель того, как предковые формы гоминид встали на путь вначале эпизодического, а затем систематического использования отдельных предметов и сил природы в качестве все более необходимого дополнения к естественным органам своей жизнедеятельности, средства нападения на окружающих животных, защиты от них, а также разделывания добычи. Тем самым внешняя природа как бы «расщеплялась» на предметы **биологически значимые,** непосредственно противостоящие прогрессирующим антропоидам, и предметы и силы природы, **биологически нейтральные,** главным образом, неорганические, используемые последними в качестве посредников и «помощников» в процессе обеспечения биологической жизнедеятельности.

«Труд,— говорится в «Диалектике природы»,— начинается с изготовления орудий» [1], то есть целенаправленного изменения биологически нейтральных предметов внешней природы, в дальнейшем используемых в качестве средств обеспечения существования вида. Но Энгельс нигде и никогда не утверждал, что он (труд) этим исчерпывается. Напротив, такого рода преобразо-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 491.

вание природы диалектически связано с преобразованием субъектов труда (в том числе, инстинктивного, животнообразного) не только в психосоматическом, но и в широком коммуникативно-знаковом плане, включая в принципе неведомые животным механизмы речевого общения.

«А что представляют собой наиболее древние орудия, которые мы находим,— наиболее древние, судя по найденным предметам, оставшимся нам в наследство от доисторических людей, и по образу жизни наиболее ранних исторических народов, а также и наиболее примитивных современных дикарей? — задавался вопросом Энгельс, и отвечал на него.— Эти орудия представляют собой орудия охоты и рыболовства; первые являются одновременно и оружием. Но охота и рыболовство предполагают переход от исключительного употребления растительной пищи к потреблению наряду с ней и мяса, а это знаменует собой новый важный шаг на пути к превращению в человека» [1]. Охота, помимо развития оружия и навыков взаимодействия, стимулировала прогресс орудий для разделки добычи. Камень, согласно данной точке зрения, вначале имел предметом своего воздействия кости, скелетные остатки погибших и убитых животных, и лишь много позднее орудием стал, наконец, другой камень, которому придавались некоторые заданные складывавшейся технологической традицией форма и совокупность обусловленных его социальными функциями свойств.

Попытки абсолютизации роли употребления мясной пищи как чуть ли не главного фактора очеловечивания обезьяны и отождествление добычи мяса с фатальной агрессивностью принципиально неприемлемы.

Социал-дарвинисты выдвигают тезис, что человек-гоминид стал человеком прежде всего как охотник. Отсюда ими выводится генетическая власть над людьми «охотничьего инстинкта», проявляющаяся в культе примитивно-грубой, не отягощенной размышлениями силы, которая якобы сама по себе является предпосылкой и аргументом действия. Отсюда — один шаг до провозглашения репрессий и терроризма естественно-приемлемой формой решения социальных проблем, в том числе международных. Таков идеологический аспект этой палеолитической по своей хронологии проблемы.

Обогащая рацион мясной пищей, охота способствовала быстрой эволюции мозга, а также совершенствованию нервной системы, органов чувств, ориентировочных навыков. Сделавшееся потребностью регулярное употребление в пищу мяса и орудийная деятельность, связанная с необходимостью обработки камнем камня, способствовали тому, что наши предки научились использовать, сохранять, а затем и получать огонь.

Энгельс рассматривал добывание огня трением как начало культуры и свободы, решающий фактор отделения человечества от животного царства, источник производительных сил в тех условиях более значительный, нежели будущая паровая машина [2]. Технология добывания огня путем трения в принципе подобна изготовлению орудий с помощью других предварительно заготовленных и тщательно хранимых орудий. Неудивительно, что она, как отме-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 491—492.

[2] См.: *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Там же. С. 116—117.

чает Энгельс, запечатлелась в самых далеких преданиях и наиболее древних обычаях [1].

Некоторые зарубежные авторы, называя «похищенный у природы» огонь «волшебным орудием», обусловившим, помимо всего прочего, «революцию в способе питания», склонны считать его открытие продуктом напряжения «чистого» разума. К тому же они зачастую датируют открытие огня существенно позже, чем Энгельс. Например, согласно Эдмунду Уайту, оказавшись в нелегких условиях оледенения, «первые люди были вынуждены выискивать способы, как продержаться зиму. Помочь им в этом мог только разум. И они открыли употребление огня» [2].

Характерно, что американский автор ничего не говорит в этой связи об использовании орудий, начатках коллективности, генезисе труда. Но ведь именно на пути систематического использования неорганических предметов внешней природы в качестве средства обеспечения непосредственных биологических потребностей только и мог «сломаться» животный инстинкт панического бегства от огня, а взятая освободившимися от функций передвижения руками головешка превратилась в орудие для отпугивания хищников. Только существа, обладавшие свободными передними конечностями и стадным типом жизнедеятельности, могли освоить использование, а затем и добывание огня, ибо он — орудие общественное. Одиночка мало что может извлечь из пользования им и вряд ли долго сохранит его.

Труд как совместная деятельность

Энгельс доказал, что уже у своих истоков труд не сводился к одностороннему воздействию на внешнюю природу с помощью орудий; он специально уделил внимание и генезису другой стороны зарождавшейся трудовой деятельности: взаимодействию индивидов друг с другом.

С самого «начала» антропосоциогенеза изменение образа жизни недавних древесных обезьян заключалось, по мысли Энгельса, не только в телесной перестройке, открывшей возможность использования предметов внешней природы в качестве «продолжения» естественных органов обеспечения жизнедеятельности, но и в изменении психики, а тем самым чисто зоологических стереотипов поведения внутри сообщества.

Механизм генезиса социальности едва ли не менее всех других аспектов антропосоциогенеза раскрыт наукой. Тем не менее в основном ясно, что процесс зарождения труда как фундамента социального бытия и мира культуры, предлагающий уже в своих истоках использование естественных, а затем изготовление искусственных орудий, был невозможен без совместной деятельности, без кооперации. Ископаемому предку, чтобы стать человеком, мало

---

[1] См.: *Энгельс Ф.* Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 430.

[2] *White E.* The First Men. N. Y., 1975. P. 20.

было обладать искусственными орудиями. Ему «нужны» — и это непременная предпосылка труда — другие индивиды, которым, в свою очередь, «нужен» он.

Такие новые поведенческие моменты, как «тесное сплочение» членов группы, частые «случаи взаимной поддержки, совместной деятельности» и все более ясное «сознание пользы этой совместной деятельности для каждого отдельного члена»[1], не только создавали неведомый животным психологический уровень общения индивидов друг с другом (подавление зоологического индивидуализма, распределение функций между отдельными особями в интересах всей общности и т. п.), но и выступали как факторы естественного отбора, принявшего в этих условиях, что отмечал еще Дарвин, групповой характер. Сплоченность микропопуляции становилась не менее необходимым «средством» выживания и прогрессивной эволюции, чем орудийная деятельность, тем более, что они друг друга диалектически обусловливали.

Отвергая индивидуалистские иллюзии «робинзонады» в трактовке истоков истории человечества, Энгельс утверждал, что «нельзя выводить происхождение человека, этого наиболее общественного из всех животных, от необщественных ближайших предков» [2]. Общественный инстинкт наших отдаленных предков, писал Энгельс П. Л. Лаврову, «был одним из важнейших рычагов развития человека из обезьяны» [3].

По сути дела, Энгельс ставил вопрос о становлении в качестве субъекта труда гипотетического предсоциального коллектива.

Непосредственной предпосылкой социальности в процессе антропосоциогенеза, с его точки зрения, была такая форма проявления «общественного инстинкта» обезьяноподобных предков, как стадность. Она не только защищала их от суровой и подчас агрессивной окружающей природы, но и создавала некую внутреннюю почву общения, взаимодействия, совместных усилий, разделения животнообразного труда, выработки общих эмоциональных структур и форм жестово-звуковой коммуникации.

Формирование речевого общения, мышления, сознания

«Язык» жестов, выраставший из демонстрационного поведения высших приматов, как и язык односложных выкриков типа междометий, названных Энгельсом «членораздельными звуками» [4], не могли эффективно и емко отразить ни все глубже открывавшегося многообразия окружающего мира, ни динамики все усложняющихся ситуаций, требующих согласования действий индивидов друг с другом. «Коротко говоря,— резюмировал Энгельс,— формировавшиеся люди пришли

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 489.
[2] Там же. С. 488—489.
[3] См.: Энгельс — Петру Лавровичу Лаврову, 12—17 ноября 1875 г. // Там же. Т. 34. С. 138.
[4] См.: *Энгельс Ф.* Диалектика природы // Там же. Т. 20. С. 489.

к тому, что у них появилась *потребность что-то сказать* друг другу» [1]. Наряду с каменным рубилом и огнем формировался качественно новый, идеальный тип орудия — адресованное другому (и самому себе) **слово**, общественной функцией которого являлось не непосредственное изменение природы, а опосредованное — через целенаправленное воздействие на психику других индивидов. Таким образом, по Энгельсу, труд порождает объективную потребность речевого общения как свое следствие и вместе с тем необходимое в дальнейшем условие своего собственного развития.

Формирующаяся **человеческая** речь, с этой точки зрения, имеет совершенно иную психологическую природу, чем звуковые коммуникации животных. Самое важное их различие состоит в том, что в процессе антропогенеза устанавливается органическая связь ее с мышлением, тогда как звуковые коммуникации животных, которые являются непосредственным выражением их внутреннего состояния, связаны лишь с эмоциональной сферой. У формирующегося человека возникает, по существу, единая система «ухо — голос — мозг», развивающаяся на основе совместной деятельности руки, органов речи и мозга. «Сначала труд, а затем и вместе с ним членораздельная речь,— указывал Энгельс,— явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг, который, при всем своем сходстве с обезьяньим, далеко превосходит его по величине и совершенству» [2].

В свою очередь, развитие мозга, мышления, отражающее прогресс специфически человеческого способа взаимодействия с природой трудовой деятельности, ведет к обогащению и совершенствованию сенсорной сферы. «Орел,— замечает Энгельс,— видит значительно дальше, чем человек, но человеческий глаз замечает в вещах значительно больше, чем глаз орла. Собака обладает значительно более тонким обонянием, чем человек, но она не различает и сотой доли тех запахов, которые для человека являются определенными признаками различных вещей» [3]. Энгельс имеет здесь в виду то обстоятельство, что в процессе антропосоциогенеза вырабатывается принципиально иной, чем у животных, механизм чувственного восприятия: человеческая чувственность как бы вбирает в себя все содержание культуры и социально-исторической практики. Так в «Диалектике природы» подтверждается и развивается мысль, высказанная Марксом еще в «Экономическо-философских рукописях 1844 года»: «...*человеческий* глаз воспринимает и наслаждается иначе, чем грубый нечеловеческий глаз, человеческое *ухо* — иначе, чем грубое, неразвитое ухо, и т. д.» [4].

В этом историческом контексте взаимосвязанного развития труда, речи, мышления и чувственного восприятия Энгельс ставит

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 489.
[2] Там же. С. 490.
[3] Там же.
[4] Там же. Т. 42. С. 121.

кардинальную по своей теоретической и мировоззренческой важности проблему «проясняющегося сознания». Сам он, правда, не рассматривает ее подробно — для этого данных современной ему науки было явно недостаточно. Однако тот подход к ее анализу, который был намечен Энгельсом, в дальнейшем оказал очень большое влияние на исследования в области психологии и антропологии.

Методологическое значение работы «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» состоит в том, что в ней на основе марксистской концепции практики по существу впервые была выдвинута идея **деятельностного подхода** к анализу развития человеческой психики, в соответствии с которой существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления и сознания в целом является преобразование человеком его материального окружения. В соответствии с этим подходом содержание, формы и уровень отражения человеком окружающей им действительности рассматриваются как вторичные по отношению к характеру предметной человеческой деятельности и объясняются исходя из последнего. Впоследствии эта идея была развернута в целостную концепцию генезиса и развития человеческого сознания, разработанную советской психологической школой (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия и др.).

Проблема взаимодействия общества и природы

Одним из важнейших вопросов, рассматривавшихся Энгельсом в «Диалектике природы», было взаимодействие общества и природы. Эта проблема, ныне ставшая одной из самых «больных» для современного человечества, вызвала у Энгельса особый интерес в связи с рассмотрением им основ единства и взаимосвязи различных форм движения материи, являясь логическим следствием исследования генезиса человеческого общества, выделения человека из природы.

Отправной точкой анализа Энгельсом проблемы взаимодействия общества и природы выступали его взгляды на закономерности эволюции материи в целом, места в ней общества, связи человечества с системой органической и неорганической природы. В процессе исследования диалектики взаимодействия общества и природы Энгельсом были выделены генетический и функциональный аспекты единства общества и природы, его антропологические и социальные предпосылки, взаимосвязь естественных и общественных последствий человеческой деятельности, основные этапы взаимодействия общества и природы, факторы, определяющие его характер. Такой подход позволил Энгельсу не только обрисовать общую картину эволюции природы, но и лучше понять специфику и законы развития самого общества, точнее спрогнозировать его развитие и выделить принципы социального управления.

Как неоднократно отмечал Энгельс, общество возникло как закономерный этап в развитии материального мира, обусловленный всей его предшествующей историей. Однако возникновение

общества было не просто закономерным результатом предшествующего развития материи, но и снятием внутренних противоречий этой эволюции, к числу которых относилось, во-первых, то, что максимальная дифференциация, достигнутая в природе — дифференциация ролей и типов поведения на основе жестких инстинктов — оказалась тупиковым путем, не способным к дальнейшим прогрессивным изменениям. Это противоречие было преодолено с возникновением человека как существа универсального. Однако тенденция все большей дифференциации с возникновением человека не исчезает, продолжая действовать уже применительно к нему самому. «И человек возникает путем дифференциации,— пишет Энгельс,— и не только индивидуально,— развиваясь из одной-единственной яйцевой клетки до сложнейшего организма, какой только производит природа,— но и в историческом смысле» [1].

Второе рассматривавшееся Энгельсом противоречие в развитии природы, возможность преодоления которого появляется с возникновением человечества,— это действенный характер развития самой материи, в ходе которого тенденции ее усложнения противостоит общая энтропийная тенденция. Энгельс считал, что уже на уровне растительных форм жизни возникла способность материи накапливать энергию и противостоять этой тенденции. Возникновение же общества означало появление еще одной потенциально обладающей такими свойствами формы движения материи. Обсуждая в 1882 году с Марксом живо интересовавшую его в связи с подготовкой «Диалектики природы» работу украинского революционера-народника С. А. Подолинского, посвященную проблемам труда и распределения энергии [2], Энгельс подчеркивал, что открытие Подолинского «состоит в том, что человеческий труд в состоянии удержать на поверхности земли и заставить действовать солнечную энергию более продолжительное время, чем это было бы без него» [3]. Однако способность эта сосуществует с прямо противоположной, наличие которой Энгельс обосновывает ссылками на расточительство человеком запасов солнечной энергии, сконцентрированной в запасах угля, лесов и т. д. «Следовательно,— делает он вывод,— своим трудом, поскольку труд фиксирует солнечную теплоту (что отнюдь не всегда имеет место в промышленности и в других областях), человеку удается соединить естественные функции потребляющего энергию животного и накапливающего энергию растения» [4].

Наконец, Энгельс касается и еще одного противоречия эволю-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 357.

[2] *Podolinski S.* Il socialismo e l'unità delle forze fisiche // La Plebe. 1881. N 3—4.— Сохранился конспект Маркса другой работы Подолинского «Труд человека и сохранение энергии» (см.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967. С. 761).

[3] Энгельс — Марксу, 19 декабря 1882 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 35. С. 109.

[4] Там же. С. 111.

ции, преодоленного с возникновением человека,— приближения к пределам возможной интенсификации обменных процессов в рамках живой природы, где обменные процессы идут через сами органические тела. Это противоречие снимается с появлением присущей человеку специфической формы обмена веществом и энергией со средой — трудом. Именно труд, представляющий собой всеобщее условие обмена веществ между человеком и природой, полагал Энгельс, и обеспечивает возможность все более широкого и глубокого преобразования окружающей природной среды. Он является логическим развитием основных законов распределения вещества и энергии в природе, способствует повышению организованности материи, выступает основой и залогом возможности дальнейшего развития прогрессивной линии эволюции материи в целом. Отныне прогресс природы неразрывно связан с прогрессом общества.

Однако это отнюдь не означает, указывал Энгельс [1], что общество в своем развитии становится независимым от природы, а рассматривая тенденции общественного развития мы можем абстрагироваться от всех закономерностей развития предшествовавших форм движения материи. Необходимость учета этих закономерностей диктуется, с точки зрения Энгельса, двумя обстоятельствами. Прежде всего, общество, раз возникнув, не существует вне природной среды, включено через материальный субстрат общественной жизни в систему взаимосвязей живой и неживой природы планеты. Вся его жизнь носит двойственный характер, существуя и по законам природной, и по законам социальной материи. С другой стороны, природа включена в результате преобразовательной деятельности общества в систему общественной жизни, существуя уже в преобразованном виде. «От «природы» Германии,— отмечает в этой связи Энгельс,— какой она была в эпоху переселения в нее германцев, осталось чертовски мало. Поверхность земли, климат, растительность, животный мир, даже сами люди бесконечно изменились, и все это благодаря человеческой деятельности, между тем как изменения, происшедшие за это время в природе Германии без человеческого содействия, ничтожно малы» [2].

Необходимость подходить к проблеме взаимодействия общества и природы с широких, общедиалектических позиций диктуется не только двойственным характером жизнедеятельности человека как биосоциального существа и наличием материального субстрата общественной жизни. Ни одну форму движения, в том числе и социальную, нельзя рассматривать вне категории взаимодействия, которое, как отмечал Энгельс, является истинной causa finalis вещей. При этом анализ процесса взаимодействия общества и природы предполагает два этапа: 1) рассмотрение его с позиций каж-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 495—497.
[2] Там же. С. 546.

дой из взаимодействующих сторон и 2) рассмотрение тех связей и явлений, которые возникают в процессе взаимодействия.

В этой связи важно отметить, что Энгельс выступал против попыток рассматривать отношения общества к природе без учета внутренних закономерностей эволюции последней, то есть с позиций социоцентризма. Он неоднократно подчеркивал, что решать проблему взаимодействия общества и природы надо с позиций их единства, рассматривал общество и природу как две взаимообусловливающих стороны противоречия в рамках единого явления (системы общество — природа) со сложными обратными связями.

Обе стороны этого противоречия, по Энгельсу, подчиняются некоторым единым закономерностям развития материального мира, хотя и отражают разные уровни его развития. «...История,— писал он,— отличается от истории природы только как процесс развития *самосознательных* организмов» [1]. Источником развития системы «общество — природа» является, с этой точки зрения, преобразовательная деятельность общества, труд. Выступая, по определению Энгельса, специфической отличительной чертой человеческого общества от всей живой природы, труд является в то же время развитием на качественно новом уровне присущей ей способности адаптации. Только механизм этой адаптации меняется с переходом к социальной форме движения на, казалось бы, прямо противоположный — не себя адаптировать к среде, а среду к себе. Ведь у животных условия, к которым идет приспособление,— это и есть те условия, в которых они живут. Условия же существования человека, как отмечает Энгельс, еще никогда не имелись налицо в готовом виде. Они вырабатывались в процессе исторического развития, создавались самими людьми [2]. А это означает и принципиально иной масштаб воздействия жизнедеятельности людей на природу. «...Животное только *пользуется* внешней природой и производит в ней изменения просто в силу своего присутствия,— пишет Энгельс,— человек же вносимыми им изменениями заставляет ее служить своим целям, *господствует* над ней» [3].

Однако новый механизм адаптации, создающий на первый взгляд неограниченные возможности господства над природой, как проницательно отмечал Энгельс, таит в себе и серьезную опасность. Кажущаяся возможность полного произвола по отношению к природе, пренебрежения законами, на протяжении миллионов лет определявшими ее эволюцию, на практике ведет к конфликтным ситуациям во взаимоотношениях общества и природы, порождает серьезнейшие противоречия и проблемы. Эта опасность, на тяжелые последствия которой для человечества указывал Энгельс, стала одной из реалий сегодняшнего мира, когда масштаб непродуманного воздействия человечества на природную среду многократно

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 551.
[2] См. там же. С. 510.
[3] Там же. С. 495.

возрос. Как никогда ранее актуально звучит сегодня мысль Энгельса, высказанная им в «Диалектике природы» более ста лет назад: «Не будем... слишком обольщаться нашими победами над природой. За каждую такую победу она нам мстит. Каждая из этих побед имеет, правда, в первую очередь те последствия, на которые мы рассчитывали, но во вторую и третью очередь совсем другие, непредвиденные последствия, которые очень часто уничтожают значение первых» [1].

Энгельс понимал, что будучи особым состоянием материи, общество должно подчиняться наиболее общим законам материального мира, считаться с закономерностями, свойственными природным обменным процессам, к числу которых, как мы теперь знаем, относятся эквивалентность обмена организма со средой, замкнутость циклов циркуляции вещества в природе и ряд других.

Возникновение антропогенного круговорота, вызванного преобразовательной деятельностью человека, создает опасность нарушения сложившегося механизма обмена, разрушения природной среды. Неоднократно отмечая эту тенденцию в своих работах, Энгельс считал ее неизбежной лишь для капиталистического способа производства, хотя и отмечал, что в ней следует видеть не только социальный аспект, но и научно-технический. (Как мы теперь знаем, экологические проблемы стоят перед всем человечеством независимо от социального строя.)

Необходимость перестройки принципов взаимодействия общества и природы, его гармонизации обусловлена тем, что мы, по словам Энгельса, «отнюдь не властвуем над природой так, как завоеватель властвует над чужим народом, не властвуем над ней так, как кто-либо находящийся вне природы,— что мы, наоборот, нашей плотью, кровью и мозгом принадлежим ей и находимся внутри ее, что все наше господство над ней состоит в том, что мы, в отличие от всех других существ, умеем познавать ее законы и правильно их применять» [2]. Свобода человека в процессе взаимодействия его с природной средой состоит, по Энгельсу, не в воображаемой независимости от законов природы, а в познании этих законов и умении учитывать их при достижении собственных целей.

Такой подход предполагает ясное осознание людьми своего единства с природой, бессмысленности и противоестественности представления о противоположности между человеком и природой, и означает, по сути дела, научный прогноз не только ближайших, но и отдаленных общественных и естественных последствий деятельности общества, разработку на этой основе программы действий и ее практическую реализацию, словом — планомерное регулирование взаимоотношений общества и природы. Для перехода к такому регулированию требуется не только соответствующая

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 495—496.
[2] Там же. С. 496.

научная база, но и, по определению Энгельса, «полный переворот в нашем существующем до сего времени способе производства и вместе с ним во всем нашем теперешнем общественном строе» [1].

Осуществление этого переворота, как считал Энгельс, будет делом общества, приходящего на смену капитализму. Только в этом обществе, которое будет развивать свои производительные силы по единому плану, впервые можно будет, с точки зрения Энгельса, «говорить о действительной человеческой свободе, о жизни в гармонии с познанными законами природы» [2]. Именно это общество должно обеспечить в будущем гармоническое развитие единой системы «общество — природа» по пути прогресса, преодолев те кризисные явления в функционировании этой системы, которые начали получать все большее распространение со времен промышленной революции.

Так, анализ диалектики природы, где с позиций общего замысла работы Энгельсом были рассмотрены возникновение и специфика общества как особой формы движения, механизм его взаимодействия с природой и место в общем эволюционном ряду развития материи, позволил ему не только полнее представить картину развития мира, но и выделить ряд новых граней в общесоциологическом учении марксизма, связанных с противоречием между обществом и природой как двумя сторонами единой, целостно развивающейся системы. Разрешение этого противоречия на основе планомерного регулирования человечеством своей деятельности с целью «вписать» ее в общее развитие системы на основе умелого использования основных законов эволюции Энгельс рассматривал как одну из важнейших исторических задач человечества.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 497.

[2] См.: *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Там же. С. 117.

Глава шестая

ДИАЛЕКТИКО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ

1. КОНКРЕТИЗАЦИЯ ФОРМАЦИОННОГО ПОДХОДА К ИСТОРИИ

Задача пересмотра всемирной истории

Правильное понимание предпосылок, движущих сил и перспектив революционной борьбы рабочего класса не может быть достигнуто без углубленного изучения всей истории как единого, закономерного в своей противоречивости процесса. Этот путь лежал через всестороннее изучение многослойной структуры общественно-экономических формаций, которые нашли отражение в своих наиболее существенных чертах еще в «Капитале». В 1890 году Энгельс напоминал товарищам по партии: «Всю историю надо изучать заново, надо исследовать в деталях условия существования различных общественных формаций, прежде чем пытаться вывести из них соответствующие им политические, частноправовые, эстетические, философские, религиозные и т. п. воззрения» [1].

Начиная со второй половины 70-х годов XIX века, можно констатировать возросшее внимание Маркса и Энгельса к специфике возникновения, функционирования и разложения различных типов и форм докапиталистических обществ. Этого требовала как логика создания целостной марксистской концепции всемирной истории, ибо коммунизм выступал в ее рамках не просто отрицанием капитализма, а итогом всего предшествующего развития человечества, так и назревшая необходимость разбить укоренившиеся тогда в обыденном сознании представления о вечности и «естественности» эксплуатации и угнетения, частной собственности и государственной власти. Только конкретное научное исследование могло подтвердить тезис об исторически преходящем характере этих институтов. Занятия Маркса и Энгельса первобытностью и общи-

[1] Энгельс — Конраду Шмидту, 5 августа 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 371.

ной были связаны с насущными потребностями революционного движения, с выработкой позиции рабочего класса по отношению к крестьянству и национально-освободительному движению колониальных народов. Социально-экономическая отсталость этих народов обусловила необходимость теоретического осмысления различных вариантов дальнейшей эволюции докапиталистических общественных структур, перспектив их дальнейшего развития, в частности, возможности минования или по крайней мере сокращения капиталистической стадии развития.

Исследование Марксом и Энгельсом докапиталистических общественных форм в 70—80-х годах XIX века развертывалось на фоне нового подъема революционного движения в России.

Изучая ее социально-экономическое развитие, они обращали внимание на возможность общества, так сказать, «промежуточного» типа, в котором происходит сочетание и переплетение феодальных и капиталистических элементов, развивающихся при наличии более архаичной социальной формы крестьянской общины. Вместе с тем Маркс и Энгельс задумывались и над проблемой взаимодействия одновременно существующих формаций различного типа. Энгельса, например, тревожил вопрос о том, насколько Россия, как страна, еще не ставшая в число развитых капиталистических стран, способна создать из себя самой будущее социалистическое общество, поскольку «исторически невозможно, чтобы обществу, стоящему на более низкой ступени экономического развития, предстояло разрешить задачи и конфликты, которые возникли и могли возникнуть лишь в обществе, стоящем на гораздо более высокой ступени развития» [1]. Энгельс приходил к выводу, что каждая экономическая формация должна решать свои собственные задачи, а «браться за решение задач, стоящих перед другой совершенно чуждой формацией, было бы абсолютной бессмыслицей» [2]. Лишь победа пролетариата на западе Европы, его пример и поддержка могли бы помочь отсталым странам значительно сократить свой путь к социализму [3]. Идея некапиталистического пути развития России с сохранением при переходе к социализму общины — разумеется, при условии социалистической революции в Западной Европе — в наиболее развернутом виде содержится в работе Энгельса «О социальном вопросе в России», а также в набросках ответа Маркса на письмо В. И. Засулич [4].

К началу 80-х годов относится и значительное число исторических работ Энгельса, посвященных истории раннего средневековья. В 1881—1882 годах были написаны два подготовительных очерка «К истории древних германцев» и «Франкский период»,

---

[1] *Энгельс Ф.* Послесловие к работе «О социальном вопросе в России» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 445.

[2] Там же.

[3] См. главу 8.

[4] См. подробнее главу 8 настоящего тома.

в 1882 году опубликована статья «Марка» [1]. Эти работы посвящены общей проблеме генезиса западноевропейского феодализма. Эта же тема рассматривается и в трех последних разделах книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства», которые в основном написаны по собственным материалам Энгельса и касаются генезиса феодализма.

Изучение Марксом и Энгельсом истории докапиталистических обществ было продиктовано далеко не академическим интересом, а диктовалось насущными потребностями революционного движения, выработкой позиции рабочего класса к крестьянству и национально-освободительным движением колониальных и зависимых стран [2].

Изучение докапиталистических обществ имело и большое теоретическое значение. В связи с этим Энгельс в «Анти-Дюринге» писал: «Чтобы всесторонне провести... критику буржуазной экономики, недостаточно было знакомства с капиталистической формой производства, обмена и распределения. Нужно было также, хотя бы в общих чертах, исследовать и привлечь к сравнению формы, которые ей предшествовали, или те, которые существуют еще рядом с ней в менее развитых странах» [3]. Перед Марксом и Энгельсом, по существу, встала грандиозная задача создания целостной концепции развития и закономерной смены социальных структур, генетически предшествовавших буржуазному обществу.

История реализации этой задачи может быть условно расчленена на два периода. В 1876—1882 годах Маркс и Энгельс в известной мере параллельно осмысливали имевшийся историографический материал, подготовляя ключевые «узлы» и «блоки» будущей концепции древнего общества от «границы» последнего с животным миром до эпохи промышленной революции и машинного производства. К сожалению, многие их замыслы остались незавершенными или даже нереализованными. Маркс, например, так и не смог завершить подготовку капитального труда, где предполагал специально исследовать разложение родо-племенного и генезис классово-антагонистического общества [4].

Научные исследования Маркса и Энгельса в 70—80-х годах XIX века по истории докапиталистических формаций развивали

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 327—345, 442—546. Об этих работах Энгельса см., например: *Гутнова Е. В.* Труды Ф. Энгельса по истории раннего средневековья // Энгельс и проблемы истории. М., 1970; *Гольман Л. И.* Энгельс — историк. М., 1984; *Андреев И. Л.* Методологические проблемы генезиса феодальной формации в рукописях Ф. Энгельса // Вопросы философии. 1985. № 11. С. 21—37.

[2] См.: *Поршнев Б. Ф.* Исторические интересы Маркса в последние годы жизни и работа над «Хронологическими выписками» // Маркс — историк. М., 1986. С. 404—434.

[3] *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 154.

[4] См.: *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Там же. Т. 21. С. 25.

далее созданную ими концепцию всемирности исторического процесса, уточняли и конкретизировали роль на его начальных этапах таких общественных институтов, как семья и община, частная собственность и государство, выясняли значение таких факторов прогресса, как разделение труда и рост производительных сил, классовая борьба и социальная революция.

Широкая картина всемирно-исторического процесса, созданная ими, была основана на понимании стадиального характера развития человечества, на признании сложного взаимодействия различных социально-экономических укладов, альтернативности исторического процесса, многовариантности общественно-экономических формаций.

Критерии формационного подхода

Материалистическое понимание истории как целостная концепция выступало в трудах основоположников марксизма не только как теория общества и его истории, но и как метод познания общественно-исторических явлений. Одним из важнейших компонентов этого метода служит разработанная Марксом в 1857—1859 годах периодизация всемирной истории по последовательным ступеням развития способа производства (азиатский, античный, феодальный и буржуазный). Выделение категории «экономическая общественная формация» [1], характеризующей сущностную определенность каждого из сменяющихся способов производства, помогло Марксу и Энгельсу еще в 40-х годах XIX века перейти от периодизации исторических эпох по юридической форме собственности [2] к периодизации по экономическому содержанию.

В 1875 году по этому главному критерию Маркс наметил концепцию двух фаз коммунистического общества, а в последние годы жизни, опираясь на итоги собственных исследований, на труды Маурера, Моргана, Ковалевского и других ученых, он пришел к выводу о том, что первобытное общество следует рассматривать как процесс смены качественно отличающихся этапов [3].

Периодизация всемирной истории, намеченная еще в «Немецкой идеологии» (первобытное общество, рабовладельческое, феодальное, буржуазное), в дальнейшем была подтверждена, поскольку в целом она отражала исторический процесс в абстрактной и теоретически последовательной форме, но Маркс и Энгельс никогда не превращали ее в некую жесткую и непреложную схему, которую можно безоговорочно применять в любом случае, не считаясь со спецификой общественного развития разных стран и континентов.

Стадиальный характер развития общества, теоретической основой которого служило учение о формациях, не рассматривался как линейная теория прогресса, жестко детерминирующая непрелож-

---

[1] См.: *Маркс К.* К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 7.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Там же. Т. 3. С. 20—24.

[3] См.: *Маркс К.* Наброски ответа на письмо В. И. Засулич // Там же. Т. 19. С. 413, 419.

ное следование пяти четко определенных, «чистых» способов производства. Общая периодизация выражала как бы генеральное направление исторического процесса, само же конкретное осуществление его было у разных народов связано со значительными модификациями, отклонениями от общего пути, даже выпадением отдельных этапов, например рабовладельческого строя [1].

Итогом размышлений Маркса по поводу главнейших эпох предшествующей истории была новая обобщенная периодизация исторического процесса, которая включала в себя первичную или архаическую общественную формацию, основанную на общей собственности, вторичную, основанную на частной собственности, включавшую в себя рабовладельческое, феодальное и буржуазное общество, и, наконец, третичную,— очевидно, имелась в виду будущая коммунистическая формация, вновь основанная на общей собственности [2].

Общая периодизация, отражая своеобразие этапов всемирной истории, не допускала, по мнению Маркса и Энгельса, догматического истолкования. Материалистическая идея об экономической основе общественного развития превращала социологическое и историческое познание в подлинную науку. Однако абстрактные понятия в исторической науке в отличие от философии, как понимали еще в 40-х годах Маркс и Энгельс, «отнюдь не дают рецепта или схемы, под которые можно подогнать исторические эпохи» [3]. Вот почему в 1877 году в известном письме в редакцию «Отечественных записок» Маркс признал «надысторичной» приписываемую ему «историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они оказываются...» [4].

В своих исторических исследованиях классики марксизма показали образцы гибкого, творческого применения принятой ими периодизации исторического процесса, вскрывая с ее помощью общие закономерности и специфические особенности общественного развития у разных народов. Так они различали в истории переходные эпохи, эпохи смены одной формации другой и примеры причудливого сочетания и переплетения разных общественно-экономических укладов в рамках той или иной социальной структуры. Историческая эволюция многих народов, полагал Энгельс, не строго соответствовала общему ходу всемирной истории. В результате значительная часть человечества, например древние германцы и кельты древней Ирландии, по существу, перешли сразу от первобытнообщинного строя к феодализму, минуя рабовладельческую формацию.

---

[1] См.: *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 155.

[2] См.: *Маркс К.* Наброски ответа на письмо В. И. Засулич // Там же. Т. 19. С. 402.

[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Там же. Т. 3. С. 26.

[4] См. там же. Т. 19. С. 120, 121.

В своем понимании исторического процесса Маркс и Энгельс были далеки от наивного оптимизма некоторых тогдашних представителей буржуазной историографии. Энгельс не соглашался, например, с навеянным философией Просвещения утверждением Г. Маурера, будто «со времени темного средневековья *должен* был иметь место постоянный прогресс к лучшему». Энгельс пояснял, что такой взгляд мешает Мауреру «видеть не только антагонистический характер действительного прогресса, но и отдельные случаи регресса» [1].

Необходимость дальнейшей конкретизации учения об общественно-экономических формациях сознавалась основоположниками марксизма, о чем свидетельствует отмеченный Марксом тип общества, характерный для восточных деспотий,— азиатский способ производства.

Впервые проблема ставится в 1853 году в переписке Маркса с Энгельсом и в статье «Британское владычество в Индии». Работа «Формы, предшествующие капиталистическому производству» свидетельствует, что Маркс рассматривал в 1857—1859 годах азиатский способ производства как основу особой формации. Самый термин «азиатский способ производства» относится к 1859 году. Он вводится Марксом в предисловии к работе «К критике политической экономии» [2]. Позднее в произведениях Маркса термин «азиатский способ производства» не употреблялся, но представление о специфике древневосточного общества сохранилось [3].

В литературе существует несколько точек зрения относительно сущности азиатского способа производства. Он рассматривается иногда как переходный от доклассового к классовому. Порой же его характеризуют как общество со слабым развитием товарно-денежных отношений, со слабо выраженной классовой дифференциацией, с засильем патриархально-общинных отношений, с земельной рентой-налогом, собираемым государством. В азиатском способе производства видят также смешение феодально-рабовладельческих и феодально-кабальных отношений при определяющей роли государственной формы собственности и эксплуатации «свободного» общинника-крестьянина и ремесленника. Наконец, азиатский способ производства, по мнению некоторых, всего лишь восточный вариант феодализма. Так или иначе, но длящиеся десятки лет дискуссии по азиатскому способу производства уточнили этапы развития взглядов Маркса и Энгельса на конкретную смену формаций в истории [4].

---

[1] См.: Энгельс — Марксу, 15 декабря 1882 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 35. С. 105.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 13. С. 7; Т. 46, ч. 1. С. 462—464. Ср.: Т. 20. С. 183—185.— Дискуссия об азиатском способе производства, продолжающаяся еще с 20-х годов XX века среди марксистских ученых, пока еще не привела к установлению более или менее единой точки зрения.

[3] Энгельс в статье «Франкский период» (1881—1882) обращал внимание на специфику исторического развития азиатских народов, у которых, как и у русских, общинное устройство задержало образование частной собственности на землю, а государственная власть появилась в форме деспотизма (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 496—497. Ср.: Т. 21. С. 348—349).

[4] См.: Некапиталистический путь развития: теория, практика, критика немарксистских концепций. М., 1987. С. 20—21.— О дискуссиях по азиатскому способу производства см. также: *Качановский Ю. В.* Рабовладение, феодализм или

Проблемы рабовладельческого и феодального способов производства с большой основательностью были исследованы Энгельсом. Значительный вклад внес он в выяснение происхождения рабовладельческого общества, в разработку коренных вопросов его социальной структуры и развития. Принципиальное значение имел вывод о прогрессивности рабовладельческого строя по сравнению с примитивными и инертными формами хозяйства первобытного общества. «Только рабство сделало возможным,— писал он,— в более крупном масштабе разделение труда между земледелием и промышленностью и таким путем создало условия для расцвета культуры древнего мира — для греческой культуры. Без рабства не было бы греческого государства, греческого искусства и греческой науки; без рабства не было бы и Римской империи» [1].

Раскрывая социально-экономические причины кризиса античного общества, главной причиной упадка рабства Энгельс считал низкую производительность рабского труда.

Выяснение исторических обстоятельств гибели античной цивилизации включало в себя и другие узловые моменты исторического процесса, в частности Энгельс показал предпосылки разложения рабовладельческого строя и в идеологической сфере — в формировании своеобразной социальной психологии, проникнутой презрением к труду, в распространении христианства — религиозного движения, возникшего на почве стихийного протеста против невыносимой эксплуатации и отражавшего стремление угнетенных и обездоленных найти избавление от реальных страданий хотя бы в призрачном потустороннем мире [2].

Как социальную революцию, глубокий общественный переворот рассматривал Энгельс переход от рабовладельческого общества к феодальному. При этом главное содержание переходной эпохи раннего средневековья не сводилось им к борьбе за преобладание между различными этническими элементами, как это делали многие буржуазные историки. Анализируя генезис феодализма, основной акцент он делал на экономических факторах, прежде всего на изменении отношений собственности, на концентрации земель в руках формирующегося класса феодалов и церкви за счет обезземеливания свободных общинников.

Для понимания особенностей и внутренних закономерностей эволюции феодального общества весьма большое значение имело выяснение Энгельсом судеб крестьянской общины-марки. В статье «Марка» в концентрированном виде были изложены выводы, сделанные Энгельсом на основании изучения трудов Маркса и дру-

---

азиатский способ производства? Спор об общественном строе древнего и средневекового Востока, доколониальной Африки и доколумбовой Америки. М., 1971; *Никифоров В. Н.* Восток и всемирная история. М., 1975.

[1] *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 185.

[2] См.: *Энгельс Ф.* Бруно Бауэр и первоначальное христианство // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 306—314.

гих ученых, а также собственных исследований. С утверждением феодального строя, как показал Энгельс, общинные порядки не исчезают. Земледельческая община долгое время продолжала существовать, в какой-то мере ограничивая произвол и узурпаторские поползновения феодалов.

Придавая чрезвычайно важное значение анализу аграрного строя в период феодализма, Энгельс не сводил его к изучению экономических отношений в сельском хозяйстве. Его интересовала вся феодальная общественная формация в ее целостности — развитие ремесла, торговли, городов, технический прогресс, социально-классовые отношения, политическая и идеологическая надстройка. В связи с анализом политических институтов феодального общества Энгельс проследил основные этапы эволюции феодального государства, начиная от раннефеодальных монархий, сохранивших еще черты архаической военной демократии, и до образования абсолютной монархии, сметенной буржуазными революциями. Вместе с тем, Энгельс видел и значительное многообразие форм феодальной государственности, включавших в себя и городскую республику, и дворянскую республику типа средневековой Польши. Значительное внимание уделялось Энгельсом и идеологии феодальной эпохи, в особенности реформационным учениям, а также различию двух направлений средневековых ересей — бюргерскому и плебейскому, выражавшим в религиозной форме враждебность феодальному строю.

Энгельс рассматривал понятие феодализма, как и другие понятия формационной периодизации истории, в качестве определенной идеализации, которая подлежит интерпретации на материале конкретных исторических исследований. «Разве феодализм когда-либо соответствовал своему понятию? — спрашивал Энгельс в письме К. Шмидту от 12 марта 1895 года.— Возникший в Западнофранкском королевстве, развитый дальше в Нормандии норвежскими завоевателями, усовершенствованный французскими норманнами в Англии и Южной Италии, он больше всего приблизился к своему понятию в эфемерном Иерусалимском королевстве, которое оставило после себя в «Иерусалимских ассизах» наиболее классическое выражение феодального порядка» [1].

Маркс и Энгельс усматривали общие черты классовых докапиталистических обществ — рабовладения и феодализма — в том, что в отношениях рабства и крепостной зависимости нет разрыва между неорганическими условиями человеческого существования и самим деятельным существованием людей. Работник в форме ли раба или в форме крепостного «ставится в качестве *неорганического условия* производства в один ряд с прочими существами природы, рядом со скотом, или является придатком к земле» [2]. Этот разрыв впервые полностью разовьет-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 39. С. 356.

[2] См.: *Маркс К.* Экономические рукописи 1857—1859 годов // Там же. Т. 46, ч. 1. С. 478.

ся лишь в форме отношения наемного труда и капитала. Однако подобное объединение докапиталистических обществ не исключало существенного различия между ними. Маркс отмечал, что в качестве основания для разграничения экономических формаций выделяется та форма, в которой прибавочный труд «выжимается» из непосредственного производителя [1]. Специфической особенностью рабовладельческой формации является то, что раб — объект присвоения не только по отношению к своему господину, но и к обществу в целом. Античная форма собственности обрекала рабов на роль орудий труда [2]. Напротив, при феодализме экспроприация личности крестьянина по сравнению с личностью раба частичная. Крестьянин обладает имуществом, ведет самостоятельное хозяйство. Таким образом, рабовладение и феодализм, несмотря на наличие в них внеэкономического принуждения, следует рассматривать как самостоятельные ступени исторического процесса — особые общественно-экономические формации.

Вопросы формационного деления всемирно-исторического процесса получают всестороннее отражение в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», где Энгельс, приняв эстафету от Маркса, излагает его и свои взгляды на докапиталистический этап истории человечества, выясняя генезис, функции и перспективы развития таких институтов общества, как семья и род, община и частная собственность, классы и государство. Вместе с тем книга Энгельса имеет и глубокое значение для дальнейшего развития теории общественно-экономической формации, являющейся краеугольным камнем материалистического понимания истории.

Социальный эволюционизм и исторический материализм

Объясняя Маркса и свой интерес к исследованию выдающегося американского этнографа Л. Моргана, Энгельс писал, что последний «по-своему вновь открыл материалистическое понимание истории, открытое Марксом сорок лет тому назад, и, руководствуясь им, пришел, при сопоставлении варварства и цивилизации, в главных пунктах к тем же результатам, что и Маркс» [3]. Фраза Энгельса содержит, помимо подтверждения научного приоритета марксизма в том, что было сорок лет спустя «вновь открыто» Морганом, важную мысль: автор «Древнего общества» открыл материалистическое понимание истории не только существенно позже, чем это сделал Маркс, но и «по-своему», иначе, на новейшем материале, опираясь на иную (эволюционистскую по своему духу и идеалистическую по категориальному

---

[1] См.: *Маркс К.* Капитал. Том I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 229.

[2] См.: *Маркс К.* Экономические рукописи 1857—1859 годов // Там же. Т. 46, ч. 2. С. 86.

[3] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. Предисловие к первому изданию // Там же. Т. 21. С. 25.

аппарату, в лучшем случае — стихийно-материалистическую) методологию, оставаясь при этом на позициях либерально-буржуазного мировоззрения. Кроме того, созвучие научных результатов, полученных Марксом и Морганом, лишь «в главных пунктах» касалось, по мнению Энгельса, не всей этой книги, а лишь сопоставления варварства и цивилизации, то есть реально — общества ирокезов с греко-римской античностью и германским ранним средневековьем. За данной чертой осталась моргановская «эпоха дикости», по отношению к которой Маркс (в конспекте) и Энгельс (в книге) высказали наиболее серьезные сомнения и критические замечания. Они отмечали, в частности, недооценку Морганом значения открытия различных способов получения огня трением как менее важного, с его точки зрения, по сравнению с изготовлением мокасин и лыж. Кроме того, основоположники марксизма не были согласны с Морганом в оценке им рыболовства как занятия более важного в жизни первобытных людей по сравнению с охотой, с абсолютизацией американским этнографом роли гончарства и в какой-то мере лука со стрелами, тем более, что Морган придавал последним значение универсальных критериев исторического прогресса древнего человечества, и т. п.

Существенное (принципиальное) различие марксистской и моргановской концепций исторического развития прослеживается и в терминологии. Если каким-то, пусть условным, эквивалентом Марксова понятия производительных сил в «Древнем обществе» выступали исторически прогрессирующие формы хозяйственной деятельности, связанные с добыванием пищи и удовлетворением иных (биологических, по своей сути) потребностей людей, то сколь-нибудь различимого аналога производственных отношений (и даже производственного аспекта универсальных родовых связей) в книге Моргана не было, что обусловило повышенное его внимание к развитию духовной сферы [1]. Даже названия разделов книги «Древнее общество», не говоря уже о неоднократных ссылках на божье провидение, на замысел Великого Разума «создать из дикаря варвара, а из варвара — цивилизованного человека» [2], свидетельствуют об идеалистической основе взглядов автора: развитие интеллекта вследствие изобретений и открытий, развитие идеи управления, развитие идеи семьи и развитие идеи собственности.

У Моргана движущей силой исторического процесса в качестве своего рода «идеи» производства выступало развитие интеллекта, воплощающегося в открытиях и изобретениях. Именно на

---

[1] См.: *Гурьев Д. В.* Современное значение работы Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» // Философские науки. 1984. № 3. С. 58.

[2] *Морган Л. Г.* Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1934. С. 330.

этой интеллектуальной основе вызревали, по его мнению, идея семьи, идея собственности и идея управления, реализующиеся в последующей социально-экономической трансформации первобытного строя вплоть до перехода его в свою противоположность — классово-антагонистическое общество.

То, что Энгельс назвал Моргана исследователем, самостоятельно открывшим материалистическое понимание истории, отнюдь не должно восприниматься в духе представления о Моргане как последовательном материалисте. Энгельс этим подчеркнул, что талантливый и добросовестный ученый, даже отталкиваясь от традиционных постулатов науки своего времени, смог стихийно прийти к материалистическим в своей основе выводам.

Кстати, Энгельс не давал повода для отождествления взглядов Моргана с марксизмом даже применительно к объяснению древней истории. Он специально подчеркнул в предисловии к своей работе, что в подробных выписках Маркса из «Древнего общества» имеются критические замечания (воспроизводимые в «Происхождении семьи, частной собственности и государства»), что ряд разделов Морган писал, располагая недоброкачественными материалами, что экономические обоснования, которые были достаточны для целей, поставленных Морганом, «для моих целей совершенно недостаточны, все заново переработаны мной» [1]. Реально это вылилось в то, что практически всю вторую половину «Происхождения семьи, частной собственности и государства» (и, конечно, ключевую в методологическом плане главу IX) Энгельс написал, почти не обращаясь к материалам, собранным Морганом, как бы стыкуя открытые последним закономерности эволюции первобытного общества с оставшейся вне поля зрения американского этнографа социальной анатомией революционного по своей сути процесса смены первобытной формации классово-антагонистическим обществом. Принципиально и существенно дополнено Энгельсом также содержание практически всех других разделов морганов ской периодизации древней истории [2].

То обстоятельство, что концепция Моргана была не только поддержана в своих основных моментах, но и стала предметом специального изучения со стороны основоположников марксизма, сломало «заговор молчания», которым ее окружила буржуазная наука. Данный феномен имеет свои специфические гносеологические и классовые корни, то есть опосредованно и непосредственно связан с буржуазным обществом, его наукой и идеологией. «То, что марксистская теория приняла некоторые тезисы Моргана, решающим образом повлияло на научную судьбу его труда, так же как и на общую судьбу этнологической мысли. Приравненный к марксизму, Морган стал тем полюсом, относительно которого стремилась определиться западная антропология, уточнив, чем она желала бы быть»,— констатирует в предисловии к первому французскому изданию «Древнего общества» Р. Макариюс, добавляя далее, что «консервативные силы, которые яростно воевали с дарвинизмом и даже смогли добиться запрета на его преподавание в Соединенных Штатах,

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 27.

[2] Подробнее об этом см.: *Бромлей Ю. В., Першиц А. И.* Энгельс и современные проблемы первобытной истории // Вопросы философии. 1984. № 4. С. 46—50.

после своего поражения в сфере биологии заняли оборону против социологического эволюционизма и вели борьбу с тем большей энергией, что последний вместе с марксизмом принял убедительную и в высшей степени революционную форму» [1]. Объявляя Энгельса простым последователем Моргана, использовавшим эволюционистскую теорию древнего общества для аргументации своих социалистических взглядов, сближая и отождествляя концепцию Моргана с марксизмом, буржуазные авторы стремились опорочить последний, приписывая ему непоследовательность и ряд ошибочных положений, содержащихся в «Древнем обществе» Моргана.

Как справедливо отметил американский биограф Моргана профессор Лесли Уайт, «некоторые западные авторы старались ясно дать понять, что, возражая против теории первобытного коммунизма, они стремились торпедировать социалистическое учение Маркса, Энгельса, Бебеля и других» [2]. Еще конкретнее связь отношения к Моргану с отношением к Энгельсу выражена в словах Элеоноры Ликок, как и Л. Уайт, переиздавшей (1963) «Древнее общество» Моргана. «С того момента,— отмечает Э. Ликок,— как работа Моргана была взята за основу «Происхождения семьи, частной собственности и государства», атаки против Моргана часто представляют собой завуалированные атаки против Маркса» [3].

В определенной мере эти слова можно отнести и к некоторым работам, вышедшим в ряде развивающихся стран. Ссылаясь на известную неадекватность взглядов Моргана, в целом поддержанного Энгельсом, по отношению к отдельным, второстепенным моментам африканской действительности, ставят под сомнение применимость исторического материализма к анализу реальностей континента [4] сторонники негритюда Сенгор и др. В то же время известный сенегальский историк Ш.-А. Диоп в монографии, название которой «Цивилизация или варварство?», полемически перекликается и с подзаголовком «Древнего общества», и с заключительной главой книги Энгельса («Варварство и цивилизация»), отклоняет отстаиваемую Энгельсом и Морганом последовательность стадий развития первобытного общества. Он, в частности, отвергает их вывод о том, что отдельная семья представляет собой исторически более позднее явление, чем род, и появляется как результат его внутренней дифференциации [5]. Род, следуя его точке зрения, был «творением мужчины». Кочевник евроазиатских степей счел рациональным для себя патриархат, тогда как африканский крестьянин-земледелец предпочел матриархат (Энгельс, как известно, исходил из того, что смена материнского рода отцовским представляет собой одну из закономерностей всемирной истории). В специальной таблице сенегальский ученый сопоставил их черты: коллективную собственность на землю и частную — на скот, общинные привычки и индивидуализм, пацифистскую и воинственную мораль [6]. Налицо — стадиальное различие эпох матриархата и патриархата, «заложенное» незавершенностью перехода первого во второй в тропической Африке. Факты, приводимые с целью опровержения Энгельса, напротив, подтверждают взгляды последнего штрихами из быта африканских народов, неизвестными при его жизни.

Рассмотрение Морганом материнского рода как первичной формы самоорганизации вышедшего из недр животного мира первобытного человечества, как исходной «клеточки» социальности, из которой на почве развития производства развернулось все многообразие общественных форм развития, выявление им про-

---

[1] *Makarius R.* Guide critique à la lecture de la Société Archaique de L. H. Morgan. Paris, 1971. P. XIV.

[2] *White L.* The Evolution of culture. N. Y., 1959. P. 25.

[3] *Leakock E.* Morgan and Materialism // Current Anthropology. Chicago, 1964. Avril. P. 109.

[4] *Dieng Amady Aly.* Hegel, Marx, Engels et les problémes de L'Afrique Noir. Sankoré, Dakar, 1978. P. 95 и др.

[5] *Diop Cheikh-Anta.* Civilisation au barbarie? Paris, 1981. P. 142.

[6] Ibid. P. 143—145.

тиворечия систем родства, а также динамики родового строя в направлении моногамии, частной собственности и государства — все это было новым словом, открытием, вызвавшим буквально смятение в буржуазной науке того времени. Вместе с тем, стихийно-материалистические представления и выводы Моргана об устройстве и естественно выросших механизмах функционирования родового общества во многом перекликались с получившими развитие в работах Маркса и Энгельса идеями о стадном сознании, инстинктивных, животнообразных формах труда становящихся людей, о племенной собственности и клановом демократизме, о первичной стереотипности и социальной слитости индивидов, не оторвавшихся еще от пуповины родовых связей, об автаркической замкнутости и самообеспеченности первобытных общин, об экономической обусловленности возникновения частной собственности и государственной власти, эксплуатации и угнетения человека человеком.

В этом смысле научные результаты, полученные Морганом, легли на благодатную почву. Будучи очищенными Марксом и Энгельсом от идеалистических наслоений и вкраплений, переосмысленными в свете диалектико-материалистического понимания истории, а также дополненными обобщенными под этим углом зрения новыми научными данными, открытые великим американским ученым закономерности жизни родо-племенного общества осветили и объяснили многие из самых запутанных и непонятных тогда проблем первобытного прошлого человечества.

Основоположники научного коммунизма и «отец этнографии» Морган приступили к исследованию первобытного общества практически одновременно. Маркс и Энгельс подняли вопрос о древнем обществе еще в «Немецкой идеологии» (1845—1846), затронув в ней, в частности, проблему таких исходно-первичных форм базиса и надстройки, как племенная собственность и племенное сознание [1]. Морган в 1847 году начал выступать со статьями, составившими его первую монографию «Лига ирокезов» (1851). При этом, однако, Маркс и Энгельс «выходили» на проблемы первобытного строя с позиций разработанного ими диалектико-материалистического понимания истории, руководствуясь методологическим подходом, метафорически сформулированным Марксом в виде гносеологического принципа — анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны. Они опирались главным образом на созданную ими теорию общественно-экономических формаций, хотя Энгельс еще в ноябре 1869 года в замечаниях на книгу Голдуина Смита «Ирландская история и ирландский характер» самостоятельно пришел к мысли о том, что кланово-племенная форма общества типа ирландских септов, вероятно, носила в древности универсально-всеобщий характер, присущий определенной

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Соч. Т. 3. С. 20, 30.

ступени социально-экономического развития [1]. Морган же шел к познанию «ядра» первобытного общества как бы с другого «конца» — путем обобщения кропотливо собранных со всего света эмпирических материалов и личных наблюдений за жизнью ирокезов «изнутри» их родо-племенной организации [2].

Кризисные явления капиталистической общественно-экономической формации и первые зарницы социалистических революций (Парижская коммуна) в 70—80-х годах XIX века сосуществовали с еще едва затронутыми буржуазным разложением реликтовыми островками и целыми пластами сравнительно «чистых» первобытнообщинных отношений. Отсюда — возможность двух принципиально разнонаправленных познавательных «маршрутов», ведущих к адекватному пониманию единства всемирно-исторического процесса при всем внешнем многообразии его локальных проявлений на различных закономерных этапах.

Маркс и Энгельс видели то, о чем писал Морган, как бы «сверху», сквозь пласты классической древней цивилизации Греции и Рима, уже ушедших далеко вперед по сравнению с самобытными культурами Нового Света. Открытие Морганом рода помогало понять неясные до того проблемы истории древней Европы под углом зрения различения стадиального и вариантного в развитии греков, римлян, германцев. Именно доказанная Морганом исходная всеобщность родовой организации как основной социальной ячейки первобытнообщинной формации создала ту, качественно новую гносеологическую ситуацию, которую Маркс выразил в конспекте «Древнего общества» следующими словами: «Однако и сквозь *греческий род* явственно проглядывает *дикарь* (например, ирокез)». Энгельс дважды использовал эту метафору Маркса в тексте «Происхождения семьи, частной собственности и государства» [3].

2. ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРВОБЫТНОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ

Становление и развитие первобытного строя

Воспроизведя в своей книге разработанную Морганом структуру эпохи дикости, Энгельс в значительной мере проясняет и углубляет ее материалистическую сущность. Он анализирует формирование речи, переход к постоянному употреблению огня

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 45. С. 82—96.

[2] Таким образом, общее и частное решение проблемы было в данном случае достигнуто совершенно независимо друг от друга. Если Марксу и Энгельсу до начала 80-х годов оставались неизвестными открытия Моргана, то и Моргану, в свою очередь, до конца жизни не удалось ознакомиться с их трудами. Здесь можно говорить разве только о некоторых общих источниках, например работах Дарвина (см.: *Тер-Акопян Н. Б.* Подход Маркса и Энгельса к истории первобытного общества и некоторые вопросы теории Моргана // Советская этнография. 1980. № 5. С. 17).

[3] См.: *Маркс К.* Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 45. С. 328, а также: Т. 21. С. 101, 122.

и изобретение лука со стрелами не со стороны приведших к этому интеллектуальных усилий, а со стороны закономерностей поступательного развития производительных сил человечества. В трактовке Энгельса импульс к такого рода интеллектуальным усилиям, характер и результативность последних и, наконец, сама потребность в открытиях и изобретениях определенного типа были глубочайшим образом детерминированы достигнутой ступенью взаимодействия людей с природой и друг с другом, развитием труда как общественного феномена.

Ранняя ступень дикости — по существу грань между биологическим и социальным уровнями материального мира, этап завершения антропосоциогенеза и начала собственно общественной истории. О том, что начальный этап дикости — по сути дела не что иное, как аналог эпохи первобытного стада «переходных существ», о чем Энгельс писал в очерке «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» (1876), а еще раньше в одном из писем П. Лаврову (1875) [1], свидетельствует фраза, завершающая в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» характеристику низшей ступени дикости: «Из всех народов, ставших известными в исторический период, уже ни один не находился в этом первобытном состоянии. И хотя оно длилось, вероятно, много тысячелетий, доказать его существование на основании прямых свидетельств мы не можем; но, признав происхождение человека из царства животных, необходимо допустить такое переходное состояние» [2].

Средняя ступень дикости начинается с изобретения «энергетического орудия» — огня и знаменует собой становление классических форм первобытного строя. Огонь не только принципиально новое орудие охоты, средство приготовления пищи, защиты от хищников и холода. Огонь коренным образом изменил демографическую структуру и обычаи первобытных людей. Он открыл возможность старикам доживать свой век в качестве «хранителей огня». Это способствовало удлинению времени контакта быстро сменяющихся поколений, конденсации и передаче производственного и социального опыта, открыло возможность освоения новых природных зон и новых мест обитания (пещер), стало стимулом к миграциям и оседлости. Наконец, задача поддержания огня, очевидно, явилась первой нитью «зримой», а потому легко осознаваемой преемственности поколений, символом единства и связи членов коллектива.

Но даже отвлекаясь от столь удивившей Маркса недооценки Морганом роли огня в жизни первобытных людей, ибо он совершенно неправомерно поставил открытие способов получения огня

---

[1] См.: Энгельс — П. Лаврову, 12—17 ноября 1875 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34. С. 138.

[2] Там же. Т. 21. С. 29.

трением в один ряд с изобретением мокасин и лыж [1], можно назвать целый ряд важных деталей мысленного «образа» средней ступени дикости, в которых Энгельс идет существенно дальше автора «Древнего общества». Главное, что Энгельс, будучи последовательным материалистом, не ограничивается констатацией расширения источников средств к жизни, и в первую очередь пищи, а делает акцент на переходе от грубо сделанных неотшлифованных каменных орудий палеолита к созданию первого орудия — дубины и копья, а также от использования «дикого» огня к добыванию последнего трением. Кроме того, он подчеркнул важное значение не столько употребления в пищу испеченных в золе или земляных печах содержащих крахмал корней и клубней, сколько ловли дичи, начатков охоты.

Высшая ступень дикости характеризует классический первобытнообщинный строй. Охота как наиболее продуктивный вид пищедобывательного труда теснит по своему значению в хозяйстве растительное собирательство. А главное — наряду с ними расширяется и усложняется орудийная деятельность, причем не только по применению, но и по изготовлению средств труда, а также передвижения, перевозки грузов, жилья, одежды и т. п. Все это, вместе взятое, обеспечивало, по справедливому замечанию Энгельса, «известную степень овладения производством средств существования» и «некоторые зачатки поселения деревнями». Стойбища приобретают черты оседлых, либо рассчитанных на длительный срок жилищ, для изготовления которых используются обработанные шлифованным каменным топором бревна и доски [2].

Энгельс не сводил, подобно Моргану, характеристику высшей ступени дикости к использованию лука со стрелами и не ограничивает ее знакомством с гончарным искусством. Ясно, что для него этот признак не относится к числу значительных. Напротив, шлифованный каменный топор и огонь важны для Энгельса именно как средства производства средств производства, в то время как лук со стрелами — лишь одно из средств добычи животной пищи, обеспечения личной безопасности и захвата (охраны) природных предпосылок жизнедеятельности первобытных людей. Именно в этом смысле «для эпохи дикости лук и стрела были тем же, чем стал железный меч для варварства и огнестрельное оружие для цивилизации,— решающим оружием» [3].

Морган невольно вносил в свою классификацию стадий древнего общества известный налет дарвиновского биоэволюционизма. Он акцентировал внимание на формах непосредственного удовлетворения индивидуальных биологических жизненно необхо-

---

[1] См.: *Маркс К.* Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 45. С. 257.

[2] См.: *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 30.

[3] Там же.

димых потребностей, формировавших индивидов на расширении ими природных источников потребления (перехода от «природных средств существования, состоящих из плодов и корней и добываемых в ограниченном месте обитания», к рыбной пище и т. п.) и рационализации последнего путем координации совместных действий с помощью речи, а также использования огня и оружия, вершиной которого на ступени дикости в его глазах было изобретение лука со стрелами. Маркс в конспекте моргановского «Древнего общества» и Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» выдвинули в качестве движущей силы становления и развития первобытнообщинной формации не столько сразу же бросающееся в глаза непосредственное производство средств к жизни и самого человека, сколько менее заметное на той ступени истории примитивное производство простейших средств производства (прежде всего орудий труда) и традиционное воспроизводство естественно сложившихся форм и стереотипов общения людей — производственных и иных еще не отпочковавшихся от них социальных отношений. Моргановская низшая ступень дикости предстала у Энгельса эпохой стада переходных существ. Соответственно, средняя ступень дикости выступает в его книге неким аналогом стадии становящихся, формирующихся людей, завершающих процесс антропосоциогенеза кристаллизацией рода. Высшая ступень дикости, как уже отмечалось, знаменует в интерпретации Энгельса зрелый, классический первобытнообщинный строй.

«Происхождение семьи, частной собственности и государства» содержит материалистическую оценку первобытнообщинной формации как такой социальной ступени, которая явилась объективно обусловленной формой закрепления социальной материи на Земле и подготовки предпосылок ее последующего перехода к более развитым формам. Последние складывались на развалинах первобытного строя, развивались из продуктов его разложения. Этот момент важно подчеркнуть, ибо до сих пор нередки мнения о вызревании классовых антагонизмов непосредственно в недрах классических форм первобытнообщинной формации.

Варварство — эпоха перехода к классам

Уточнение Энгельсом моргановской периодизации эволюции древнего общества коснулось и стадии варварства. Для Моргана его низшая ступень, характеризовавшаяся таким формально-зыбким и не имеющим прямого отношения к производительным силам критерием как гончарство, по существу, сливалась с дикостью как временем собирательски-охотничье-рыболовческого хозяйства, а высшая ступень вместе со средней рассматривалась им под единым углом зрения господства скотоводчески-земледельческого (сельскохозяйственного) производства. Сохраняя самою последовательность названных форм общественного труда, Энгельс принципиально иначе трактует их логико-историческую диспозицию.

В качестве рубежа между дикостью и варварством автор «Происхождения семьи, частной собственности и государства» рассмотрел переход человечества от присваивающей экономики (вынося за ее пределы низшую ступень варварства) к производящей. При этом высшая ступень варварства выделяется им как прелюдия к становлению не только цивилизации, но также эксплуатации и угнетения человека человеком, выступающими доминантой социальной организации классово-антагонистического общества. Видимо, по этой причине Энгельс посвятил рассмотрению данного периода особую, заключительную главу своей книги, названную им «Варварство и цивилизация» [1].

В содержательной трактовке ступени варварства Энгельс также идет значительно дальше Моргана. Последний характеризует период варварства прежде всего со стороны удовлетворения потребностей людей в питании: вначале «мучной пищей, добываемой посредством обработки земли» (низшая ступень, затянувшаяся в Западном полушарии), затем мясной и молочной пищей (средняя ступень варварства, наиболее рельефно представленная в Восточном полушарии) и, наконец, посредством достижения «неограниченных средств существования, добываемых полевым земледелием» (высшая ступень варварства) [2]. Энгельс, следуя разработанной им совместно с Марксом концепции способа производства материальных благ как основы существования и развития общества, главное внимание обращает на расширение диапазона и совершенствование людьми своих средств производства.

Акцентируя регионально-континентальные нюансы исторического процесса исследуемой эпохи, Энгельс принимает точку зрения автора «Древнего общества» относительно того, что варварство в качестве необходимой ступени всемирно-исторического процесса включает в себя три закономерно следующих друг за другом этапа, хотя при этом дополняет ряд из них существенными моментами, которых в «Древнем обществе» не было.

Нередко в литературе (особенно зарубежной) ставится вопрос: почему Энгельс при написании «Происхождения семьи, частной собственности и государства» по сути дела исключил из поля зрения в качестве объекта исторического исследования народы Востока (кроме ряда эпизодических упоминаний о них в связи с возникновением скотоводства, земледелия и др.), а также феномен специфических базисных и надстроечных структур, известных в науке как «азиатский способ производства» и восточнодеспотическая государственность? Некоторые авторы ставят эту проблему еще резче: не означает ли отсутствие в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» восточных сю-

---

[1] См.: *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии (очерк теории и истории). М., 1981. С. 194.

[2] См.: *Морган Л. Г.* Древнее общество. С. 16—18.

жетов по сути дела молчаливым отказом Энгельса от попыток теоретической реконструкции процесса создания экономических и политических предпосылок складывания классовых антагонизмов, предпринятых им в «Анти-Дюринге», написанном до знакомства с концепцией Моргана? Наконец, уж не стал ли Энгельс на склоне лет европоцентристом в трактовке истории человечества как неизбежно движущейся «вслед» за Западной Европой и фатально «отливающейся» в рожденные ею институциональные формы?

Например, голландский ученый Лоуренс Крэдер, исходя из посылки, что в «Анти-Дюринге» преобладал ретроспективно-хронологический подход к материалу, в то время как в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» — перспективно-типологический, делает вызывающий принципиальные возражения вывод о том, что метод, разработанный в последней книге Энгельса, якобы противоположен методу, использованному им прежде в «Анти-Дюринге» [1].

Формальным основанием для противопоставления этих двух работ Энгельса обычно служит оговорка, сделанная им в предисловии при переиздании «Анти-Дюринга» в 1885 году. Размышляя о том, что ему хотелось бы изменить в тексте нового издания, соблюдая «все правила чести, принятые в литературной борьбе» [2], Энгельс начинает с обращения «к первобытной истории человечества, ключ к пониманию которой Морган дал нам только в 1877 году. Но так как с тех пор я,— продолжает Энгельс,— имел случай в своей книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (Цюрих, 1884) использовать ставший мне доступным за это время материал, то достаточно будет указания на эту более позднюю работу» [3]. В этой связи представляется важным отметить, что в «Анти-Дюринге» не содержится каких-либо идей, принципиально несовместимых с концепцией, развиваемой в «Происхождении семьи, частной собственности и государства». Более того, это — взаимодополняющие друг друга сюжеты. Другое дело, что не совпадает предмет исследования. В первом случае Энгельс акцентирует диалектическую взаимосвязь противоположных тенденций разложения первобытнообщинной формации на древнем Востоке и в древней Греции, во втором — становление классов в греко-римском мире и у древних германцев. Вместо абстрактного дикаря и обитателя «мертвого» древнего Востока в качестве модели исходной ступени дальнейшего общественного развития здесь выступает «живой» ирокез — реальное воплощение классического родового строя. Неправомерно видеть в таком повороте тематики отказ Энгельса от своих прежних взглядов. Речь должна идти лишь об изменении угла зрения, исследо-

---

[1] *Krader L.* Asiatic Mode of Production. Assen, 1975. P. 279—280.

[2] См.: *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. Предисловия к трем изданиям // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 9.

[3] Там же. С. 10.

вательской позиции, выборе других граней объективного исторического процесса, перенесении внимания на другие его аспекты и стадии.

Главное же в содержательном плане заключается в том, что в «Анти-Дюринге» Энгельс выявляет диалектику смены первобытной формации классовым обществом прежде всего со стороны разложения первобытнообщинного строя. Именно эту объективную стадию всемирно-исторического по своему характеру процесса перехода человечества к классовым антагонизмам, по существу, игнорировал Е. Дюринг. Естественно, в центре внимания Энгельса оказались цивилизации древнего Востока и древней Греции (в меньшей степени Рима). Напротив, в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», как следует уже из самого названия, акцент сделан на процессе генезиса собственно классовых антагонизмов. Отсюда повышенное внимание Энгельса к наиболее «чистым» формам и вариантам их становления, что напоминает выбор Марксом Англии в качестве наиболее подходящего, классического объекта изучения генезиса капитализма. Громоздкие, отягощенные реликтовым грузом древних обрядов и выполнением функций, вытекающих из природы данных обществ, древневосточные государства не могли служить достаточно яркой и понятной рабочим массам буржуазной Европы иллюстрацией к теоретическим и политическим выводам, сделанным Энгельсом на материалах, собранных Морганом и им самим.

Низшая ступень варварства, следуя рассуждениям Энгельса, характеризуется началом экономической дифференциации общин и племен на стадии неолита. В зависимости от экологических условий основой хозяйственной жизни становится «приручение и разведение животных и возделывание растений» [1].

Средняя ступень варварства археологически примерно соответствует бронзовому (в ряде субрегионов — меднокаменному) веку, в экономическом плане опирается на первое крупное общественное разделение труда между общинами и племенами, занимающимися сельским хозяйством (поликультурное огородничество и образование крупных стад домашних животных), и зачатками выделения ремесла, включая строительное дело.

Высшая ступень варварства имела своим экономическим фундаментом плавку железа, создание и использование железных орудий, формирование ремесла как ведущего направления производственной деятельности и резкую интенсификацию в связи с этим обменных связей между различными племенами и общинами, перерастающих в регулярную торговлю. Начинается складывание антагонистических классов, частной собственности и государства.

Высшая ступень варварства вплотную примыкает к цивилизации — зрелому классовому обществу. Но это генетическое «со-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 30.

седство» отнюдь не должно, по мысли Энгельса, затмить «разительную противоположность между ними обоими» [1].

Подобная детализация переходной ступени развития представляет собой применение (но уже в меньшем историческом масштабе) того же методологического принципа расчленения процесса смены одного качества другим, который присутствует в трехчленной градации всей предыстории человечества на дикость, варварство и цивилизацию. Такой подход открывает перспективу анализа не только того, **почему** совершается переход от родового общества к классам и от ранней ступени варварства (разложениям первобытнообщинного строя) к поздней (интенсивному классообразованию), но и того, **как** он протекал; дает возможность вскрыть логику его внутреннего самодвижения и взаимодействия с другими историческими процессами.

Само выделение средней ступени варварства, выступающей в методологическом смысле в роли своеобразного промежуточного качества, и связанное с ним вычленение с целью специального рассмотрения обоих «полускачков» (раннее и позднее варварство) в развитии первобытного общества в классово-антагонистическое позволили Энгельсу выявить глубинные закономерности и взаимосвязи, многослойность и многообразие форм этого перехода. Благодаря этому стык между генетически смыкающимися общественно-экономическими формациями и первая в истории человечества социальная революция предстали в качестве специфического объекта (предмета) исследования.

Со сменой стадий варварства связано также развитие форм локальной концентрации производства и населения, а следовательно, и форм социальной регуляции и управления. Генезис производящей экономии обусловил тенденцию оседлости и увеличения населения. Возникают постоянные поселения, в которых община в ходе развития обмена и связанной с ним социальной дифференциации все более превращается в деревню мелких собственников-крестьян. Эти поселения на средней ступени варварства окружаются оборонительными стенами. Затем некоторые из них, оказавшиеся на удобных торговых путях, становятся центрами ремесел, а также местом размещения администрации и развиваются в города [2].

Возникновение городов способствовало объединению в одном месте ремесленников различных специальностей (предпосылка будущей мануфактуры), причем в масштабах гораздо более широких, нежели родственные структуры, вело к увеличению объективной основы и ассортимента обмена, к интенсификации социальных связей. В городе же размещались общественные органы, должностные лица, развивавшаяся в господствующий класс

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 33.
[2] См. там же. С. 163.

верхушка. Сельскохозяйственная округа превращалась в поставщика продуктов и сырья для городских жителей, постепенно оставлявших земледелие и скотоводство. Происходило разделение города и деревни.

Историческая эволюция брачно-семейных отношений

Энгельс оценил как предпосылку важного научного открытия обнаружение Морганом у ирокезов штата Нью-Йорк противоречия между традиционной инертной системой родства и гораздо более динамичными действительными семейными отношениями. Первые были заметно архаичнее вторых. Воссоздав контуры первобытной формы брака и семьи на основании анализа систем родства, Морган доказал, что обнаруженные им у американских индейцев «обозначенные именами животных родовые союзы внутри племени» есть не что иное, как род — «учреждение, общее для всех народов, вплоть до их вступления в эпоху цивилизации,— пишет Энгельс, добавляя,— и даже еще позднее (насколько можно судить на основании имеющихся теперь у нас источников)» [1].

Для более рельефного обозначения исходного пункта исторической эволюции брачно-семейных отношений Энгельс, дорабатывая свою книгу в 1890—1891 годах [2], в большинстве случаев использовал вместо заимствованных в 1884 году у Моргана понятий кровнородственной и пуналуальной семьи обобщенное понятие группового брака. Последнее подразумевало такую специфически исходную «форму брака, при которой целые группы мужчин и целые группы женщин взаимно принадлежат друг другу и которая оставляет очень мало места для ревности» [3]. Вначале все нюансы полового партнерства и судьбу детей практически заранее регулировал обычай, выступавший формой социальной регуляции естественных отношений в сфере производства самого человека и удовлетворения половых потребностей индивидов. Затем рядом с обычаем появились и постепенно фактически вытеснили его *«общественные* движущие силы» [4], опосредованно отражавшие более высокую ступень производства средств к жизни. Это не могло не отразиться в формах брака, обусловленных в конечном счете экономическим развитием человечества.

Схватывая историческую динамику и экономическую обусловленность последних, Энгельс констатировал: «Вначале люди появлялись на свет уже состоящими в браке — в браке с целой группой лиц другого пола. В позднейших формах группового брака сохранялось, вероятно, такое же положение, только при все большем

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 86.

[2] О тщательности переработки Энгельсом текста книги в этот период свидетельствует значительное число дополнений и исправлений. И. Н. Винников, сличая тексты первого и четвертого изданий, обнаружил их в 199 местах (см.: Вопросы истории доклассовых обществ. М., 1936. С. 33).

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 40.

[4] См. там же. С. 57.

сужении группы. При парном браке, как правило, матери договариваются относительно браков своих детей; и здесь также решающую роль играют соображения о новых родственных связях, которые должны обеспечить молодой паре более прочное положение в роде и племени. А когда с торжеством частной собственности над общей и с появлением заинтересованности в передаче имущества по наследству господствующее положение заняли отцовское право и моногамия, тогда заключение брака стало целиком зависеть от соображений экономического характера. *Форма* брака-купли исчезает, но по сути дела такой брак осуществляется во все возрастающих масштабах, так что не только на женщину, но и на мужчину устанавливается цена, причем не по их личным качествам, а по их имуществу» [1].

Проблема происхождения семьи раскрывается Энгельсом под углом зрения производства самого человека [2] и предстает в его работе прежде всего как проблема генезиса и эволюционных предпосылок моногамии. Возникновение последней, по Энгельсу, обусловлено не абстрактной исключительностью половой любви, а формированием частной собственности на средства производства и государственно-властных отношений социального регулирования. В свою очередь названные процессы имели своей первичной «точкой приложения» именно отношения родства и брака как наиболее архаический и непосредственно воспринимаемый, лежащий ближе всего к «поверхности» общественной жизни той эпохи ее компонент.

Связав названные формы брака со ступенями дикости, варварства и цивилизации, Энгельс, как и ранее Маркс, с известным скептицизмом отнесся к моргановской реконструкции кровнородственной семьи и семьи пуналуа. Причем его сомнения на этот счет со временем нарастали, что особенно чувствуется при сравнении текстов первого (1884) и четвертого (1891) изданий книги [3]. В концепции Энгельса кровнородственная семья и семья пуналуа занимают явно побочное, второстепенное место. Ход мысли Энгельса по существу совпадает с современными представлениями о том, что первичной формой регуляции полового общения был

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 81.

[2] О недооценке этого методологически важного момента исторического материализма в советской науке и об объявлении его «ошибкой Энгельса» в годы культа личности Сталина см.: *Крапивенский С. Э.* По поводу так называемой ошибки Энгельса // Философские науки. 1963. № 2. С. 104—111; *Вазюлин В. А.* Проблемы материалистического понимания истории в работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 1985. № 2. С. 41—49.

[3] Современная этнографическая наука аргументированно подтвердила тогда еще в большей степени интуитивные, нежели опирающиеся на эмпирический материал, сомнения Маркса (в конспекте) и Энгельса (в книге) относительно кровнородственной семьи и семьи пуналуа (см.: *Тумаркин Д. Д.* К вопросу о формах семьи у гавайцев в конце XVIII — начале XIX века // Советская этнография. 1954. № 4. С. 106—116).

основанный на раздельном проживании в своих родовых селениях и ритуально-регулируемых «свиданиях» супругов дуально-дислокальный групповой брак [1]. Он выступал стержнем консолидации экзогамных родов, способствовал увеличению числа людей, втянутых в совместную хозяйственно-экономическую деятельность. Генетические истоки племенных институтов и фратриальных структур кроются в дуально-экзогамной организации брачных (половых) связей древнейших людей.

Групповой брак регулировал главным образом сферу полового общения и деторождение, а моногамная семья через институт наследования имущества и социальных привилегий возникла как хозяйственная, потребительско-производственная ячейка. Этот исторический путь не был прямым. Он осложнялся инерцией архаических форм регуляции половых отношений и воздействием противоречий новых социально-экономических структур.

Уже в первобытном обществе отношения мужчины и женщины, родителей и детей имели в большей мере социально-историческую (в аспекте логики их развития), нежели биологическую подоплеку. Моногамия, отмечает Энгельс, не просто впитала в себя реликты парной семьи и группового брака. В классовом обществе она пронизана его антагонизмами и обрекает на рабство женщину, что в виде адюльтеров и проституции (характерных также для переходных социально-экономических структур), по существу, воспроизводит в превращенной форме архаические тенденции древнейших форм группового брака.

В рамках эпохи варварства характерная для матриархата парная семья эволюционировала в направлении большой патриархальной (у ряда народов позднематриархальной) семьи, а последняя развивается в моногамию. В фундаменте данного процесса лежит, как показывает Энгельс, развитие производительных сил, обуславливающее все новые формы разделения труда. В частности, генезис скотоводства и усиление обменных связей лежали в основе складывания патриархального рода, патронимии и патриархальной семьи. Развитие ремесла и регулярной торговли обусловили выделение из последней малых, индивидуальных, собственно моногамных семей.

Здесь прослеживается связь между созреванием социальных антагонизмов и оформлением моногамии. Рабство военнопленных (и отчасти должников) институализировалось первоначально под «крышей» семьи. Энгельс напоминает, что в древнем Риме familia первоначально обозначала совокупность имеющихся в семье и подчинявшихся ее главе рабов. В дальнейшем центр тяжести использования рабов перемещается в сферу производства, зато семья превращается в совокупность домашних рабов pater familia. Последний как бы переносит в семью тип господствующих государственно-властных отношений, и потому familia в известном

[1] См.: *Семенов Ю. И.* Происхождение брака и семьи. М., 1974. С. 145.

смысле представляет собой миниатюрную копию Римской империи.

В антагонистическом обществе, подчеркивает Энгельс, отношения между мужчиной и женщиной тесно связаны с обладанием деньгами и другими социальными средствами власти [1]. Моногамия, пишет Энгельс, «была первой формой семьи, в основе которой лежали не естественные, а экономические условия», а потому «первая появляющаяся в истории противоположность классов совпадает с развитием антагонизма между мужем и женой при единобрачии, и первое классовое угнетение совпадает с порабощением женского пола мужским» [2].

Предпосылки и стадии генезиса частной собственности

Одна из главных стержневых линий книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства» — диалектико-материалистическое объяснение объективного характера и основных закономерностей перехода человечества от изначально общественной (родоплеменной) к частной собственности на средства производства, ставшей фундаментом эксплуатации и угнетения человека человеком.

Энгельс показал экономическую обусловленность и историческую необходимость существования и разложения коллективной собственности первобытного человечества. Раскрывая механизмы и характер этой обусловленности, он различал эволюцию производственных связей в системе «человек — природа и орудия труда — другие люди», лежащие в фундаменте производительных сил, и скачки в развитии производственных отношений, затрагивающие систему «человек — другие люди»,— ядром которой выступают реальные и формальные отношения собственности на средства производства. Так, он говорит о **потреблении, присвоении и распределении** различных элементов производительных сил в процессе эволюции хозяйственной деятельности. Когда же речь заходит о сфере базиса, производственных отношений, Энгельс в качестве форм и ступеней генезиса отношений собственности выделяет **пользование, владение и распоряжение.** Изоморфизм структур отношения людей к объективным предпосылкам производства с их отношением друг к другу по поводу последних — важный методологический момент книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства», позволивший Энгельсу дать плодотворный научный анализ там, где Морган в лучшем случае был вынужден обходиться догадками и опираться на интуицию.

Не ограничиваясь сопоставлением моргановских эпох дикости, варварства и цивилизации, Энгельс размышляет о генезисе и исторической эволюции общинно-родовой собственности в рамках первобытной формации, обособленной собственности эпохи смены последней классово-антагонистическим обществом и частной соб-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 85.
[2] Там же. С. 68.

ственности как основы рабовладения феодализма и капитализма.

Энгельс делал акцент на характере пользования средствами производства и потребления продуктов труда, отмечая исходную близость во времени и пространстве (по сути дела, прямое взаимопроникновение) процессов производства и потребления в древнем обществе, не знавшем товарного хозяйства. Этим объяснялась своего рода «прозрачность» реального функционирования различных звеньев общественной жизни. Совпадение субъекта производства и субъекта потребления (естественно, в рамках половозрастного разделения труда) обеспечивало власть производителя над созданным продуктом и контроль за его судьбой [1].

Для характеристики переходного типа отношений собственности мургановской эпохи варварства Энгельс предложил специальный термин «обособленная собственность» [2]. Она занимает в его рассуждениях промежуточное положение между общественной и частной видами собственности. Энгельс связывает функционирование данного типа отношений людей друг к другу по поводу объективных предпосылок производства и потребления с появлением избыточного продукта, в частности скота. Именно наличие избыточного продукта открывало путь складыванию регулярного обмена как все более необходимого звена усложнявшегося производственно-потребительного цикла. Обмен способствовал трансформации традиционного ритуально-страхового общественного запаса средств и продуктов труда в обменный фонд, распоряжение которым во все большей степени переходило в руки родо-племенных вождей и общинных старейшин.

Субъектом общественной собственности по инерции оставался расширявшийся до уровня племени и союза племен род; напротив, процесс обособления собственности на расширявшийся круг предпосылок производства и потребления развертывался главным образом в недрах общины. Последняя претерпевала обратную по направленности (в сравнении с родом) тенденцию эволюции: дробления на большие (называемые домашними общинами), а затем все сильнее мельчающие малые семьи, длительное время связанные традиционной квазиродовой структурой организации взаимопомощи и трудовой солидарности.

Базис и надстройка переходного типа постепенно выкристалли-

---

[1] Доминантой первичных отношений собственности было пользование, тесно связанное с потреблением предметов природы и орудий труда, необходимых для их добывания. Характерно, что Поль Лафарг акцентировал именно момент пользования в качестве главного, «единственно возможного и понятного основания собственности у дикарей» (*Lafargue Paul.* La propriété. Origine et evolution. Paris, 1895. P. 344).

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 58, 160.— Отметим, что основанная на фактическом владении групповая собственность крестьянских (и ремесленных) кооперативов, создаваемых на базе традиционных родо-племенных и общинных структур в некоторых развивающихся странах (особенно африканских), своим локально-ограниченным и непосредственно-зримым характером напоминает обособленную собственность переходной к классам эпохи (варварства).

зовывались из синкретизма всеохватывающих отношений родства, оставляя за ними сравнительно узкую сферу регуляции производства самого человека, которая сама теперь во многих моментах оказывалась обусловленной складывающимися вне родственных связей социальными механизмами.

Среди отношений, выводящих человека за пределы внутриродовых связей, особенно важное значение, с точки зрения Энгельса, имел обмен.

То обстоятельство, что общественное производство во все большей степени приобретало ориентацию на создание меновых стоимостей вместо непосредственного потребления продукта, что рос его товарный потенциал, имело далеко идущие последствия. Это, по словам Энгельса, создавало трещину в древнем родовом строе. Отдельная семья, выступающая как средоточие отношений обмена и постепенно обособляющаяся в качестве хозяйственной ячейки (и, следовательно, субъекта собственности), «сделалась силой, которая угрожающе противостояла роду» [1]. Именно формирование и бурная эволюция обособленной собственности стали экономической предпосылкой закономерной смены матриархального рода патриархальной семьей.

Поскольку наиболее динамичным предметом обмена и обособленной собственности был скот, постольку развитие скотоводства, как правило, ускоряло этот переход. Там же, где — в силу экологических и иных условий — скотоводство не получило достаточного развития, а земледелие надолго задержалось на стадии мотыжного (самобытные цивилизации Месоамерики, Тропической Африки и т. п.), наступление зрелого патриархата обычно задерживалось, а разложение родового строя обычно происходило в форме позднего матриархата.

Другой формой бытия обособленной собственности были, по Энгельсу, вначале ежегодные (в связи с освоением залежей и пустошей), а затем и все более редкие переделы общинных земель, обрабатываемых отдельными семьями — большими и малыми.

Процесс обособления общинной собственности на землю мог происходить и «сверху» и «снизу», по двум руслам. Исторически более ранним был, видимо, вариант ее трансформации в государственную собственность на землю, типа римской ager publicus, вокруг которой, по словам Энгельса, «вращается вся внутренняя история республики» [2]. Затем (и первоначально рядом с нею) стала складываться частная земельная собственность. Первая носила надобщинный характер и имела своим тупиковым аналогом верховную собственность восточнодеспотического типа, объективно консервирующую структуру общин. Вторая была продуктом и средством разложения общины.

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 162.
[2] См. там же. С. 122.

В результате превращения неорганизованного, случайного обмена в регулярную торговлю как специализированный вид деятельности, представляющий собой своеобразное продолжение процесса производства за пределами последнего, и прежде всего в сфере потребления, сложился, как отмечает Энгельс, паразитический класс «настоящих общественных тунеядцев» — купцов, который, «не принимая никакого участия в производстве, захватывает в общем и целом руководство производством и экономически подчиняет себе производителей, становится неустранимым посредником между каждыми двумя производителями и эксплуатирует их обоих» [1]. Наряду с этими далеко зашедшими социальными сдвигами, произошли серьезные изменения в сфере самой торговли и всей архитектоники производственных отношений собственности. «Был открыт,— отмечает Энгельс,— товар товаров, который в скрытом виде содержит в себе все другие товары, волшебное средство, способное, если это угодно, превращаться в любую заманчивую и желанную вещь» [2]. Зловещей социальной тенью денег стали денежная ссуда, процент, ростовщичество, а также ипотека — долги под залог земли и «уменьшение» степени собственности на нее до пользования за весьма значительную арендную плату, либо обязательства несения личной службы. «Пока земля была собственностью рода, этой возможности не существовало. Но, когда новый землевладелец окончательно сбросил с себя оковы верховной собственности рода и племени, он,— по словам Энгельса,— порвал также узы, до сих пор неразрывно связывавшие его с землей» [3].

Завершая рассмотрение вопроса о генезисе распоряжения как наиболее полного и к тому же тесно связанного с властными отношениями выражения собственности, Энгельс обратился к появлению института завещания собственником своего имущества, земли, скота, рабов, предметов роскоши, построек, денег и т. п. определенному его прижизненной волей кругу наследников, в центре которого обычно находились дети и переживший супруг умершего. У германцев, например, в число крупнейших потенциальных наследников постепенно выдвинулась церковь, энергично внедрявшая (не без корысти) систему завещаний [4]. Частная собственность все глубже и прочнее проникала в ткань общественных отношений, коренным образом изменяя характер последних.

Эскизно намеченные в концепции Энгельса стадии генезиса частной собственности можно связать с последовательным обособлением собственности отдельных общин внутри племени, затем обособлением собственности глав больших семей внутри общины

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 166.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 167.
[4] См. там же. С. 176.

и, наконец, с концентрацией объективных предпосылок процесса производства в пределах малых, индивидуальных семей.

Энгельс отмечает, что эти три момента становления частной собственности в переходную эпоху постепенно выкристаллизовывались на различных уровнях социального целого. «Обрабатываемая земля,— пишет он,— оставалась еще собственностью племени и передавалась в пользование сначала роду, позднее самим родом — домашним общинам, наконец, отдельным лицам; они могли иметь на нее известные права владения, но не больше» [1]. И лишь «полная, свободная собственность на землю означала не только возможность беспрепятственно и неограниченно владеть ею, но так же и возможность отчуждать ее» [2].

Процесс формирования частной собственности как качественно нового общественного отношения, принципиально чуждого самой сущности первобытнообщинного строя, как показано в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», воплощается во вновь складывающихся социальных группах — вначале в военной аристократии и жреческой верхушке, а затем — в купечестве и ростовщиках.

В свою очередь, становление частной собственности — важнейший компонент генезиса классово-антагонистических социальных структур. С этим тесно связан другой, уже отмеченный выше аспект диалектики частной собственности как общественного отношения. На поверхности социальной жизни ее складывающиеся институциональные формы выступают в большей степени как отношения людей к вещам, нежели их новое отношение друг к другу.

Именно с помощью частной собственности паразитический господствующий класс, формирующийся из купцов, ростовщиков и элементов родовой (и вообще правящей) аристократии, «захватывает в общем и целом руководство производством и экономически подчиняет себе производителей, становится неустранимым посредником между каждыми двумя производителями и эксплуатирует их обоих» [3].

В таком контексте частная собственность как социальный феномен обусловлена определенной ступенью развития производительных сил и общественного разделения труда. Поэтому ее возникновение выступает не как плод деятельности интеллекта и стяжательских поползновений отдельных социальных групп, а в виде объективной реализации назревшей общественной потребности в принципиально новом способе общественного регулирования производства и потребления, обусловленном неолитической революцией и открывшем вместе с ней возможность дальнейшего развития производительных сил и культуры.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 161.
[2] Там же. С. 167.
[3] См. там же. С. 166.

3. СТАНОВЛЕНИЕ КЛАССОВО-АНТАГОНИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Сущность и признаки складывавшегося государства

Для Энгельса, в отличие от Моргана, классовые антагонизмы не были неким социально-патологическим «творением ума», своего рода издержками его прогрессирующей эволюции, а выступали объективным результатом исторического процесса. Поэтому он дал последовательное диалектико-материалистическое истолкование открытию рода. Если Морган явно склонялся к рассмотрению институтов управления эксплуататорского общества сквозь призму рода, то Энгельс именно в объективных противоречиях процесса разложения последнего различал элементы будущего государства. Морган акцентировал главным образом момент **преемственности** рода и государства. Энгельс рассмотрел государство как конструктивное **отрицание** рода, диалектически преодолевая известную идеализацию последнего автором «Древнего общества». По Энгельсу, «вырастание» государственной власти из институтов рода — только одна сторона проблемы, сторона, так сказать, эволюционная. Не менее, если не более важным является анализ того, как род становился все более делокализованным, благодаря чему облегчалось его «размывание» и расшатывание новыми внеродовыми социальными связями.

Кровнородственные узы населения ослабевали с возрастанием масштабов хозяйственной деятельности и социальных объединений, ее осуществляющих, а также по мере складывания профессиональных связей, более интенсивных в городах. От поколения к поколению, отмечал Энгельс, все больше перемешивались между собой члены различных родов и фратрий. «...Население разделялось теперь по своим занятиям на довольно устойчивые группы; каждая из них имела ряд новых общих интересов, для которых не было места внутри рода или фратрии и для обслуживания которых появилась, следовательно, потребность в новых должностях» [1].

С изменением социальных связей в общих чертах совпадает развитие форм и методов регулирования общественных отношений и производственных процессов. Распадается характерная для эпохи дикости естественно выросшая структура, основанная на кровнородственных связях, в рамках которой не было места социальным конфликтам. Объективные потребности экономического развития обусловили тенденцию все более широкой интеграции производителей, тем более, что повышение эффективности производства достигалось на этой ступени главным образом увеличением его масштабов, а не развитием орудий труда.

Объединение общин и родов увеличивало потребность в координации усилий по управлению поведением все больших масс

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 113—114.

народа (главным образом вне родовых структур, на почве слияния верхушки различных общин) особым слоем людей, выключившихся из непосредственного участия в производстве и лишь «сверху» регулирующих его. Знатные и богатые семьи, подчеркивает Энгельс, «начали складываться вне своих родов в особый привилегированный класс» [1], выполнявший пока общественные дела, но уже объективно имеющий и свои специфические, отличные от общественных (а позднее — приходящие с ними в противоречие), экономические интересы. По мере углубления социальной дифференциации возникает публичная власть, которая затем и развивалась в собственно государство, такую форму организации классового общества, в рамках которой экономичеекие интересы господствующего класса обеспечиваются специальными политическими институтами. Соответственно на первый план выдвигались средства и методы вооруженного насилия и идеологического манипулирования.

В контексте проблемы генезиса государства Энгельс продолжил разработку основ марксистского учения о войне и армии. В этом труде он глубоко исследовал вопрос о происхождении и сущности войн, вскрыл причины, их порождающие.

Большую роль в работах Энгельса по военному вопросу в начале 80-х годов сыграл составленный Марксом конспект книги Моргана «Древнее общество». Эта рукопись Маркса содержала большой фактический материал о военных столкновениях и военной организации в первобытной истории.

Разделение труда между скотоводством и земледелием, имущественное расслоение, появление родовой знати, жаждущей обогащения,— все это на основе роста материального производства и обмена и, как их следствия, роста потребности в рабочей силе, доставляемой в виде рабов при вооруженных столкновениях, привело к вырождению «древней войны племени против племени в систематический разбой на суше и на море в целях захвата скота, рабов и сокровищ, превращение этой войны в регулярный промысел» [2]. Война в современном смысле слова возникла, отмечал Энгельс, при разложении родового строя на рубеже варварства и цивилизации, являясь следствием и результатом появления частной собственности и классов.

Вместе с войнами, которые велись теперь в интересах социальной верхушки, возникла и организованная вооруженная сила, способная отстаивать интересы господствующего класса. Важнейшей чертой общественной жизни людей становится не только война, но и организация для войны — армия. Эта организация, возникшая первоначально как общенародное ополчение, постепенно обособлялась от народа, превращалась в орудие эксплуататоров. С самого своего появления, показал Энгельс, вооруженные силы носили на себе отпечаток экономической жизни того или иного государства. Например, у занимавшихся морской торговлей Древних Афин первым родом войск был флот.

Разъяснение действительных причин возникновения войны и армии, их классовой сущности имело не только научное, но и важное политическое значение. Энгельс тем самым фактически опровергал распространенные в то время утверждения буржуазных военных теоретиков, особенно немецких — Мольтке, фон дер Гольца и др.,— о вечности и полезности войн, обусловленности их самой природой человека, а также о надклассовом и аполитичном характере вооруженных сил.

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 111.

[2] См.: *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Там же. С. 108.

Энгельс сформулировал три основных признака государства, критерий его коренного отличия от системы общественного самоуправления первобытнообщинного строя и вместе с тем основные направления перерастания последней в политическую организацию общества, эпицентром которой выступает государство.

По Энгельсу, основанная на личном авторитете власть родоплеменных старейшин и «слепая» императивность обычая, отражавшие изначально интересы всего общества, еще не знающего сколь-нибудь развитого разделения труда и индивидов, в ходе вызревания классовых антагонизмов сменяется аппаратом власти, оторванной от основной массы населения и противопоставленной ей. Последнее обстоятельство обусловило такой принципиально новый компонент общественной жизни не известный родовому строю, как формирование специального слоя людей, занятых в этом аппарате и обеспечивающих его функционирование [1].

Вырастая из необходимости исполнения общих дел, вытекающих из природы всякого общества, и сохраняя ряд этих функций, публичная власть, отделенная от массы народа и все более отдаляемая от него, «воспаряющая ввысь», становится орудием, средством одной части населения (привилегированной верхушки, перерастающей в господствующий класс) для того, чтобы навязать свою волю, свои цели и определенные стереотипы социального поведения подавляющему большинству людей. Она превращается в машину подавления угнетенных и дискриминируемых социальных слоев и групп со стороны эксплуататорской верхушки общества. Именно в этом сущность государства как феномена, объективно присущего классово-антагонистическому обществу, выраставшему из него и вместе с ним.

Энгельсовское сравнение эксплуататорского государства с «орудием эксплуатации», с «машиной» подавления и принуждения эксплуатируемых, позднее многократно повторенное Лениным в книге «Государство и революция», метафорически ярко отражало и объективно возрастающую сложность его устройства и многократ-

---

[1] В рассмотренных Энгельсом вариантах трансформации родо-племенного самоуправления народа в противостоящую ему публичную власть, снабженную средствами насилия, важную роль играет военная демократия. Это такой переходный тип общественной власти, в рамках которого происходит процесс «отслоения», отрыва складывающейся военной аристократии от основной массы народа, а затем и от мужчин-воинов, постепенно лишавшихся собственных и общих со знатью форм организации. Военная демократия зарождалась на уровне племен и из конфедераций как тенденция генезиса государства из институтов рода, как продукт межплеменных конфликтов эпохи неолитической революции, как специфическое социальное средство обеспечения с помощью оружия разнообразных природных предпосылок материального производства и его продуктов. Вместе с тем представляется метафизически односторонним идущее от автора этого термина Моргана (но не разделявшееся ни Марксом, ни Энгельсом) рассмотрение военной демократии как универсальной формы, а отнюдь не одной из тенденций генезиса государства, наряду, например, с сакральнодеспотической, получившей распространение на древнем Востоке (см.: *Андреев И. Л.* Рукописная страница истории марксизма. М., 1985. С. 183—193).

ное увеличение с его помощью политической силы и идеологических возможностей того класса, который захватывал государственную власть в свои руки с целью охраны и реализации своих коренных экономических интересов.

Учреждение особой публичной власти, противопоставленной основной массе населения, оказалось необходимым потому, что «самодействующая вооруженная организация населения сделалась невозможной со времени раскола общества на классы» [1]. Что же конкретно стало ей заменой? Энгельс, имея в виду классический древнегреческий пример действия данной закономерности вне и без сколь-нибудь заметного влияния внешних сил и завоеваний, пишет по этому поводу следующее: «Народное войско афинской демократии было аристократической публичной властью, направленной против рабов, и держало их в повиновении; но для того, чтобы держать в повиновении также и граждан, оказалась необходимой... жандармерия. Эта публичная власть существует в каждом государстве. Она состоит не только из вооруженных людей, но и из вещественных придатков, тюрем и принудительных учреждений всякого рода, которые были не известны родовому устройству общества» [2].

Другим признаком, отличающим государство от органов самоуправления родового строя, стала, по Энгельсу, территориальная организация населения, в известной мере обусловленная спецификой размещения новых отраслей хозяйства и обмена, вызванных к жизни неолитической революцией и локализацией (в ходе дробления племен и родов) недвижимости, земли и построек как объективных предпосылок общественного производства. В течение веков складывающиеся в недрах кровнородственных связей противоположные им профессионально-корпоративные связи в конце концов взрывали родо-племенную оболочку. Потребности хозяйственного развития детерминируют формирование социального субъекта нового типа — общественного целого, далеко превосходящего по своим масштабам рамки родо-племенных институтов. Поскольку старые родовые объединения угасали и связь членов рода со «своей» землей по сути дела становилась формальной, интегрирующим население фактором стала выступать определенная производственная территория как предпосылка и место общественного труда, а основной формой дифференциации сделались не родо-племенные, а имущественные и социальные различия. То обстоятельство, что народ разделялся и объединялся для общественных целей не по родственным группам, а по проживанию на одной территории, вело к дальнейшему подрыву родового строя [3].

---

[1] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 170.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 170—171.

[3] См. там же. С. 117.

Третьим признаком государства Энгельс назвал взимание с населения налогов и феномен государственных долгов. Значение этой черты государства неправомерно игнорируется в научной литературе. Между тем, как показал Энгельс, налоги в антагонистическом обществе являются специфической и необходимой формой содержания государственной машины, а кроме того — дополнительным (к непосредственно производственным формам эксплуатации) внепроизводственным каналом изъятия прибавочного, а частью и необходимого продукта эксплуатируемых классов. Вырастающие во всепроникающую систему государственного фиска налоги, а также государственные долги (как у других государств, так и внутри данного государства) по существу означают создание автономной системы экономического жизнеобеспечения государства как социального субъекта, объективно усиливающей его обособление от массы населения. Для содержания публичной власти, вознесшейся над массой населения и противопоставленной ему, необходимы, пишет Энгельс, «взносы граждан — *налоги*. Последние были совершенно не известны родовому обществу... С развитием цивилизации даже и налогов недостаточно; государство выдает векселя на будущее, делает займы, *государственные долги*» [1]. В изменившихся социальных условиях род уже «не мог оказывать эксплуатируемому народу никакой помощи», и последнему «оставалось рассчитывать только на возникающее государство» [2]. Трудящиеся слои древнего мира оказались как бы между двух огней. Внутри рода, с одной стороны, традиционно-уравнительные формы бытия подрывали властный произвол оторвавшейся от общинников родо-племенной и служилой (чиновничьей) знати. Извне по родовым структурам била частнособственническая стихия стяжательства, ростовщичества, для которой их рамки становились все более тесными. Власть авторитета и власть богатства, родовая аристократия и нувориши — ростовщики — таково было русло, в котором протекало социальное развитие на заключительных этапах первобытнообщинной формации. В этой социальной ситуации государство становилось «связующей силой цивилизованного общества» [3], сменявшего родо-племенной строй. Связующей как в смысле замены разбитых кровнородственных связей (узколокальных по своей природе), так и в плане интеграции в рамках единой общественно-экономической системы собственников и несобственников средств производства, а также регулирования закономерной конкуренции в среде самих частных собственников.

Разработанная Энгельсом концепция государства как организации собственников против несобственников сохраняет свое методологическое значение и по отношению к современному буржуазному государству, несмотря на существенное

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 171.
[2] См. там же. С. 114.
[3] См. там же. С. 176.

изменение его функций по сравнению не только с добуржуазной эпохой, но и с домонополистическим периодом самого капитализма и даже «классическим» империализмом начала XX века. В частности, она важна для получившей в последнее время широкое распространение среди западных политологов тенденции рассматривать современное буржуазное государство лишь в качестве обязательного для каждой социальной системы «пульта управления», в равной степени необходимого для всех ее слоев. Очевидный порок этой односторонней тенденции состоит в игнорировании классовой сущности государства. Анализ, проведенный Энгельсом, доказывает несостоятельность попыток «развести» понятия политического общества и государства, приурочив генезис последнего лишь к эпохе формирования капитализма в XIV—XVI веках (такую точку зрения высказывал французский правовед Р. Пэнто и некоторые другие зарубежные ученые).

Единая в принципе сущность всех разновидностей эксплуататорского государства заключается, по Энгельсу, в том, что «оно по общему правилу является государством самого могущественного, экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает таким образом новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса» [1]. Вместе с тем каждая новая ступень в развитии производительных сил и производственных отношений человечества, предполагая особый характер классовых антагонизмов, обусловливала соответствующий ему тип государства. «Так, античное государство было, прежде всего, государством рабовладельцев для подавления рабов, феодальное государство — органом дворянства для подавления крепостных и зависимых крестьян, а современное представительное государство есть орудие эксплуатации наемного труда капиталом» [2]. Нетрудно увидеть, что исторические типы эксплуататорского государства изоморфны выделенным Марксом и Энгельсом трем великим формам порабощения, характерным для трех великих эпох цивилизации [3].

Завершая свою книгу, Энгельс подчеркнул исторически преходящий характер государства уже не только в ретроспективном плане (как это следует из самого названия книги), но под углом зрения перспективы, открываемой грядущей эпохой революционного свержения капитализма и развития социалистического общества в направлении коммунизма: «С исчезновением классов исчезнет неизбежно государство. Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором» [4].

Разумеется, эти слова Энгельса нельзя вырвать из контекста: речь идет, разумеется, об очень решительном процессе, опосред-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 171.
[2] Там же. С. 171—172.
[3] См. там же. С. 175.
[4] Там же. С. 173.

ствуемом самой государственной властью. В данной связи уместно напомнить законспектированное Лениным замечание Энгельса по проекту Эрфуртской программы о том, что «революционное использование государства» необходимо «для *перехода* к отмене классов, к *коммунизму*, ведущему к *отмиранию государства*» [1].

Противоречивые тенденции генезиса классов

Анализируя процесс классообразования, Энгельс отметил диалектическую двойственность последнего, наличие в нем противоречивых и взаимосвязанных тенденций, вследствие чего «различие между богатыми и бедными выступает наряду с различием между свободными и рабами» [2]. Иначе говоря, возможность отчуждения прибавочного труда и прибавочного продукта может быть реализована как по отношению к «своим» общинникам и соплеменникам (в процессе узурпации родо-племенной знатью общинного фонда и коллективных работ), так и к «чужим». Налицо также тенденция сближения социального статуса этих групп: принятие «чужих» в свою общину и, наоборот, обращение соплеменников за долги в рабство и продажа в этом качестве на чужбину (Греция накануне реформы Солона) и т. п. [3]

На ранней ступени варварства, отмечал Энгельс, принятый в общину иноплеменник, плененный или попавший в нее каким-либо иным путем, приносил в общий котел свою рабочую силу; выгоду давало простое увеличение числа участников локально и организационно единого производственного процесса, без дискриминации и угнетения.

Затем, на средней ступени варварства, пленный превращается в простого подручного [4], занятого на второстепенных хозяйственных работах,— ступень, называемая Энгельсом домашним, патриархальным рабством, и широко отмеченная, помимо классических древневосточных форм, в микенской Греции, этрусской Италии, в славянском мире, в Африке южнее Сахары и других регионах. И лишь на поздней ступени варварства, с наступлением железного века рабство «скоро сделалось господствующей формой

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Государство и революция // Полн. собр. соч. Т. 33. С. 154.

[2] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 163.

[3] Вторая тенденция фигурирует в литературе как протофеодальная, ибо генетически продуцирует контуры общественных отношений феодализма, основанного на эксплуатации и угнетении «своих», и наиболее полно реализуется в них, но не в чистом виде, а обогащенная рецепцией античных общественных институтов и форм. В протофеодальном варианте этот тип классообразования под названием «азиатский способ производства» обычно фиксируют в древневосточных цивилизациях, фундаментом которых было «поголовное рабство» сгруппированных в монолитные общины непосредственных производителей. О двух тенденциях образования классов см. подробнее в главе 4.

[4] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 163.

производства у всех народов, которые в своем развитии пошли дальше древней общины» [1].

Выявленная Энгельсом взаимосвязь и взаимообусловленность диалектически противоположных тенденций классообразования подтверждаются историческим материалом.

Античный мир не вырастал непосредственно на развалинах первобытнообщинного строя. Он опирался в своем генезисе также на достижения культуры и тенденции социального строя древнего Востока. В частности, он вывел из исторического тупика и развил до классических форм рабства тенденцию поголовного политического бесправия населения древневосточных цивилизаций. Когда Энгельс исследовал эту проблему, науке еще не было достоверно известно, что в фундаменте «греческого чуда» лежали многовековые пласты местных переходных исторических форм, в целом ряде черт и тенденций поразительно схожих с классическими древневосточными цивилизациями. Энгельс интуитивно догадывался о них, нередко ссылаясь на то, что известные ему античные общественные институты есть результат не только современных им общественных условий, но и «неизвестной нам предшествующей истории».

Энгельс вполне определенно говорил, что именно «с появлением рабства, достигшего при цивилизации своего наивысшего развития, произошло первое крупное разделение общества на эксплуатирующий и эксплуатируемый классы», что «рабство — первая форма эксплуатации, присущая античному миру» [2]. Вместе с тем он признает и возможность завершения классообразования непосредственно в форме феодализма, например в истории древних германцев [3]. Важнейшей материальной предпосылкой такого хода событий Энгельс считал то обстоятельство, что «рабство перестало окупать себя и потому отмерло» [4], что латифундии и эргастерии потеряли прежние преимущества перед мелким хозяйством, которое «снова сделалось единственно выгодной формой земледелия» и ремесла [5], а потому рабов стали распускать или сажать на землю, превращая в колонов. С другой стороны, могущественные лица из числа варварских военачальников и последовавшая их примеру церковь стали принимать под свое покровительство спасавшихся от гнета римских чиновников и крупных землевладельцев крестьян при условии отказа последних в их пользу от права собственности на землю в обмен на пожизненное пользование ею. Вместе с рядовыми германцами, поступавшими так же, бывшие граждане римских провинций составили костяк того

---

[1] См.: *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 185.

[2] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Там же. Т. 21. С. 175.

[3] См. там же. С. 154.

[4] Там же. С. 149.

[5] См. там же. С. 148.

социального слоя, который впоследствии развился в класс феодально-зависимого крестьянства.

В свою очередь, отмечал далее Энгельс, феодальный мир не был прямым наследником античного строя. Он также вырастал из недр переходной от первобытнообщинного к классовому обществу ступени развития, из заложенной в ней тенденции к использованию экономических механизмов принуждения к труду, к становлению относительно мягких форм эксплуатации главным образом своих общинников. Причем вырастал не сразу, не вдруг, а через несколько «кругов» — повторений, все более приближавшихся к классическим формам феодальной эксплуатации. «Общественные классы IX века,— писал в этой связи Энгельс,— сформировались не в обстановке разложения гибнущей цивилизации, а при родовых муках новой цивилизации» [1]. «Между римским колоном и новым крепостным стоял свободный франкский крестьянин» [2].

В домарксистской науке господствовали идеалистические оценки рабства как «позора человечества», «ошибки истории», а феодализма как «тысячелетней летаргии Европы», «перерыва истории», «исторической пустоты». Энгельс отверг такие представления и показал на конкретном историческом материале объективную необходимость и диалектическую взаимосвязь этих форм общественного развития.

В недрах рабовладельческого способа производства, отмечал Энгельс, цивилизация охватывала главным образом ремесло и пункты его дислокации — города. Феодальный способ производства способствовал ее глубокому проникновению в сельское хозяйство, в жизнь деревень, сложившихся на месте прежних общин. Если ранние стадии феодализма и были периодом застоя, известной деградации городов и городских ремесел, то достижения последних коснулись самой отдаленной деревенской периферии. Начало феодализма в этом смысле было не перерывом истории, а одним из перерывов постепенности ее развития в рамках прежнего способа производства. Он втягивал в орбиту всемирной истории обширную деревенскую периферию античного мира, способствовал внедрению достижений ремесла и некоторых социальных институтов греко-римской античности в области сельскохозяйственной экономики и общественных отношений, расширяя арену цивилизации, увеличивая тем самым производственный и демографический потенциал будущих социальных сдвигов.

Первая социальная революция: сущность и формы

Становление классового общества и государства в древнем мире Энгельс рассматривал как первую социальную революцию, совершавшуюся в несколько этапов, в ходе которых коренным образом изменялись, переходили в свою противоположность и отношения собственности, и формы организации

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 154.
[2] Там же.

общественной жизни [1]. Солон, пишет Энгельс, «открыл ряд так называемых политических революций, причем сделал это вторжением в отношения собственности. Все происходившие до сих пор революции были революциями для защиты одного вида собственности против другого вида собственности. Они не могли защищать один вид собственности, не посягая на другой. Во время великой французской революции была принесена в жертву феодальная собственность, чтобы спасти буржуазную; в революции, произведенной Солоном, должна была пострадать собственность кредиторов в интересах собственности должников. Долги были попросту объявлены недействительными» [2].

Отсюда следует, что для политической революции рубежа первобытного строя и классового общества необходимо наличие двух в принципе взаимоисключающих, но сосуществующих видов собственности: общественной, выросшей из первобытнообщинной, и частной, освобожденной от кровнородственных связей, а потому легко отчуждаемой. На каждой из них зиждется и за каждую из них держится (в силу дифференциации экономических интересов общества) та или иная совокупность социальных групп.

Обращает на себя внимание, что Энгельс в пределах одного абзаца называет деятельность Солона реформой и революцией. По форме это была реформа, объявление нового закона, принятого на фоне интенсивного брожения масс в ходе напряженной борьбы в среде самих привилегированных слоев. По содержанию, по значению в определении направления развития греческого общества, по радикальности вторжения в отношения собственности, по резкости противопоставления одной части населения другой это была, конечно, революция. Естественно, Энгельс, называя событие, говорит о реформе (в духе принятой тогда терминологии), но оценивая его, оперирует термином «революция».

Эта революция была по своему содержанию рабовладельческой. Она «переключала» развитие общества, находящегося на пороге классовых антагонизмов, с довольно далеко зашедшего закабаления «своих» на противопоставление «единого» греческого народа окружающим варварским племенам и союзам. «Вместо того чтобы по-старому жестоко эксплуатировать собственных сограждан,— резюмирует Энгельс экономическую подоплеку деятельности Соло-

---

[1] Некоторые современные историки-марксисты считают, что специфика перехода от первобытного общества к классово-антагонистическому не дает основания характеризовать его по аналогии с переходом от феодализма к капитализму и от него к социализму, которые, как известно, осуществлялись в форме революции. См., например: *Драбкин Я. С.* Нерешенные проблемы изучения социальных революций // Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., 1969. С. 212; *Першиц А. И.* Периодизация всемирной истории (состояние проблемы) // Вопросы истории. 1980. № 3. С. 77; и др.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 115.

на и поддерживавших его социальных сил,— теперь стали эксплуатировать преимущественно рабов и покупателей афинских товаров вне Афин» [1]. Это произвело соответствующий переворот и в социальных отношениях. «Классовый антагонизм, на котором покоились теперь общественные и политические учреждения, был уже не антагонизмом между знатью и простым народом, а антагонизмом между рабами и свободными, между находившимися под покровительством и полноправными гражданами» [2].

Это был, как известно, процесс острой социальной борьбы. Крупные собственники и ростовщики, потерпевшие ущерб от преобразований, проведенных Солоном, не раз переходили в контрнаступление, пытаясь восстановить к своей выгоде прежний порядок вещей. В течение 85 лет после Солонова закона борьба вокруг этого не утихла, и потребовался новый «виток» революции, чтобы закрепить и упрочить начатые Солоном преобразования. И опять — характерная деталь. К законодательному акту, принятие которого связано с именем Клисфена, Энгельс применяет понятие революции. «...Знать,— пишет он,— пыталась вернуть свои прежние привилегии и на короткое время одержала верх, пока революция Клисфена (509 г. до нашего летосчисления) не низвергла ее окончательно, а с ней вместе и последние остатки родового строя» [3].

Что касается становления классового общества и государства в древнем Риме и, в частности, мероприятий Сервия Туллия, во многом аналогичных законам Солона, то, отказываясь из-за низкого качества имевшихся у него источников комментировать обстоятельства и подробности этого процесса, Энгельс вместе с тем также совершенно определенно оценивает его как революцию, «которая положила конец древнему родовому строю», добавляя в качестве факта, не вызывающего у него сомнений, что «причина ее коренилась в борьбе между плебсом и populus» [4].

В рамках первичной, вырастающей на почве разложения родоплеменного строя социальной революции на первый план могла выходить одна из двух диалектически противоположных тенденций развития. А сам процесс смены первобытнообщинного строя классово-антагонистическим обществом был заведомо обременен диалектической раздвоенностью и внутренней противоречивостью. Ведь объектом эксплуатации могли быть как «свои», попавшие в зависимость соплеменники и обедневшие общинники, так и «чужие» — захваченные в плен, либо иным образом порабощенные иноплеменники. Кроме того, диапазон средств эксплуатации существенно варьировал в зависимости от соотношения *отчуждения прибавочного труда* (в виде коллективных работ общинников,

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 116.
[2] Там же. С. 119.
[3] Там же. С. 117.
[4] См. там же. С. 128.

военных ополчений соплеменников, рабочей силы рабов) и *отчуждения прибавочного продукта* (страховой фонд общин, ставший объектом грабежа, пиратства, военного захвата, контрибуции, дани) [1].

Процесс смены первобытного строя классовым обществом Энгельс исследовал, исходя из объективной обусловленности этого перехода развитием производительных сил и производственных отношений. Если у Моргана основной движущей силой исторического развития выступало накопление идей и технологического опыта, концентрирующееся главным образом в сфере надстройки, то Энгельс вскрыл глубинные экономические корни социальных и интеллектуальных достижений в фундаменте материальной жизни — базисе. Там, где Моргана выручала интуиция талантливого и добросовестного исследователя, Энгельс творчески применил выработанный им вместе с Марксом метод формационно-классового анализа общественной жизни. Поэтому Энгельс не ограничился диалектико-материалистическим «прочтением» гипотезы Моргана. Он создал на основе последней и собственных разработок целостную теорию революционного перехода от первобытнообщинного строя к классово-антагонистическому обществу, сохраняющую свой методологический потенциал вплоть до наших дней.

Понятие революции Энгельс употребляет и характеризуя процесс выхода из того исторического тупика, в котором оказалось рабовладельческое общество в связи с растущей экономической девальвацией рабского труда и глубочайшим, веками взращенным отвращением к физическому труду в среде свободных [2]. При этом ни Маркс, ни Энгельс никогда не вырывали антирабовладельческую революцию из контекста общественной истории как всемирного феномена, то есть не связывали его сколь-нибудь жестко с выступлениями рабов за свое освобождение и нигде не отождествляли с «революцией рабов». Более того, Энгельс прямо писал, что античный мир не знал победоносного восстания рабов [3].

Энгельс подчеркивал неразрешимость кризиса поздней Римской империи внутренними силами и своеобразный «задний ход» рабовладельческого способа производства в виде колоната и клиентеллы к историческим тенденциям, пресеченным антиродовой по форме и рабовладельческой по существу революцией и объективно направленным к смещению акцента социальной дифференциации во внутрь общества. Поэтому он связывал свержение рабовладельческого строя с региональными контактами, в которые втянуты народы — носители иного, в известном смысле противоположного рабству способа производства, или по крайней мере его зачатков [4].

---

[1] См.: *Андреев И. Л.* Тенденции и стадии генезиса эксплуатации. М., 1973.
[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 149.
[3] См. там же. С. 155.
[4] См.: *Энгельс Ф.* Из подготовительных работ к «Анти-Дюрингу» // Там же. Т. 20. С. 643.

* * *

Книга «Происхождение семьи, частной собственности и государства» всем своим содержанием аргументированно и убедительно подтверждает методологическую плодотворность и колоссальную эвристическую силу основных положений диалектико-материалистического понимания истории применительно к сложному, запутанному, фрагментарному материалу о докапиталистических обществах, имевшемуся в распоряжении ученых того времени. Энгельс, по сути дела, впервые в мировой науке доказал, что древнему обществу присущи, хотя и в модифицированной форме, те же всеобщие законы развития, что и другим общественно-экономическим формациям.

Энгельс не решил и не брался решать наперед всех проблем и гипотез, касавшихся закономерностей эволюции докапиталистических обществ, тем не менее он создал методологическую основу для их плодотворного исследования. Вот почему в своих работах Ленин неоднократно обращался к «Происхождению семьи, частной собственности и государства». В лекции «О государстве» (1919) он призывал слушателей к кропотливому изучению произведения Энгельса как одного «из основных сочинений современного социализма» [1].

В настоящее время марксистская историческая наука в целом развивается в русле идей Энгельса, опираясь на его творческое наследие в области древней истории и обращаясь к нему особенно интенсивно в переломные моменты своего развития.

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 67.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5

Глава первая

МАРКСИЗМ И ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РАБОЧИХ ПАРТИЙ В 70—80-х ГОДАХ XIX ВЕКА 17

1. Организующая роль марксизма в социалистическом движении —

2. Роль марксизма в становлении социалистических партий в Германии и Франции 21

Маркс, Энгельс и германская социал-демократия в первой половине 70-х годов —21.

Критика Марксом и Энгельсом проекта программы объединенной Социалистической рабочей партии Германии — 25.

Поворот французских рабочих к научному социализму — 27.

Марксистская программа Рабочей партии — 29.

3. Идеи научного социализма в программных документах рабочих партий Центральной, Северной и Восточной Европы 31

Социалистическое движение в Австрии. Создание социал-демократической партии — 32.

Влияние марксизма на формирование социалистических партий в Венгрии, чешских землях и польских землях — 33.

Влияние идей Интернационала на первые рабочие организации России — 38.

Сложность распространения марксизма в Скандинавских странах, в Швейцарии, Бельгии, Нидерландах — 39.

4. Формирование социалистических партий в романских странах (Испания, Италия). Решения международного социалистического конгресса в Генте 41

Пропаганда научного социализма в Испании. Программа Социалистической партии — 42.

Путь к образованию пролетарской партии в Италии — 43.

Решения международного социалистического конгресса в Генте — 46.

5. Особенности развития рабочего движения в Англии и США. Первые социалистические организации 47

Маркс и Энгельс о причинах господства реформизма в английском рабочем движении — 47.

Первые социалистические организации 80-х годов. Идеи марксизма в программе Социал-демократической федерации — 49.

Маркс и Энгельс об особенностях развития социалистического движения в США — 51.

Глава вторая

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ СОЦИАЛИЗМА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 70-х ГОДОВ XIX ВЕКА 54

1. Разработка Марксом и Энгельсом социально-политических проблем в полемике с мелкобуржуазными социалистическими учениями —

Критика Марксом и Энгельсом немарксистских социалистических течений — 56.

Критика прудонистской программы решения жилищного вопроса — 61.

Проблема единства рабочего движения — 62.

Объективные условия социальной революции — 64.

Проблемы государства и революции — 66.

Контуры будущего общества — 72.

2. Теоретическое обоснование политической программы социал-демократии 74

Анализ проблем перехода от капитализма к социализму — 79.

Первая и высшая фазы коммунистического общества — 87.

Глава третья

РАЗРАБОТКА ОСНОВ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ПРОЛЕТАРСКИХ ПАРТИЙ. ПОЛЕМИКА С НЕПРОЛЕТАРСКИМИ ТЕЧЕНИЯМИ СОЦИАЛИЗМА (конец 70-х—80-е годы XIX века) 94

1. Участие основоположников марксизма в выработке революционной тактики и политики социалистических партий. Маркс, Энгельс и германская социал-демократия 95

Маркс и Энгельс — идейные руководители международного рабочего движения — 95.

Вопросы тактики германской социал-демократии в условиях «исключительного закона» против социалистов — 96.

Энгельс об участии социалистических партий в избирательных кампаниях и парламентской деятельности — 103.

Дальнейшая разработка Энгельсом теории социалистической революции — 106.

Энгельс — историк германского рабочего движения — 109.

Помощь Энгельса революционному крылу германской социал-демократии в борьбе с реформистскими элементами — 110.

2. Помощь Маркса и Энгельса социалистам Франции, Англии и США в выработке принципов революционной политики 112

Раскол Французской рабочей партии. Энгельс о борьбе двух направлений в рабочем движении. Его роль в преодолении французскими марксистами сектантских ошибок — 112.

Критика Энгельсом сектантской тактики социалистических организаций в Англии — 116.

Энгельс о рабочем и социалистическом движении в США — 118.

3. Полемика Маркса и Энгельса с буржуазными и мелкобуржуазными социалистическими теориями в 70—80-х годах XIX века 120

Немарксистские социалистические теории буржуазных идеологов — 120.

Критика Марксом, Энгельсом и их соратниками взглядов Родбертуса и идеологов «государственного социализма» — 123.

Критика Марксом и Энгельсом теории Генри Джорджа — 126.

4. Советник и учитель социалистов всего мира 127

«И имя его и дело переживут века!» — 127.

Идейный вождь борющегося пролетариата — 129.

Идейно-теоретическое значение писем Энгельса — 132.

Энгельс и социалистическая печать — 135.

Глава четвертая

ОПЫТ СИСТЕМАТИЧЕСКОГО ИЗЛОЖЕНИЯ МАРКСИСТСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ (Философия, политическая экономия, социализм) 138

1. Марксизм и дюрингианство —

Исторические условия создания книги Энгельса «Анти-Дюринг» — 138.

«Реформа социализма» Е. Дюринга — 141.

2. Развитие философии диалектического и исторического материализма 145

О предмете марксистской философии — 145.

Материя и ее атрибуты — 147.

Проблема познаваемости мира — 149.

Теория диалектики и ее общие законы — 152.

Диалектика как метод в ее противоположности метафизике и эклектике — 157.

Субъективная диалектика и формальная логика — 159.

Становление эксплуататорского общества — 163.

Базис и надстройка — 167.

3. Систематизация и дальнейшая разработка политической экономии 175

Предмет политической экономии в широком смысле. Вопросы методологии экономических исследований — 175.

Эволюция товарного производства — 179.

Закономерности и противоречия капитализма — 181.

История политической экономии — 183.

4. Социализм 186

История социалистической мысли — 186.

Объективные предпосылки общества, приходящего на смену капитализму — 189.

Общественная собственность и непосредственно общественная форма производства — 190.

Цель производства и гуманизм — 192.

Распределение — 195.

Становление и развитие коммунистической формации — 196.

«Скачок человечества из царства необходимости в царство свободы» — 199.

Работа Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» — 202.

Глава пятая

МАРКСИСТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ НА ПУТИ К СОЮЗУ С ЕСТЕСТВОЗНАНИЕМ 204

1. Философские идеи основоположников марксизма в контексте развития современного им естествознания —

Наука в переломную эпоху ее развития: объективная необходимость усвоения диалектики — 204.

Труд Ф. Энгельса «Диалектика природы». Его задачи и место в истории марксистской мысли — 207.

2. Диалектика познания природы 211

Философия и конкретные науки: марксистское решение проблемы — 211.

Марксистская концепция истории естествознания — 216.

Уровни знания и способы его получения. Анализ логических форм мышления — 221.

Диалектико-материалистическое истолкование математики — 228.

3. Диалектика развития материи: неорганическая природа 232

Материя и формы ее движения — 232.

Философский анализ атомистики. Представления Энгельса о строении материи — 237.

«Природа движется в вечном круговороте» — 239.

4. Эволюция жизни как диалектический процесс 241

Проблема жизни в работах Энгельса — 241.

Философское осмысление эволюционной теории Дарвина — 246.

5. Трудовая концепция антропосоциогенеза 251

Разработка биологического и социального аспектов проблемы антропосоциогенеза — 251.

Экологические предпосылки антропосоциогенеза — 254.

Гоминидная триада: прямохождение, развитие руки и мозга — 255.

Энгельс о переходных существах и концепция двух скачков — 256.

Труд как воздействие на природу (орудие, охота, огонь) — 258.

Труд как совместная деятельность — 261.

Формирование речевого общения, мышления, сознания — 262.

Проблема взаимодействия общества и природы — 264.

Глава шестая

ДИАЛЕКТИКО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ 270

1. Конкретизация формационного подхода к истории —

Задача пересмотра всемирной истории — 270.

Критерии формационного подхода — 273.

Социальный эволюционизм и исторический материализм — 278.

2. Характеристика первобытной общественно-экономической формации 283

Становление и развитие первобытного строя — 283.

Варварство — эпоха перехода к классам — 286.

Историческая эволюция брачно-семейных отношений — 291.

Предпосылки и стадии генезиса частной собственности — 294.

3. Становление классово-антагонистического общества 299

Сущность и признаки складывавшегося государства — 299.

Противоречивые тенденции генезиса классов — 305.

Первая социальная революция: сущность и формы — 307.

И90 **История** марксизма-ленинизма. Марксизм в период формирования массовых социалистических партий II Интернационала (70—90-е годы XIX в.). Ч. 1/Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Редкол.: С. С. Волк и др.— М.: Политиздат, 1990.— 317 с.
ISBN 5—250—01076—8(ч. I)

Во второй книге серии «История марксизма-ленинизма» (первая книга вышла в 1986 году) рассматривается диалектика развития марксизма в последние три десятилетия XIX века в тесной связи с образованием массовых рабочих социалистических партий II Интернационала.

В книге анализируются такие классические произведения марксизма, как «Критика Готской программы» Маркса, «Анти-Дюринг» и «Диалектика природы» Энгельса и др. Рассматривается дальнейшая разработка диалектического и исторического материализма, теории социализма, марксистской концепции революционного процесса. Специальные главы посвящены марксистской политической экономии (II и III тома «Капитала»), а также взглядам основоположников марксизма на особенности и перспективы российского общества. Значительное место в томе уделяется теоретической деятельности соратников и учеников Маркса и Энгельса — Бебеля, Каутского, Лафарга, Либкнехта, Лабриолы, Меринга, Плеханова, Благоева и др. Развитие марксизма представлено в книге как процесс его непрерывного творческого обновления, включающего в себя и критический пересмотр теоретических результатов, достигнутых марксистской мыслью на том или ином этапе ее истории.

И $\frac{0104000000-042}{079(02)-90}$ 63—89

ББК 1 г

ИСТОРИЯ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Марксизм в период
формирования массовых
социалистических партий
II Интернационала.
70—90-е годы XIX века

Общую редакционно-техническую
подготовку рукописи книги осуществили
Г. И. Булычева, А. И. Козырь,
А. В. Коновалов, В. Н. Крючков, А. Г. Мурьянов,
В. У. Раджапов, А. В. Трофимов

при участии М. Д. Деноак, Г. А. Ивановой, А. Ю. Киреева,
Р. М. Масловой, Т. И. Молчановой, О. М. Оводовой,
А. А. Позднякова, М. Ю. Прозуменщикова

Художник *Г. В. Колоскова*

Художественный редактор *О. Н. Зайцева*

Технический редактор *Н. К. Капустина*

ИБ № 7445

Сдано в набор 20.07.89. Подписано в печать 20.02.90. А 00034. Формат 60×90$^{1}/_{16}$. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать офсетная. Усл. печ. л. 20. Усл. кр.-отт. 20. Уч.-изд. л. 22,54. Тираж 20 тыс. экз. Заказ № 4969. Цена 1 р. 70 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.